АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Türkiye Diyanet Vakfı
Kütüphane
İslâm Araştırmaları Merkezi

А. М. ЩЕРБАК

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(Наречие, служебные части речи, изобразительные слова)

Ответственный редактор
Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Книга содержит сравнительный анализ материалов древних и современных тюркских языков, позволяющий проследить в них пути и способы образования наречий и служебных слов (послелогов, частиц, союзов). Специальный раздел посвящен изобразительным словам: общей характеристике, определению их роли и места в языке, описанию структуры.

Издание предназначено для широкого круга специалистов по тюркским языкам.

Рецензенты
А. А. ЮЛДАШЕВ, Д. М. НАСИЛОВ

Ташкент Филиал Ин-та языкознания
Рецензент

Щ 4602000000-758 / 042(02)-87 -335-87-II

© Издательство «Наука», 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — очередной том начатой в шестидесятые годы сравнительной грамматики тюркских языков.[1]

В ходе работы над книгой применялись приемы традиционной компаративистики (сравнение, реконструкция, прослеживание эволюции восстанавливаемых праформ вплоть до современного состояния тюркских языков) и приемы типологического исследования. Однако характер описываемого и исследуемого материала — наречия, служебные слова, изобразительная лексика — не мог не сказаться на способах и размерах применения указанных приемов.

Многие наречия, модальные слова, послелоги, частицы, союзы появились сравнительно поздно, их внешняя форма отразила различные этапы развития имени и глагола, а содержательная сторона явилась результатом длительного процесса преобразования семантики самостоятельных слов в направлении, обеспечивающем вспомогательное или служебное использование. Поэтому сравнение наречий и служебных слов само по себе не дает надежных конечных реконструкций: восстанавливаются или, лучше сказать, опознаются те именные и глагольные формы, которые в разной степени утратили самостоятельность и подверглись обособлению. Сравнение наречий и служебных слов не предполагает также реконструкции общетюркских наречных и служебных праформ, оно лишь способствует проверке и уточнению восстанавливаемых праформ имени и глагола. Менее всего приемы традиционной компаративистики подходят для исследования изобразительной лексики. Сходства в пределах изобразительных слов обусловлены не столько факторами исторического развития — наличием единого для определенной группы языков источника и его дроблением, сколько природой этих слов: звуковым символизмом, принципом непроизвольности, лежащим в основе их возникновения. Естественное следствие такой природы — существование совпадений и сходств, обнаруживаемых вне границ генеалогических подразделений.

Есть некоторое своеобразие и в применении приемов типологического исследования. Учитываются в основном принципиально важные моменты формирования и развития служебных слов, являющиеся в известном смысле универсальными.

Несколько слов о правомерности сравнительного исследования тюркских языков традиционными приемами и в традиционном составе. Необходимость обсуждения этого вопроса вызвана тем, что в тюркологической литературе нередко указывается на непригодность или недостаточность для исследования тюркских языков традиционной компаративистической методики. Кроме того, ставится под сомнение возможность успешного создания тюркской сравнительно-исторической грамматики на основе материалов тюркской языковой семьи.

«Известные методы сравнительно-исторических исследований, — пишет А. Н. Кононов, — не могут быть достаточно эффективно применены к тюрк-

[1] См.: *Щербак А. М.* 1) Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; 2) Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977; 3) Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.

ским языкам».[2] Основным препятствием здесь, по мнению А. Н. Кононова, является исключительная структурная близость тюркских языков. Для эффективного применения сравнительного метода его необходимо дополнить и расширить «с учетом специфики исторического формирования и развития тюркских языков».[3]

Действительно, тюркские языки структурно близки, и не только структурно. Совпадает значительная часть лексического состава, одинаков почти весь инвентарь морфологических средств, наблюдаются одни и те же структурно-фонетические явления. Однако исключительную близость тюркских языков между собой нельзя считать признаком особого происхождения тюркской языковой общности. Выделение таковой основывается не на подсчетах числа лексических, морфологических и прочих параллелей, а на допущении существования единого для тюркских языков источника — тюркского праязыка. Именно этим и только этим обусловлено использование сравнительного метода, все недостатки которого, часто перечисляемые в специальных работах, приблизительно в равной мере проявляются при исследовании как тюркских, так и индоевропейских и других языков. Другая методика неизбежно должна быть связана с иным пониманием природы языковых сходств или же с изучением сходств, имеющих иные причины: типологические схождения, длительное взаимодействие. Своеобразие тюркских языков, как и любых других, предопределено уникальностью, неповторимостью всего комплекса конкретно-исторических условий развития каждого из них, а близость друг к другу — поздним распадом тюркской языковой общности и, отчасти, относительной устойчивостью лексики и грамматики.

Правомерность создания сравнительной грамматики тюркских языков на основе сравнительного исследования тюркских материалов была поставлена под сомнение А. Н. Кононовым, писавшим в 1967 г., что, основываясь только на этих материалах (данные памятников, диалектов, современных литературных языков), «невозможно воссоздать тюркскую праязыковую схему даже как первичную рабочую гипотезу».[4] Выход из положения А. Н. Кононов видит в привлечении материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, содержащих значительное число разного рода параллелей с тюркскими языками и объединяемых с ними в так называемую алтайскую семью. И хотя, подчеркивает он, до сих пор не ясно и, скорее всего, никогда не будет известно, восходят ли общие элементы тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков «к языку-основе или они возникли в результате многовекового тесного взаимодействия носителей этих языков», все равно лишь исходя из «алтайских» материалов можно «приблизительно реконструировать фонетический и морфологический строй каждого из членов этой большой семьи».[5]

Ниже мы сделаем несколько общих замечаний, чтобы устранить недоразумения, затрудняющие понимание нашей позиции.

Наличие в разных языках небольшого или большого количества лексических, морфологических и других параллелей заслуживает серьезного внимания и в какой-то мере является предпосылкой для сравнительного исследования, однако не следует забывать, что оно обусловлено не только генетическими связями языков. Тесные и продолжительные контакты тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — общепризнанный факт. Уже одно то обстоятельство, что носители этих языков на протяжении тысячелетий располагались на смежных территориях, побуждает считать важнейшей и первостепенной задачей выделение параллелей, появившихся в результате взаимных влияний. Заимствования относятся к различным периодам времени, отражают разный уровень развития форм и звуков и поэтому представляют собой вспомогательный источник сравнительной грамматики. В этом смысле материалы монгольских, тунгусо-маньчжурских, иранских и других языков безусловно должны учитываться в определенных случаях. Иначе обстоит дело с учетом их в целом «для восстановления тюркской праязыковой схемы». Сплошные алтаистические реконструкции методически допустимы лишь при условии признания генетического родства названных языков. Для тюрколога, отрицающего генетическое родство или считающего его маловероятным, восстановление тюркских праформ исходя из «алтайских» материалов равносильно игнорированию существа и специфики сравнительного метода. Напротив, тюрколог, признающий генетические связи тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, вправе реконструировать тюркское праязыковое состояние на «алтайской» основе. Конечно, судить о подобном эксперименте можно только по его результатам. Попытки же предвосхитить результаты и в самой общей форме дать им оценку кажутся по меньшей мере некорректными. Общеизвестно, что за все время своего существования алтайская гипотеза не стала инструментом научного анализа тюркской фонетики и морфологии и не оказала сколько-нибудь заметного воздействия на разработку истории отдельных языков. Нельзя назвать ни одного даже частного вопроса тюркологии, который был бы решен исходя из «алтайских» материалов.

Говоря о правомерности и целесообразности сравнительного исследования тюркских языков традиционными приемами и в традиционном составе, следует также напомнить, что еще П. М. Мелиоранский и О. Бётлингк сформулировали и обосновали точку зрения, согласно которой окончательный ответ на вопрос о природе «алтайских» параллелей и расширении сферы применения сравнительного метода возможен лишь после всестороннего исследования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в отдельности. Автор настоящей книги полностью разделяет точку зрения П. М. Мелиоранского и О. Бётлингка и считает, что время, отделяющее нас от того и другого, нисколько не снизило ее научную ценность.

* * *

Источниками для «Очерков по сравнительной морфологии» послужили издания текстов,[6] художественные произведения на азербайджанском, башкирском, гагаузском, киргизском, турецком и других языках, словари разных типов, описания диалектов и грамматические очерки. Иллюстративный материал почерпнут из фольклорных текстов, художественных произведений и словарей. Отдельные примеры взяты из специальных работ и грамматик Н. А. Баскакова, Р. М. Бирюкович, Н. К. Дмитриева, Г. И. Донидзе, Н. П. Дыренковой, Ф. Г. Исхакова, А. А. Пальмбаха, К. М. Мусаева, Л. А. Покровской, В. И. Рассадина, Т. М. Тощаковой, Л. Н. Харитонова.

В книге учтены результаты исследований наречия, модальных, служебных и изобразительных слов, которые проводились на материале конкретных тюркских языков.

Транскрипция не отличается от использованной нами в предыдущих книгах.

Библиографические сведения даны в сносках и охватывают почти всю литературу, имеющую прямое отношение к теме: монографии, статьи, авторефераты и рецензии, опубликованные до 1980 г. Для удобства пользования библиографическими сведениями книга снабжена именным указателем.

К книге приложены также указатели служебных слов: послелогов, частиц и союзов.

Автор приносит глубокую благодарность тюркологам, принимавшим участие в обсуждении монографии и способствовавшим устранению недостатков. Автор благодарит Н. Н. Корнилович за большую помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

---

[2] *Кононов А. Н.* Современное тюркское языкознание в СССР: Итоги и проблемы — ВЯ, 1977, № 3, с. 18.

[3] Там же, с. 18.

[4] *Кононов А. Н.* Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 22. Аналогичные высказывания приводятся в других обзорных работах А. Н. Кононова. См., например: *Кононов А. Н.* Современное тюркское языкознание в СССР: Итоги и проблемы. — ВЯ, 1977, № 3, с. 23—24.

[5] Там же, с. 22.

[6] См.: Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым. СПб., 1904; *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. — Prace Komisji Orjentalistycznej Polskiej Akademji Umiejętności, Nr. 11. Kraków, 1929; *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М., Л., 1940; *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963; Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.

СОКРАЩЕНИЯ

Издания текстов, грамматик, словарей

КТ, Тон. — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).

ЛОК — *Щербак А. М.* Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме. М., 1959.

Cod. Cum. — Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. Copenhague, 1936.

KP — *Pelliot P.* La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāpaṃkara. — T'oung Pao, Leide, 1914, XV, p. 225—272.

Man. — *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho. — APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin. 1911 (I), 1919 (II), 1922 (III).

MK — T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III).

QB — Kutadgu bilig tıpkıbasım. İstanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshası — N), 1943 (III, Mısır nüshası — K); Kutadgu bilig, I. Metin. İstanbul, 1947; Kutadgu bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959.

Rach. — *Rachmati G. R.* Zur Heilkunde der Uiguren (I) — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1930, XXIV, S. 451—473; II — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1932, XXII, S. 401—448.

Suv. — Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. — Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII).

ThS — Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tunhuang. Published and translated by V. Thomsen. — Journal of the Royal Asiatic Society, London, 1912, January, p. 181—227.

TT — *Bang W.* und *von Gabain A.* Türkische Turfan-Texte, I. — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1929, XV; II — SPAW, 1929, XXII; III — SPAW, 1930, XII; IV — SPAW, 1930, XXIV; V — SPAW, 1931, XIV; *Bang W.*, *von Gabain A.* und *Rachmati G. R.* Türkische Turfan-Texte, VI — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1934, VIII—X; *Rachmati G. R.* Türkische Turfan-Texte, VII — SPAW, Berlin, 1937, Nr. 12.

Uig. — *Müller F. W. K.* Uigurica, I — APAW, phil.-hist. Classe, Berlin, 1908, Abh. II; II — APAW, Berlin, 1910, Abh. III; III — APAW, Berlin, 1920, Nr. 2; IV — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1931, XXIV (herausgegeben von A. von Gabain).

USp — *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928. (Изд. С. Е. Малов).

XX — *Arat R. R.* Edib Ahmed b. Mahmud Jükneki: Atebetü' l-hakayık. İstanbul, 1951 (A, B, C — разные списки).

Периодические издания и сборники

БД — Башкирская диалектология, Уфа, 1963.

БДС — Башкирский диалектологический сборник, Уфа, 1959.

ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку—Казань.

ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, Москва, 1956 (II), 1961 (III).

МТД — Материалы по татарской диалектологии, Казань, 1974 (III).

СТ — Советская тюркология, Баку.

ЎТА (М) — Ўзбек тили ва адабиёти (масалалари), Тошкент.

APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.

DTCFD — Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi.

JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki.

KCsA — Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.

SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.

StO — Studia Orientalia, Helsinki.

TD — Türk Dili, Ankara.

TDAY — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara.

UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.

UJb — Ungarische Jahrbücher, Berlin; Leipzig.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

Названия языков, диалектов, говоров

а.	— арабский.	сагай.	— сагайский.
азерб.	— азербайджанский.	салар.	— саларский.
алт.	— алтайский.	ст.-азерб.	— староазербайджанский.
балк.	— балкарский.	ст.-кыпч.	— старокыпчакский.
башк.	— башкирский.	ст.-огуз.	— староогузский.
гаг.	— гагаузский.	ст.-тур.	— старотурецкий.
др.-тюрк.	— древнетюркский.	ст.-туркм.	— старотуркменский.
ж.-уйг.	— желтоуйгурский.	ст.-узб.	— староузбекский.
казах.	— казахский.	тат.	— татарский.
кар.	— караимский.	тофал.	— тофаларский.
карач.-балк.	— карачаево-балкарский.	тув.	— тувинский.
качин.	— качинский.	тур.	— турецкий.
кирг.	— киргизский.	туркм.	— туркменский.
к.-калп.	— каракалпакский.	хак.	— хакасский.
крым.-тат.	— крымскотатарский.	халадж.	— халаджский.
кум.	— кумыкский.	узб.	— узбекский.
кызыл.	— кызыльский.	уйг.	— уйгурский.
монг.	— монгольский.	чуваш.	— чувашский.
ног.	— ногайский.	чулым.	— чулымский.
п.	— персидский.	шор.	— шорский.
русск.	— русский.	якут.	— якутский.

Наименования научных учреждений

АН — Академия наук.

ГПИ — Государственный педагогический институт.

ИИЛЯ — Институт истории, литературы и языка.

ИЛЯ — Институт литературы и языка.

ИНА — Институт народов Азии.

ИРЯ — Институт русского языка.

ИЯ — Институт языкознания.

ИЯЛ — Институт языка и литературы.

НИИ — Научно-исследовательский институт.

НИИИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

НИИЭИЯЛ — Научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы.

НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.

ОЛЯ — Отделение литературы и языка.

Прочие сокращения

АДД — автореферат докторской диссертации.

АКД — автореферат кандидатской диссертации.

афф. — аффикс.

диал. — диалектный.

Зап. — Записки.

Изв. — Известия.

лит. — литературный.

сб. — сборник.

Тр. — Труды.

Уч. зап. — Ученые записки.

Abh. — Abhandlungen.

Ergsbd. — Ergänzungsband.

NF — Neue Folge.

ВВЕДЕНИЕ

Наречие и служебные части речи объединены нами как грамматические классы, оставшиеся не описанными в предыдущих монографиях. Вместе с тем для описания и исследования их в одной книге есть и иное, принципиальное, основание, заключающееся в сходстве грамматической структуры и некоторой близости функционального содержания: как наречие, так и служебные части речи неизменяемы, входящие в их состав морфологические элементы не являются структурными единицами с точки зрения нынешнего состояния языка; наречие и служебные части речи выполняют функции вспомогательных слов, хотя в одном случае мы имеем дело со знаменательными словами (наречие), а в другом — со словами, не выражающими самостоятельных лексических значений (послелоги, частицы, союзы). Ближе всего к наречию — послелоги, которые в наибольшей мере сохраняют связь с именем и глаголом и не всегда утрачивают полностью исходные лексические значения. Наречие и служебные части речи сближаются также своим происхождением: и те и другие восходят к различным формам имени и глагола и изучение их в сравнительно-историческом плане в определенной мере сводится к отысканию соответствующих именных и глагольных прототипов.

В целом описание и исследование наречия и служебных частей речи открывает дополнительные возможности для уточнения состава грамматических форм в праязыке.

Будучи знаменательной частью речи, наречие лишено собственных форм изменения и словообразования и тем не менее в наречии в обособленном, застывшем виде выступает почти вся морфология языка: многочисленные аффиксы имени и глагола, словоизменительные и словообразовательные, широко употребительные в современных тюркских языках, малопродуктивные или вовсе вышедшие из употребления. Поскольку процесс образования наречий имеет большую историческую глубину, в нем «откладывались» морфологические средства разных временных срезов и даже разного происхождения, происходило наложение одной формы на другую, иногда в необычной последовательности, легко объяснимой с учетом постепенной лексикализации аффиксальных морфем. В процесс образования наречий были вовлечены и сочетания слов: определительные, изафетные, так называемый перевернутый изафет. Особое место занимают подвергшиеся адвербиализации устойчивые словосочетания. В пределах наречия прослеживаются все виды парных слов и повторов, вносящие определенные стилистические оттенки и используемые для выражения степени насыщенности признака.

В работе выделены также модальные слова, являющиеся в формальном отношении разрядом наречий, а функционально обнаруживающие близость к служебным словам. Появление модальных слов относится к позднему времени, значительную часть их составляют заимствования, что существенно ограничивает возможности использования их как источника для выделения архаических форм. Вопрос о предикативах пока не получил окончательного решения. Для сравнительного исследования тюркских языков он не является принципиально значимым, и слова, относимые к категории предикативов, рассматриваются в приложении к разделу о модальных словах.

Большой интерес как с точки зрения учета использовавшихся в разное время морфологических средств, так и в плане выяснения особенностей исторического развития представляют служебные слова: послелоги, частицы, союзы.

Изучение тюркских послелогов наряду с решением собственных задач исторического изучения тюркских языков служит общелингвистическим целям. Занимая промежуточное положение между знаменательными словами и морфологическими элементами, послелоги оказываются своеобразным «перевалочным пунктом» на пути к преобразованию знаменательных слов в аффиксальные морфемы. Из этого не следует, что они не устойчивы как разряд служебных слов и непременно переходят в конечном итоге в разряд аффиксов. Послелоги постоянно пополняются в основном за счет обособления падежных форм имени и деепричастий. При этом параллельно могут функционировать два варианта слова, знаменательный и служебный, изредка — три. Третий вариант может быть назван таковым лишь условно, так как является не словом, а преобразованной разновидностью слова, морфологическим элементом. Пример трехвариантной языковой единицы — *сарї* ~ *сарі* в хакасском языке: *сарї* — знаменательное слово («сторона»), *сарї* ~ *сарі* — послелог, выражающий направление («к, в сторону»), *-сарї* ~ *-сар* ~ *-са* — аффикс направительного падежа. Бóльшая часть послелогов сохраняет на протяжении длительного времени грамматический статус служебных слов и не подвергается дальнейшей грамматикализации. Таким образом, послелоги — источник пополнения тюркских языков морфологическими показателями, но используется этот источник только эпизодически.

Частицы в меньшей мере, чем послелоги, связаны со знаменательными словами, и их происхождение не всегда удается установить даже в ходе специальных этимологических исследований, хотя едва ли есть какие-нибудь основания сомневаться в том, что и они восходят к имени и глаголу.

Союзы привлекают к себе внимание в первую очередь как разряд служебных слов, не являющийся типичным для строя тюркских языков. Каковы основные отличительные признаки синтаксической структуры тюркских языков, в чем заключается процесс ее исторического развития и совершенствования, как появились союзы и каким путем осуществлялся ввод их в структуру синтаксических единиц — вот круг вопросов, подлежащих тщательному изучению в соответствующем разделе. Предстоит также ответить на вопрос о причинах совмещения у одних и тех же единиц функций союзов и частиц: акцентирующих, вопросительных и других.

Совершенно особое положение занимают образные, или изобразительные, слова, вокативные слова и междометия, хотя и они противопоставляются имени и глаголу отсутствием форм словоизменения. Разумеется, ни о какой грамматической классификации их не может быть и речи. Примечательной чертой данной группы, которую мы называем изобразительно-экспрессивными словами, является близость к именам: они присоединяют к себе аффиксы отыменного образования глаголов и выступают в сочетании со вспомогательными глаголами *әт-*, *кӱл-*, *ур-* и *бол-*. Обособленность изобразительно-экспрессивных слов — в их необычном содержании и, отчасти, в их структуре, специфические особенности которой проявляются главным образом у звукоподражаний. Последние часто состоят из двух компонентов, т. е. функционируют в виде редуплицированных сочетаний.

НАРЕЧИЕ

Наречие — неизменяемая часть речи, противопоставляемая имени и глаголу отсутствием собственных форм словоизменения: имя и глагол характеризуются наличием особых, выделяющих их, морфологических показателей, наречие же может иметь любую словоизменительную форму, причем эта форма, будучи застывшей, неподвижной, не выражает тех значений, которые присущи ей в силу вхождения в парадигму того или иного грамматического класса.[1] В связи с этим заслуживает внимания встречающееся в описательных грамматиках тюркских языков деление наречий на непроизводные и производные, образуемые от имен и глаголов при помощи «живых» [2] или специфических наречных аффиксов. «Живыми» наречные аффиксы могут быть квалифицированы лишь в том смысле, что, являясь падежными или деепричастными аффиксами по происхождению, они широко используются в пределах современного состояния языка как морфологические показатели изменяемых частей речи. Существование специфических наречных словообразовательных аффиксов [3] является иллюзией: на определенном этапе развития языка некоторые словоизменительные формы, подвергаясь обособлению и полностью утрачивая свои первоначальные функции, оказываются представленными только у наречия, что и создает видимость использования специальных наречных аффиксов.

Едва ли что-нибудь меняет в характеристике наречия и такое обстоятельство, как возможность образования форм, выражающих уменьшительность-ласкательность, неполноту признака, редупликативных и образованных по моделям свободных синтаксических сочетаний форм интенсива, например: азерб. *індіјä* ‘только что’, *даһа ашаҕы* ‘ниже’, *тəз тəз* ‘часто’, ‘почаще’, *доғрудан доғруја* ‘совершенно прямо’; башк. *бајарак* ‘раньше’, *бигӗрәк* ‘слишком, чересчур’, *кап-капҡл* ‘совершенно внезапно’, *ир-иртә* ‘очень рано’, *көпә-көндөз* ‘средь бела дня’; гаг. *шіндіјік* ‘теперь вот’, ‘в этот самый момент’, *чабуҗак* ‘очень быстро, вмиг’, *азар-азар* ‘мало-помалу, понемногу’; казах., ног., уйг. *кајта-кајта* ‘снова и снова’, ‘повторно’; казах. *әрең-әрең* ‘едва-едва’; кар. *аррак* ‘дальше’, *ашаҕаррах* ‘пониже’, *бурунрак* ‘раньше’, *кәп-кәнәтә* ‘неожиданно’, ‘внезапно’, *апансіздан* (*ап-ансіз-дан*) ‘внезапно’; карач.-балк. *алҕарак* ‘немного вперед’, *бӥлајірак* ‘примерно вот так’ (*бӥлај* ‘вот так’), *бəрірəк* ‘поближе’, *артдарак* ‘немного позади’, *артхарак* ‘немного назад’, *кəчірəк* ‘попозже’;[4] кирг. *арӥрāк* ‘подальше’, *кіјінірəк* ‘попозже’; ног. *соңҗрак* ‘попозже’, *артҗҗрак* ‘побольше’; тат. *бөрҗн-бөрҗн* ‘давным-давно’, *баштарак* ‘раньше’; тур. *дəмінҗəк* ‘только что’, *орағіkma* ‘вот там’, ‘поблизости’, *чап-чабук*, *чабуҗак* ‘очень быстро’, ‘вмиг’, *даһа сонра* ‘позже’, ‘далее’; узб. *бэшкачарэк* ‘немного иначе’, *кэјінрэк* ‘попозже’, *бэрірэкка* ‘сюда поближе’, *нарірэкда* ‘там подальше’, *әң элдін* ‘прежде всего’; уйг. *бурунірак* ‘пораньше’, *күп-күндүзі* ‘как раз днем’. Способ образования приведенных форм и используемые при этом морфологические элементы в известном смысле универсальны. Само собой разумеется, что универсальными являются и частицы, в присоединении которых к наречиям нет никаких ограничений, ср.: казах. *баҕана* (*баја-ҕана*) ‘давеча’; кар. *азҕӥнак* (*аз-ҕӥна-ок*) ‘немножко’, *алајок* ‘так, именно так’; тат. *баја ук* ‘порядочно, давно’, *баја ҕҗна* ‘недавно’, ‘только что’, *іртүк* (*іртә-үк*) ‘раненько, спозаранку’; узб. *шу эндајок* (*шу-эндa-ок*) ‘в тот же момент’, *һэзірданок* (*һэзірдан-ок*) ‘уже сейчас же’, *һэзіргіна*, *әндігіна* ‘только что’, ‘только теперь’, *кајəргадір* (*кајəргадір*) ‘куда-то’, *аллакачэн* ‘когда-то’, *аллакачэнлардан* ‘с давних пор’; уйг. *назірҕіна* ‘только что’; хак. *салаҕӥна* ‘чуть-чуть’; шор. *амок* (*ам-ок*) ‘теперь же’, *пазок* (*паза-ок*) ‘опять, снова’, *мӥндок* (*мӥнда-ок*) ‘здесь же’.

Не имеет также решающего значения в смысле обоснования тезиса о «необычности» тюркских наречий то, что в составе их могут быть показатели принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лица, ср.: казах., ног. *шалкамнан*, узб. *чалкамча* ‘навзничь’ (1-е л. ед. ч.), казах. *шалқаңнан* ‘навзничь’ (2-е л. ед. ч.), казах. *шалқасӥнан*,[5] ног. *шалқасӥннан*, узб. *чалкасіға*, *чалкасіча* ‘навзничь’ (3-е л. ед. ч.); казах. *көзӥмшә* ‘на моих глазах’, *көзӥңшә* ‘на твоих глазах’, *көзӥңізшә* ‘на ваших глазах’, *көздәрӥншә* ‘на их глазах’.[6] Адвербиализации подвергаются любые «живые» формы, и нет ничего необычного в том, что иногда совокупность их образует своего рода наречные парадигмы, падежную или лично-притяжательную, ср.: тат. *бӥрвакӥт*, *бӥрвакӥтнӥ*, *бӥр вакӥтта* ‘когда-то’, ‘однажды’, *бӥр вакӥттан* ‘с некоторых пор’.

То же самое можно сказать о частных случаях присоединения к наречиям словоизменительных аффиксов в их переосмысленных или собственных значениях и об использовании наречий в качестве производящих основ, ср.: алт. *әмдігі* ‘теперешний’ (*әмді* ‘теперь’), *озоҕі* ‘прежний’ (*озо* ‘прежде, раньше’); тур. *дүнүмүз бугүнүмүз јарынымыз* ‘наше вчера, сегодня, завтра’ (*дүн* ‘вчера’, *бугүн* ‘сегодня’, *јарын* ‘завтра’),[7] *јарынӥ бəкlə* ‘жди завтрашний день’, *җумһуријәт өнҗəсі вə сонрасӥ дөнəмlərdə* ‘в периоды до и после республики’ (*өнҗə* ‘раньше, прежде’, *сонра* ‘потом, после’); узб. *әртадан кэчгача*, уйг. *ätідін кächічä* ‘спозаранку до поздна’; чуваш. *каз'аллаба* ‘под вечер’.

Обособление именных и глагольных форм и переход их в разряд наречия происходит медленно. В этом процессе фиксируются не только начальная ступень и окончательный отрыв формы от своего парадигматического ряда, но и промежуточные этапы, характеризуемые сохранением у наречий определенных именных и глагольных признаков. На промежуточных этапах, при очевидном омертвении продуктивного образования, факультативно проявляются его обычные функции. Поэтому возникают трудности, когда приходится иметь дело с определением грамматической сущности подобных форм.

Нельзя также забывать, что границы между частями речи в тюркских языках недостаточно четкие и устойчивые. Это связано с незаконченностью процесса формирования грамматических классов и разрядов, с такой степенью образования отличительных признаков, о которой можно сказать, что «части речи еще не вполне стали на свои места». Встречаются формы, отнесение которых к наречию вызывает споры, ср.: гаг., тур. *бурасї* ‘здесь’, ‘это место’, ‘нечто, находящееся здесь’, *орасї* ‘там’, ‘то место’, ‘нечто находящееся там’, *нəрəсі* ‘где?’ [8] Нередко дает знать о себе так называемый изначальный синкре-

---

[1] См.: Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975, б. 528.

[2] См.: *Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, с. 5.

[3] См.: *Фузаилов С.* 1) О наречии в современном узбекском языке. — Тр. Среднеазиатского гос. ун-та. Нов. сер., XXIX, филол. науки, 1952, 1, с. 20; 2) Наречие в современном узбекском языке. АКД. М., 1953, с. 3; *Давлетов С. А.* Наречие в современном киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1956, с. 8—9; *Саруева М. Ф.* Наречие в ногайском языке. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИ. (Филол. сер.). Черкесск, 1959, III, с. 29; *Джамалдинов О.* Наречие в современном уйгурском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 6; *Абсалямов З. З.* Наречие в современном башкирском языке. АКД. М., 1974, с. 9.

[4] См.: *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение: (Опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1977, с. 28.

[5] См.: *Искаков А.* [*И.*] Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950, с. 50, 70.

[6] Там же, с. 97.

[7] См.: *Гулиев А. Г.* Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках: (На материале огузской группы тюркских языков). — СТ, 1981, № 2, с. 66.

[8] *Дмитриев Н. К.* Наречия места в турецком языке. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 159 сл. Ср.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 255, 262.

тизм,[9] проявляющийся в возможности обстоятельственного использования существительного и прилагательного или в возможности функционирования существительного в качестве определения, ср.: азерб. *сәһәр* 'утро', 'утром', *ахшам* 'вечер', 'вечером'; алт. *кӱч* 'сила', 'сильно';[10] таг. *јіраг* 'даль', 'далекий', 'далеко'; кар. *кәч*, ног. *кәш* 'вечер', 'поздно'; крым.-тат. *соң* 'конец', 'после, затем'; тув. *сӧк* 'холод', 'холодный', 'холодно', *чӥлігъ* 'тепло', 'теплый', 'тепло', *ізіг* 'жара', 'жаркий', 'жарко'.[11] Это, однако, не приводит к возникновению проблемы «синтаксических наречий»,[12] так как в основе распределения слов по грамматическим классам лежат не синтаксические функции, а морфологические признаки.

Своеобразие наречия как части речи предопределяет особый подход к его исследованию и описанию, который чаще всего заключается: 1) в распределении наречий по группам в зависимости от их морфологической природы, например: а) первообразные наречия; б) производные наречия; [13] или: а) наречия с формальными показателями (адвербиальными аффиксами); б) наречия, изолированные в морфологическом отношении; в) наречия, изолированные в семантическом и лексическом отношениях; [14] 2) в установлении ряда семантических типов, ср.: наречия качественные, количественные, образа действия, времени, места, положения в пространстве и т. д. Несмотря на свою некоторую непоследовательность, указанный подход в полной мере соответствует целям и задачам описательной грамматики. Отчасти он отвечает и задачам сравнительно-исторического исследования, основным объектом которого является морфологическая природа наречия: характер этимологически выделяемых структурных элементов и их происхождение. Хотя наречие — неизменяемая часть речи, оно, подобно имени и глаголу, состоит из корневой и аффиксальных морфем. Только последние, в отличие от морфем имени и глагола, утратили продуктивность и вообще функциональную определенность. По образному выражению одного из тюркологов, наречие представляет собой «склад» форм, и как раз эта его сторона, на наш взгляд, образует поле сравнительно-исторических разысканий.

Итак, для компаративиста исследование наречия прежде всего и главным образом — выделение форм, подвергшихся адвербиализации. Выделение и анализ омертвевших аффиксов расширяет возможности изучения древнего состояния тюркских языков и способствует уточнению пратюркских реконструкций. Поскольку наречие включает в себя почти все или абсолютное большинство словоизменительных аффиксов имени и глагола, в нем сохраняются следы древних морфологических процессов и самого хода формирования грамматических классов. «Для тюркских языков, — писал по этому поводу Н. К. Дмитриев, — [наречие] это тот фокус, в котором скрещиваются различные проекции имен... и глагола и отчетливая характеристика которого неминуемо должна пролить свет на всю проблему о частях речи».[15]

Поскольку «становление» наречий происходило и в довольно раннее время, в праязыке, и в относительно поздний период, в условиях раздельного существования тюркских языков, состав их отчасти совпадает и вместе с тем налицо некоторые различия. Все же совпадения преобладают, и наблюдаются они не только в самом составе наречий, но и в отборе форм, расположенность которых к адвербиализации носит характер общей тенденции, ср.: башк. *көрөлај*, тат. *көрӗлај* 'всухую, всухомятку', хак. *хуруға* 'всухую'; башк. *тӥрӥлә̆j*, кар. *тірілəj*, хак. *тӥрігə* 'живьем, заживо'; ног. *оңға*, тофал. *оңғарї* 'направо'; азерб. *ічәрі*, др.-тюрк. *ічкärü*, хак. *ĭстĭнзəр*, *ĭстĭнə* 'внутрь'.

Мы подразделяем наречия на две группы: именные наречия и глагольные. Кроме того, выделено несколько групп сложных наречий.

Почти все глагольные наречия восходят к деепричастиям, и, так как деепричастия развились из имен действия, не лишенных соответствующих форм словоизменения, они могут присоединять к себе падежные аффиксы, ср.: алт. *озодо* 'раньше' (местн. пад.), *әбірәдә* 'вокруг, кругом' (местн. пад.); башк. *кайтанан*, казах., тат., узб. *кайтадан*, казах. *кайĭрадан*, ног. *кайтарадан*, уйг. *кайтідін* 'снова, повторно' (исх. пад.); алт. *арајдаң* 'потихоньку, едва-едва' (исх. пад.). Поэтому падежные формы имен действия иногда включаются в иллюстративный материал раздела, посвященного именным наречиям.

ИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Именные наречия — обособившиеся падежные формы единственного и множественного числа, с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него. В эту группу входит и форма именительного падежа, или исходная форма, совмещающая функции всех членов предложения: подлежащего, определения, дополнения, обстоятельства. Здесь следует заметить, что исходная форма рассматривается нами как наречие лишь в тех случаях, когда обстоятельственная функция является у нее единственной или преобладающей.

Из падежных форм больше других расположены к переходу в разряд наречия формы дательного, местного, исходного и творительного падежей, первичная функция которых, согласно концепции Е. Куриловича,[16] — не синтаксическая, а семантическая (адвербиальная). Названные падежи входят в падежную парадигму в аспекте их вторичной функции, первичная же их функция такова, что они образуют в пределах падежной парадигмы систему адвербиальных дериватов. Например, алт. *ӥрākka*, карач.-балк. *узакға* 'вдаль', ног. *өмĭрлĭккə* 'навечно', тур. *бір јərdə* 'где-то', 'в одном месте', узб. *јəzda* 'летом', уйг. *авалдін* 'сначала', 'раньше' не без оснований отнесены к наречиям, тем не менее едва ли было бы оправдано категорическое заключение о невозможности интерпретации их как форм дательного, местного и исходного падежей от *ӥрāk*, *узак* 'далекий', *өмĭрлĭк* 'вечность', 'вечный', *бір јər* 'какое-то место', *јəз* 'лето', *авал* 'первый, начальный'. Расположена к адвербиализации и форма сравнительно-ограничительного падежа на *-ча* ~ *-ја*..., сохраняющая признаки послеложного сочетания.

Ниже следует описание именных наречий, сначала простых, затем сложных, причем простые наречия рассматриваются в порядке, устанавливаемом исходя из морфологической природы их прототипов. С учетом исторической направленности исследования к сложным отнесены и те наречия, которые в современных тюркских языках воспринимаются как простые, «первообразные», но вместе с тем обнаруживают следы происхождения из словосочетаний.

Примечательная черта именных наречий — их многоступенчатость, свидетельствующая не о возможности наречного словоизменения, а о продуктивности некоторых типов сочетаний двух, трех и даже большего количества аффиксов. Причиной многоступенчатости нередко является лексикализация падежных форм. Примеры: др.-тюрк. *ташқарун* 'вне, за пределами' (ЛОК 33_8); азерб. *әввәллər*, *әввәлләрдә* 'раньше, прежде'; башк. *бөтөнләй*, *бөтөнләйгә* 'совсем, всецело', 'навсегда'; таг. *јукарда* 'вверху', *јукардан* 'сверху'; кар. *тӥшхарї*, *тӥшхарїда* 'снаружи, вне'; карач.-балк. *тамбла* 'завтра', *тамблаға* 'на следующий день'; кирг. *баштатан*, *баштатадан* 'с самого начала', 'издавна', *бајатадан* 'недавно'; тур. *ілəрідə* 'вперед'; узб. *ічкаріга* 'внутрь', *бір-*

---

[9] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961, с. 417. З. З. Абсалямов говорит об омонимии, являющейся, по его мнению, следствием того, что некоторые прилагательные приобретают путем конверсии наречные значения. См.: *Абсалямов З. З.* Наречие в современном башкирском языке, с. 5. Ср.: *Гулямов А.* К вопросу об адвербиализации в узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ. Филол. сб., 1954, 2, с. 7, 15; *Беглярова С. А.* Адвербиализация в современном азербайджанском языке. АКД. Баку, 1979, с. 5 сл.

[10] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940, с. 209. См. также: *Фисакова Г. Г.* Наречие в бачатско-телеутском языке. — В кн.: Языки народов Сибири. Кемерово, 1977, с. 95.

[11] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 180.

[12] *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940, с. 92.

[13] См.: *Шукюров А. Дж.* Наречие в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1966, с. 4, 12, 14.

[14] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 113.

[15] *Дмитриев Н. К.* Наречия места в турецком языке, с. 154.

[16] См.: *Kuryłowicz J.* Le problème du classement des cas. — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Kraków, 1949, IX, s. 20—43. О роли пространственных падежей в образовании наречий см.: *Зарипов Р. Ф.* Башкорт телендә килештәр системаһы. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 161.

дан, *бірданіга* ‘вдруг, сразу’, *тіріклај*, *тіріклајін*, *тіріклајі(н)ча* ‘живьем, заживо’; уйг. *бірдін*, *бірдінла* ‘сразу, разом’, *ташкіріда* ‘снаружи, вне’; шор. *мінāртїн* ~ *мінартїн* ‘отсюда’. Именно лексикализацией объясняется нарушение в пределах наречия порядка присоединения морфологических показателей, являющегося для именных и глагольных словоформ строго обязательным. Примеры: ст.-узб. *андалар* ‘там’, кирг. *түндөсү* ‘ночью’, *кэчіндэсі* ‘вечером’, *ǰазїндасї* ‘весной’, *ǰайндасї* ‘летом’, *кїшїндасї* ‘зимой’; ст.-кыпч. *таңдасї*, узб. *эртасі* ‘на следующий день’, ‘утром’. В именных словоформах, не подвергшихся адвербиализации, присоединение аффикса принадлежности или аффикса множественного числа к падежному аффиксу не допускается.

Простые именные наречия

Исходная форма.
(«Именительный падеж»)

О форме именительного падежа имени как источнике пополнения наречий можно говорить лишь условно. Исходная форма часто синкретична, ср.: алт. *тїм* ‘тишина’, ‘тихий’, ‘тихо’; узб. *кэч* ‘вечер’, ‘поздно’, и, следовательно, не исключено, что путь образования наречия в данном случае не имеет ничего общего с обособлением продуктивных морфологических образований. Примеры: др.-тюрк. *эр*, туркм. *ĭр*, чуваш. *ир* ‘рано’; др.-тюрк., алт., кар., кирг., крым.-тат., узб. *кэч*, ног. *кэш*, уйг. *кәч* ‘поздно’; др.-тюрк., кар. *тэрк* ‘быстро, скоро’; азерб., крым.-тат., кум. *тэз* ‘быстро, скоро’; алт. *эм* ‘теперь, уже’; башк., тат. *бік*, кум., ног. *бэк*, уйг. *бәк* ‘очень’, ‘слишком’; башк., кум. *тап* ‘точь-в-точь’, ‘как раз’; башк. *јäјäв*, узб. *јајэв* ‘пешком’; кирг. *тім* ‘тихо, безмолвно’; крым.-тат. *јаваш* ‘тихо, медленно’; кум. *соң* ‘после’; хак. *ӱр* ‘долго’; чулым. *ур* ‘поздно’.

Относительно большую группу составляют подвергшиеся адвербиализации производные имена на *-лїк*, основами для которых явились разные формы: относительные прилагательные на *-кї* ~ *-ҕї*, форма на *-ча* ~ *-ǰа* ~ *-ша* и т. д., ср.: др.-тюрк. *кэчәлік* ‘вечером’;[17] ст.-огуз. *кушлук* ‘поздним утром’;[18] казах. *сонша-лы̆к* ‘настолько’; тат. (диал.) *јаскы̆лы̆к* ‘весной’, *кӧскӧлӧк* ‘осенью’;[19] туркм. *аҕшамлїк* ‘под вечер’; узб. *шунчалік* ‘настолько’, *унчалік* ‘так, в такой мере’, *кэјінчалік* ‘после’, ‘впоследствии’; уйг. (диал.) *орахчәлік* ‘как серп’, ‘величиной с серп’, *наҙїрҕачїлїк* ‘до сих пор’.[20]

Значительная группа наречий, выступающих без падежных аффиксов, — заимствования из арабского и персидского языков. Среди заимствований много слов, которые по происхождению являются сложными, немало также предложных сочетаний и падежных форм языков-источников типа азерб., уйг. *адәтән* ‘обычно’, *тахмінән* ‘приблизительно, примерно’; азерб. *ҕәтіјјән* ‘категорически, решительно’; тур. *мүтәмадіјән* ‘непрерывно, постоянно’, *мүтәвалијән* ‘последовательно’, *нәсрән* ‘в прозе’; узб. *мазмунан* ‘по содержанию’, *маҷбуран* ‘насильно’, *аjнан* ‘буквально’. Последние, например, заимствованы из арабского языка в форме винительного падежа неопределенного состояния. Наибольшее число наречий, заимствованных из арабского и персидского языков, представлено в азербайджанском, турецком и узбекском языках. Примеры: ст.-узб. *тамам* ‘полностью’, *філһал* ‘тотчас же’; азерб. *әввәл* ‘сначала’, ‘прежде, раньше’; башк. *дәррәв*, узб. *дарров* ‘сейчас же’, ‘сразу же’; башк., узб. *һануз*, кар. *ҕануз* ‘до сих пор, пока’, ‘(все) еще’; башк. *ҕәјәт*, узб. *ҕојат* ‘чрезвычайно, чрезмерно, очень’; башк. *хәдĭр*, узб. *һозір*, уйг. *назір* ‘сейчас, теперь’; кара-балк., кирг. *дајїм*, туркм. *дāјїм*, узб. *дојім*, уйг. *дајім* ‘постоянно, всегда’; узб. *даставвал* ‘сначала’, *дарһол* ‘сразу’, *батамом* ‘целиком, полностью’, *базўр* ‘с трудом, насилу’.

Именные словоформы могут выступать с показателем множественного числа, который присоединяется также к простым и сложным наречиям, ср.: ст.-узб. *јазлар* ‘летом’, *кӱзлӓр* ‘осенью’, *андалар* ‘там’;[21] азерб. *ахшамлар* ‘вечерами’, *гэҙјәлär* ‘ночами’, *әввәллär* ‘прежде, раньше’, *сонралар* ‘затем, после’; гаг. *бїлдірлар* ‘в прошлом году’; туркм. *гӱнюртāнлар* ‘в полдень’, *озаллар* ‘прежде, раньше’, ‘давно’. Примечательно, что аффикс *-лар* в составе наречий не всегда утрачивает свое грамматическое значение, ср.: азерб. *ахшам* ‘вечером’, *ахшамлар* ‘вечерами’.

Особо следует выделить многосложные наречия, встречающиеся преимущественно в форме именительного падежа единственного числа, которые образуются путем переноса ударения на первый слог, ср.: азерб. *бура́* ‘это место’/ *бу́ра* ‘сюда’, *hара́* ‘какое место?’ / *hа́ра* ‘куда?’, *сабаһ* ‘утро’ / *са́баһ* ‘завтра’, *јухарї́* ‘верх’ / *ју́харї* ‘вверх’, *ахша́м* ‘вечер’ / *а́хшам* ‘вечером’;[22] башк. *јаңы̆* *ҕы̆на* ‘довольно новый’ / *јаңы̆* *ҕы̆на* ‘только что’;[23] гаг. *саба́* ‘утро’ / *са́ба* ‘утром’, *авша́м* ‘вечер’/*а́вшам* ‘вечером’;[24] тур. *јалнїз* ‘один, единственный’, ‘одинокий’ / *ја́лнїз* ‘только, лишь’, *артї́к* ‘излишек’, ‘излишний’ / *а́ртїк* ‘больше’, ‘отныне’, ‘впредь’.[25]

Много наречий — в форме именительного падежа единственного и множественного числа с аффиксом принадлежности 3-го лица. В основе большинства из них — существительные, обозначающие отрезки времени: части суток, дни недели, времена года и т. д., и прилагательные. Кстати, о форме именительного падежа здесь и в других подобных случаях говорится с учетом современного состояния и того обстоятельства, что некоторые формы косвенных падежей, не утрачивая полностью этимологические черты, приобретают способность выступать в номинативной функции. Не исключена также возможность присоединения аффикса множественного числа и аффиксов принадлежности к самим наречиям по аналогии с распространенным типом адвербиализуемых именных словоформ, ср.: ст.-азерб. *дүні* ‘ночью’, *јазї* ‘весной’, *эртäсі*, *данласї* ‘на следующий день’, *јарїн(да)сї* ‘завтра утром’, азерб. (диал.) *дүнәннäрі* ‘вчера’, *білдірräрі* ‘в прошлом году’;[26] ст.-узб. *таңласї*, *таңдасї*, кирг. *эртэсі* ‘на следующий день’, ‘утром’; башк. *кістäрĭ* ‘по вечерам’, *төндäрĭ* ‘по ночам’;[27] казах. *äвэлĭ* ‘сначала’; кирг. *түндөсү* ‘ночью’, *ǰайындасї* ‘летом’, *күзүндөсү* ‘осенью’, *кїшїндасї* ‘зимой’; к.-калп. *эртэңлэрĭ* ‘завтра’; крым.-тат. *күндүзлэрі* ‘днем’; тур. *акшамлáрї*, туркм. *аҕшамларї* ‘по вечерам’, ‘каждый вечер’; крым.-тат. *сабаларї*, тур. *сабаһларї* ‘по утрам’, ‘каждое утро’, *гэҙјэлэрі* ‘по ночам’; узб. *кундузі* ‘днем’, *кэчасі* ‘поздно вечером’, ‘ночью’, *кэчаларі* ‘ночами’, *кэчкурунларі* ‘вечерами’, *ілгаріларі*, *аввалларі* ‘раньше’, ‘в прежние времена’; уйг. *күндүзі* ‘днем’, *кэчісі* ‘ночью’, *јазлыҙі* ‘летом’, *күзлүгі* ‘осенью’,[28] *әтісі* ‘на следующий день’, *әтігänлігі* ‘утром’. В башкирском языке формами множественного числа передается значение приблизительности-вероятности: *іртäгäлäрĭ* ‘примерно завтра’, *бөгөндäрĭ* ‘может быть, сегодня’.[29]

Наличие древнейшей разновидности аффикса принадлежности 3-го лица, с конечным *н*, можно усмотреть в группе наречий, восходящих к наименованиям частей тела, ср.: ног. *бӱрĭн*, уйг. *бурун*, хак. *пурун* ‘раньше, прежде’.

Адвербиализация форм принадлежности 3-го лица охватывает также формы других падежей. В итоге образуются устойчивые сочетания нескольких морфологических показателей, в которых аффикс принадлежности 3-го лица ста-

---

[17] См.: *Мирзакаримова У.* Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». АКД. Ташкент, 1969, с. 33.
[18] См.: Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке) / Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978, с. 61.
[19] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология. Уфа, 1977, с. 36.
[20] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 23.

[21] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962, с. 186.
[22] См.: *Шукюров А. Дж.* Наречие в азербайджанском языке, с. 18.
[23] См.: *Абсалямов З. З.* Морфологическая структура наречий в башкирском языке. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. М., 1973, с. 108.
[24] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 253.
[25] См.: *Demircan Ö.* Türkiye Türkçesinde kök-ek bileşmeleri. Ankara, 1977, s. 16, 63, 65.
[26] См.: *Шукюров А. Дж.* Наречие в азербайджанском языке, с. 6, 11.
[27] См.: *Абсалямов З. З.* Морфологическая структура наречий в башкирском языке, с. 108.
[28] См.: *Джамалдинов О.* Наречие в современном уйгурском языке, с. 8.
[29] См.: *Абсалямов З. З.* Морфологическая структура наречий в башкирском языке, с. 108.

новится дополнительным средством выражения адвербиальности, ср.: тур. *кїсаʃа* ‘коротенький’, ‘вкратце’, *кїсаʃасї* ‘коротко, вкратце’, ‘одним словом’, *ачїкча*, *ачїкчасї* ‘откровенно’. Ср. также: крым.-тат. *мэнʃэ*, *мэнʃэсінэ* ‘по-моему’; узб. *эчікча*, *эчікчасіга* ‘прямо, откровенно’, *јаңіча*, *јаңічасіга* ‘по-новому’; уйг. *äскічä*, *äскічäсігä* ‘по-старому’, *кэчічä* ‘всю ночь’.[31]

Родительный падеж

Наречия в форме родительного падежа — чрезвычайно редкое явление, ср.: тув. *хӱлбӱс аткан чэріндэн хӱннӱң аңнăр* букв. ‘каждый день охотится там, где убил косулю’; [31] хак. *пїс кӱннїң радіо істэдїрбїс* ‘мы ежедневно слушаем радио’,[32] *кӱннїң аңні ӧдїр кілчэлэр* ‘они ежедневно убивают зверей’.[33] Здесь, вероятнее всего, имеет место ставшее нормой опущение послелога *саj*.

Винительный падеж

Появление обстоятельственной функции у формы винительного падежа и обособление ее с последующим переходом в разряд наречий происходит редко и, по-видимому, является следствием контактов тюркских языков с не-тюркскими языками, в частности со славянскими, ср.: башк. *бїр замандїҡ* ‘однажды’; кар. *кэчхурунну* ‘вечером’, *хан кӱннӱ* ‘в среду’, *бу вахтнї* ‘в это время’, *бір кӱннӱ* ‘однажды’; [34] карач.-балк. *бӱгӱннӱ* ‘сегодня’; [35] тат. *бїр вакїтнїҡ* ‘однажды’, ‘когда-то’; чулым. *тӱннӱ гӱннӱ* ‘днем и ночью’.[36] Ср. также: гаг., тур. (диал.) *бурајї* (вм. *бураја*) ‘сюда’, *орајї* (вм. *ораја*) ‘туда’, *нэрэјі* (вм. *нэрэјэ*) ‘куда?’; [37] гаг. *бу јанї* ‘в эту сторону’, *о јанї* ‘в ту сторону’.[38]

Дательный падеж

Форма дательного, или дательно-направительного, падежа первоначально образовывалась при помощи аффикса *-карї ~ -кару ~ -ɣарї ~ -ɣару*, который подвергся многократным упрощениям. Различные этапы его эволюции оставили следы в падежной парадигме [39] и отразились в «морфологическом» облике наречий, составляющих несколько подгрупп:

1) *-карї ~ -кару ~ -ɣарї ~ -ɣару ~ -арї ~ -ару...*: др.-тюрк. *ілгäрӱ*, ст.-азерб. *ілäрӱ*,[40] кар., туркм. *ілэрі* ‘вперед’; башк. *ĭлгäрĭ* ‘прежде, раньше’; гаг. *ілэрі*, казах. *ĭлгэрĭ*, кирг. *ілгэрі* ‘вперед’, ‘впереди’, ‘раньше, прежде’; тур. *ілэрі* ‘вперед’, ‘впереди’; др.-тюрк. *ічкäрӱ*, азерб. *ічäрі*, карач.-балк. *ічкэрі*, казах. *ĭшкэрĭ*, тув. (диал.) *і'шкэ̄рі*,[41] тур. *ічэрі*, уйг. *ічкірі* ‘внутрь’; др.-тюрк. *ташкару*, карач.-балк. *тїшхарї*, тув. (диал.) *да'шкäрї*, тур. *дїшарї*, узб. *ташкарі*, шор. *тїшкарї ~ тїшкара* ‘вне, наружу’, алт. *тїшкарї*, кар. *тїшхарї* ‘вне, снаружи’; др.-тюрк. *аңару*, тофал. *оңɣäрї* ‘направо’; алт., кирг. *тэскэрі*, шор. *тэскэрі ~ тэскэрэ* ‘обратно’, ‘наоборот’, ‘навыворот’; кар. *артхарї* ‘назад, обратно’; алт. *ӧңіргэрі* ‘к вечеру’; казах. *сĭртқарĭ* ‘вне, снаружи’; тофал. *соңɣäрї* ‘назад’; тув. (диал.), шор. *мінäрї* ‘сюда’; ст.-азерб. *анару*, тув. (диал.) *їнäрї* ‘туда’;

2) *-кар ~ -ɣар ~ -хар ~ -ар...*: алт. *мїнäр* ‘сюда’, *анäр* ‘туда’;[42] тув. *бурунɣäр* ‘вперед’, *да'шкäр* ‘вне, наружу’, *соңɣäр* ‘назад’, *їнäр* ‘туда’; хак. *чоɣар* ‘вверх’, ‘вверху’, *тасхар* ‘вне, наружу’, ‘снаружи’, *їскэр* ‘на восток’;

3) *-ка ~ -ɣа ~ -ха...*: др.-тюрк. *каjуɣа* ‘куда?’; ст.-узб. *бірґä*, алт., кар., карач.-балк. *бірґэ*, казах., ног. *бĭрґэ*, тат. *бĭрґä*, хак. *пĭрґэ*, узб. *бірга*, шор. *пірґэ*, якут. *бірґэ* ‘вместе, заодно’; алт. *тірӱгэ*, тув. *дірігэ*, хак. *тĭрĭгэ* ‘живьем, заживо’; алт., кирг. *узакка*, к.-калп., ног. *ӱзакка* ‘далеко’, ‘надолго’, тат. *ӧзакка* ‘надолго’; башк. *кӧскä* ‘насилу’, ‘насильно’; башк., тат. *бушка*, казах. *боска*, кар. *бошха* ‘зря, напрасно’; казах., карач.-балк., кирг., кум., уйг. *алɣа* ‘вперед’; казах., кар., крым.-тат., ног., тат. *артка*, карач.-балк. *артха* ‘назад’; крым.-тат. *саɣɣа* ‘направо’, *солɣа* ‘налево’, *ашаɣа* ‘вниз’, *төпэгэ* ‘вверх’; к.-калп., ног. *тĭска* ‘наружу’, *оңɣа* ‘направо’ *солɣа* ‘налево’, *төмэнгэ* ‘вниз’; тат. *кічкä* ‘к вечеру’, ‘под вечер’, *кіңгä* ‘в ширину’, *корĭɣа* ‘впустую, зря’; узб. *эртага* ‘завтра’, *эркага* ‘назад’, *зӯрɣа* ‘насилу’, ‘едва-едва’, ‘с трудом’, *ӯртага* ‘нарочно’, ‘умышленно’; уйг. *ögүнлүккä* ‘послезавтра’, *јазлікка* ‘летом’; хак. *тіккэ* ‘попусту’, ‘даром, зря’;

4) *-а*: азерб. *саɣа* ‘направо’, *сола* ‘налево’; гаг. *јірā* ‘вдаль’; тур. *сола* ‘налево’; чуваш. *вĕс'мĭнĕ* ‘послезавтра’.

Поскольку две первые разновидности аффикса дательно-направительного падежа рано утратили черты продуктивного словоизменительного типа и, как правило, давно не выражают падежных значений, соответствующие формы в некоторых современных тюркских языках ведут себя как первообразные имена, ср.: азерб. *јухарї*, тур. *јукарї* ‘верх’, ‘верхний’; тур. *ілэрі* ‘передняя часть’, ‘передний’, ‘передовой’; узб. *ічкарі* ‘внутренняя часть помещения’, *ташкарі* ‘внешняя часть помещения’, *јукэрі* ‘верх’, ‘верхний’; хак. (саг.) *соɣарї* ‘ключица’; чулым. *ташɣар* ‘улица’.[43] К ним присоединяются падежные аффиксы, аффиксы принадлежности и множественного числа, и затем, как обычно, происходит адвербиализация отдельных форм, прежде всего форм дательного, местного и исходного падежей, например: казах. *жоɣарĭдан* ‘сверху’; кар. *joɣарɣа* ‘наверх’, ‘вверх’; узб. *јукэрідa* ‘вверху’, *ічкарігa* ‘вовнутрь’, *ілгарілар* ‘прежде’.

Продуктивен тип наречия, в котором аффиксу дательно-направительного падежа предшествует аффикс принадлежности 3-го лица. Этот тип почти неизвестен языкам Сибири и Алтая, что позволяет считать его относительно поздним. Примеры: азерб., гаг., карач.-балк., тур. *бошуна*, кар. *бошїна*, ног. *босїна* ‘напрасно’, ‘впустую’; азерб. *башїна* ‘сам по себе’, *тәрсінә* ‘наизнанку’; крым.-тат. *тэрсінэ* ‘наоборот’; ног. *јартĭсĭна* ‘наполовину’, *шалкасĭна* ‘навзничь’, *тэрĭсĭнэ* ‘наперекор’;[44] туркм. *аɣшамїна* ‘вечером’, *аɣшамларїна* ‘вечерами’, *гĭĭэсінэ* ‘ночью’, ‘по ночам’; узб. *катэрасігa* ‘рядами’, ‘один за другим’, ‘подряд’, *тіккасігa* ‘прямо’, ‘вертикально’, *јэппасігa* ‘сплошь’, ‘поголовно’, *узунасігa* ‘вдоль, продольно’, *кӯндаланɡігa* ‘поперек’, *бірданігa* ‘сразу’, ‘внезапно’, *эртасігa* ‘назавтра’, ‘на следующий день’, *улгурĭсігa* ‘оптом’; уйг. *күнігä* ‘в течение дня’, ‘за день’. Внутри этого типа выделяется разновидность с аффиксом *-ча ~ -ʃа...*, совмещающим функции показателя квазипадежной формы («сравнительно-ограничительный падеж») и аффикса уменьшительности-ласкательности. Ее использование ограничено языками огузской и карлукской групп, ср.: азерб. *інсанʃасїна* ‘по-человечески’, *мәһрібанʃасїна* ‘ласково’, *ɣәһрәманʃасїна* ‘геройски’; тур. *jiјitчәсінә*, уйг. *ʃігітчісігä* ‘смело, храбро’; тур. *дәлiʃәсінә* ‘безумно’; узб. *мардчасігa* ‘смело, храбро’, *эчікчасігa* ‘открыто, откро-

---

[30] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. . ., с. 23.
[31] См.: *Хертек Я. Ш.* Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978, с. 19.
[32] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 105.
[33] См.: *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963, с. 41.
[34] См.: *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. — Prace Komisji Orjentalistycznej Polskiej Akademji Umiejętności, Kraków, 1929, № 11, s. 2, 127, 226; *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 156, 192.
[35] См.: *Гочияева С. А.* Особенности наречий в карачаево-балкарском языке. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, Черкесск, 1968, V, с. 243.
[36] См.: *Бирюкович Р. М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979, с. 135.
[37] См.: *Дмитриев Н. К.* Гагаузские этюды. — Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, № 20. Сер. филол. наук, 1939, 1, с. 15; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 261.
[38] См.: Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым. СПб., 1904, с. 9—11, 38, 73, 231.
[39] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977, с. 47—49.
[40] См.: *Ergin M.* Dede Korkut kitabı, II. Indeks-Gramer. Ankara, 1963, s. 151.
[41] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 98. Из этой же работы взяты другие примеры тоджинского диалекта.
[42] См.: *Кучигашева Н. А.* Наречие в алтайском языке. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 54.
[43] См.: *Бирюкович Р. М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка, с. 101.
[44] См.: *Саруева М. Ф.* Наречие в ногайском языке, с. 12.

венно'; уйг. *jашларчисиҙа* 'подобно молодым', 'как молодые', *jәңичисиҙа* 'по-новому'. Еще более ограничена в своем распространении разновидность, образуемая сочетанием аффиксов дательного падежа и принадлежности с аффиксом абстрактных имен существительных. Она представлена лишь в огузских языках, ср.: азерб. *jардарлыҝына* 'пополам'.

Наречия, представляющие региональные формы дательного падежа, немногочисленны: хак. *алнӣнзар* 'вперед'; чуваш. *тӑвалла* 'в гору', *каз'алла* 'к вечеру', *кайалла* 'назад', 'обратно'.

Местный падеж

Форма местного падежа единообразна, если не принимать во внимание различия, обусловленные действием гармонии гласных и неодинаково протекающими в разных тюркских языках процессами ассимиляции. Единообразны и наречия, образовавшиеся в результате обособления имен в форме местного падежа. Примеры: др.-тюрк., кар. *әртä*, алт., казах., кирг., крым.-тат., ног., шор. *әртә*, башк., тат. *иртä*, карач.-балк. *әртдә*, узб. *әрта*, уйг. *ätä*, якут. *әрдә* 'рано (утром)', 'завтра'; алт., кар., хак., шор. *таңда* 'завтра'; др.-тюрк. *іңіртä* 'в сумерках' (ТТ VII 1_{22}), алт. *әңірдә*, казах. *ӆңӆрдә*, карач.-балк., кирг. *іңірдә*, хак., шор. *ӣрдә* 'в вечерних сумерках', 'вечером'; алт., хак. *тӱндә*, башк. *төндә*, казах., к.-калп., ног. *тӱңдә*, кирг. *түндө* 'ночью'; кирг. *күндө*, узб. *кунда* 'ежедневно'; алт. *тӱштә*, кирг. *түштө* 'в полдень', 'днем'; казах., ног. *күздә*, карач.-балк., уйг. *күздä*, узб. *кузда* 'осенью'; азерб. *ӻӱшда*, ног. *кӆста* 'зимой'; башк., кар., крым.-тат., тат. *башта* 'сначала, вначале'; кар. *бурунда*, кирг. *мурда*, хак. *пурунда* 'прежде, раньше'; тув. *шаӻда*, *ӱрдә* 'раньше', 'давно'; азерб. *ғәрідä*, казах., кар., ног. *артта*, карач.-балк. *артда* 'сзади', 'позади'; казах. *аста*, кар. *ашада* 'внизу'; кар. *ӱсттә* 'наверху'; кум. *тӱшда*, ног. *тӆста* 'снаружи'; алт., кирг. *ӣрäкта*, гаг. *ӣраkта*, тат. *ӣракта*, тув., шор. *ӣракта* 'вдали', 'вдалеке'; др.-тюрк. *мунта* ~ *мунда*, алт., карач.-балк., кирг., крым.-тат., хак., шор. *мӣнда*, башк. *бӆнда*, казах., ног. *мӱнда*, кар., узб. *бунда*, кум., туркм. *мунда*, тат. *мӧнда*, якут. *манна* 'здесь', 'сюда'; чуваш. *кунда* 'здесь', 'сюда'; др.-тюрк. *анта* ~ *анда*, алт., кар., кирг., крым.-тат., тат., узб., хак. *анда*, башк., чуваш. *унда*, казах., кум., ног. *онда*, тув. *ӣнда*, якут. *онно* 'там', 'туда'; др.-тюрк. *канта* ~ *канда*, алт., кар., узб. *кайда*, башк. *кайда* 'где?'; кар. *сондрада* 'после', 'в конце'; тур. *гәчӟндә* 'недавно'; чуваш. *аjакра* 'вдали', 'на стороне', *кадара* 'вдалеке, вдали', *малда* 'впереди', *кунда* 'сюда', 'здесь'.

Ср. в сочетании с аффиксом множественного числа: тур. *jарӣнларда* 'завтра', *гәчӟнлӟрдә* 'недавно'.

К числу типичных морфологических сращений, наблюдаемых в пределах наречий, относится сочетание аффикса местного падежа с аффиксом относительных прилагательных *-кӣ* ~ *-ӻӣ* ~ *-хӣ*. . .: азерб. *ашаҕӣда*, кар. *ашаҕӣда* 'внизу'; алт. *д'ajӻӣда* 'летом', *д'аскӣда* 'весной'; казах. *бajаҕӆда* 'давным-давно'; карач.-балк. *кӣшхӣда* 'зимой', *кәчӟгідә* 'ночью'; тат. (диал.) *jаскӆта* 'весной', *көскөтä* 'осенью';[45] хак. *чajӻӣда* 'летом', *хӣсхӣда* 'зимой'; шор. *кӱскӱдә* 'осенью', *часкӣда* 'весной'.

Далее, наблюдается сочетание аффикса местного падежа с аффиксом *-лӣк* ~ *-лук*. . . Примеры: азерб. *бірлікдä*, кар., тур. *бірліктә*, тат. *бӆрлӆктä*, туркм. *бірлікдә* 'вместе, совместно'; азерб. *аjрӣлӣӻда* 'отдельно', *jахӣнлӣӻда* 'вблизи'; башк. *көдлөктä* 'осенью'; башк. (диал.) *кіслӆктä* 'вечером', *кӆшкӆлӆкта* 'зимой', *көндөддөктä* 'днем';[46] казах. *кәшкӆлӆктә* 'вечером'; тур. *орталӣкта* 'вокруг'; узб. *ӛнділікда* 'ныне, теперь'.

Аффикс местного падежа может выступать также в сочетании с некоторыми другими словообразовательными аффиксами и с аффиксом принадлежности 3-го лица, ср.: алт. *әртәңізіндә*,[47] *әртәзіндә*, казах. *әртеңӆндә*, кар. *таңдасӣнда*, хак. *таңдазӣнда*, *іртәңӆзӆндә*, *іртәнӆндә*, шор. *әртәніндә* 'на следующий день', '(на)завтра'; тув. *іміртіңдә* 'в сумерках'; алт. *кійініндә* 'позади', *алдӣнда* 'впереди', 'раньше, прежде', 'внизу'; азерб., кар. *вахтында*, башк. *вакӆтӆнда*, карач.-балк., тур. *заманӣнда*, ног. *заманӆнда*, узб. (*ўз*) *вактіда* 'вовремя', 'своевременно'; кирг. *кәчіндә*, *кәчініндә* 'вечером', *jазӣнда* 'весной', *кӣшӣнда* 'зимой'; ног. *бӆрәрдә*, хак. *пӆрәдә*, шор. *пірәдә* (ср.: алт. *бірдә*) 'иногда'; ног. *астӆнда* 'внизу'; хак. *пӆрсӆндә* 'однажды', *тузӣнда* 'вовремя', *алӣнда* 'прежде', *хӣрінда* 'с краю, сбоку'.

Редкий случай плеонастического употребления местного падежа, без образования промежуточной формы, отмечен в казахском языке: *әртәдә* 'прежде, в былые времена'.[48] Ср.: карач.-балк. *әртдәнлікдә* 'утром'.

Исходный падеж

Наречия в форме исходного падежа имеют в основном три разновидности, отличающиеся друг от друга огласовкой падежного аффикса.[49] Примеры: казах., ног. *әртәдән* 'спозаранку', 'раньше', 'давно'; хак. *іртәннӟң*, чуваш. *ірдӟн* 'с утра'; азерб. *бајаҕдан*, алт. *бајадаң*, кирг. *бајатан*, хак. *пајадаң* 'с некоторых пор', 'давно'; башк. *бӧрөндан*, кирг. *мурунтан*, ног. *бӱрӆннан*, тат. *бөрӆннан*, хак. *пуруннаң* 'с давних пор', 'издавна'; азерб. *чохдан*, тур. *чоктан*, *әскідән*, башк. *күптән*, казах. *көптән*, узб. *кӯндан*, уйг. *көптін* 'давно, издавна'; азерб. *әввәлдән*, *әввәлӻädән*, кар. *авалдан*, уйг. *авалдін* 'сначала', 'раньше'; башк., тат. *баштан*, кирг. *баштатан*, узб. *бэшдан* 'сначала'; уйг. *башкідін* 'снова, опять'; азерб. *jахӣндан* 'вблизи', 'недавно', узб. *jакіндан* 'недавно'; азерб. *тәздән* 'рано', *јавашӻадан* 'потихоньку, медленно'; алт. *арājдаң* 'потихоньку, кое-как'; тур. *шімдідән* 'теперь уже', 'отныне'; башк. *jаңӆнан*, гаг. *jәнідән*, ног. *jаңӆдан*, тур. *jәнідән*, узб. *jаңідан*, уйг. *jәңідін*, чуваш. *с'ĕнĕрән* 'снова'; азерб., гаг. *бірдән*, казах., ног. *бӆрдән*, кар., карач.-балк., тур., туркм. *бірдән*, кум. *бірдәндән*, тат. *бӆрдән*, узб. *бірдан*, уйг. *бірдін* 'сразу, вдруг', 'сразу, в один прием'; др.-тюрк. *оңдун* 'справа', *солдін* 'слева'; ног. *joҕарӆдан*, узб. *jукэрідан* 'сверху'; кум. *тӣшдан*, ног. *тӆстан* 'снаружи'; алт. *узактаң*, карач.-балк., туркм. *узакдан*, тур. *узактан*, узб. *узэкдан*, кирг. *алӣстан*, тат. *ӣрактан*, хак. *ӣрахтаң* 'издали, издалека'; гаг. *ашāдан*, туркм. *ашāкдан* 'снизу'; гаг. *гәрідän*, гаг., кар., тат. *арттан*, карач.-балк. *артдан* 'сзади'; кар. *ӱсттän* 'сверху'; уйг. *сірттін* 'извне'; кар. *алттан*, хак. *алтӣнаң* 'снизу'; башк. *тӆлдän*, тур. *аӻїздан* 'устно', 'на словах'; азерб. *доҕрудан* 'поистине'; гаг. *дōрудан* 'прямо, напрямик'; азерб. *бäркдän* 'громко'; кар. *ачӣктан* 'откровенно', *колајдан* 'легко'; ног. *јәңӆлдән* 'слегка'; тур. *гönӱлдән* 'от души', 'искренне'; туркм. *дōрдан* 'насилу', 'с трудом'; алт. *мӣнаң*, кар. *бундан*, карач.-балк. *мӣндан*, ног. *мӱннан*, тат. *мӧннан*, тув. (диал.) *мунӯн* (< *мондан*),[50] хак. *мӣннаң*, якут. *мантан* 'отсюда'; чуваш. *кундан* 'отсюда'; алт. *анаң*, башк. *унан*, кар., карач.-балк., кирг. *андан*, кум. *ондан*, ног. *оннан*, тат. *аннан*, тув. (диал.) *онӯн* ~ *унӯн* (< *ондан*),[51] хак. *аннаң*, чуваш. *ундан*, якут. *онтон* 'оттуда'; ног. *нәдән* 'почему?'; ст.-узб. *кайдін*, башк. *кайдан*, тат. *кайдан* 'откуда?'

В говорах встречаются наречия с удвоенным аффиксом исходного падежа: азерб. (диал.) *ӻабаҕданнан* 'спереди', *јавашданнан* 'потихоньку, медленно'.[52]

Обособленную группу составляют примыкающие к наречиям разделительные числительные, ср.: алт. *төрттөң* 'по четыре'; казах. *әкӆдән*, *әкәвдән*, кирг. *әкідән*, чуваш. *іккĕндӟн* 'по два'; к.-калп. *ӱштән* 'по три'; кирг. *ондон*, тат.

---

[45] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 36.

[46] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 72, 108.

[47] См.: *Саруева М. Ф.* Категория обстоятельства в современном алтайском языке. АКД. М., 1955, с. 7.

[48] См.: Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 369.

[49] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя), с. 44—45.

[50] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект. . ., с. 103.

[51] См.: Там же, с. 102.

[52] См.: *Джафарзаде М. М.* Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. АКД. Баку, 1969, с. 21.

уннан ‘по десяти’; туркм. *алтӣдан* ‘по шести’; узб. *іккітадан* ‘по два’, *учтадан* ‘по три’, *тӯрттадан* ‘по четыре’; узб. (диал.) *элтэвдӣн* ‘по шести’;[53] шор. *пэштэӈ* ‘по пяти’.

Своеобразны в плане содержания наречия, восходящие к форме исходного падежа имен действия, ср.: алт. *білдірбӧстӧӈ*, казах. *бӗлдірмӓстӓн* ‘незаметно’; башк. *аңғармадтан* ‘невзначай’; кар. *білмӓдӓн* ‘по незнанию’; ног. *токтамастан*, тат. (диал.) *туктамастан*[54] ‘не останавливаясь’, ‘непрерывно’; ног. *арӗмастан* ‘без устали’, *тӗнмастан* ‘непрестанно’; тат. *кічӗкмӓстӓн* ‘безотлагательно, незамедлительно’; тур. *сӧкӧлмадан* ‘не испытывая стеснения’, ‘не смущаясь’; узб. *тэртінмасдан*, *кісілмасдан* ‘без стеснения’, *шэшілмасдан* ‘не спеша’. Почти все они занимают промежуточное положение между деепричастием и наречием, и далеко не всегда удается установить степень вхождения их в разряд наречия.

Аффикс *-дан* ~ *-дӣн* ~ *-тӣн*..., подобно аффиксу местного падежа, часто выступает с аффиксом принадлежности 3-го лица: алт. *ӱстӱӈӓ* ‘сверху’; казах. *шалқасӗнан*, ног. *шалқасӗннан* ‘навзничь’; карач.-балк. *башӣндан* ‘сверху’; ног. *ӗзӗннан* ‘вслед за’, *соӈӗннан* ‘после, потом’, *кӗскасӗннан* ‘вкратце’; тат. *ӗчӗннӓн* ‘про себя’; хак. *сӧнаӈ* (< *соӈӣннаӈ*) ‘сзади’.

Большие трудности вызывает этимологический анализ наречий типа башк. *адтӗртӗн*.

1. Н. К. Дмитриев, был, пожалуй, первым, обратившим внимание на то, что в состав ряда кумыкских и башкирских наречий входит аффикс исходного падежа с узким гласным, который в говорах кумыкского языка не подчиняется гармонии гласных и «функционирует как своего рода послелог».[55] Примеры: башк. *адтӗртӗн* ‘исподтишка’, *јäшӗртӗн* ‘тайком’, башк. (диал.) *äкӗртӗн* ‘потихоньку’; кум. (диал.) *гэртітін* ‘поистине’, *ғаватін* ‘с воздуха’, *алашатін* ‘снизу’; тат. *јакӗнтӗн* ‘вблизи’. Ср. (наречия и послелоги): алт. *ічкӓртін*,[56] кар. *ічкӓртін* ‘внутри’, ‘изнутри’, тофал. *і‘штіртін*, чулым. *іштірдін* ‘изнутри’;[57] алт. *тӱшкартӣн*, кар. *т‘шхартін*, тофал. *т‘аштӱртӣн*, хак. *тасхартін* ‘извне, снаружи’; алт. *төмөртін*, хак. *төбіндін* ‘снизу’, шор. *төбәртін* ‘снизу (вверх по реке)’, карач.-балк. *төбӓнтін* ‘понизу’; алт., шор. *кәдәртін* ‘со стороны’, тофал. *кәдәртін* ‘с нагорной стороны’, хак. *кідәртӗн* ‘с запада’; алт. *канартӣн*, хак. *хајдартін* ‘откуда?’; алт. *анартӣн* ‘оттуда’; башк. (диал.) *јаҙӗртӗн* ‘невпопад, ошибочно’, ‘мимо’, *јуғартӗн* ‘выше’,[58] кар. *јоғартӣн* ‘вверху’, ‘наверху’, ‘сверху’, ‘выше’, ‘ввысь’; карач.-балк. *оғартӣн* ‘поверху’, хак. *чоғартін* ‘сверху’; башк. (диал.), тат. (диал.) *ӗлгӓртӗн* ‘раньше’,[59] кар. *ілгәртін* ‘спереди’; башк. (диал.) *сӧңӧртӧн* ‘позже’, *јаҙға табантӗн* ‘к весне’;[60] казах., к.-калп., тат. *астӗртӗн*, уйг. *астіртін* ‘исподтишка, тайком’; казах. *ӱстӗртӗн* ‘поверхностно’, кар. *ӱстӱртӱн*, шор. *ӱстӱртін* ‘сверху’, тофал. *ӱ‘стӱртӱн* ‘сверху’, ‘верхом’, ‘верховьем реки’, ‘вверху’; казах. *ӓртӣн* ‘подальше’; кар. *јашӗртін*, карач.-балк. *ҙашӗртӣн*, ног. *јасӗртӗн*, тат. *јäшӗртӗн* ‘исподтишка, тайно, скрытно’; кар., карач.-балк. *акӗртін*, тат. *акӗртӗн* ‘потихоньку, осторожно’; карач.-балк. *ҙанңӗртӣн* ‘снова’; тофал. *а‘лтӗртӣн* ‘снизу’, ‘низом’, ‘низовьем’, *буруңғартӣн* ~ *буруңғуртун* ‘с востока’, *соңғартін* ~ *соңғуртун* ~ *соңғӗртӣн* ‘с запада’, *караңғӗртӣн* ‘с севера’, *hӱңгӱртін* ‘с юга’; хак. *пајартӣн* ‘прежде’, *тіскәртін* ‘с противоположной стороны’, *тӗгдәртӗн* ‘оттуда’, *алтінзартӣн* ‘спереди’, *оңартӣн* ‘справа’; шор. *тоғартӣн* ‘со стороны’.

---

[53] См.: *Шарипов О.* Папский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 15.
[54] См.: *Юсупов Ф. Ю.* Урта диалектның нагайбәк сөйләше. — МТД, 3, б. 85.
[55] *Дмитриев Н. К.* 1) Грамматика кумыкского языка, с. 57; 2) Грамматика башкирского языка, с. 116.
[56] В ойротско-русском словаре, изданном в 1947 году, приводятся формы *ічкәртінәӈ*, *төмөртінәӈ*, *кәдәртінәӈ*, *анартінаӈ*.
[57] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II. Саратов, 1981, с. 95.
[58] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 108, 126.
[59] Там же, с. 126; *Баязитова Ф. С.* Түбән Кама тирәсендәге керәшен татарлары сөйләшенең фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре. — МТД, 3, с. 63.
[60] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 126.

Обратим особое внимание на материалы карачаево-балкарского языка, в котором наряду с обычной формой исходного падежа на *-дан* существует форма на *-тӣн* ~ *-тун*, причем последняя иногда соотносится с первой, однако на самом деле, как утверждает М. А. Хабичев, не имеет ничего общего с ней и выражает значение продольности («продольный падеж»): *орамтӣн* ‘по улице’, ‘улицей’, *сӱтун* ‘по реке’, ‘рекой’, *талатӣн* ‘по поляне’, ‘поляной’, *бічәнліктін* ‘по лугу’, ‘лугом’.[61]

Наличие в тюркских языках разновидности аффикса исходного падежа с узким гласным является бесспорным, ср.: др.-тюрк. *өңдӱн* ‘спереди’, *солдӣн* ‘слева’, *таштӣн* ‘извне, снаружи’, *ічтін* ‘изнутри’; ст.-кыпч. *таштӣн* (Cod. Cum. 30 r_{16}), карач.-балк. *тішкӣн* ‘извне, снаружи’; хак. *хіјадӣн* ‘со стороны’, ‘стороной’, *чаҙӣндӣн* ‘с близкого расстояния’, *ірахтӣн* ‘издали’, ‘издалека’. Достаточно сказать, что в староузбекском и современных уйгурском и чулымском языках разновидность с узким гласным — единственно возможная. И тем не менее вопрос о том, действительно ли все приведенные выше наречия включают в себя аффикс исходного падежа, нельзя считать решенным.

Назовем некоторые особенности компонента *-тӣн* ~ *-тун* и соответствующих наречий (и послелогов). Во-первых, данный компонент встречается преимущественно с глухим согласным, тогда как общетюркский аффикс исходного падежа может иметь в начале, в зависимости от фонетических условий, и глухой и звонкий согласные. Во-вторых, у ряда наречий возможны два варианта его: с *т* и без *т*. Это обстоятельство в монографии К. М. Мусаева освещается так: «Аффикс исходного падежа в наречиях *акӣртӣн* и *јашӣртӣн* [в караимском языке] иногда утрачивает *т*: *акӣрӣн*, *јашӣрӣн*».[62] В-третьих, в использовании компонента *-тӣн* ~ *-тун* очевидна определенная связь с наличием в конце предшествующей ему части согласного *р*. Далее, своеобразие компонента *-тӣн* ~ *-тун* по сравнению с обычным аффиксом исходного падежа заключается не только в характере огласовки, но и в составе согласных, ср.: алт. *анӓртӣн* и *анаӈ* ‘оттуда’; кар. *ӱстӱртӱн* и *ӱстӣн* ‘сверху’; карач.-балк. *ҙанңӣртӣн* и *ҙаңӣдан* ‘снова’; тат. (диал.) *сӧңӗнтӗн* и тат. *сӧңӗннан* ‘после, затем’; хак. *мӣнартӣн* и *мӣннаӈ* ‘отсюда’, *хајдартӣн* и *хајдаӈ* ‘откуда?’; шор. *алтӣртӣн* и *алтӣнаӈ* ‘снизу’.[63] Еще одна особенность — почти все наречия (и послелоги) с компонентом *-тӣн* ~ *-тун* передают пространственные значения.

2. Переходя к разбору примеров, выделим сначала те из них, в которых предшествующая компоненту *-тӣн* ~ *-тун* часть с большей или меньшей степенью уверенности может рассматриваться как глагольная основа, например: башк., тат. *јäшӗртӗн* ‘тайком’. Встречается также вариант без *т* (казах. *жасырӯн*, кар. *јашӣрӣн*), который, по-видимому, находится в одном ряду с древнетюркскими наречиями и послелогами, восходящими к «слитному» деепричастию на *-і* (*н*), ~ *-у* (*н*), ср.: *јаш*(*у*)*ру* ‘скрытно, тайно’ (*јашур-* ‘скрывать, прятать’), *јантуру* ‘снова’ (*јантур-* ‘возвращать’), *тәгі*, *тәгін* ‘до’ (*тәг-* ‘достигать, касаться’), *саіу*, *саїн* ‘каждый, всякий’ (*са-* ‘считать’). Принимая во внимание глагольное происхождение наречий *јашӣртӣн*, *јашӣрӣн* и существование несомненной связи между ними, мы вправе допустить, что имеем здесь дело с каузативной и действительной основами: *јашӣрт-*, *јашӣр-*.[64] Это тем более вероятно, что аффикс понудительного залога *-т* выступает лишь в одном, глухом, варианте. Глагольными по происхождению, очевидно, являются и такие наречия, как башк. *адтӗртӗн* (*адт-ӗр-т-ӗн*) ‘исподтишка’, башк. (диал.) *јаҙӗртӗн* (*јаҙ-ӗр-т-ӗн*) ‘невпопад, ошибочно’, ‘мимо’; казах. *ӱстӗртін* (*ӱст-ӗр-т-ӗн*) ‘поверхностно’; карач.-балк. *ҙанңӣртӣн* (*ҙанңӣ-р-т-ӣн*) ‘снова’; тофал. *а‘лтӣртӣн* (*а‘лт-ӣр-т-ӣн*) ‘снизу’, *і‘штіртін* (*і‘шт-ір-т-ін*) ‘изнутри’, *та‘штӣртӣн* (*та‘шт-*

---

[61] *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение, с. 52 сл.
[62] *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 192.
[63] Изменение конечного *н* и *ң* в алтайском, хакасском и шорском языках, по мнению В. А. Богородицкого, происходило под влиянием родительного падежа, «с которым исходный падеж имеет некоторые точки семасиологического соприкосновения». См.: *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 159.
[64] Ср.: *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение, с. 55—56.

ïр-т-ïн) ‘извне, снаружи’; хак. *оңартïн* (*оң-ар-т-ïн*) ‘справа’; шор. *öрäртің* (*öр-äр-т-ін*) ‘сверху (вниз по реке)’, *мïнāртïн* (*мïн-āр-т-ïн*) ‘отсюда’. Дополнительный аргумент в пользу высказанного нами предположения — наличие в тюркских языках, в особенности в древнетюркском,[65] аналогичных наречий в форме «слитного» деепричастия без конечного *н*, ср.: туркм. *öңүрті* ‘раньше’, др.-тюрк. *üstürti* ‘сверху’, *öңдүрі*, *öңдүрті* ‘впереди’, ‘спереди’, *кәдірті* ‘сзади’, *таштïртї* ‘наружу’, ‘снаружи’, *јаңïртї* ‘снова’.[66] Вместе с тем не исключено, что еще в праязыке вследствие переразложения морфологических элементов деепричастной формы выделился сложный аффикс *-(ï)ртïн* и что некоторые наречия и послелоги, включающие в себя компонент *-тïн ~ -тун*, представляют не конечную ступень обособления деепричастия, а частные случаи использования готовой модели. Именно такой аффикс фигурирует в грамматике алтайского языка, составители которой высказали предположение о его образовании из сочетания аффикса исходного падежа *-дïн* с послелогом *јарї* (resp. *д′āр*).[67] Н. Х. Ишбулатов называет его реликтовым формантом.[68]

Выделение сложного аффикса способствовало закреплению древней формы исходного падежа за теми обособившимися морфологическими образованиями, которые оканчивались на *р*. Не случайно в большой группе наречий и послелогов предшествующими компоненту *-тïн ~ -тун* оказались аффиксы дательно-направительного падежа *-кар ~ -ҕар* (<**карї* ‘сторона, направление’), *-сар ~ -зар* (<*сарї* ‘сторона, направление’) или подвергшиеся небольшим фонетическим изменениям слова *јәр* ‘земля’, ‘место’, *јарї* ‘направление’ и другие. Они выражают в основном пространственные значения, что и явилось причиной отмеченного выше семантического своеобразия форм на *-тïн ~ -тун*. Примеры: алт. *ічкәртïн* ‘изнутри’, *тїшкартïн* ‘извне, снаружи’; кар. *сартïн* ‘со стороны’, *андан сартïн* ‘после этого’; карач.-балк. *мәні сартïн* ‘из-за меня’; шор. *тајҕа сартïн* ‘в сторону тайги’; кар. *ашаҕартїң* ‘внизу’, ‘снизу’, *артқартïн* ‘сзади’, ‘назад’, *бірдәјартïн* (*бір-дә-јартïн*) ‘нигде’; карач.-балк. *оҕартïн* ‘свысока’; хак. *ібзәртїң* ‘со стороны юрты’, *пәртїң* (*пу-јәртїң*) ‘отсюда’, *ārтïн* (*ан-јәртїң*) ‘оттуда’. Ср.: тув. *їнāртан* ‘оттуда’, *соңҕāртан* ‘с севера’, *дашкāртан* ‘извне, снаружи’, *мïнāртан* ‘отсюда’, *ү‘стүртән* (тодж. *ү‘стүттән*) ‘сверху’, *а‘лдїртан* (тодж. *а‘лдїттан*) ‘снизу’,[69] *даштāртан* ‘снаружи’, *дōратан* ‘со стороны’.

3. Что касается материалов карачаево-балкарского языка, то, на первый взгляд, они не содержат ничего особенного, по сравнению с другими тюркскими языками. В самом деле, значение продольности у формы на *-тїн ~ -тун* типично для формы исходного падежа при глаголах движения, ср.: ст.-кыпч. *качан јолдан барїрлар іді* ‘когда шли по дороге’ (Cod. Cum. $62r_8$); алт. *оңозї сол д′анїнаң ӧдүп турді* ‘все проходили по левой стороне’; тат. *баскїчлардан мїнїп* ‘поднявшись по ступенькам’; тур. *köprüdən gəčtik*, узб. *кўпріқдан ўтдік* ‘мы прошли по мосту’; тур. *čamurlu joldan gidijorlar* ‘они идут по грязной дороге’. Тем не менее в карачаево-балкарском языке налицо следы ранее неизвестного образования или же имеет место определенный сдвиг, заключающийся в особенной специализации одной из хорошо известных форм.

Как указывалось выше, М. А. Хабичев говорит о сохранении в карачаево-балкарском языке архаической формы продольного падежа и указывает на следующие особенности ее: форма продольного падежа употребляется только при глаголах движения; являющийся приметой данной формы аффикс *-тїн ~ -тун* выступает и без начального *т*, ср.: *ўолтун*, *ўолун* ‘по дороге’, ‘дорогой’, *көктүн*, *көгүн* ‘по небу’, ‘небом’; форма на *-тїн ~ -тун ~ -їн ~ -ун* свободно

[65] См.: *Bang W.* und *Gabain A.* Türkische Turfan-Texte, I. — SPAW, phil.-hist. Klasse, XV. Berlin, 1929, S. 261. Составители академической грамматики казахского языка расчленяют *ұстїртїн* на *ұстїрт* и *-їн* и квалифицируют первый компонент как производное существительное. См.: Современный казахский язык, с. 365.

[66] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 234, 293, 386, 541, 628; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя), с. 53.

[67] Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869, с. 100.

[68] *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 126.

[69] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект. . ., с. 32.

заменяется послеложным сочетанием: *ўолтун ~ ўолун ~ ўол бла*; вариант *-їн ~ -ун* не присоединяется к основам на гласный.[70]

Обзор специальной литературы, посвященной исследованию и описанию грамматики карачаево-балкарского языка, показывает, что предшественники М. А. Хабичева не выделяли продольный падеж,[71] ограничивались упоминанием шести падежей [72] и относили такие наречия, как *ўашїртїн*, *бїлајтїн*, *алајтїн*, к числу обособившихся форм творительного (орудного) падежа.[73]

По вопросу о соотношении *-тїн ~ -тун* и *-їн ~ -ун* высказано, насколько нам известно, одно мнение. М. А. Хабичев считает *-їн ~ -ун* более поздней, упрощенной, разновидностью аффикса продольного падежа *-тїн ~ -тун*.[74] Упрощение — естественный путь развития морфологических элементов, и сама возможность выпадения *т* вполне реальна, и все же с мнением М. А. Хабичева трудно согласиться: *-тїн ~ -тун* и *-їн ~ -ун* существуют в карачаево-балкарском языке параллельно, нет никаких признаков постепенной замены первого из них вторым и, следовательно, параллелизм здесь не случаен. По-видимому, имел место региональный процесс смешения форм исходного и творительного (орудного) падежей, затронувший и другие кыпчакские языки, помимо карачаево-балкарского (кумыкский, караимский). С учетом контаминации становится понятным появление дублетов, ср.: кар. *бу јарїн* ‘через это, посредством этого’ и *бірдәјартїн* ‘нигде’, *сарїн* и *сартїн* ‘из-за, благодаря’; ст.-кыпч. *оҕрїлајїн* ‘как вор’ (Cod. Cum. $30v_{19}$), кар. *булај ~ бїлај* ‘так, таким образом’ и *јоллајтїн* ‘дорогой, мимоходом’; карач.-балк. (с семантическим разграничением) *бїлај* ‘так, этак’, *алај* ‘так’, *бїлајтїн* ‘отсюда’, ‘через это место’, *алајтїн* ‘оттуда’, ‘через то место’.[75]

Понятно, что формы исходного и творительного (орудного) падежей могли смешиваться в тех случаях, когда их содержание совпадало, т. е. когда, сочетаясь с глаголами движения, они выражали пространственные значения. И, конечно, с формой творительного (орудного) падежа смешивалась лишь та разновидность формы исходного падежа, в составе которой был аффикс с узким гласным, так как именно этот тип огласовки характерен для аффикса творительного (орудного) падежа.[76]

Хотя сам факт смешения двух разных падежных форм рассматривается нами как региональный процесс, нельзя исключать того, что смешение началось еще в эпоху общетюркского состояния. Существовал ряд основ, имевших пространственную семантику и включавших в себя в качестве факультативного элемента согласный *т*, вследствие чего форма творительного (орудного) падежа, образованная от них, воспринималась двусмысленно: и как форма орудного (*алт-їн*), и как форма исходного падежа (*ал-тїн*), ср.: др.-тюрк. *алтїн* ‘внизу’, ‘снизу’ от *алт* ‘низ’, *üstün* ‘вверху’, ‘сверху’ от *üst* ‘верх’, *astïn* ‘внизу’, ‘вниз’ от *ast* ‘низ’.

Из сказанного следует, что в карачаево-балкарском языке сохранилась древнетюркская форма творительного (орудного) падежа на *-їн ~ -ун*, *-тїн ~ -тун*, причем последний аффикс представляет собой региональное явление, возникшее в сравнительно поздний период времени. Сделанный нами вывод — одно из возможных решений, всесторонняя проверка которого будет осуществлена в ходе дальнейших поисков. Но уже сейчас, независимо от конечных

[70] См.: *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение, с. 52—62.

[71] См.: *Филоненко В. И.* Грамматика балкарского языка: Фонетика и морфология. Нальчик, 1940, с. 30 сл.; *Хуламханова В. Х.* Категория падежа в современном карачаево-балкарском языке. АКД. Баку, 1974.

[72] У В. И. Филоненко — семь падежей, однако седьмым является не продольный, а творительный падеж с послелогом *бла*. См.: *Филоненко В. И.* Грамматика балкарского языка, с. 30.

[73] См.: Къарачай-малкъар тилни грамматикасы, с. 103.

[74] *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение, с. 58.

[75] См.: *Гочияева С. А.* Особенности наречий в карачаево-балкарском языке, с. 182.

[76] Использование аффикса творительного (орудного) падежа с широким гласным носило четко выраженный диалектный характер (см. манихейские тексты).

результатов проверки, можно сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении факты не подтверждают предположения о существовании в тюркском праязыке особой формы продольного падежа.

Творительный падеж

Необходимо различать древнетюркскую (~ общетюркскую) форму творительного падежа на *-ïн ~ -ун*, прослеживаемую, за редкими исключениями, только в пределах наречия, и современные региональные формы, отразившиеся в наречиях и вместе с тем входящие в падежные парадигмы ряда тюркских языков.

Форма творительного падежа на *-ïн ~ -ун* — несомненно общетюркская, существовавшая и широко использовавшаяся в качестве падежного образования приблизительно до XI—XII вв. Следы ее сохранились во всех современных тюркских языках, более того в чувашском [77] и карачаево-балкарском языках встречаются случаи употребления этой формы в собственном значении.

Процесс адвербиализации формы творительного падежа начался рано: уже в языке древнейших памятников заметно вытеснение ее на периферию падежной парадигмы.

В семантическом отношении наречия на *-ïн ~ -ун* настолько разнообразны, что практически возможен любой тип: наречия места, наречия времени, наречия образа действия и т. д., однако явно преобладают наречия времени.

Обычно аффикс *-ïн ~ -ун* присоединяется непосредственно к именной основе, корневой или производной, иногда же аффиксу *-ïн ~ -ун* предшествует аффикс принадлежности 3-го лица (?) и очень редко аффикс множественного числа. Примеры: др.-тюрк. *күнүн*, ст.-тур. *гүнүн*, *гүндүзүн*,[78] ст.-узб. *күндүзүн*, гаг. *гүндүзүн* ‘днем’; др.-тюрк., алт. *түнүн*, ст.-тур. *дүнін*,[79] башк. *төнөн* ‘ночью’; алт., ног., тув. *ӛртӛн* (*ӛртӛ-н*), узб. (диал.) *ӛртӑн* ‘завтра’, ‘утром’, башк., тат. *иртӛн*, кум., шор., *ӛртӛн*, хак. *іртэн* ‘утром’; ст.-тур. *башын*, *ілкін* ‘в самом начале’;[80] башк. *иртәләрҙән* ‘по утрам’;[81] башк. *кисҙн*, тат. *кичән* ‘вечером’; тат. *кичләрән* ‘вечерами’; алт., кар., тув. *күзүн*, башк. *көҙөн*, тат. *көзән*, якут. *күһүн* ‘осенью’;[82] алт., тув. *кӱжін*, гаг. *кӱшін*, казах. *кҙсҙн*, кар. *кӱшін* ‘зимой’; башк. *яҙҙн*, тат. *язән*, тоф., тув., шор. *чазін* ‘весной’, казах. *жазҙн*, крым.-тат., тур. *язын* ‘летом’; др.-тюрк. *кәдін* ‘сзади’, ‘затем, после’, кирг. *кійін*, узб. *кӑйін* ‘после, потом’ (**кәд* ‘зад, задняя часть’);[83] туркм. *йаның* ‘на бок’, ‘боком’, *аркăн* ‘навзничь’; туркм. (диал.) *ҕайдӱшӱн* ‘на обратном пути’;[84] кар. *тібін* ‘внизу’, *ансїзїн* ‘неожиданно’ (см. также: Cod. Cum. 61r$_{16}$); алт., кум. *тӛгін* ‘напрасно, зря’, ‘даром, бесплатно’; чуваш. *вудăн* ‘подобно огню’, *укс'ан* ‘деньгами’, *пиччĕн* ‘навзничь’, *аҫăн* ‘низом’, *кудăн* ‘задом’, ‘задом наперед’, ‘шиворот-навыворот’.

Частным проявлением общей тенденции группировки определенных морфологических показателей следует считать образование наречий в форме творительного падежа на *-ïн ~ -ун*, с предшествующим аффиксом принадлежности 3-го лица, присоединяемым к порядковым числительным, относительным прилагательным типа *кӱшкї* ‘зимний’, ‘относящийся к зиме’, абстрактным существительным. Примеры: алт. *ӱчінчізін* ‘в третий раз’; казах. *ӛртӛңҙсҙн*, хак. *іртӛңҙзҙн*, кирг. *ӛртӛңкісін*, тат. *іртәгҙсҙн* ‘на следующий день’, ‘утром’; башк. (диал.) *кискҙһҙн*,[85] казах. *кӛшкҙсҙн*, кирг. *кечкісін* ‘вечером’; башк. (диал.) *кҙһҙн*, кирг. *кӱшүнкісін*, хак. *хӱсхізін* ‘зимой’; хак. *харăзын* ‘ночью’, *ірҙзҙн* ‘вечером’, *ҙкҙнҙҙзҙн* ‘вторично’; шор. *паштапкїзін* ‘во-первых’, *күскүзүн* ‘осенью’; якут. *алтһын* ‘в шестой раз’. Ср.: башк. (диал.) *кҙшкҙлҙҙгҙн* ‘зимой’, *көндөҙгөлөгөн* ‘днем’.[86]

М. И. Боргояков усматривает в наречиях типа хак. *ҙкҙнҙҙзҙн*, *ӱҙҙнҙҙзҙн*, *часхізін*, *харăзын* сочетание аффикса принадлежности 3-го лица с аффиксом винительного падежа.[87] Использование формы винительного падежа для временной и пространственной характеристики действия вполне допустимо, и, следовательно, точка зрения М. И. Боргоякова имеет достаточные основания.

Добавим к этому, что Л. Н. Харитонов высказывал аналогичные соображения о грамматической природе якутских наречий типа *күһүн* ‘зимой’, *кэнэгэһін* ‘в будущем’.[88] Однако при критической оценке высказываний Л. Н. Харитонова и М. И. Боргоякова следует иметь в виду, что ни в якутском, ни в хакасском языке пока не обнаружены примеры адвербиализации имен в форме винительного падежа без аффикса принадлежности 3-го лица. Необходимо иметь в виду и то, что приведенные выше наречия с неясной грамматической природой и наречия в форме творительного падежа, не включающие в себя аффикс принадлежности, образуют своего рода параллели, ср.: кирг. *кӱшүнкісін* и казах. *кӛсін* ‘зимой’; хак. *іртэңҙзҙн* и *іртэн* ‘утром’.

Регионально используемые формы творительного падежа многообразны и многочисленны, их более десяти, но почти все они восходят к одному источнику — к послелогу *білä ~ бірлä*, *білän ~ бірлän*, и региональность их должна пониматься как закрепление за тем или иным языком или группой языков определенных разновидностей, полностью или частично утративших связь с указанным выше прототипом. Примеры: азерб. *тӛзліклә*, *сӱр'ätlä*, *ҕäлдліклә* ‘быстро, скоро’, *бӱтүнлүклә* ‘целиком, полностью’; башк. (диал.) *төшкөлә* ‘в полдень’, *кискҙлә* ‘вечером’, *јаҙкҙла* ‘весной’, *кҙшкҙла* ‘зимой’, *көндөгөлә* ‘днем’;[89] гаг. *гӱүүлä* ‘с трудом, еле-еле, насилу’; казах. *күнҙмән* ‘целый день’, ‘в течение дня’, *түнҙмән* ‘ночью’; карач.-балк. *күч бла*, тув. *күш-білә* ‘силой, насильно’; карач.-балк. *тамбла*, *ӛртдӛмбла* ‘завтра’, *кечӛсі бла* ‘ночью’; тув. *маңбілә* ‘бегом’; тур. *вактіјлӛ* ‘некогда, когда-то’, *гӛнӛлліклә* ‘в общем’, ‘в целом’, *һӱзла* ‘быстро, стремительно’, *ічтӛнліклә* ‘сердечно’; хак. *чорїхнаң* ‘рысью’, *толдїрзїнаң* ‘полностью’; чуваш. *ҫĕргĕпĕ* ‘рядами’, *кучĕпĕ* ‘целый день’, *кас'па* ‘вечером’; шор. *арај-ла* ‘насилу, с трудом’.

Сравнительно-ограничительный падеж

Аффикс, или аффикс-послелог, образующий форму сравнительно-ограничительного падежа в древнетюркском и староузбекском языках, — единственный из общетюркских падежных аффиксов, который вплоть до настоящего времени сохраняет черты служебного слова, точнее послелога: на него не падает ударение, он не всегда подчиняется гармонии гласных.[90] Исследователи современных тюркских языков, учитывая эти обстоятельства, а также особенности семантики формы на *-ча ~ -ҷа. . .*, воздерживаются от рассмотрения ее в числе падежных форм.

Своеобразием природы аффикса *-ча ~ -ҷа. . .* и особенностями его функционально-семантической стороны объясняется некоторая неопределенность образованных при помощи него форм. Например, башк. *башҡортса*, тур. *түркчӛ* и т. д. используются в качестве как приглагольных, так и приименных определений, ср.: тур. *түркчӛ конушмак* ‘говорить по-турецки’, *түркчӛ сӧзлүк* ‘турецкий словарь’. Несмотря на это, форма сравнительно-ограничительного падежа считается наиболее типичной для наречия.

---

[77] См.: *Андреев Н. А.* Ими существительное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Чебоксары, 1957, с. 27.

[78] См.: *Ertaylan I. H.* Türk edebiyatı örnekleri, I. Varaka ve Gülşah. İstanbul, 1945, s. 18.

[79] Там же, s. 24.

[80] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha. Nakleden: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946, s. III, XI.

[81] См.: *Абсалямов З. З.* Наречие в современном башкирском языке, с. 6.

[82] В якутском языке *күһүн*, *сајїн* употребляются и как формы именительного падежа.

[83] См.: *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, I. Фонетика и этимология. СПб., 1894, с. 68.

[84] См.: *Байрамдурдыев Б.* Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965, с. 15.

[85] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Кизильский говор. — БД, с. 48. См. также: *Максютова Н. Х.* Бурзянский говор. — Там же, с. 108; *Миржанова С. Ф.* Кубалякский говор. — Там же, с. 169.

[86] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 72.

[87] См.: *Боргояков М. И.* Винительный падеж на *-н* в хакасском языке. — В кн.: Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1962, с. 70.

[88] *Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке, с. 34.

[89] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 72, 94.

[90] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 114; *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941, с. 64.

В группе наречий на *-ча ~ -ǰа. . .* можно выделить несколько подгрупп, различающихся грамматической природой «основы» и наличием связанных с этим семантических оттенков.

К первой подгруппе мы относим наречия, «основами» которых являются существительные в форме единственного и множественного числа, с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него, ср.: 1) др.-тюрк. *köŋüлčä*, *tilägkä* 'по желанию'; ст.-азерб. *däväǰä* 'с верблюда', *хïранǰа* 'с копье';[91] азерб. *достǰа*, тур. *достча* 'по-дружески'; азерб. *mä'naǰa* 'по значению'; алт. *чïнïнча* 'по правде'; башк. *байрамса* 'по-праздничному'; гаг. *адәтчä*, туркм. *ādatça* 'по обыкновению, по обычаю'; казах. *балаша* 'по-детски'; тат. *авылча* 'по-деревенски'; узб. *яхшілікча*, уйг. *яхшилікча* 'по-хорошему'; узб. *аскарча* 'по-солдатски', *вактінча* 'временно', *кўпінча* 'большей частью'; уйг. *язичä* 'все лето', 'в течение лета', *кәчічä* 'всю ночь';[92] хак. *чолǰа* 'по дороге'; 2) башк. *дуҫтарса*, карач.-балк. *дусларча*, узб. *дўстларча*, уйг. *достларчä* 'дружески, по-дружески'; башк. *батырҙарса*, тат. *батырларча*, туркм. *ǧахрïманларча*, узб. *каһрамонларча* 'геройски'; казах. *адамларша* 'по-человечески'; ног. *балаларша*, тат. *балаларча*, узб. *болаларча* 'по-детски'; узб. *эталарча*, уйг. *атиларчä* 'по-отцовски, отечески'. В словоформах, обозначающих отрезки времени, аффикс *-лар* сохраняет значение множественного числа: башк. *йылдарса*, тур. *йылларǰа*, узб. *йилларча* 'годами'; тат. *айларча* 'месяцами'; крым.-тат. *асырларǰа*, узб. *асрларча* 'веками'; тур. *сатларǰа* 'часами', *гүнләрǰә* 'днями'.

Вторую подгруппу наречий в форме сравнительно-ограничительного падежа составляют те, у которых «основы» — качественные и относительные прилагательные. Многие наречия этой подгруппы являются скорее прилагательными, чем наречиями, тем не менее их следует упомянуть здесь, учитывая усиливающуюся тенденцию к расширению обстоятельственного использования. Примеры: др.-тюрк. *оŋча* 'направо', *солча* 'налево'; азерб. *јалнызǰа* 'одиноко', *јавашǰа* 'тихонько, осторожно'; башк. *ідкәсä*, тат. *искичä*, уйг. *äскичä* 'по-старому'; башк. *бҙрҙнгҙса*, тат. *бурынгыча* 'по-прежнему', 'по-старому'; башк. *башкаса*, казах., ног. *баскаша*, кирг. *башкача*, узб. *бошкача*, уйг. *башкичä* 'иначе, по-иному', кар. *башкаǰа* 'отдельно, особо'; кирг. *артыкча* 'особенно, в особенности'; ног. *алдынгыша* 'по-прежнему'; тур. *этрафлыǰа* 'всесторонне', *османлыǰа* 'по-османски'; узб. *яңича*, уйг. *јәңичä* 'по-новому'; узб. *эдатдагича* 'как обычно', 'по-обыкновению', *аввалгича* 'по-прежнему', *турлича* 'по-разному'; уйг. *äксичä* 'напротив', 'наоборот'.

Дополнительным средством разграничения прилагательных и наречий на *-ча ~ -ǰа. . .* становится ударение: гаг. *гөзәлǰá* 'довольно красивый' / *гөзáлǰа* 'красиво', *сïкчá* 'довольно густой' / *сíкча* 'часто, густо', *гәнішчá* 'довольно широкий' / *гәнíшчä* 'широко'.[93] В узбекском языке при помощи ударения разграничиваются наречия и формы уменьшительности-ласкательности: *шаһарчá* 'городок' / *шаһáрча* 'по-городскому', *кушчá* 'птичка' / *кýшча* 'по-птичьи', *јігітчá* 'паренек' / *јігítча* 'по-молодецки'.[94]

Третья подгруппа — отместоименные наречия на *-ча ~ -ǰа. . .* «Основами» их являются личные, указательные и другие местоимения в исходной форме, с аффиксами множественного числа, а также в форме родительного падежа, например: башк. *мінеңсä*, казах. *мәнiңшә*, ног. *мәнiмшә*, тур. *бәнǰә*, узб. *мәнінча ~ мәнімча* 'по-моему'; кар. *бізǰә*, *бізімчә*, карач.-балк. *бізніча*, тат. *безнеңчä*, *бездәгечä*, туркм. *бизиңчä*, узб. *бізніңча* 'по-нашему'; башк. *һеҙеңсä*, *һеҙекенсä*, кум. *сізінчä* 'по-вашему'; алт. *мïнча*, гаг., тур. *бунǰа*, уйг. *мунчä*, хак. *мïнǰа*, якут. *бачча* 'столько'; др.-тюрк. *інчä* 'так'; ст.-азерб. *онǰа*, алт., кирг. *анча*, уйг. *анчä* 'столько'; др.-тюрк. *өзіңчä*, узб. *ўзіча* 'по-своему'; казах. *өзiмшә* '(мы) по-своему'; тур. *кәндимǰә* '(я) по-своему', *кәндинǰә* '(ты, он) по-своему'; узб. *бутуніча*, *бутунісіча* 'целиком и полностью'.

Четвертую подгруппу объединяет наличие в основе глагольных имен. Грамматическая квалификация их не всегда однозначна и часто сопряжена с трудностями, так как глагольные имена в форме сравнительно-ограничительного падежа наделены функциями деепричастий и строгие критерии отнесения их к наречиям или деепричастиям отсутствуют. Ясно лишь, что все они расположены к адвербиализации, ср.: азерб. *дојунǰа*, кар. *тојǧанча*, ног. *тојǧанша*, хак. *тосханǰа* 'досыта', 'вдоволь'; азерб. *гізлі(н)ǰä* 'скрытно, тайно'; тат. *бïлмічä* 'не ведая', 'невольно'; тур. *олдукча* 'довольно, достаточно', *гиттикчә* 'постепенно'; туркм. *ісләдікчә* 'вволю, вдоволь'; узб. *шошилганча* 'поспешно', *ајтишларіча* 'как говорят', *јашірінча* 'тайно, скрытно'.

В особую подгруппу мы выделяем наречия в форме предельного падежа с аффиксом *-ǧача*, образовавшимся из сочетания аффикса дательно-направительного падежа *-ǧа* с послелогом *чак* или *чаклï*. Степень обособления форм на *-ǧача* в большинстве случаев установить невозможно: часто, по-видимому, приходится иметь дело с живой падежной формой. Примеры: башк. *кискäсä* 'до вечера', *хәҙәргäсä* 'до сих пор'; узб. *тушгача* 'до обеда', *халігача* 'пока'; уйг. *һазірғичä* 'до сих пор', *шуғичä* 'к тому времени', *аңғичä* 'тем временем', 'к тому времени'.

К наречиям на *-ча ~ -ǰа. . .* примыкают формы на *-чак ~ -чах ~ -ǰак ~ -ǰах. . .*, восходящие к одному и тому же прототипу, ср.: др.-тюрк. *анчах* 'так'; азерб. *сәвінǰäк* 'радостно'; азерб. (диал.) *доғруǰағ* 'правильно', *бізчäх* 'по-нашему';[95] башк. *иртәнсäк* 'наутро', 'на следующий день'; гаг. *бунǰак* 'столько'; кар. *тојǧанчак* 'досыта'; хак. *аҷïрінǰа*, *аҷïрінǰах* 'потихоньку'; чуваш. *анǰах* 'только', 'только лишь', 'только что'.

Аффикс *-ча ~ -ǰа. . .* может сочетаться с аффиксом *-лаїн*: туркм. *ǝāǧatлаїнча*, *ваǧтлаїнча* 'временно'; ср.: узб. *вактінча*.

Уподобительный падеж

Здесь имеются в виду несколько форм, и прежде всего форма на *-лај ~ -лају ~ -лаїн. . .*,[96] являющаяся по происхождению глагольной («слитное» деепричастие от глагольной основы на *-ла*). В результате длительного использования данная форма утратила черты глагольного образования: аффикс *-ла* и деепричастный аффикс стали восприниматься как единое целое: в конечном итоге произошло выделение именной основы и нового морфологического показателя. Примеры: др.-тюрк. *бöрлäjү* (*бöрілä-jү* > *бöрі-läjү*) 'уподобляясь волкам' > 'по-волчьи', *ікілäjү* 'во второй раз, снова', *мунчулаjу* 'этак'; ст.-кыпч. *оғрїлаїн* 'украдкой', 'воровски' (Cod. Cum. $30v_{19}$), *кümüшлəj* 'как серебро' (Cod. Cum. $72r_4$), *күндүзläjін* 'днем', *кäшäläjін* 'ночью';[97] ст.-тур. *көмürлəjін* 'как уголь', *сәнǰіläjін* 'подобно тебе';[98] ст.-узб. *сізläjін* 'подобно Тебе'; башк. *бөтөнлəj*, кирг. *бүтүндöj*, ног. *бүтінлəj*, тат. *бөтенлəj*, туркм. *бүтінлəj(ін)*, узб. *бутунлај*, уйг. *пүтүнläj* 'целиком, полностью'; башк. *тирелəj*, кар. *тірілəj*, ног. *тірілəj*, туркм. *дірілəjін*, узб. *тіріклај*, *тіріклаjін* 'живьем, заживо'; гаг. *сабäлäн*, тур. *сабаһлəjін*, кар. *сабахлаїн* 'утром'; башк., казах. *бүлај*, кар. *булај ~ білај*, карач.-балк. *білај* 'так, таким образом'; кар. *танлај* 'рано утром'; карач.-балк. *сәнлəj* 'как ты', *будајлај* 'пшеницей, в виде пшеницы', *ачхалај* 'деньгами', *алајлај* 'в таком виде', *бійілғілај* 'как этого года';[99] кирг. *курулај*, ног. *күрелај* 'зря, впустую'; крым.-тат. *акшамлаїн*, тур. (диал.) *авшамнəjін* 'вечером';[100] кум. *бурчаклаїн* 'как горох'; ног. *бајағылај* 'по-прежнему', *јартылај* 'пополам, наполовину'; тат. *бушлај* 'даром, бесплатно'; тат. (диал.) *јїланлаїн* 'как змея';[101] туркм. *āјлаїн* 'ежемесячно', *ātлаїн* 'поименно',

---

[91] См.: *Шукюров А. Дж.* Наречие в азербайджанском языке, с. 9.
[92] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. . ., с. 23.
[93] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 253.
[94] См.: *Фузаилов С. Ф.* О наречии в современном узбекском языке, с. 20.
[95] См.: *Джангидзе В. Т.* Особенности дманисского говора азербайджанского языка. АКД. Баку, 1955, с. 17.
[96] См.: *Atalay B.* Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. Istanbul, 1942, s. 192, 195.
[97] См.: Изысканный дар. . ., с. 61.
[98] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha, s. XIV; *Timurtaş F. K.* Küçük eski Anadolu türkçesi grameri. — Türkiyat Mecmuası (1973—1975), Istanbul, 1976, XVIII, s. 355, 358—359.
[99] См.: *Гочиаева С. А.* 1) Наречие в карачаево-балкарском языке: (В сравнении с некоторыми языками кыпчакской группы). АКД. Баку, 1968, с. 23; 2) Особенности наречий в карачаево-балкарском языке, с. 217, 223.
[100] См.: *Kowalski T.* Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. — Prace Komisji Orjentalistycznej. Kraków, 1933, Nr. 16, p. 20.
[101] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 44.

аδĭрлаjĭн ‘веками’; туркм. (диал.) (*бĭр*) *jĭллаjĭн* ‘на год’;[102] чуваш. *авданла* ‘по-петушиному’, *арҙ′ĭнла* ‘по-мужски’.

Есть некоторые основания дополнить эту группу якутскими наречиями в форме так называемого наречного падежа (casus adverbialis) на *-лӣ* ~ *-лӯ* ~ *-тӣ* ~ *-тӯ* ~ *-δӣ* ~ *-δӯ* ~ *-нӣ* ~ *-нӯ*, выделенного О. Бётлингком[103] и В. В. Радловым.[104] С. В. Ястремский полагал, что указанный аффикс образует существительные со значением «похоже на что, имеющее вид чего, образ чего, действие, как что».[105] Л. Н. Харитонов считал его наречным аффиксом и вместе с тем указывал на возможность эпизодического сочетания формы на *-лӣ* с именами, ср.: *сахалӣ саңа* ‘якутская речь’, *сахалӣ саңар-* ‘говорить по-якутски’. В качестве аргумента в пользу тезиса о глагольном происхождении наречий на *-лӣ* ~ *-лӯ* . . . (ср.: казах. *-лаj*) отмечается наличие в якутском языке деепричастий с аналогичным аффиксом.[106] По мнению М. Р. Федотова, к данной группе должны быть отнесены также чувашские наречия образа действия «с оттенком сравнительного значения» на *-ла*: *аĭалла* ‘по-детски’, *убалла* ‘по-медвежьи’, *вĭрăсла* ‘по-русски’.[107]

Безусловно, название «уподобительная» для формы на *-лаj* ~ *-лаjу* ~ *-лаjĭн*. . . является условным: замечено, что помимо уподобительного она выражает значения, имеющие мало общего с уподобительным или же вообще никак не связанные с ним, ср.: башк. *бӑрӑңғылаj* ‘по-прежнему’, *бӑгӑнгелăj* ‘как сегодня’, но: *барĭшлаj* ‘мимоходом’, ‘проездом’, *китĭшлăj* ‘по пути’, *кайтĭшлаj* ‘на обратном пути’, ‘при возвращении’.

Вторая уподобительная форма, являющаяся источником пополнения наречий, — на *-даҕ* ~ *-таҕ* ~ *-дај* ~ *-тај* ~ *-дајĭн* ~ *-тајĭн*. Последняя разновидность — *-дајĭн* ~ *-тајĭн* — могла возникнуть по аналогии с предыдущей формой, на *-лаjĭн*, ср.: тат. (диал.) *ĕнлаjĭн*, *ĕнтај* и *ĕнтах* ‘как мука’.[108] Вместе с тем не исключено, что она отражает в наиболее полном виде внешний облик предполагаемого прототипа: *тӕг* < *тӕгі* < *тӕгін* — послелог, образовавшийся путем обособления в служебной функции «слитного» деепричастия (*тӕг-* ‘достигать, касаться’, *тӕгін* ‘достигая, касаясь’), ср.: казах. *бӱркĭттӕjĭн* ‘как беркут’, *алмадаjĭн* ‘как яблоко’, ‘с яблоко’, *калаҕа дӕjĭн* ‘до города’, *кӕшкӕ дӕjĭн* ‘до вечера’.

Семантически форма на *-даҕ* ~ *-таҕ*. . . близка к сочетанию имени с послелогом *кадар* в турецком языке, хотя используется шире: в целях не только количественной и пространственной, но и качественной характеристики, ср.: башк. *арĭӧландај*, тур. *аслан кадар* ‘как лев (величиной, размерами)’ и *аслан гібі* ‘как лев (сильный)’.

Форма на *-даҕ* ~ *-таҕ*. . . совмещает функции определения и обстоятельства, и поэтому некоторые тюркологи считают отнесение ее к наречию необоснованным.[109] Примеры: башк. *аjĭӧδаj*, тат. (диал.) *аjутаjĭн*[110] ‘как медведь’; башк. *урмандаj* ‘как лес’, *таштај* ‘как камень’; казах. *бĭздӕj*, уйг. *бізддәк* ‘как мы’; ног. *дослардај* ‘по-дружески’, *содај* ‘так’; тат. *алтĭндај* ‘как золото’, *jĭландај* ‘как змея’; узб. *аввалгідәк* ‘по-прежнему’.

[102] См.: *Байрамдурдыев Б.* Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 15.

[103] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten: Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 161—163.

[104] См.: *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН. VIII сер., 1908, VIII, № 7, с. 31—32.

[105] *Ястремский С. В.* Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, с. 46—47. Ср.: *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка, II. Сложное предложение, 1. Новосибирск, 1976, с. 197—203.

[106] См.: *Харитонов Л. Н.* 1) Неизменяемые слова в якутском языке, с. 26—27; 2) Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 121—122, 255.

[107] *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980, с. 62—65.

[108] См.: *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. АКД. М., 1969, с. 25, 44.

[109] См.: *Абсалямов З. З.* Морфологическая структура наречий в башкирском языке, с. 102—103.

[110] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 44.

Сложные именные наречия

Сложные именные наречия — изафетные, определительные и другие сочетания, последние компоненты которых выступают в форме единственного и множественного числа, а также в форме различных падежей.

Из сочетаний, построенных по модели тюркского изафета, встречаются: конструкция, в которой у первого компонента — исходная форма, а второй компонент оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица, и так называемая перевернутая изафетная конструкция: 1) азерб. *ахшам вахтӣ* ‘вечером’; узб. *дам эліш кунларі* ‘по выходным дням’; шор. *пӯл чаjҕĭзĭн* ‘нынешним летом’; 2) азерб. *бірігүн* (*бірі гүн*), башк. *бĭрһĭгӧн*, казах. *бӱрсĭгӱн*, кар. *бірсі күн*, карач.-балк. *бӱрсӱкӱн*, ног. *бĭрсĭгӱн*, тат. *бĭрсĭкӧн*, *бĭрсĭкӧнгә*, тат. (диал.) *табĭрсĭ кӧн*,[111] туркм. *бірігүн*, узб. (диал.) *бӱрискӱн*, *бӱргүн*[112] (ср.: узб. *бірісі куні*) ‘послезавтра (позавчера)’; кар. *обірсі күн*, *өбӱркӱн*, тур. *өбӱрсӱ гӱн*, *өбӱр гӱн* (*о бірісі күн*) ‘послезавтра’; карач.-балк. *бірсікӟчӟ* (*бірісі кӟчӟ*) ‘позавчера ночью’, хак. *пĭрсĭкӱн*, *пӱрнӱкӱн* (*пуруну күн* или *пурунҕї күн*) ‘позавчера’; ног. *ӟртӟгĭсĭ кӱн*, тур. *ӟртӟсі гӱн*, *дӟврісі гӱн* ‘на следующий день’; тув. *соңҕузу хӱн* ‘послезавтра’; тур. *ӟввӟлі(сі) гӱн* ‘позавчера’; ст.-тур. *бірісі jыл*,[113] тур. *ӟртӟсі сӟнӟ* ‘на следующий год’.

Распространенный тип сложных именных наречий — определительные сочетания. В функции определения в них выступают существительные, качественные и относительные прилагательные, указательные и другие местоимения, количественные и порядковые числительные, причастия: 1) ст.-кыпч. *асра күн*,[114] азерб. *сраңагүн* (*асраңа гүн*), азерб. (диал.) *ісі′раҕун*[115] ‘позавчера’; хак. *күнӧртӟ* ‘днем’; 2) башк. *jаланајак* (*јалан ајак*, ср.: азерб, *ајаҕ-јалın*), чуваш. *с′арран* (*с′ара* ‘голый’, *уран* ‘ногой’[116]) ‘босиком’; гаг. *ілкјазĭн* ‘весной’; казах. *бӱрнаҕĭ кӱн*, *алдĭңҕĭ кӱн*, туркм. *өңңĭн* (*өңгі гүн*), уйг. *бурнакӱн* ‘позавчера’; карач.-балк. *алҕĭн заманда* ‘раньше’; ног. *алдĭјакта* (*алдĭ јакта*) ‘впереди’; тофал. *соңҕӱ jӱлĭн* ‘в будущем году’; тур. *ӟввӟлкі гӱн* (ср.: узб. диал. *эвал куні*) ‘позавчера’; узб. *тӟз кунда*, *тӟз эрада* ‘в ближайшие дни’, ‘в ближайшее время’; хак. *пуруңчул* (*пурунҕĭ чӱл*) ‘в позапрошлом году’; 3) др.-тюрк., алт., кар., карач.-балк., кирг., кум., уйг., якут. *бӱгӱн*, азерб., тур. *бугүн*, башк. *бӧгӧн*, гаг. *бӱн*, ног. *бӱгӱн*, казах., к.-калп. *бӱгĭн*, тат. *бӱгĭн*, тув. *бӧгүн*, узб. *бугун*, хак., шор. *пӱн* (*бу күн*) ‘сегодня’; ст.-кыпч. *тӱнәкӱн* (Cod. Cum. 31r$_1$), ст.-узб. *тӱнәкӱн*,[117] азерб. *дүнән*, гаг., тур. *дүн*, кар. *тӱнәгүн*, карач.-балк. *тӱнӱнӟ*, *тӱнәнӟ* (< *тӱнәгӱ күнгә*),[118] кум. *тӱнәгүн*, кум. (диал.) *тӱнӟн*,[119] ног. *тӱнӟгӱн*, тув. *дӱн*,[120] туркм. *дүүн*, тат. (диал.) *төнәгĭн* (< *төнәгӱ көн*),[121] *төнә*, уйг. *тӱнӱгүн* (< *тӱнәгӱ күн*) ‘вчера’; башк. *төнәгӧн* ‘несколько дней

[111] См.: Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, б. 391.

[112] См.: *Абдуллаев Ф. А.* Ўзбек тилининг ўғуз лаҳжаси. Тошкент, 1978, б. 100.

[113] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha, s. III.

[114] См.: Йзысканный дар. . ., с. 61.

[115] См.: *Гулиев А. Г.* Структурно-этимологический анализ первообразных темпоральных наречий в тюркских языках, с. 73; *Doerfer G.* Ein türkischer Dialekt aus der Gegend von Hamadān. — АОН, 1983, XXXVI, 1—3, S. 106.

[116] См.: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 204.

[117] См.: *Ибрагимова А.* Исследование «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги. АКД. Ташкент, 1976, с. 29.

[118] С точки зрения С. А. Гочияевой, *тӱнӟнӟ* — преобразованный деепричастный оборот *тӱн өнӟ* ‘ночь наступая. . .’. См.: *Гочияева С. А.* Наречие в карачаево-балкарском языке, с. 18.

[119] См.: *Керимов И. А.* Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, с. 141.

[120] Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах возводят тув. *дӱн* к сочетанию *дӱ хӱн* ‘тот день’. См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 418. См. также: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект. . ., с. 24. Ср.: *Сарыбаев Ш.* О местоимениях *ту, тунеу.* — Изв. АН Казахской ССР. Сер. филол. и искусствовед., 1959, № 1 (11), с. 73—75. См. также: *Ҷамалдинов О.* Уйғур тилида қошма рәвишләрниң ясилиши. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965, с. 142, прим. 5; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя), с. 130.

[121] Ср.: *Çağatay S. Ş.* Uygurca ve eski Osmanlıca'da Instrumental -ºon. — DTCFD, 1943, I, 3, s. 95. Наряду с интерпретацией *төнәгӱ* как местоимения возможно толкование его как прилагательного: *төнәгӱ* ‘вчерашний’.

тому назад', 'на днях'; уйг. *өгүн* (*о күн*) 'послезавтра', алт. *бӱд'ӱл*, алт. (диал.) *пӱл*,[122] башк., казах., тат. *бӱгӱл*, карач.-балк., кирг., якут. *бӱгӱл*, тур. *бу гӱл*, уйг. *бігіл*, хак., шор. *пӱл*, чуваш. *кӑз'ал* (*ку с'ул*) 'в этом году'; карач.-балк. *бусаҕатда* 'сейчас', *бӱгӱчӱ* (*бу кӱчӱ*) 'этой ночью'; алт. *ол чакта*, уйг. *у чаҕда* 'тогда'; шор. *пӱл чаҕӱда* 'нынешним летом'; азерб., гаг., тур. *бур(а)да*, хак. *пу арада* 'здесь'; кар. *бујарї* (*бу јарї*) 'сюда'; тув. *бӛр*, хак. *пӛр* (*бу јӛр*), шор. *пӛрӛ* (*пу јӛрӛ*) 'сюда'; узб. *бу јӛрда* 'здесь', *бу јӛкка* 'сюда'; тур. *нӛрӛјӛ* (*нӛ араја*) 'куда ?', *нӛрдӛ* (*нӛ арада*) 'где ?'; др.-тюрк. *качан*, тат. *кајҷан*, узб. *качон* (< ? *кај чаң*, *кач ан* или *кај чаҕӱн*),[123] ног. *кајзаман* (*кај заман*) 'когда ?'; тат. *кајҷакларда* (*кај ҷакларда*) 'иногда'; гаг. *кӧнді башїна* 'самостоятельно'; азерб. *һӓр заман*, гаг. *һӧр заман*, башк. *һӓр вакӑт*, узб. *һар вакт*, *һар замон*, уйг. *һӓрдајім* 'всегда'; азерб. *һӓр јӛрдӛ*, гаг. *һӧрјӧрдӛ*, узб. *һар јӛрда*, башк. *һӓр кајҙа* 'повсюду'; азерб. *бӱтӱн гӱнӱ* 'весь день'; азерб. *һӧч јӛрӛ*, узб. *һӧч кајӛрга*, *һӧч јӛкка* 'никуда'; башк. *һіс вакӑт*, узб. *һӧч вакт*, *һӧч замон*, *һӧч качон* 'никогда'; узб. *һӧч кајӛрда* 'нигде', *һарһолда* 'в любом случае'; 4) азерб. *бір чаҕ*, башк. *бӑр сак*, *бӑр вакӑт*, алт. *бір туштa*, гаг. *бір вакїт*, карач.-балк. *бір чакда*, ног. *бӑр заман*(*да*), тат. *бӑрвакӑт*(*та*), тур. *бір заманлар*, *бір вакіт*, узб. *бір вактлар*, чуваш. *пӗр-пӗр чух* 'некогда, однажды'; туркм. *бірчак* 'давно', 'давным-давно'; алт., карач.-балк. *бір күн*, казах. *бӑр күн*, гаг., тур. *бір гӱн*, тур. (диал.) *бӱр гӱн*,[124] тув. *бір хӱн*, узб. *бір кун*, чуваш. *пӗргун*, шор. *пір күн* 'однажды'; алт., карач.-балк., кирг., кум. *бӱлтӱр*, башк., казах., ног., тат. *бӑлмӑр*, гаг., тур. *бӱлдӱр*, кар. *бултїр*, туркм. (диал.) *біллір*, узб. *бултур*, хак., шор. *пӱлтӱр*, уйг. *булту*, чуваш. *пӗлдӗр* (*бір јӱлдір*?),[125] якут. *бӱлтүр*, хак., шор. *пӱлтӱр*, уйг. *булту*, чуваш. *пӗлдӗр* (*бір јӱлдір*?),[125] якут. *бӱлүрӱн* (*бір јӱлдїрӱн*) 'в прошлом году'; тув. *бір кӛжӛ-лӛ*, хак. *пӑр ӣрдӛ* 'однажды вечером'; тув. *бір чӱлӱн* 'в один год'; тур. *бір аралїк* 'в одно время', *бір јӛрдӛ* 'где-то', 'в одном месте'; башк. *бӑр авӑҙан*, карач.-балк. *бір авуздан*, тур. *бір аҕїздан*, узб. *бір эҕіздан*, уйг. *бір әҕіздін* 'единогласно', 'в один голос', 'единодушно'; казах. *бӑржола*(*та*) 'сразу', 'совсем'; карач.-балк. *бір кӛрӛ*, тур. *бір дәфа*, узб. *бір марта*, *бір ҳарра*, уйг. *бір кәтім* 'один раз'; алт. *башкӱн* (*баш кӱн*, или *башкї кӱн*) 'позавчера', *башд'ӱл* (*баш д'ӱл*, или *башкї д'ӱл*)[126] 'в позапрошлом году'; ног. *әкӑншӑ кӱнгӛ* 'на следующий день'; тур. *ӱчӱнҷӱ гӱн* 'послезавтра'; халадж. *ӱшлӱ кӱн* 'позавчера', *ӱчӱміл* (*ӱчӱм јіл*) 'в позапрошлом году',[127] чуваш. *віз'ӗм кун* 'позавчера'; 5) шор. *әрткӛн кїшкїда* 'прошлой зимой'.

В определительных сочетаниях в узбекском, уйгурском и некоторых других языках активно протекают процессы лексикализации и упрощения, особенно широко проявляющиеся в говорах. Примеры: узб. (диал.) *кајттӓ*, *каттӓ* (*кај јӛрдӛ*) 'где?', *шӓјттӓ*, *шӧттӓ*, *шӓт* (*шу јӛрдӛ*) 'здесь', *әшіттӓн* (*ана шу јӛрдӛн*) 'вот оттуда', *бӛјдӛ*, *бӓттӓ*, *бӓт* (*бу јӛрдӛ*) 'здесь', *мӓдӛ* (*мана бу јӛрдӛ*) 'вот здесь', *әшәдӛ* (*ана шу јӛрдӛ*) 'вот здесь', *мӓшӓккӓ* (*мана шу јакка*) 'вот сюда', *аҕдӛ* (*у јакда*) 'там', *әшӧдӛ* (*ана шу јӛкда*) 'там'.[128]

Определительные сочетания, переходящие в разряд наречий, часто выступают в форме принадлежности 3-го лица: азерб. *бӓрі*, алт., кар., карач.-балк., кирг., кум., узб., уйг. *бӛрі*, казах. *бӛрӑ*, тат. *бірӑ*, тофал. *бӛ̄рі* (*бу јӛрі*)[129] 'сюда', 'ближе'; алт., кар., кирг. *арї*, кум. *арі*, казах. *әрӑ*, тат. *арӑ*, узб. (*н*)*арі*, уйг. *нӛрі* (**ан јӛрі*) 'туда', 'по ту сторону', 'дальше'; азерб. *гӛрі*, гаг. *гӧрі*, казах., ног. *кӛрӑ*, карач.-балк. *кӛрі* (**кӛј јӛрі* < **кӛд јӛрі*) 'назад', 'в обратную сторону'; башк. *бӑр јулӑ*, казах. *бӑржолӑ*, кирг. *бір ǰолу*, тат. *бӑрјулӑ* 'сразу, в один прием'; казах. *бӑр күнӑ* 'однажды', *алдӑңғүнӑ* (*алдӑңӷӱ күнӑ*) 'позавчера', *күздігүнӑ* (*күздӑ күнӑ*) 'осенью', *жаздығүнӑ* (*жаздӑ күнӑ*) 'летом';[130] кар. *ҕар күнӱ* 'каждый день'; кирг. *мурдағї күнү* 'позавчера', *бір күнү* 'однажды'; узб. *һар јілі* 'каждый год', *һар куні* 'каждый день', *бір куні* 'однажды', *шу куні* 'тогда'; шор. *пїлтїр күзкүзүн* 'прошлой осенью', *әрткӛн кїшкїзїн* 'прошлой зимой'.

В рамках определительных сочетаний получает широкое распространение использование специальных «наречных» слов со значениями «способ», «образ действия», «манера», «вид», «форма» и т. д., например: азерб. *ајдїн сурәтдә* 'ясно, четко', *гӛніш сурәтдә* 'широко, пространно', *әтрафлї сурәтдә* 'всесторонне', *тӓјрід әдіlміш шәкілдә* 'раздельно, изолированно'; гаг. *бу түрлү* 'таким образом'; кирг. *бүт бойдон*, *бүткүл бойдон* 'целиком', *толук бойдон* 'полностью'; тур. *бу сурәтлә* 'таким образом', *ајрїlмїјаҗак сурәтлә* 'нераздельно'; туркм. *бәллі дәрәҗәдә* 'в определенной степени'; узб. *амалій равішда* 'практически', *шу тарзда* 'таким образом', *јузакі тарзда* 'поверхностно', *тӯла дараҗада* 'полностью', *тӛң һәлда* 'равно, одинаково'; уйг. *ǰідді рәвіштә* 'серьезно', *мәхпі јосунда* 'тайно'.

Большое место занимают удвоение, повторение и соположение имен.

Удваиваются и охватываются процессом адвербиализации существительные, прилагательные и числительные, например: азерб., гаг., туркм. *парча-парча*, узб. *бурда-бурда*, уйг. *парә-парә* 'кусками', 'на куски'; азерб. *јаваш-јаваш* 'медленно, тихо', *ахшам-ахшам* 'вечерами', *аҕїр-аҕїр* 'едва-едва', 'с трудом', *ікі-ікі* 'по два'; башк. *вакӑт-вакӑт*, тур. *заман-заман* 'временами'; башк. *кат-кат* 'многократно', гаг. *кат-кат* слоями, пластами'; башк. *башка-башка*, ног. *баска-баска*, узб. *бошқа-бошқа* 'порознь, раздельно'; карач.-балк., узб. *бір-бір* 'по одному'; ног. *ајӑрӑм-ајӑрӑм*, узб. *ајрім-ајрім* 'порознь, раздельно'; ног. *јалҕӑз-јалҕӑз* 'наедине'; тат. *кабат-кабат* 'неоднократно, повторно'; тур. *дүшман-дүшман* 'враждебно'; узб. *катэр-катэр* 'рядами', 'друг за другом', *эз-эз*, *кам-кам* 'понемногу'; уйг. *кәвәт-кәвәт* 'слоями, пластами'.

Сложные наречия с повторением именной «основы», выступая в той или иной падежной форме, дублируют исходные формы или используемые с соответствующими падежными аффиксами простые наречия. Вместе с тем они передают дополнительные стилистические оттенки и отчасти те значения, которые выражаются обычно путем удвоения: множественность, многократность, интенсивность и т. д. Примеры: азерб. *бош-бош*(*уна*), кар. *бош-бошїна* 'попусту, зря'; башк. *әвәл-әвәлдән*, *ӑмӑк-ӑмӑктән* 'издавна'; казах., ног. *бас-басӑна* 'поголовно'; кар. *бӑрдән-бӑр*, азерб. *бірдән-бірә* 'сразу, вдруг', 'неожиданно'; казах. *бӑр-бӑрдән* 'по одному', *топ-тобӑмән* 'группами'; карач.-балк. *бір-бірдә*, ног. *бӑр-бӑрдӛ* 'иногда, временами'; ног. *заман-заманда* 'временами', *өмӑр-өмӑргӛ* 'навеки', *јалҕӑз-јалҕӑздан* 'поодиночке'; тур. *јарї-јарїја* 'пополам'; туркм. *аз-аздан*, узб. *эз-эздан*, уйг. *аз-аздін* 'понемногу'; узб. *ӯз-ӯзідан*, *ӯз-ӯзіча* 'сам по себе'.

Обычные случаи соположения — сочетания падежных форм существительных, обозначающие ограниченную пространством или временем ситуацию или же передающие полноту, предельность во временном и пространственном отношениях. Примеры: азерб. *үз-үзә*, кар. *јүз-јүзгә*, казах. *бәттән-бәткә*, карач.-балк. *бәтдән-бәтгә* 'лицом к лицу'; азерб., тур. *јан-јана* 'бок ó бок, рядом';

---

[122] См.: *Фисакова Г. Г.* Наречие в бачатско-телеутском языке, с. 98.
[123] См.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 423—424.
[124] См.: *Eckmann J.* Die türkische Mundart von Warna. — KCsA, 1941, III, 2, S. 160.
[125] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 118.
[126] См.: *Кучигашева Н. А.* Наречие в алтайском языке, с. 55, 58.
[127] См.: *Doerfer G.* und *Tezcan S.* Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Xarrab). Budapest, 1980, S. 211.
[128] См.: *Фарманов И.* Ошский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 15; *Гафурова Н. С.* Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 16; *Насыров Ш.* Кокандский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 19; *Туляков С.* Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 25. О процессе упрощения словосочетаний, подвергшихся адвербиализации, см.: *Гулямов А.* К вопросу об адвербиализации в узбекском языке, с. 10.
[129] См.: *Боровков А. К.* Очерки карачаево-балкарской грамматики. — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1935, 1, с. 36. Традиционно в наречиях *бӛрі*, *арї* (*нарї*) и *кӛрі* выделяется аффикс «древнего направительного падежа» *-рї* ~ *-рі*. См.: *Александров Г. П.* Послелоги в современном турецком языке. АКД. М., 1956, с. 5; *Искаков А.* [*И.*] Наречие в современном казахском языке, с. 41, 88; *Кучигашева Н. А.* Наречие в алтайском языке, с. 54; *Гочияева С. А.* Наречие в карачаево-балкарском языке, с. 18. Согласно предположению К. М. Мусаева, *бӛрі* < **буҕарї*, *арї* < **олҕарї*. См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 191. Существование формы направительного падежа на *-рї* ~ *-рі* в древнетюркском языке не подтверждается фактами, попытку же объяснить *бӛрї* ~ *бӛрӱ*, *арї* ~ *ару* как преобразованные формы дательно-направительного падежа на *-ҕарї* (> *-арї*) ~ *-ҕару* (> *-ару*) нельзя признать удачной из-за трудностей интерпретации замены заднерядного типа вокализма переднерядным.
[130] См.: *Искаков А.* [*И.*] Наречие в современном казахском языке, с. 125, 129, 131.

азерб. *кялмәсі-кялмәсінә* ‘слово в слово’; ст.-тур. *башдан аjаға*,[131] тур. *баштан аjаğına kadar*, башк., тат. *баштан-аjak*, гаг. *баштан-баша*, казах., ног. *бастан-аjak*, карач.-балк., туркм. *башдан-аjak*, узб. *бошдан-эjэк*, туркм. *боjдан-баша* ‘от головы до ног’, ‘подряд’, ‘от начала до конца’; карач.-балк., ног. *көздән-көзгә*, хак. *көстәң-көскә* ‘с глазу на глаз’; башк. *буjдан-буjға*, тат. *буjдан-буjға* ‘во всю длину’, ‘сплошь’; кар. *jандан-jаңа* ‘из стороны в сторону’; азерб. *гүндән-гүнә*, гаг. *гün-гүндән*, карач.-балк. *күндән-күнгә*, *күн-күндән*, кум. *гүндән-гүн(гә)*, тур. *гүндән-гүнә*, узб. *кундан-кунга*, *кун-кундан*, уйг. *күндін-күнгә*, чуваш. *кунран-кун* ‘изо дня в день’, ‘со дня на день’; алт. *д'ылдаң-д'ылға*, казах. *жылдан-жылға*, кар. *jыл-jылдан*, тур. *jылдан-jыла*, хак. *чылдаң-чылға*, шор. *чаштаң-чашка* ‘из года в год’; азерб. *әлдән-әлә*, узб. *қўлдан-қўлга* ‘из рук в руки’, тат. *кулға-кул* ‘рука об руку’; тур. *үст-үстә* ‘подряд’; чуваш. *вёс'рӗн-вёз'ӗ* ‘из конца в конец’, *куз'а-куз'ăн* ‘с глазу на глаз’.

Наречия, в «основе» которых удвоенные прилагательные и числительные, причем первый компонент в форме исходного падежа, становятся аналитическими разновидностями наречного интенсива, ср.: азерб. *ачыдан-ачыға* ‘совершенно ясно’; башк. *буштан-буш(ка)*, казах. *бостан-боска* ‘совершенно зря’; казах. *турадан-тура*, ног. *тўврадан-тўвра*, узб. *тўғридан-тўғри*, уйг. *тоғрідін-тоғрі* ‘совершенно прямо’, ‘непосредственно’; ног. *бәктән-бәк* ‘крепко-накрепко’; уйг. *курукпін курук* ‘попусту, зря’.

Использование между повторяющимися словами соединительного члена *-ба ~ -ма* отмечается в пределах ограниченного круга языков. Поэтому предположение о том, что тюркские наречия данного типа образовались по модели таджикско-персидских сочетаний *рӯз-барӯз* ‘день за днем’, *jак-баjак* ‘один за другим’, кажется правдоподобным. Примечателен состав таких наречий: бóльшая часть их — кальки таджикско-персидских конструкций. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что почти все они дублируют приведенные выше собственно тюркские сочетания падежных форм, ср.: азерб. *үз-үзә* и *үзбә-үз* ‘лицом к лицу’. Примеры: гаг. *үзбә-үз*, башк. (диал.) *йөдмә-йөд*,[132] казах. *жүзбә-жүз*, *бәтпә-бәт*, туркм. *jүзбә-jүз*, узб. *јузма-јуз*, уйг. *үзму-үз* ‘лицом к лицу’;[133] башк., тат. *башма-баш* ‘штука за штуку’, ‘поровну’; узб. *бошма-бош* ‘голова к голове’; башк. *бирмә-бир* ‘точь-в-точь’; казах. *колма-кол* ‘из рук в руки’, ‘непосредственно’; казах. *күнбә-күн*, туркм. *гүнбә-гүн(дән)*, уйг. *күнму-күн*, узб. *кунма-кун* ‘день за днем’; ног. *јанма-јан* ‘сразу, моментально’; узб. *јонма-јон* ‘бок о бок’, ‘рядом’; туркм. *јылба-јыл(дан)*, уйг. *јылму-јыл* ‘из года в год’; уйг. *сөзму-сөз* ‘слово в слово’.

Наряду с полной редупликацией встречается неполная: в самом начале воспроизводится лишь первый слог, дополняемый согласным *n(б)* или сочетанием его с компонентом *па ~ ба*, ср.: карач.-балк. *боппа-бош*, ног. *боп-бос* ‘совершенно зря’, ‘впустую’; кирг. *туп-тўра*, узб. *тўппа-тўғри* ‘совершенно прямо’, ‘напрямик’.

Особая разновидность удвоения-повтора — «слова-эхо» («mots-échos»), в которых один компонент отличается от другого фонетически необусловленными, но достаточно определенными изменениями, ср.: кирг., ног. *аз-маз*, алт. *ас-мас* ‘чуть-чуть, немного’; башк. *кыjык-мыjык* ‘вкривь и вкось’; уйг. *сәл-пәл* ‘немного’.

Имена сочетаются и в простой последовательности: одно из них дополняет другое вследствие синонимичности, однородности или противоположности выражаемых ими значений, ср.: азерб. *зор-гүч* ‘с трудом, едва-едва’; башк. *көнтөн*, тув. *дүн-хүн*, узб. *тун-кун* ‘день и ночь’; уйг. *аман-әсänлiккä* ‘за здоровье’.

Между сочетающимися в простой последовательности именами может находиться союз или послелог-аффикс: ст.-тур. *дүн-ү гүн*, узб. *тун-у кун*, кар. *күн да кэчä*, чуваш. *кунба с'ĕр* ‘день и ночь’. В качестве соединительного члена используется также аффикс *-лӣ ~ -лу*. Присоединяясь к одному или к обоим компонентам, он выполняет функции специального показателя парных слов. Примеры: ст.-азерб. *сағлӣ-соллу* ‘направо и налево’, *дӯнлі-гӯнлі* ‘ночью и днем’;[134] башк. *иртәлӣ-кislӣ* ‘по утрам и вечерам’, *jаҙлӣ-көҙлӣ* ‘весной и осенью’.

ГЛАГОЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

Простые глагольные наречия

Глагольные наречия — по происхождению деепричастия, преимущественно на *-а ~ -у ~ -ӣ ~ -j* и *-n*.

Деепричастие на *-а ~ -j* выражает действие, одновременное с действием, передаваемым финитной глагольной формой. Оба действия так тесно связаны одно с другим, что между ними как бы отсутствует интервал: по существу, одно действие является обстоятельственным определением другого действия. Это и обусловливает в конечном итоге его расположенность к переходу в наречие. Примеры: др.-тюрк. *баса* ‘затем’, ‘также’; алт., тув. *база*, хак. *паза* ‘еще, опять’, ‘также’ (*бас-* ‘ступать, наступать’); алт. *кӱjа* ‘наискось’ (*кӱj-* ‘делать что-л. криво’, ‘резать наискось’), *озо* ‘прежде, раньше’ (*ос-* ‘опережать’), *кәдә* ‘в сторону’ (*кәт-* ‘идти, отправляться’),[135] *кәзә* ‘грубо, неучтиво, наотрез’ (*кәс-* ‘резать’), *кожо* ‘вместе’ (*кош-* ‘прибавлять’, ‘смешивать’), *коштоj* ‘рядом, вместе, вплотную’ (*коштоj-* ‘присоединять’); башк. *ӱтä*, кирг. *өтө*, узб. *ўта* ‘очень, чрезмерно’ (*ӱт-* ~ *ўт-* ‘проходить, миновать’, ‘опережать’, ‘превосходить’); башк. *jаҙа* ‘мимо’ (*jаҙ-* ‘промахиваться, ошибаться’), башк. (диал.) *jанаша* ‘рядом’ (*јанаш-* ‘быть рядом’, ‘соприкасаться’, ср.: узб. *јэнаш-*); казах., кирг., узб., уйг. *кajта* ‘опять, снова’ (*кajт-* ‘возвращаться’); кирг. *кошо* ‘вместе’ (*кош-* ‘добавлять, присоединять’); кар., узб. *јана* ‘еще’ (*јан-* ‘возвращаться’); тув. *баштај* ‘вначале, сначала’ (*башта-* ‘вести’, ‘возглавлять’); хак. *хада* ‘вместе’ (*хат-* ‘прибавлять’), *хостi* (< *хостај*) ‘вместе’, ‘рядом’ (*хоста-* ‘присоединять’), *хӱстi* (< *хӱстај*) ‘всю зиму’ (*хӱста-* ‘проводить зиму’, ‘зимовать’), *хӱсхаҙахтi* (<*хӱсхаҙахтај*) ‘кратко, сокращенно’ (*хӱсхаҙахта-* ‘сокращать’, ‘делать коротким’).

Часто адвербиализации подвергаются «слитные» деепричастия в форме понудительного залога, и, поскольку преобладают формы каузатива на *-р* и, кроме того, на *р* оканчиваются некоторые производные формы, создается видимость образования особой наречной формы с омертвевшим морфологическим показателем *-ра* (*-а* — аффикс «слитного» деепричастия), ср.: др.-тюрк. *ічрä* ‘внутрь’ (**ічір-* ‘вводить внутрь’), *ташра* ‘вне, наружу’ (**ташӣр-*, якут. *таһāр-* ‘выводить, выносить наружу’), *öңрä* ‘впереди’, ‘раньше, прежде’ (**öңӱр-* ‘находиться впереди’, туркм. *öңӱрт-* ‘опережать’), *тәгрä* ‘вокруг’ (**тәгір-* ‘двигаться по кругу’. ‘обходить’); азерб., тур. *сонра*, гаг. *сора*, кар. *сонра*, *сондра*, туркм. *соңра*, узб. *сўнра* ‘потом, после’ (**соңур-* ‘следовать’); алт. *кэчірэ* ‘через, поперек’ (*кэчір-* ‘переправлять через воду’), *кïскарта* ‘вкратце’ (*кïскарт-* ‘сокращать’, ‘укорачивать’), *каjра* ‘назад, обратно’ (*кajïр-* ‘отворачивать, загибать назад’), *көргүзэ* ‘явно, очевидно’ (*көргүс-* ‘показывать’), *өткӱрэ* ‘насквозь’ (*өткӱр-* ‘заставлять проходить, пропускать’), *удура* ‘навстречу’ (**удур-* ‘идти друг другу навстречу’); карач.-балк. *тӱра* ‘прямо’ (**тоғур-* ‘двигаться прямо’); тат. (диал.) *өтөрө*[136] ‘против’, ‘напротив’ (**өтөр-* ‘идти друг другу навстречу’); хак., шор. *тӱңдәрэ* ‘ничком’, ‘вниз лицом’, ‘вверх дном’ (*тӱңдәр-* ‘переворачивать, опрокидывать’); хак. *аңдара* ‘навзничь’ (*аңдар-* ‘сваливать, опрокидывать’), *ібірэ* ‘кругом, вокруг’ (*ібір-* ‘обходить кругом’); шор. *нандïра* ‘обратно’ (*нандïр-* ‘возвращать’, ‘поворачивать в обратную сторону’).

В башкирском, ногайском, татарском и якутском языках встречаются также наречия, которые можно рассматривать как обособившиеся «слитные» деепри-

---

[131] См.: *Ertaylan I. H.* Türk edebiyatı örnekleri, I, s. 21.

[132] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора.— БДС, с. 104; *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 18.

[133] См.: *Җамалдинов О.* Һазирқи заман уйғур тилидики қош рəвишлəр. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 2. Алма-Ата, 1970, б. 104.

[134] См.: *Шукюров А. Дж.* Наречие в азербайджанском языке, с. 14.

[135] Ср.: алт. *кәдәрі* ‘в сторону’, *кәдәртін*, *кәдәртінән* ‘со стороны’, ‘издалека’; тув. *кәдәр* ‘в сторону’. Наличие подобных форм затрудняет сопоставление алт. *кәдә* с глаголом *кәт-*.

[136] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 44.

частия от форм понудительного залога на *-т*.[137] Примеры: башк. *аксалата*, к.-калп. *акшалата* ‘наличными’; башк. *тĭрĭлăтă* ‘заживо, живьем’; башк. (диал.) *кӳрәлătă* ‘на глазах’, *кĭстăтă* ‘вечером’, *иртăлăтă* ‘утром’;[138] к.-калп. *жазлата* ‘летом’, ‘в течение лета’; ног. *бойлата* ‘вдоль’, *ӱшлəтə* ‘трижды’; тат. *кӧрĭлата* ‘всухую’, *азĭклата* ‘продовольствием, продуктами’; *бӧтĭнлăтă* ‘полностью, целиком’, *икĭлăтă* ‘вдвойне’, ‘вдвое’, *йӧзлăтă* ‘во сто крат’; якут. *кĭтĭлата* ‘по краю чего-л.’ (послелог), *күннəтə* ‘ежедневно’.

Примечательная особенность хакасского и чувашского языков — выпадение в наречиях, образовавшихся из «слитных» деепричастий, конечного гласного: хак. *удур* ‘навстречу’, *тоҕĭр* ‘поперек’, ‘прямо напротив’; чуваш. *вĭдĕр* ‘насквозь’, *хирĕс'* ‘навстречу’, ‘напротив’, ‘наперекор’.[139] В тувинском языке аналогичная особенность наблюдается лишь в небольшой группе наречий, восходящих к «слитным» деепричастиям с основами определенного морфологического типа: тув. *кушкулаштĭр* ‘как птица’, *откулаштĭр* ‘как огонь’,[140] тув. (диал.) *балĭкшĭлаштĭр* ‘как рыба’.[141]

В якутском языке наблюдается разграничение «слитных» деепричастий и этимологически связанных с ними наречий, ср.: *толоро* ‘наполняя’, *толору* ‘полно’.[142]

Типичные для языков огузской группы наречия в форме неполноты признака на *-рак*~*-раҕ* от деепричастия на *-а* отличаются от омографичных деепричастных форм местом ударения, ср.: азерб. *ҕачарáҕ* ‘побежав’ / *ҕáчараҕ* ‘бегом’.[143]

Источником образования наречий является и отрицательная форма «слитного» деепричастия на *-а* ~ *-j*, например: алт. *удабай* ‘недолго’, ‘скоро’; ног. *бĭлдĭрмəj* ‘незаметно’, *ӱндəмəj* ‘молча’; тур. *истəмійəрəк* ‘нехотя’, ‘неохотно’; узб. *індамай* ‘молча’; уйг. *тохтімай* ‘непрерывно, постоянно’.

Особыми разновидностями деепричастия на *-а*~*-j* были аналогичные по значению деепричастия на *-і*~*-у*. Как в современных, так и в древних тюркских языках встречаются наречия, образовавшиеся в результате обособления и этих разновидностей. Примеры: др.-тюрк. *толу* ‘полностью’, *кайру* ‘снова, опять’, *улашу* ‘вместе’, *тӱгəтӱ* ‘целиком’, *јашру* ‘тайно, скрытно’; [144] ст.-азерб., ст.-тур., ст.-узб. *даҕы*~*таҕы*, кар., кум. *даҕы* ‘еще, также’; ст.-узб. *кајты* ‘снова, опять’,[145] *асру* ‘очень’; азерб. *јанашы* ‘рядом’; кар. *утуру* ‘против, напротив’, ‘навстречу’, *асрӥ*, *астрӥ* ‘очень’; уйг. (диал.) *кäңрі* ‘широко’.[146]

К числу чрезвычайно редких относятся случаи употребления наречий в форме «слитного» деепричастия с конечным *н*, ср.: к.-калп., ног. *таҕы*, тат. *таҕын*, тув. *даҕын*, узб. *таҕин* ‘еще’, ‘опять’, ‘также’. Напомним, что и приведенная выше форма уподобительного падежа типа тур. *акшамлəјін* ‘вечером’ по происхождению — «слитное» деепричастие на *-н*.

Исключительно редкими являются также наречия, образовавшиеся из «слитных» деепричастий в форме тех или иных падежей, ср.: алт. *ӛбірӛдӛ* ‘вокруг, кругом’; кар. *утруҕа* ‘против, напротив’.

Деепричастие на *-п* («соединительное») отличается от предыдущего тем, что выражает действие, предшествующее действию, выраженному финитной глагольной формой, или одновременное с ним. И здесь оба действия тесно связаны между собой, тем не менее в большей мере, чем в предыдущем случае, ощущается переход от одного действия к другому, так что допустимо даже существование паузы, получающей иногда формальное выражение путем постановки между деепричастием и финитной глагольной формой послелога *соң* или частицы-союза *та*~*да*, например: башк. *барĭп та алдĭм* ‘я пошел и взял’; [147] кум. *мəні школаңі алдĭна јəтіштіріп соң гəтді* ‘он довез меня до школы, потом уехал’.[148] Указанная особенность несколько ограничивает размеры адвербиализации деепричастия на *-п*.[149] Примеры: алт. *башпап*, кум. *башлап*, ног. *баслап*, хак. *пастап*, шор. *паштап* ‘сначала, вначале’; башк. *кӧслəп*, ног. *күшлəп* ‘насильно’; башк. *јəјəвлəп* ‘пешком’, *іпләп* ‘осторожно’; ног. *асĭҕĭп* ‘торопясь, поспешно’, *біргəлəсĭп* ‘вместе, сообща’, *ајлап* ‘месяцами’; тат. *акрĭнлап* ‘потихоньку’, *атналап* ‘неделями’, *азлап* ‘понемногу’, *кічләп* ‘вечером’; туркм. *дəслəп* ‘сначала, сперва’, *гүнлəп* ‘днями’; туркм. (диал.) *чалкăнлăп* ‘навзничь’;[150] узб. *ərталап* ‘утром’, *авајлап* ‘осторожно’, *амаллап* ‘кое-как’; уйг. *кəчілəп* ‘по ночам’; хак. *хатап* ‘снова, опять’.

Обзор наречий, имеющих форму «соединительного» деепричастия, показывает, что значительную часть их составляют те, в «основе» которых — отыменные глаголы на *-ла*. При этом наречия, образованные от глаголов, в состав которых входят числительные, обычно относят к разделительным и собирательным числительным, ср.: алт. *ӛкілəп* ‘по-два’, *ӱчӱлəп* ‘по-три’, *муңлап* ~ *муңдап* ‘тысячами’; башк. *күплəп*, уйг. *көплəп* ‘помногу’; башк. (диал.) *дӱртəвлəп* ‘вчетвером’, *алтавлап*, *алтавлашĭп* ‘вшестером’;[151] казах. *ӱшəвлəп* ‘втроем’; ног. *ӛкəвлəп*, *ӛкəвлəсĭп* ‘вдвоем’; узб. (диал.) *ӛкəвлăшіп* ‘вдвоем’,[152] *учəвлăшіп* ‘втроем’.[153]

Сложные глагольные наречия

Сложные глагольные наречия состоят из удвоенных или сочетающихся в простой последовательности деепричастий на *-а*... и *-п*. Примеры: азерб. *дönä-дönä* ‘снова’, ‘повторно’; башк. *каса-бӧҙа*, ног. *кашĭп-пĭсĭп*, тат. *качĭп-пӧсĭп* ‘исподтишка, украдкой’; башк., тат. *ашĭҕа-ашĭҕа* ‘поспешно, торопливо’; башк. *тартĭп-һуҙĭп* ‘с натяжкой’; таг. *салïна-салïна* ‘там и сям’, ‘повсюду’; карач.-балк. *арïмај-талмај*, узб. *һəрмај-тəлмај*, уйг. *һармай-талмай* ‘без устали’; ног. *бара-тӱра*, узб. *бəра-бəра*, кум., туркм., уйг. *бара-бара* ‘постепенно’; ног. *бĭлə-көрə* ‘намеренно, умышленно’; тат. *курка-курка* ‘боязливо, с опаской’, *куркĭп-куркĭп* ‘робко’, *ава-тӱнä* ‘переваливаясь с боку на бок’, ‘шатаясь’; тув. *улај-улај* ‘подряд’, ‘один за другим’; узб. *кӯрка-писа* ‘боязливо, с опаской’, *шəша-пиша* ‘поспешно’; уйг. *алдіран-салдіран* ‘наспех’, *помлап-сомлап* ‘кое-как, небрежно’; хак. *ала-тарта* ‘быстро, моментально’, *тура-чада* ‘через силу’, *пола-пола* ‘со временем’.

При удвоении в форме деепричастия иногда выступает лишь второй компонент: казах. *аз-аздап* ‘понемногу’, *бĭр-бірлəп* ‘по одному’; тур., туркм. *гітгідə* ‘постепенно’; уйг. *кош-кошлап* ‘попарно, парами’, *аз-азлап* ‘понемногу’.

Число сложных глагольных наречий растет, кроме того, за счет адвербиализации сочетаний положительной и отрицательной форм будущего неопределенного времени, ср.: азерб. *істäр-істämäz*, башк. *тĭлăр-тĭлăмăҙ*, таг. *істäр-істəмäз*, тур. *істəр-істəмəз* ‘нехотя, неохотно’, ‘вольно-невольно’; ног. *тоjар-тоjмас* ‘впроголодь’; тат. *авар-авмас* ‘еле-еле’; узб. *ӯшітілар-ӯшітілмас* ‘едва слышно’, *білінар-білінмас* ‘едва заметно’.

---

[137] Такой точки зрения в отношении якутских наречий типа *сĭллата* ‘ежегодно’ придерживается Л. Н. Харитонов. См.: *Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке, с. 29. См. также: *Дмитриев Н. К.* Наречия в татарском и русском языках. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 49.

[138] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 94.

[139] См.: *Егоров В. Г.* Наречие. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Чебоксары, 1957, с. 294.

[140] См.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 428.

[141] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект. . ., с. 95.

[142] См.: *Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке, с. 21.

[143] См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 152.

[144] См.: *Мирзакаримова У.* Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи», с. 33.

[145] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 245.

[146] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. . ., с. 23.

[147] Ср.: *Юлдашев А. А.* Деепричастие на *-п* в башкирском языке. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 262.

[148] См.: *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастие в кумыкском литературном языке. М., 1967, с. 55.

[149] Ср.: *Rachmatullin G. R.* Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen, II. — UJb, 1928, VIII, 3—4, S. 309—343.

[150] См.: *Курэнов С.* Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). АКД. Ашхабад, 1959, с. 17.

[151] См.: *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 32.

[152] См.: *Джураев Б.* Шахрисябзский говор узбекского языка. АКД. М., 1959, с. 17.

[153] См.: *Шаабдурахманов Ш.* Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 64.

Далее, прототипами сложных глагольных наречий могут быть сочетания форм повелительного наклонения, ср.: туркм. *āӈдар-дӱӈдӛр* ‘поворот-навыворот’, ‘верх дном’.

Следующая подгруппа сложных глагольных наречий по происхождению — составные и сложные глаголы. Вторым компонентом их являются преимущественно деепричастия от глаголов *ӛт-*, *кӥл-* и *бол-* ~ *ол-*. Примеры: азерб. *сӓмімї олараӷ* ‘искренне’; алт. *мӥнаӱӥн* (*мӥндӱ ӛдіп*), *анаӱӥн* (*анаӱ ӛдіп*), *анаӱдарда* (*анаӱ ӛдӛрдӛ*) ‘так, таким образом’; ног. *солаӱ ӛтӥ̆н* ‘таким образом’; тув. *шӥн кӥлдӱр* ‘правильно’;[154] тур. *ӧзӛt оларак* ‘кратко’, ‘в виде резюме’; узб. *кандаӱ кілін* ‘каким образом?’, ‘как?’.

Ряд сложных наречий образован путем сочетания подвергшихся адвербиализации деепричастий с числительными, ср.: алт., тув. *бір катап*, хак. *пӥ̆р хатап*, шор. *пір кадап*, *пір катнап*, *пір када* ‘один раз, однажды’; туркм. *ӱч ӷаjта* ‘три раза, трижды’; хак. *ӥ̆кӥ̆ хатап* ‘дважды’; шор. *ӱш катнап* ‘трижды’.

СЛОЖНЫЕ НАРЕЧИЯ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ПРОСТЫХ НАРЕЧИЙ

Среди сложных наречий данной группы преобладают повторы, а также сочетания равноправных членов, примыкающих друг к другу, противоположных или, наоборот, близких по семантике, и выражающих обобщенные пространственные, временные и другие значения.

Здесь могут быть выделены:

1. Повторы, уже упоминавшиеся выше как типичное для тюркских языков средство передачи грамматических и стилистических значений, ср.: азерб. *інді-інді*, казах. *ӛндӥ̆-ӛндӥ̆* ‘вот-вот’, ‘сейчас’; алт. (диал.) *катап-катап*, хак. *хатап-хатап* ‘часто’; башк., казах., кар., тат., узб. *кajта-кajта* ‘снова и снова’, ‘опять’; кирг. *ілгӛрі-ілгӛрі* ‘давным-давно’; туркм. *гӱндӛ-гӱндӛ*, уйг. *күндә-күндә* ‘ежедневно’; туркм. *оӈрӣн-оӈрӣн* ‘тайком’; узб., уйг. *аста-аста* ‘медленно’, ‘потихоньку’; уйг. *аран-аран* ‘еле-еле’.

2. Сочетания наречий, противоположных по семантике. Противоположность значений следует понимать как полное противопоставление и как различие, ограниченное каким-либо одним семантическим признаком, например:

а) сочетания антонимов: туркм. *āддан-көндӛн* ‘более или менее’; узб. *эчін-тӯкін* ‘впроголодь’; уйг. *ілгірі-кӛjін* ‘никогда’, ‘в беспорядке’;

б) сочетания адвербиализованных именных форм, с противопоставленными наименованиями отрезков времени или времен года:[155] азерб., гаг. *гӛӈjä-гӱндӱз*, казах., к.-калп., ног. *кӱӈӥ̆-тӱӈӥ̆*, тат. *кӥчӥ̆н-көндӥ̆зӥ̆н*, тур. *гӛӈjӛ-гӱндӱз*, туркм. *гӣӈjӛ-гӱндӣд*, узб. *кӛчаjу кундуз*, уйг. *кӛчä-күндүз*, *күні-түні*, хак. *хара-күнӧртӛ*, *күннӥ̆ӈ-тӱннӥ̆ӈ*, шор. *карä-күндӱс*, якут. *күннӛрі-тӣннӛрі* ‘ночью и днем’, ‘день и ночь’; казах. *кӥ̆сӥ̆-жазӥ̆*, туркм. *ӷӱшӣн-jäдӣн*, якут. *кіһіннарї-сајіннарї* ‘зимой и летом’, узб. *jӛзін-кішін* ‘летом и зимой’; туркм. *ӣр-гӵч* ‘рано или поздно’, *ājда-jӵлда* ‘изредка’; кум. *ӛртӛн-ахшам*, туркм. *ӛртӣр-аӷшам*, *уйг. сähär-ахшам* ‘утром и вечером’; узб. *ӛртаjу кӛч* ‘рано и поздно’, ‘все время’;

в) сочетания адвербиализованных именных форм, обозначающих смежные отрезки времени и чйсла: азерб. *дӱнän-сраӷагӱн*, туркм. *дӱjн-öӈӈӱ̄н* ‘вчера-позавчера’, ‘на днях’; алт. *бӱгӱн-ӛртӛн*, карач.-балк. *бӱгӱн-тамбла*, кирг. *бүгүн-ӛртӛӈ*, ног. *бӱгӱн-ӛртӛн*, тув. *бӧгӱн-дāрта*, узб. *ӛрта-індін(га)*, уйг. *бүгүн-таӈла*, хак. *пӱн-таӈда* ‘(не) сегодня-завтра’, ‘на днях’; алт. *ӛртӛн-соӈзун*, карач.-балк. *тамбла-бӱрсӱкӱн*, туркм. *ӛртӛ-бӣрігӱн*, уйг. *ätä-ögün* ‘завтра-послезавтра’, ‘на днях’; туркм. (диал.) *біллір-öӈӈӱл* ‘в прошлом-позапрошлом году’;[156] тур. *ікідӛ-бірдӛ* ‘то и дело’; хак. *ӥ̆кӥ̆н-пӥ̆рӥ̆н* ‘изредка’; чуваш. *віс'мінӛ-тăватмінӛ* ‘на днях’;

г) сочетания адвербиализованных именных (падежных) и глагольных (деепричастных) форм, выражающих противоположные пространственные значения: азерб. *саӷа-сола*, башк. *уӈға-һулға* ‘направо-налево’; азерб. *јухарї-ашаӷї*, алт. *ӧрӧ-төмӧн* ‘вверх-вниз’; тур. *ашаӷї-јукарї* ‘приблизительно’; туркм. *ашāк-jокарї* ‘вниз-вверх’; гаг. *ілӛрі-гӛрі*, кар. *öӈгӛ-артка*, тув. *оӈāр-дӛскӛр* ‘вперед-назад’, ‘взад-вперед’, ‘в разные стороны’; узб. *элдінма-кӛjін* ‘спереди-сзади’, ‘вперед-назад’, ‘друг за другом’. Ср.: азерб. *јухарїдан ашаӷї* ‘сверху вниз’, *ашаӷїдан јухарї* ‘снизу вверх’; алт. *ӱстӱнӛӈ төмӧн* ‘сверху вниз’; тув. *ӱ'стӣртӛн куду* ‘сверху вниз’, *а'лдӣртан өрӱ* ‘снизу вверх’;

д) сочетания адвербиализованных падежных форм указательных местоимений дальнего и ближнего плана, вопросительных местоимений и т. д.: азерб. *ора-бура*, *ораjа-бураjа*, алт., кирг. *арӥ̆-бӛрі*, башк., тат. *арӥ̆-бірӥ̆*, казах. *ӓрлӥ̆-бӛрлӥ̆*, ног. *арӥ̆-бӛрӥ̆*, тув. *ӥнāр-мӥнāр*, узб. *нарі-бӛрі*, уйг. *нӛрі-бӛрі*, хак. *āр-пӛр*, шор. *āра-пӛрӛ* ‘туда-сюда’; алт., карач.-балк., кирг., хак. *анда-мӥнда*, башк. *унда-бӥ̆нда*, тат. *анда-мӧнда*, тув. *ӥнда-мӥнда*, узб. *унда-бунда*, уйг. *анда-мунда*, шор. *тігдӛ-мӥнда* ‘там и сям’; кирг. *анча-мӥнча* ‘немного’; ног. *оннан-мӱннан*, тат. *аннан-мӧннан*, тув. *ōн-мӧн* ‘оттуда и отсюда’, ‘отовсюду’; ног. *калаj-солаj* ‘как-нибудь’.

3. Сложные наречия — сочетания синонимов или близких по значению слов. По характеру передаваемого содержания эти наречия примыкают к первой группе («повторы»). Примеры: алт. *катап-ojто* ‘снова’, *ojто-кajра* ‘назад, обратно’; алт. (диал.), тув. *база-катап* ‘опять’, ‘еще’;[157] тур. *һӛмӛн-шімді* ‘вот-вот’; туркм. *чала-ӣраӈ* ‘едва-едва’, *ӛнтӛр-тӛнтӛр* ‘пошатываясь’; хак. *кізӛ-тоӷӥ̄р* ‘напрямик, наотрез’, ‘грубо’.

4. Сложные наречия, в которых один компонент выступает в функции обстоятельственного определения по отношению к другому: тур. *дӱн ӛртӛн* ‘вчера утром’, *дӱн хӱндӱс* ‘вчера днем’, *дāртазїнда ӛртӛн ӛртӛ* ‘на следующий день рано утром’; тур. *дӱн акшам* ‘вчера вечером’; туркм. *гӵч аӷшам* ‘поздно вечером’, *ӛртӣр ӣррäк* ‘завтра пораньше’; уйг. *ätä ätігän* ‘завтра утром’; хак. *пӥ̆рсӥ̆ндӛ ӣрдӛ* ‘однажды вечером’.

5. Сложные наречия, в пределах которых семантическая связь компонентов не является достаточно определенной: гаг. *ілӛрі дōру* ‘впредь’; тув. *узун дурӷāр* ‘вдоль’, *дōра дурӷāр* ‘поперек’; туркм. *jӱзлāп-мӱӈлāп* ‘тысячами’.

СЛОЖНЫЕ НАРЕЧИЯ — СОЧЕТАНИЯ ИМЕН С ПОСЛЕЛОГАМИ

В данной группе трудно провести границу между собственно послеложными сочетаниями и сочетаниями, преобразовавшимися в сложные слова. Примеры: азерб. *ахшамӱстӱ* ‘к вечеру’, ‘под вечер’, *јолӱстӱ* ‘попутно’, *гӱнашїрї* ‘через день’, *ілашїрї* ‘через год’, ‘раз в два года’, *сола доӷру* ‘налево’, *ашаӷїја доӷру* ‘вниз’; алт. *д'аӈіс* ‘только, лишь’, *ojто ло* ‘опять’, *д'ӱк лӛ* ‘с трудом’; казах. *күнбӱрӥ̆н*, кирг. *күн мурун*, *күн мурдā*, уйг. *күні бурун* ‘заранее, заблаговременно’; карач.-балк. *тамбла* ‘завтра’; кирг. *төмӧн карај* ‘вниз’, *бӛрі карај* ‘сюда’, *өjдӧ карај* ‘вверх’; кум. *ӛндідӛн соӈ*, тув. *амдан ӛгӛлӛш* ‘отныне’, ‘впредь’; кум. *ӛртӛн булан* ‘утром’; туркм. *аӷшамāра* ‘под вечер’, *āӱдӛ* ‘натощак’, *дāӷатдājїн* ‘ежечасно’, *ājдājїн* ‘ежемесячно’.

[СЛОЖНЫЕ НАРЕЧИЯ — УСТОЙЧИВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ

Примеры: алт. *таӈ атканча* ‘до рассвета’, *кол бажїна* ‘спустя рукава’, ‘наспех’, *кӧс бажїна* ‘поверхностно’, *таӈ бажїнда* ‘кое-где’;[158] башк. *күҙ*

---

[154] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 425.

[155] См.: *Рамазанов К. Т.* Темпоральные парные слова в юго-западной группе тюркских языков. — СТ, 1979, № 1, с. 69 сл. См. также: *Ҷамалдинов О.* Ҳазирқи заман уйғур тилидики қош рәвишләр, с. 95—99.

[156] См.: *Байрамдурдыев Б.* Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 15.

[157] См.: *Баскаков Н. А.* Спряжение глагола в кумандинском диалекте алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1969, 8, с. 100.

[158] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1956, 1, с. 38.

асӣп јӧмʁанса, тур. *гӧз ачӣп капаjӣнʃаjа дӟjӣн*, узб. *кӯз очіп јумгунча*, уйг. *көз җумуп ачкічә*, *көз әчіп җумʁічә* ‘в мгновение ока’; кирг. *җәті түндө*, тув. *ӱч дӯн ортузунда* ‘среди ночи’, ‘глубокой ночью’; уйг. *нә дәгәндә* ‘сначала, сперва’, *карʁа карк дәмәстә* ‘рано утром’;[159] казах. *күндәрдә бір күн*, кирг. *күндөрдүн бір күнүндө*, крым.-тат. *күнлярдян бір кӱн*, узб. *кунлардан бір кун*, уйг. *күнләрдін бір күні* ‘однажды’; туркм. *бираʁыддан*, узб. *бір оʁіздан* ‘единогласно’, ‘единодушно’; узб. *эјәгіні кӯліга эліп* ‘быстро, стремительно’,[160] *җәніні һәвучлап* ‘со страхом’, *бір кунмас бір кун* ‘однажды’, ‘когда-нибудь’.

НАРЕЧИЯ, ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОТОРЫХ НЕ ЯСНА

Ряд наречий не обнаруживает очевидных связей с какими-либо именными и глагольными формами, и их происхождение может быть установлено лишь в результате специальных этимологических исследований. В сложных, подвергшихся упрощению, наречиях часто один из компонентов — хорошо известное слово, тогда как второй или третий не поддается отождествлению.

Из наречий, не являющихся достаточно прозрачными в этом отношении, особенно примечательны те, которые включают в себя неизвестный морфологический показатель *-дї* или некое, утратившее самостоятельность слово, ср.: др.-тюрк. *әмді*, ст.-азерб., ст.-тур. *імді*, *шімді* [161] (*ош імді*,[162] ср.: узб. *шу бугун*), азерб. *інді*, алт. *әм*, *әмді*, башк., тат. *інді*,[163] гаг. *шінді*, казах., ног. *әнді*, кар., кум., узб. *әнді*, тув. *ам*, шор. *амдї* ~ *әмді*, уйг. *әнді*, хак. *ам*, *амдї*, чуваш. *ĕндĕ*, чулым. *ämdä* [164] ‘теперь’, ‘ныне’, ‘уже’; ст.-узб. *муʁаjдї* ‘так’ (СК 97б). Ср. также: узб. (диал.) *інді jіл* ‘в будущем году’;[165] др.-тюрк. *катӟдї* ‘крепко, сильно’; казах. *соңдӯ* ‘после’.

Нельзя сказать с уверенностью, что все приведенные выше примеры включают в себя один и тот же морфологический показатель. Так, в ст.-узб. *муʁаjдї* можно усмотреть обособившееся «слитное» деепричастие на *-ї*. Что касается других примеров, то предположение о наличии в них аффикса архаической падежной формы, давно утратившей черты нормально функционирующего образования, приемлемо лишь как рабочая гипотеза, так как никаких фактов, хотя бы косвенно подтверждающих его, пока не обнаружено. Больше оснований видеть в *-дї* усилительную частицу, учитывая то, что подобные сочетания обычны для тюркских языков, и то, что компоненты *әм*, *соң* сами по себе выполняют обстоятельственные функции.

-Дӱз ~ *-діз*...: др.-тюрк. *күнтӱз* ~ *күндӱз*, азерб., кум., тур. *гӱндӱз*, башк. *көндӧҙ*, кар. *күндүз*, *күндүзүн*, кирг. *күндүз*, ног. *күндіз*, тат. *көндіз*, тув. *хӱндӱс*, туркм. *гӱндіҙ*, шор. *күндӱс* ~ *күнтӱс* ~ *күнтӱш*,[166] якут. *күнүс* ‘днем’, ‘дневное время’.

Күндӱз ~ *күндіз*... — единственное слово с компонентом *-дӱз* ~ *-діз*..., и маловероятно, чтобы последний являлся аффиксом. Скорее всего, мы имеем дело с сочетанием двух слов, из которых второе, по-видимому, использовалось в служебной функции.

-Там ~ *-дам*: алт., шор. *ӥлтам*, башк. *jĭлдам*, казах. *җĭлдам*, кирг. *ӥлдам* ‘быстро, скоро’.

В древнетюркском языке при помощи аффикса *-там*~*-дам* образовывались прилагательные, выступавшие в предложении в качестве определений и обстоятельств. Для большинства из них определительная функция была преобладающей или даже единственно возможной, тогда как в употреблении других с самого начала наблюдалась тенденция к абсолютизации обстоятельственной функции, хотя вплоть до настоящего времени проявляется своеобразный синтаксический синкретизм, ср.: др.-тюрк. *күндәм* ‘солнечный’, *тәңрідәм* ‘божественный’, *ӟрдәм* ‘доблестный, геройский’; алт. *ӥлтам*, башк. *jĭлдам*, туркм. *jӥлдам*, уйг. *ілдам* ‘быстрый’, ‘быстро’, кирг. *ӥлдам* ‘быстро’.

-А: др.-тюрк., уйг. *кәчә*, азерб., гаг. *гәҙә*, тур. *гәҙә*, туркм. *гіҙә* ‘ночь’, ‘ночью’, алт., кирг. *кәчә*, башк. *кісә*, казах. *кәшә*, тат. *кічә*, *хак.* *кіҙә* ‘вчера’, тув. *кәҙә*, якут. *кіэһэ* ‘вечер’, ‘вечером’.

Присутствие в данном случае дополнительного компонента не вызывает сомнений, так как в тюркских языках наряду с *кәчә* ~ *кәшә* широко используется слово *кәч* ~ *кәш*, ср.: др.-тюрк., кар. *кәч*, гаг., тур. *гәч*, туркм. *гіч* ‘поздний’, ‘поздно’, алт., кирг., узб. *кәч*, ног. *кәш* ‘вечер’, ‘поздно’, башк. *кіс*, тат. *кіч* ‘вечер’. Однако грамматическая природа компонента *-а* не ясна, и попытки рассматривать его как аффикс дательного падежа [167] недостаточно убедительны. При подобном подходе возникают определенные трудности со стороны семантики и остаются необъясненными чисто формальные различия: для ряда тюркских языков присоединение к *кәч*~*кәш* разновидности аффикса дательного падежа без начального согласного ничем не мотивировано.

Курун: кар., узб., уйг. *кәчкурун*, казах. *кәшкӯрĭм*, тат. *кічкĭрĭн*, узб. (диал.) *кәштіңкурӣн* [168] ‘вечером’, ‘к вечеру’.

Здесь явно сочетание двух слов, последнее из которых выступает в форме творительного (орудного) падежа: *кәч курун* ‘поздним временем’.[169] Примеры на соответствующие значения *кәч* были приведены выше, ср.: туркм. *гіч аʁшам* ‘поздним вечером’. Слово *кур* в самостоятельном употреблении встречается редко, тем не менее первоначальное значение его прозрачно: др.-тюрк. *кур* ‘время’, ‘черед, последовательность’ (QBH 59_{29}); кирг. *ӱч кур* ‘три раза’, *курак* ‘возраст’; тат. *көр* ‘время, пора’.

-Тән, *-тін*, *-тійін*, *-тә*... Перечисленные элементы встречаются в небольшой группе наречий, происхождение которых пока не получило удовлетворительного объяснения. В этой группе следует прежде всего назвать наречия, объединяемые общим для них компонентом *кінә(т)* ~ *кәнә(т)*: алт. *кәнәтійін*, башк. *кінәт*, казах. *кәнәт*, *кәнәттән*, кар. *кәнәтә*, *кәнәтәлӛj*, кирг. *кәнәдән*, ног. *кәнәт*, *кәнәтән*, тат. *кінәт*, *кінәттән*, тув. *хәнәртән*, хак. *кінәтĭн*, чуваш. *кінәт*, шор. *кәнәтін*, *кәнәткі*, *кәнәткә* ‘вдруг, неожиданно, внезапно’. В арабском грамматическом трактате XIV в. «Ат-тухфа...» засвидетельствована форма *кәнәтә*.[170] Другие наречия, сближаемые с данной группой по внешнему облику, — кирг. *атајї(н)*, к.-калп. *әдәјі*, узб. *атајін*, алт. *өнөтійін*, тув. *өнәдĭн*, хак. *өнәтĭн* ‘нарочно, умышленно’. На первый взгляд, рассматриваемые наречия воспринимаются как формы местного, исходного, дательного и творительного (орудного) падежей. Однако при более глубоком подходе наличие в некоторых из них тюркских падежных аффиксов оказывается лишь видимостью: слова неизвестного происхождения в ходе длительного использования были соответствующим образом «усвоены» и приближены к типично тюркским разновидностям наречий. Так, алт. *кәнәтійін* возводится к монг. *гәнәтійін* (родительный падеж от *гәнәт*),[171] и, следовательно, компонент *-тĭн*~*-тӣн* в хак. *кінәтĭн*, шор. *кәнәтĭн* не имеет ничего общего с тюркским аффиксом исходного падежа, представляя собой стяженную разновидность сочетания конечного *т* основы с монгольским падежным аффиксом. Ног. *кәнәтән* (<*кәнәттән*), казах. *кәнәттән* и тат. *кінәттән* — формы исходного падежа, образовавшиеся на тюркской почве.

-Дїр~*-дур*~*-тїр*~*-тур* — аффикс, прослеживаемый в наречиях тувинского и тофаларского языков. Примеры: тув. *ӥрадїр* ‘далеко’, *арӥлдїр* ‘дочиста’

---

[159] См.: *Джамалдинов О.* Наречие в современном уйгурском языке, с. 13.
[160] См.: *Гулямов А.* К вопросу об адвербиализации в узбекском языке, с. 15.
[161] См.: *Ergin M.* Dede Korkut kitabı, II, s. 456.
[162] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, p. 253, 720.
[163] См.: *Çagatay S.* Kazan lehçesinde *indi*. — In: Jean Deny armağanı. Ankara, 1958, s. 71—75.
[164] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II, с. 96.
[165] См.: *Алиев А. Ю.* Наманганская группа говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1975, с. 82.
[166] См.: *Межекова Н. Н.* Описание шорского диалекта хакасского языка. АКД. М., 1969, с. 18.

[167] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 243.
[168] См.: *Ахмедов А.* Джушский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962, с. 19.
[169] См.: *Çagatay S. Ş.* Uygurca ve eski Osmanlıca'da instrumental *-°n*, s. 96.
[170] См.: Изысканный дар..., с. 61.
[171] См.: *Кучигашева Н. А.* Наречие в алтайском языке, с. 53.

баҕајтї(р) ‘плохо, скверно’, *хўнзәдір* ‘весь день’, *чаәїлдїр* ‘сплошь, целиком’, *чајладїр* ‘в течение лета’, *чартїкташтїр* ‘пополам’, *хондур* ‘всю ночь’.

Анализ приведенных наречий позволяет сделать вывод, что наиболее вероятно образование их в результате обособления «слитных» деепричастий, в составе которых не обычные, а каузативные основы, ср.: *їра-дїр-а*, *арїл-дїр-а*, *чартїкташ-тїр-а*, *хон-дур-а*.[172] Выпадение в «слитных» деепричастиях конечного *а* — для тувинского языка распространенное явление. Существенным препятствием на пути возведения наречий типа *їрадїр*, *арїлдїр* к «слитным» деепричастиям от каузативных глагольных основ является эпизодическое несовпадение наречного компонента с каузативным аффиксом, ср.: *дїңзїдїр* ‘сильно, крепко’, но *дїңзїт-* ‘укреплять, усиливать’, *бәдідір* ‘высоко’, но *бәдіт-* ‘поднимать, возвышать’. Можно согласиться с ранее высказанным мнением о том, что компонент *-дїр*∼*-тїр* постепенно выделился как особая примета наречий и стал присоединяться к глагольным основам независимо от присущей им разновидности каузативной формы, а к прилагательным — без предварительного образования от них глагольных основ.[173]

Есть основания считать, что аналогичным был путь образования и таких наречий, как тув. *таңҕїр* ‘очень далеко’.

-Ра: др.-тюрк. *асра* ‘внизу’, *өңрә* ‘впереди’, ‘вперед’, ‘раньше, прежде’, *соңра* ‘затем, после’, *ічрә* ‘внутри’, ‘внутрь’, *ташра* ‘вне, снаружи’, ‘вовне наружу’; казах. *соңӣра*, кар. *сондра* ‘после’; тофал. *сӧра* ‘поздно’.[174]

Попытки обнаружить в тюркских языках следы древнего направительного падежа на *-ра* [175] до настоящего времени не увенчались успехом.[176] Имеющиеся материалы и результаты предыдущих исследований свидетельствуют в пользу предположения о деепричастной природе наречий на *-ра*.[177] Связь их со «слитным» деепричастием не всегда убедительна, однако сам факт существования такой связи для отдельных наречий не оставляет сомнений относительно возможности наличия ее и в тех случаях, когда она не вполне очевидна, ср.: тур. *ташїр-* ‘лить через край’, *ташра* ‘провинция’; якут. *таһар-* ‘выводить наружу’, ‘выносить’, *таһарā* ‘наружный’; уйг. *өңгәр-* ‘класть впереди себя на седло’.

-J̌ару: ст.-азерб. *ҕанǰару* ∼ *ханǰару* ‘сколько’. Х. Мирзазаде выделяет в приведенном слове два лексических компонента и аффикс принадлежности: *ҕан* ∼ *хан* ‘какой’ и *ǰар* < *ǰәр* < *јәр* ‘земля’, ‘место’,[178] тогда как А. Дж. Шукюров видит в нем сочетание двух слов и двух морфологических показателей: *кај* ‘какой’, *јан* ‘бок’, ‘сторона’, *-ǰа* — «наречеобразующий аффикс», *-ру* — «аффикс направительного падежа».[179]

-Дар: хак. *андар* ‘туда’, *мїндар* ‘сюда’, *хајдар* ‘куда?’ *тǐгдәр* ‘туда’.

Мы рассматриваем *-дар* как сочетание двух падежных аффиксов — *-да* и *-ҕар*. Присоединение одного падежного аффикса к другому становится возможным вследствие омертвения последнего и сращения его с основой.

-Карї: алт. *туркарї* ‘постоянно’.

Выделение компонента *-карї* производится с учетом существования сходных по значению слов, которые, как можно предположить, образованы от глагольной основы *тур-* ‘стоять’, ср., например: узб. *турғун* ‘устойчивый’, ‘постоянный’.

[172] См.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 426—428.
[173] Там же, с. 427.
[174] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 49.
[175] См.: *Çagatay S.* Eski Osmanlıca üzerine bazı notlar. — DTCFD, 1, 1944, II, 2, s. 305—306.
[176] См.: *Gabain A.* Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV, S. 7; *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 241.
[177] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя), с. 40 сл.
[178] *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы. Бакы, 1962, с. 197—198. Ср.: *Исламов М. И.* Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка. АДД. Баку, 1973, с. 52.
[179] *Шукюров А. Дж.* Первообразные наречия в азербайджанском языке. — В кн.: Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 142.

-Н: др.-тюрк. *төбүн* ‘вниз’, алт., кирг. *төмөн*, башк., тат. *түбән*, хак. *төбїн*, шор. *төбәрә* ‘вниз’, кар. *төбән* ‘опрокинутый’, ног. *төмән*, уйг. *төвән* ‘низкий’; башк. *йәдтүбән*, тат. *јәзтүбән*, шор. *чүс төбән* ‘ничком, вниз лицом’.

Остающийся после выделения основы морфологический элемент может быть сопоставлен с аффиксом творительного (орудного) падежа. Что касается самой основы (*төбә*∼*төбү*), то ее первоначальное значение установить не удается. Ограничимся указанием на существование омонимичного ряда с прямо противоположным значением: др.-тюрк. *төбү*, кар., ног. *төбә* ‘макушка’, ‘темя’, ‘вершина’.

Обособленную группу образуют наречия, в составе которых обнаруживаются легко отождествимые общетюркские слова и недостаточно определенные аффиксы, например: азерб. *әркән*, уйг. *ätігән* ‘рано’, ‘ранним утром’; алт. *соңзун* (< ? *соңусун*) ‘послезавтра’, *д'аңїскан* (< ? *д'аңїс арткан* ‘один остался’) [180] ‘одиноко’, *бүткүл* (*бүт-* ‘кончаться’) ‘целиком’; казах., кирг. *әртең* ‘завтра’; к.-калп. *жолшїбај*, *жөнәкәј*, узб. *јўлакај* ‘попутно, по дороге’; хак. *түнә* (< *түнәгә*) ‘недавно, не так давно’, ‘только что’, *таңдүрүк* (*таң* ‘заря’, ‘рассвет’) ‘послезавтра’.

К этой группе примыкают наречия, образовавшиеся, по всей видимости, из определительных, послеложных и изафетных сочетаний. Примеры: азерб. *інішіл* ‘в позапрошлом году’, *іл узуну* ‘на протяжении года’, *ілајузуну* ‘вечно, постоянно’; [181] казах. *ärмән* (< ? *ärї таман*) ‘туда, дальше’, *бәрмән* (< ? *бәрї таман*) ‘сюда’; [182] тув. *дāрта*, *дāртазїнда* (< ? *даң әртә*, *даң әртәзіндә*, ср.: казах. *таңәртең*) ‘завтра’, ‘на следующий день’; [183] узб. (диал.) *соңатаман* (< *соңа таман*) ‘попозже’, *јänäǰїлї* ‘на следующий год’, [184] *озаҕїлї* (< ? *озаҕї јїлї*) ‘в позапрошлом году’; [185] ст.-узб. *узадкүн* [186] (ср.: уйг. *озакүн*, *озакі күні* ‘позавчера’, *оза*, *озакі ǰїлі* ‘в позапрошлом году’) ‘позавчера’.

В заключение мы приводим далеко не полный список наречий, о происхождении которых пока вообще трудно высказать какие-либо соображения: алт., тув., хак. *арај*, казах. *ärең*, кирг., узб. *араң*, уйг., чуваш. *аран*, алт. *арајдаң*, *арајїн*, шор. *арајїн*, шор. (диал.) *арі-арі* [187] ‘едва-едва’, ‘чуть-чуть’, ‘потихоньку’, ‘насилу’; алт., башк., кирг., тат., уйг. *баја*, азерб. *бајаҕ*, тур., туркм. *бајак* (< *баја*+*ок*), узб. *бәја*, хак., шор. *наја*, башк. (диал.) *баҕанак*, [188] казах., к.-калп. *баҕана* (< ? *бајаҕана*), карач.-балк. *бійаҕїнда* ‘давеча, недавно’, ‘только что’; тув. *бійәдә* ‘раньше, прежде’, ‘давно’, *бійәк* ‘уже давно’; алт. *удаҕан* ‘давно’; к.-калп. *көлдәнең* ‘поперек’, *әшәјїн* ‘бесплатно, даром’, *әшәјїнлїк* ‘попросту’, *äбдән* ‘очень’; тур. *јарїн*, [189] чуваш. *їран* ‘завтра’; туркм. *әнтәк* ‘пока, покамест’, *јаддїн* ‘поздно вечером’; уйг. *балдур* ‘раньше, прежде’; хак. *саҕам*, шор. *шаҕам* (< ? *сах*+*ам*) [190] ‘сейчас, только что’; узб. *індін(га)* ‘послезавтра’; чуваш. *паjан*, *паjаган* ‘сегодня’; [191] ст.-азерб. *јалабїдак* ‘сразу’, *імін* ‘спокойно’, ‘тихо’, *аркуру* ‘поперек’; др.-тюрк. *тәмін* (МК I 409; Suv 365_{15}), гаг., тур. *дәмін*, тув. *дәм*, *дәмін* ‘только что’, ‘недавно’.

[180] Этимология, предложенная Н. А. Кучигашевой. См.: *Кучигашева Н. А.* Наречие в алтайском языке, с. 56.
[181] По мнению А. Дж. Шукюрова, *інішіл* — сочетание слов *ön* ‘перед’, *üч* ‘три’, *іл* ‘год’ (букв. «первый из трех лет», ср.: *даһанішіл* букв. «еще год перед третьим годом»), *ілајузуну* — сочетание слов *іл* ‘год’, *ај* ‘месяц’ и слова *узун* ‘длинный’, оформленного аффиксом принадлежности 3-го лица. См.: *Шукюров А. Дж.* Первообразные наречия в азербайджанском языке, с. 138.
[182] См.: *Искаков А.* [*И.*] Наречие в современном казахском языке, с. 41—43.
[183] Ср.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 418.
[184] См.: *Ахмедов А.* Джушский говор узбекского языка, с. 19.
[185] См.: *Туляков С.* Морфологические особенности наманганского говора. . ., с. 25.
[186] См.: *Ибрагимова А.* Исследование «Келурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги, с. 29.
[187] См.: *Межекова Н. Н.* Описание шорского диалекта хакасского языка, с. 18.
[188] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры. . ., с. 94.
[189] У А. Н. Кононова — от *јар* ∼ *јїр* ∼ *ір*(?)+*-їн* — аффикс «инструментального» падежа. См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 284.
[190] См.: *Патачакова Д. Ф.* Материалы к изучению истории лексики хакасского языка. — В кн.: Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1962, с. 18.
[191] См.: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка, с. 145—146.

* * *

Подводя итог анализу и описанию наречий в древних и современных тюркских языках, необходимо сделать два основных вывода.

Во-первых, становится очевидным, что в настоящее время продолжает активно протекать процесс морфологического отграничения наречий от прилагательных и вместе с тем имеет место значительное расширение их состава за счет адвербиализации различных именных и глагольных форм, а также целых словосочетаний. Примечательной чертой названного процесса является тенденция к многоступенчатому нанизыванию омертвевших морфологических элементов с эпизодическим нарушением общепринятой для тюркских языков их последовательности, ср.: казах. *жоғарғыдан* 'сверху'; кар. *таңдасїнда* 'на следующий день'; кирг. *кїшїндасї* 'зимой'; узб. *kickачасіга* 'вкратце'.

Во-вторых, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что вычленяемые из наречий аффиксы образуют в абсолютном большинстве случаев обычные для тюркских языков формы. Иначе говоря, при анализе наречий не обнаруживаются такие морфологические элементы, которые можно было бы интерпретировать как остатки «дотюркской» морфологии, точнее, — постулируемого рядом тюркологов и монголистов общеалтайского состояния. Естественно, некоторые наречия пока не поддаются убедительному этимологическому объяснению, что является следствием значительных преобразований и затемнения первоначальной формы.

Необходимо также остановиться на двух вопросах, не затронутых по разным причинам в предшествующих разделах.

Суть первого вопроса в том, не связан ли процесс образования наречий с обособлением определенных семантических групп слов или, иными словами, не является ли лексическая семантика фактором, влияющим на адвербиализацию именных и глагольных словоформ? Положительно на этот вопрос можно ответить лишь в том смысле, что больше всего расположены к адвербиализации словоформы, уточняющие пространственные и временные координаты действия, и что качественная и количественная характеристика действия осуществляется путем использования не только наречий, но и прилагательных, ср.: тат. *јаман* 'плохой' и 'плохо'; узб. *kicka* 'короткий' и 'кратко'. В целом же роль лексической семантики как фактора, способствующего адвербиализации, недостаточно очевидна: статус наречия получают исходные и производные формы различных по содержанию имен и глаголов.

Второй вопрос имеет отношение к происхождению наречий, к объяснению причин их появления. Определенную ясность в него может внести указание на ограниченность функциональных возможностей наречных слов. Последние выполняют в предложении одну, единственную функцию — функцию обстоятельства при сказуемом и определении, ср.: узб. *тэк турді* 'он стоял спокойно', *ўуда кізік* 'очень интересный', *ўта kicka* 'чрезмерно краткий'. Таким образом, основополагающую роль в выделении наречий сыграл синтаксис, точнее усиливающаяся тенденция к усложнению структуры предложения в целях передачи разноплановой локализации действия и его качественно-количественной характеристики. Попутно отметим, что выражение наречием признака действия и признака определения, осуществляемое в ходе его обстоятельственного использования, предполагает высокий уровень развития языка и высокую степень абстракции, ср.: казах. *қайта* 'возвращаясь' и *қайта*, *қайтадан* 'снова, повторно'; тат. *буш* 'пустой, порожний' и *бушка* 'впустую, зря'; азерб. *ахшам* 'вечер' и *áхшам*, крым.-тат. *акшамлајїн* 'вечером'. Из сказанного следует, что относительно позднее, по сравнению с другими частями речи, появление наречия нельзя считать случайным.

В заключение необходимо подчеркнуть, что процесс адвербиализации охватывает наряду с отдельными словоформами словосочетания, состоящие из двух, трех и большего количества компонентов, ср.: кирг. *бүгүн* (< *бу күн*) 'сегодня', *кэчэ* 'вчера', *індінгэ* 'послезавтра', *мурдāгї күнїн аркї күнї* 'четвертого дня, три дня тому назад'.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

До недавнего времени мнение о целесообразности выделения модальных слов в тюркских описательных грамматиках не было единым и они нередко оказывались в составе разных частей речи. По мере того, как целесообразность и обоснованность выделения модальных слов получали признание все более широкого круга тюркологов, уточнялись взгляды на их грамматическую природу и разрабатывались принципы их классификации. Большую положительную роль в этом сыграли работы В. В. Виноградова по русскому языку.[1]

Модальные слова выражают субъективную модальность и располагаются между самостоятельными и служебными частями речи, обнаруживая существенные признаки и тех и других. В тюркологии такая точка зрения на модальные слова была сформулирована в одной из работ Н. К. Дмитриева, убедительно обосновавшего ее и внесшего в толкование промежуточного положения модальных слов вполне определенный конкретный смысл. «Модальные слова, — писал он, — представляют собой нечто среднее между отдельным словом и частицей. По функции это — частицы, а по своей фонетике и этимологии — отдельные слова».[2] В дальнейшем отношение тюркологов к модальным словам как к промежуточной категории не менялось, вносились лишь новые оттенки в понимание их близости, с одной стороны, к частицам, с другой — к самостоятельным словам. Так, близость модальных слов к частицам уточняется подчеркиванием функционального соответствия тех и других и констатацией факта утраты лексических значений,[3] тогда как связь с самостоятельными словами конкретизируется ссылкой на сохранение ими «лексической формы».[4]

В числе признаков, характеризующих модальные слова в отличие от других частей речи, обычно называют утрату лексических значений, отсутствие форм словообразования и словоизменения, неспособность вступать в грамматические связи с другими словами в предложении.[5] Нетрудно заметить, что специфичность первых двух признаков недостаточно очевидна, а по вопросу о том, способны ли модальные слова вступать в синтаксические связи с отдельными членами предложения и с предложением в целом или же они ведут себя как полностью обособленные единицы, существуют разные мнения.[6]

---

[1] См.: *Виноградов В. В.* 1) Русский язык. М.; Л . 1947. с. 725—744; 2) О категории модальности и модальных словах в русском языке. — Тр. ИРЯ, М.; Л., 1950, II, с. 38—79. Подробнее об этом см. в кн.: *Зәйнуллин М. В.* Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияһы. Өфө, 1975, б. 47—50.

[2] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 131. См. также: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 327; *Зейналов Ф. Р.* Мүасир түрк дилләриндә әдат вә модал сөзләр. Бакы, 1965, с. 3, 14—16, 59—60.

[3] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 346; *Федотов М. Р.* Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963, с. 16; *Кекилова Дж. А.* Модальные слова в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1972, с. 5.

[4] См.: Һазирқи заман уйғур тили, II. Алмута, 1966, б. 275—276; Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 463.

[5] См., например: Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 190.

[6] Подробно об этом см. в работе: *Шахбазова З. А.* Вводные слова и вводные словосочетания в современном азербайджанском языке. АКД. Баку, 1980, с. 2 сл. См. также: *Сайфуллаев А. Р.* Вводные члены в современном узбекском литературном языке. — В кн.: Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. Баку, 1972, с. 61—69.

Промежуточное положение модальных слов и связанные с этим трудности их отграничения от других частей речи — основная причина имеющихся расхождений в определении состава модальных слов, в выработке принципов их классификации.[7] К модальным словам иногда относят и наречия, и частицы, что, в общем, отражает не только промежуточность их положения, но и особый взгляд на их грамматическое своеобразие. Примечательно в этом отношении наименование модальных слов именами-частицами.[8]

Отсутствует ясность в вопросе о правомерности разграничения модальных слов и так называемых предикативов.[9]

Спорным является вопрос об отнесении к модальным слов, занимающих в предложении строго определенную позицию, в частности — выступающих в конце предложения глагольных форм. Последние могут находиться в более или менее тесной связи с другими глагольными формами, образуя с ними перифрастические образования.[10] По-видимому, сам факт позиционной связанности не препятствует тому, чтобы считать соответствующие словоформы модальными словами: глагольное происхождение таких модальных слов, не утрачивающих полностью своих лексических значений, естественно, влияет на выбор позиции или, иначе говоря, является важным фактором, способствующим сохранению типичной для тюркского глагола позиции в конце предложения. Например, в турецкой фразе *о гёлміш олаҷак* 'он, должно быть, пришел' перестановка *олаҷак* в положение перед *гёлміш* недопустима, однако никаких сомнений в том, что *олаҷак* выступает в данном случае как модальное слово, у нас нет. Действительно, выражение модальности в тюркских языках может осуществляться при помощи вспомогательных глаголов, входящих в состав перифрастических форм, но характерным признаком таких образований, позволяющим говорить об их особом грамматическом статусе, является их идиоматичность. Так, башк. *укҡан булҙы*, казах. *ұқҡан болҙы* означают «притворившись читающим», а карач.-балк. *білмәгән болду* — «он сделал вид, будто не знает». Совершенно очевидно, что ни первые компоненты, ни вторые сами по себе не выражают тех особых семантических оттенков, которые передаются приведенными выше сочетаниями. Между тем в турецкой фразе *о гёлміш олаҷак* [11] компоненты *гёлміш* и *олаҷак* обладают относительной смысловой самостоятельностью и, если непременным условием существования перифрастических форм типа башк. *укҡан булҙы* является использование причастия на *-ҡан*, то в сочетаниях с модальными словами не исключено варьирование формы первого компонента. Сопоставление двух предложений в киргизском языке — *үйдөн чыҡар* 'он выйдет из дома' и *маҡа кат бар чыҡар* 'мне, вероятно, есть письмо' — в достаточной мере полно раскрывает характер процесса семантического и функционального раздвоения глагольной словоформы *чыҡар* и безусловно свидетельствует о выделении модального слова, несмотря на то, что в позиционном отношении никаких различий между ними пока не появилось.

Модальные слова могут сохранять не только особенности позиционного распределения, но и формы падежного управления своих прототипов, ср.: к.-калп. *ол үйінән шыҡар* 'он выходит из своего дома', *ол үйінә шыҡар* 'он, вероятно, у себя дома'; узб. *у дўстімга ўхшайді* 'он похож на моего друга', *у бундан бәхабарга ўхшайді* 'он, по-видимому, об этом не знает', *јомҕір јоҕадіганга ўхшайді* 'по-видимому, пойдет дождь'.

Своеобразие модальных слов в тюркских языках отчасти предопределено тем обстоятельством, что нередко выразителями модальности на лексическом уровне оказываются глагольные формы, содержанию которых присущи те или иные модальные оттенки (объективная модальность), например: башк., тат. *буҕай* 'пожалуй' (форма на *-ҕай*); тур. *ола. . . кі* 'возможно' (форма желательного наклонения), *олаҷак* 'должно быть' (форма будущего категорического); хак. *полар* 'возможно, вероятно' (в большинстве тюркских языков — форма будущего неопределенного).

Появление модальных слов как средства выражения субъективной модальности относится к позднему времени. Поэтому при наличии общих линий формирования рассматриваемой группы и совпадении основных тенденций в выборе прототипов налицо значительные различия между тюркскими языками как по составу модальных слов, так и по особенностям их употребления. По понятным причинам в ряде регионов наблюдается обилие модальных слов, заимствованных в соответствующей функции или восходящих к заимствованиям.

Классификация модальных слов производится в основном по структурному и семантическому признакам. Структурно они подразделяются на два типа: простые модальные слова и модальные словосочетания. Классификация по семантике основывается на разграничении ряда общих и частных значений, например: 1) отношения говорящего к действительности в аспектах утверждения, отрицания, возможности, невозможности, долженствования; 2) отношения говорящего к высказываемому: согласие, одобрение, предположение и т. д.[12] или 1) реальности, определенности, категоричности; 2) нереальности, неопределенности, предположительности,[13] или же сводится к выделению сугубо частных значений: 1) необходимости, долженствования; 2) возможности; 3) истинности, достоверности.[14] Особенно много частных значений выделено С. Саидовым, исследовавшим модальные слова в узбекском языке.[15]

Имеются также классификации модальных слов, построенные с учетом их происхождения.[16]

Наконец, известна классификация, основывающаяся на разграничении модальных слов по наличию или отсутствию грамматической связи их с предложением.[17]

Возвращаясь к вопросу о грамматическом своеобразии модальных слов, отметим, что они действительно близки к самостоятельным словам и часто выполняют функции вводных слов,[18] которые, независимо от восприятия их роли в предложении и их связи с ним, никак не могут быть квалифицированы как собственно служебные слова, ср.: азерб. *бір сөзлә*, хак. *пір сөснең сөләзә* 'одним словом'; башк. *бірінсенән*, кум. *бірінчілəj*, узб. *бірінчідан*, уйг. *бірінчідін* 'во-первых'; казах. *екіншідән*, хак. *ікіңңізің* 'во-вторых'; азерб. *біліндіjі кімі* 'как известно'; туркм. *доҕрудан* 'действительно', *һökмän* 'обязательно'; уйг. *kiskisi* 'короче говоря'. Близость модальных слов к наречиям проявляется в отсутствии форм словообразования и словоизменения.

Утверждение, что модальные слова лишены лексических значений, верно только наполовину. Модальность является и лексическим, и грамматическим содержанием модальных слов. В этом их специфика по сравнению с наречиями, дающая основания говорить о них как об отдельной части речи.

Трудно согласиться с тем, что модальные слова, выступая в качестве вводных слов, оказываются синтаксически обособленными, не входящими в структуру предложения. По существу, почти любое модальное слово является элементом синтаксической структуры, и изъятие модального слова из предложения приводит к частичному изменению смысла, а иногда нарушает целостность предложения. Многие предложения с модальными словами по выражаемому ими содержанию идентичны сложноподчиненным предложениям с опущенным союзом

---

[7] См.: *Саидов С.* Модал сўзларни ўрганиш тарихидан. — ЎТА, 1963, № 4, б. 41.
[8] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 346.
[9] См. ниже, с. 48.
[10] См.: *Федотов М. Р.* Средства выражения модальности в чувашском языке, с. 17.
[11] Ряд тюркологов рассматривает сочетание *гёлміш олаҷак* как перифрастическое образование.
[12] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 263.
[13] См.: *Мусазаев И.* Ҳазирқи заман уйғур тилидики модал сөзләр. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 1. Алма-Ата, 1965, б. 161—162; *Шаршеев Н.* Модальность и модальные слова в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1969, с. 10.
[14] См.: *Зейналов Ф. Р.* Мүасир түрк дилләриндә әдат вә модал сөзләр, с. 68.
[15] См.: *Саидов С.* Ҳозирги замон ўзбек тилидаги модал сўзларнинг классификацияси масаласига доир. — ЎТА, 1963, № 6, б. 44—48.
[16] См.: Ҳазирқи заман уйғур тили, II, б. 278; *Зейналов Ф. Р.* Мүасир түрк дилләриндә әдат вә модал сөзләр, с. 61.
[17] См.: *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка, I. Простое предложение. М.; Л., 1950, с. 281 сл.
[18] Ср.: *Петров Н. Е.* Модальные слова в якутском языке. — В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976, с. 58.

кі, ср.: азерб. *ахї(р) сіз өзүнүз-дә ƒавансінїз* ‘в конце концов, вы молоды’, *дәјәсән, мәні ƣорхутмаƣа башлаїрсан* ‘кажется, ты начинаешь пугать меня’, *көрүнүр, сіз-дә онун тајїсінїз* ‘по-видимому, и вы подобны ему’; тур. *сahідән, сіз haкlїсінїз* ‘в самом деле, вы правы’, *оңун әсәрләріндә, білhасса, дїш тіƒәрәт мәсәләсі өнәмлі бір јәр тутмуштур* ‘в его трудах, в особенности, проблемы внешней торговли заняли важное место’; хак. *осхас, худај, маƣā пірбәдї аңнї* ‘кажется, бог не дал мне зверя’;[19] узб. *тўƣрі, ўзбәк тілшунослігіда антоніміја бўјіча анчагіна ішлар мајдэнга кәлді* ‘действительно, в узбекском языкознании появилось некоторое количество работ по антонимии’; уйг. *ёјтмакчі, сән уні көрдүңму* ‘да (~ кстати), ты видел его?’. Примечательно, что некоторые модальные слова, в особенности устойчивые модальные словосочетания, вводятся в структуру предложения при помощи союзов, выступающих в качестве обязательных или факультативных элементов: азерб. *ѣhтімал кі*, тур. *ihтімал кі* ‘возможно’; азерб. *көрүнүр кі* ‘как видно’, *ѣлә біл кі* ‘как будто’, *ола біläркі* ‘возможно’, *тäбіідір кі* ‘естественно’, *јахшїдїр кі*... ‘хорошо, что...’;[20] тур. *јазїk кі* ‘жаль’, *өјлә гәлијор кі* ‘кажется’, *ијіdір кі*... ‘хорошо, что...’; узб. *афсускі*, уйг. *әпсускі* ‘жаль’, ‘к сожалению’; узб. *ма'лумкі*..., уйг. *мәлумкі*... ‘известно, что...’.

Будучи близкими к наречиям, модальные слова вместе с тем обнаруживают черты, сближающие их с модальными частицами: и те, и другие выражают отношение говорящего к высказываемому. Однако модальные частицы менее самостоятельны, в большей мере отнесены к отдельным словам, чем к предложению в целом, и, конечно, далеки от того, чтобы выполнять функции вводных слов, свойственные модальным словам. Кроме того, частицы более зависимы фонетически от тех слов, к которым они примыкают.[21]

Итак, правомерность выделения модальных слов как особой части речи едва ли может быть подвергнута сомнению, а имеющиеся трудности в определении ее состава не являются поводом для скептического отношения к возможности установления ее специфики.

ПРОСТЫЕ МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Широкое понимание модальности с привлечением таких значений, которые сами по себе не являются модальными, но входят в систему связанных с модальностью семантических противопоставлений, позволяет отнести к модальным словам многое из того, что не имеет определенной классификационной рубрики, в частности др.-тюрк. *бар* ‘есть’, *јок* ‘нет’; тур. *мәсәлә* ‘например’. Правда, часть подобных слов, включая и собственно модальные, иногда выделяется в самостоятельную группу — предикативы.

Среди простых модальных слов — большое количество заимствований из не-тюркских языков, преимущественно из арабского и персидского. Примеры: азерб., тат. *әлбәттә*, башк. *әлбиттә*, казах. *әлбәттә*, кирг. *албәттә*, тур. *әлбәттә*, туркм. *әлбәтдә*, узб. *албатта*, уйг. *әлвәттә* ‘конечно’; азерб. *бәлкә*, казах. *бәлкї*, тур., туркм. *бәлкі*, кирг., узб. *балкі*, башк., уйг. *бәлкі* ‘разве что’, ‘может быть’; азерб. *ахїр*, туркм. *ахырї*, узб. *ахірі*, азерб. *нähajät*, тур. *нihajәt*, узб. *нihәjat* ‘наконец, в конце концов’; башк. *ахырї*, чуваш. *аҫăр* ‘кажется’, ‘вероятно, наверно’; азерб. *äсасän*, тур. *әсасән*, узб. *асосан*, уйг. *асасän* ‘в основном’; азерб. *häгігätän*, туркм. *hakykatдan*, узб. *hakikatan*, уйг. *häkikätän, däphäkikät* ‘действительно’, ‘в самом деле’; азерб. *шүбhäсіз*, туркм. *шүбhәсіз*, уйг. *шүбhісіз* ‘несомненно’; башк. *іхтімал*, тур. *ihтімал*, туркм. *ähтімäл*, узб. *эhтімәл*, уйг. *эhтімал* ‘возможно, вероятно’; башк. *ƣөмүмän*, уйг. *омуман* ‘вообще’; тур. *затән* ‘собственно говоря’, ‘в сущности’, *лүтфән* ‘пожалуйста’, *мааләсәф* ‘к сожалению’, *білhасса* ‘в особенности’; узб. *хусусан* ‘в особенности’; уйг. *гоја, гојакі* ‘как будто’, *тäбіij* ‘естественно’.

[19] См.: *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963, с. 41.
[20] См.: *Шахбазова З. А.* Вводные слова и вводные словосочетания в современном азербайджанском языке, с. 7.
[21] См.: *Асланов А. Ə.* Müasir azərbaycan dilində modal sözlər. — Тр. ИЛЯ АН Азербайджанской ССР, 1957, X, С. 171.

Что касается модальных слов тюркского происхождения,[22] то они представляют собой различные формы существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов, а также наречия: азерб. *дәмәлі* (долженствовательное наклонение), тур. *дәмәк*, узб. *дәмак*, уйг. *дәмäк* (глагольное имя) ‘стало быть, следовательно’; азерб. *дәјәсән* ‘кажется’ (2-е лицо единственного числа желательного наклонения); азерб. *көрүнүр*, казах. *көрінәдї*, кирг. *көрүнөт*, уйг. *көрүніду* ‘кажется’, ‘по-видимому’, башк. *буƣај*, карач.-балк. *боƣај* ‘кажется, как будто’, гаг. *олур*, казах. *болар*, тув. *бōр*, хак. *полар*, чуваш. *пулӗ* ‘возможно, вероятно’, казах. *шїƣар*, кирг. *чїƣар* ‘наверно, вероятно’, казах. *дәјдї* ‘говорят’, карач.-балк. *ушајдї*, кирг. *окшојт*, уйг. *охшајду*, узб. *ўхшајді* ‘кажется, по-видимому’, тув. *чадавас* ‘возможно’ (3-е лицо единственного числа настоящего, настояще-будущего и будущего времени); азерб. *мänƒä, зänнімƒä*, башк. *мінĭңсä*, кирг. *мәнімчә*, узб. *фікрімча* ‘по-моему’ (форма сравнительно-ограничительного падежа); алт. *чїндан*, тат. *чĭннан* ‘по правде’, ‘в самом деле’ (форма исходного падежа); алт. *учїнда* ‘в конце концов’, тур. *гәрчәктә* ‘на самом деле, в действительности’ (форма местного падежа); башк. *кĭскаһĭ*, кирг. *кĭскасї*, тур. *кĭсаƒасї*, уйг. *кіскісі* ‘короче говоря’, казах. *шамасĭ*, кирг. *чамасї*, уйг. *чамісі* ‘очевидно, по-видимому’, тур. *доƣрусу* ‘по-правде’ (формы принадлежности 3-го лица единственного числа); казах. *сĭjaktĭ, сĭкĭлдĭ, сәкĭлдĭ, täрĭздĭ*, кирг. *сїjaktў, шәкілдў*, узб. *шәкіллі* ‘похоже, что’, ‘кажется’ (относительное прилагательное), казах. *бĭлäм* ‘кажется’ (1-е лицо единственного числа настоящего времени);[23] тат. *күрәсĭң* ‘по-видимому’ (2-е лицо единственного числа настоящего времени); хак. *сїнап* ‘действительно, в самом деле’ («соединительное» деепричастие). Примеры: алт. *алдїрбас кірігәр* ‘ладно, входите’, *әңіргәрі кар болор ошкош* ‘похоже, что к вечеру будет снег’;[24] казах. *ол кәлĭр бĭлäм* ‘вероятно, он придет’, *ол әртең кәләтĭн шĭƣар* ‘он, возможно, придет завтра’;[25] к.-калп. *ол ўјĭндә шĭƣар* ‘он, вероятно, дома’, *бĭрәв кәлгән сĭjaklĭ* ‘как будто кто-то пришел’; тат. *карчĭк та јөкламаƣан күрәсĭң* ‘старуха также, по-видимому, не спала’; тув. *о кәлір бōр* ‘он, вероятно, придет’; узб. *дўстім кәтді шәкіллі* ‘мой друг как будто ушел’; хак. *ол сїнап тā тоƣїста чох полƣан* ‘он, действительно, не был на работе’.

УСТОЙЧИВЫЕ МОДАЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Примеры: азерб. *ƣїса дәсäк*, башк. *кĭскаса äjткäндä*, казах. *кĭскаша ajтканда*, кирг. *кїскача ajтканда* ‘короче говоря’; азерб. *бір сөзлä*, казах. *бір сөзбен ajтканда* ‘одним словом’; азерб. *ümумijjätлä дәсäк*, башк. *ƣөмүмän äjткäндä* ‘вообще говоря’; азерб. *häр hалда*, башк. *häр хälдä* ‘во всяком случае’; казах. *жалпĭ алƣанда* ‘в целом’; тат. *дөрөсĭн äjткäндä* ‘по правде говоря’; тур. *hәр ihтімалә каршї*, узб. *hар эhтімәлга карші* ‘на всякий случай’; уйг. *аз дәгändä* ‘по меньшей мере’, *näрäз кілішімізчä* ‘как мы полагаем’, *јäкүнлän әjтканда* ‘подводя итог’.

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПРЕДИКАТИВАХ

Многие предикативы тесно связаны с модальными словами и в той или иной мере являются таковыми. Больше того, предикативность не существует вне модальности, так как в любом сообщении о действительности отражается от-

[22] К модальным словам тюркского происхождения мы относим и заимствованные слова, оформленные тюркскими морфологическими элементами.
[23] См.: *Жанпеисов Е. Н.* Модальные слова в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1958, с. 7—8.
[24] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1956, 1, с. 24.
[25] См.: *Медетова Г. А.* Модальность предположения и средства ее выражения в тюркских языках. АКД. Алма-Ата, 1982, с. 6.

ношение говорящего к высказываемому.[26] Поэтому правомерно говорить о предикативах как о модальных словах, выделяющихся наличием предикативной функции.

В традиционных описательных грамматиках тюркских языков предикативы относятся к наречиям, модальным словам или к частицам. Попытка выделить предикативы в самостоятельную часть речи и всесторонне обосновать правомерность их выделения впервые была предпринята Дж. С. Ахмедовым, опиравшимся на результаты исследования материалов азербайджанского языка. Отмечая, что в существующей тюркологической литературе рассматриваемые им слова «остаются за рамками традиционных частей речи», Дж. С. Ахмедов указывает на необходимость учета их специфики и четкого определения грамматического статуса. Основными признаками, характеризующими предикативы со стороны их грамматической специфики, по его мнению, являются неизменяемость и предикативное использование, т. е. признаки, сочетание которых послужило причиной для наименования соответствующей группы слов в русской грамматике предикативными наречиями.[27]

Дж. С. Ахмедов, исходя из особенностей грамматической семантики, различает 3 типа предикативов: 1) предикативы с констатирующей функцией — *гярäк(дïр)*, *лазïм(дïр)* ‘надо’, *бäс(дïр)*, *кифайät(дïр)* ‘достаточно’, *вар(дïр)* ‘есть’, *јох(дур)* ‘нет’; 2) побудительные предикативы — *бäсдïр*, *кифайätдïр*, *јетär*, *јáхшï*, *јáваш* ‘полно, довольно, хватит’; 3) предикативы оценки — *јазïг*, *һəјіф* ~ *һајїф*, *тääссüф* ‘жаль’.[28]

Следует согласиться с тем, что по своим лексико-семантическим и функциональным особенностям предикативы не вполне соотносимы с теми частями речи, в которые традиционно включаются, и что они образуют довольно компактный разряд слов, объединяемых наличием сходных признаков.

Применительно к материалам всех тюркских языков наряду с предложенной Дж. С. Ахмедовым целесообразна также чисто семантическая классификация предикативов, учитывающая характер выражаемой модальности (долженствование-необходимость, возможность, утверждение-отрицание). При этом следует заметить, что отнесение к предикативам модальных слов *јазïг*, *һəјіф* ~ *һајїф*, *тääссüф* и ряда других нуждается в обосновании.

Предикативы с семантикой долженствования-необходимости — азерб. *гярäк*, *лазïм*, башк. *кäрäк*, гаг. *лâзïм*, казах. *кəрəк*, *лазı̆м*, уйг. *кəрäк*, *лазім* ‘надо’; гаг. *мутлак* ‘безусловно’; башк. *тı̆јı̆ш*, казах., ног. *тı̆јı̆с*, кирг. *тијіш*, тат. *тијı̆ш*, уйг. *тəгіш* ‘должен’. Примеры: башк. *кајтı̆рға тı̆јı̆ш* ‘должен вернуться’; карач.-балк. *аңа болушурға тијішліді* ‘ему надо помогать’; кирг. *бір ајла табïш кəрəк* ‘надо найти выход из положения’; тув. *соғар хəрəк* ‘надо бить’; узб. *нар һəлда бу іккі фə'лні ўз ўрніда ішлатіш кəрак* ‘во всяком случае, эти два глагола надо употреблять на своих местах’; уйг. *у кəлішкä тəгіш* ‘он должен прийти’.

Предикативы с семантикой возможности — башк. *мŏмкı̆н*, казах. *мүмкı̆н*, туркм. *мүмкі̄н*, узб. *мумкін*, уйг. *мүмкін* ‘можно’, гаг. *вар ніўä* ‘можно, возможно’, *јок ніўä* ‘невозможно’. Примеры: узб. *јуқорідà ајтілганларні қуйідагіча умумлаштіріш мумкін* ‘сказанное выше можно обобщить нижеследующим образом’; гаг. *вар мï ніўä гірмâ* ‘можно ли войти?’[29]

Предикативы с семантикой утверждения-отрицания — азерб., гаг., тур. *вар*, казах., кирг., уйг. *бар*, туркм. *бā̄р*, узб. *бор* ‘есть’; азерб. *јох*, башк. *јук*, казах. *жоқ*, туркм. *јо̄к*, узб. *йўқ*, уйг. *јок* ‘нет’. Примеры: казах. *ўйдə əшқı̆м жоқ* ‘в доме никого нет’; тур. *орада кім вар(дïр)* ‘кто там?’, *бəндə пара јок-(тур)* ‘у меня нет денег’, *јəді-сəкіз кіші варлар* ‘семь-восемь человек (есть)’; узб. *сув бор ўғда ўсімлік бор* ‘там, где есть вода, есть и растения’.

[26] См.: *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения. (На материале русского языка). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 406.

[27] См.: *Ахмедов Дж. С.* Предикативы в современном азербайджанском языке. АКД. Л., 1970, с. 2.

[28] Там же, с. 2—12. См. также: *Ахмедов Дж. С.* Побудительные предикативы, выражающие побуждение к прекращению действия, в современном азербайджанском языке. — В кн.: Филологический сборник [ЛГУ]. Л., 1969, с. 85—93.

[29] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 264.

Отнесение *бар* и *јок* к модальным словам или предикативам, безусловно, не является вполне обоснованным. Во многих отношениях они близки к именам: не лишены форм словообразования и, хотя в ограниченных размерах, присоединяют к себе словоизменительные аффиксы. Примеры: ст.-узб. *барïм јоғïм* ‘то, что у меня есть, и то, чего у меня нет’, *барлïғ* ‘присутствие’, *јоклуғ* ‘отсутствие’;[30] узб. *бəррəк* ‘есть все же’, *јўқрəк* ‘нет все же’;[31] тур. *варлар* ‘есть’, ‘присутствуют’.

Несколько особое положение *бар* и *јок* среди имен связано не только с ограниченностью их словообразовательных и словоизменительных возможностей, но и со своеобразием синтаксического использования. И то и другое слово употребляются преимущественно в предикативной функции, самостоятельно или со связкой, что и послужило причиной наименования их в некоторых грамматических работах предикативными именами (предикативами) или явилось поводом для выделения их в ходе синтаксического анализа, ср. у Н. П. Дыренковой: «именное сказуемое *бар* и *дьок*».[32] Примеры предикативного использования *бар* и *јок*: др.-тюрк. *бу əттä їір јок* ‘в этом мясе нет жира’ (МК I 323), *күнтін їіңак бір улуғ бəдўк сöгўт бар* ‘в южной стороне есть большое дерево’ (Uig II 45); ст.-узб. *мəнің јоктур мурадім сəндін ајру* ‘у меня нет другого желания, кроме (желания) тебя’; алт. *ондо којлор бар* ‘там есть овцы’, *салкïнду күндə əнчў д'ок* ‘в холодный (ветренный) день нет покоя’; башк. *тı̆шта бı̆р кı̆шı̆ бар* ‘снаружи (во дворе) есть человек’.

Для полноты грамматической характеристики слов *бар* и *јок* необходимо указать также на употребление их в составе аналитических форм и в качестве компонентов составных глаголов, ср.: др.-тюрк. *јок əрдім јараттың јана јок кілїп ікінч бар кїлурсäн* ‘меня не было, ты создал меня, и ты снова, уничтожив меня, сделаешь вторично существующим’ (XX C_{10}); ст.-узб. *јок əді бар əді* ‘не было, было’, *јоктïн бар кїлïп барнї јок кїлур* ‘из ничего делает (нечто) существующее и из (чего-то) существующего — ничто’; алт. *бір-дə нəмəдəң коркуп турғанïм д'ок* ‘я ничего не боюсь’; башк. *бı̆р нəмə-лə алғанı̆м јук* ‘я ничего не брал’.

Наряду с модальными словами, или предикативами, имеющими общеутвердительное или общеотрицательное значение, в тюркских языках широко представлены частицы, используемые как средство отрицания отношения сказуемого к подлежащему и отрицания наличия признака. Впрочем, для передачи отрицания наличия признака может быть использовано и модальное слово, ср.: якут. *кўһə суох* ‘бессильный’, *їрāһа суох* ‘нечистый’.[33]

[30] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962, с. 140—141.

[31] См.: *Ғуломов А. Ғ.* Ўзбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари. — ЎТАМ, 1959, № 2, б. 50, 54.

[32] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940, с. 241.

[33] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 140.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Служебные части речи в тюркских языках — послелоги, частицы, союзы.[1]

Общая характеристика тюркских служебных частей речи дана в начале книги, и здесь мы ограничимся указанием на некоторые особенности их употребления. Одна из них, являющаяся непринципиальной, но тем не менее весьма существенной, — место, занимаемое служебными словами относительно самостоятельных слов: в большинстве своем они находятся в постпозиции. Предлоги встречаются очень редко, и появление их в тюркских языках связано с иноязычным влиянием. Так, в староузбекском языке предлоги выступают в составе конструкций персидского изафета, ср.: *ғајрі дәванда* 'кроме дивана', *бавуҷуді іхтіјаҷ* 'несмотря на нужду', *бар хілафі адат* 'вопреки обычаю'. Перестановка общетюркских послелогов в препозицию в караимском языке может быть объяснена влиянием славянских языков, ср.: кар. *утуру Тораға* 'против Библии'. Роль в данном случае внешних факторов подтверждается тем, что изменение позиции служебного слова происходит при сохранении типично тюркских средств выражения связи самостоятельного слова со служебным (так называемый тюркский изафет), например: кар. *кәнсісіндә көп јілларнің* (< *көп јілларнің кәнсісіндә*) 'в течение многих лет', *ортасіында ол күлнүң* 'среди той золы', *үстүндә тәракнін* 'на дереве'.[2] Особый случай — перемещение послелогов в препозицию в языке поэтических произведений, вызванное требованиями размера, например: ст.-тур. *чәврәсіндә Јусуфун* 'вокруг Юсуфа'.[3] Другая особенность служебных частей речи — промежуточное положение значительного числа их в смысле близости, с одной стороны, к самостоятельным словам, к которым они восходят, с другой — к собственно служебным элементам, аффиксальным морфемам, причем это промежуточное положение является не одним из этапов постепенно протекающего процесса образования морфологических показателей, а их устойчивым состоянием. Поэтому нередко приходится иметь дело с такими служебными словами, которые являются своего рода вариантами самостоятельных слов, обусловленными особенностями занимаемой позиции и контекста.

Частицы ближе к служебным элементам, чем послелоги, и в пределах нынешнего состояния тюркских языков никак не связаны с самостоятельными словами.

Настоящие служебные элементы — союзы, но число собственно тюркских союзов невелико. Почти все они появились в довольно позднее время в результате обособления некоторых местоимений и деепричастий. Многие союзы были заимствованы из не-тюркских языков, главным образом из персидского.

---

[1] Ср.: *Зејналов Ф.* Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Бакы, 1971, с. 6. Здесь же имеется подробный очерк истории изучения служебных слов в тюркских языках, с. 7—22.

[2] См.: *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. — Prace Komisji Orjentalistycznej Polskiej Akademji Umiejętności, Kraków, 1929, N 11, s. XXXIX; *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 312.

[3] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha. Nakleden: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946, s. 26.

ПОСЛЕЛОГИ

I

Общую характеристику послелогов в тюркских языках принято давать путем сопоставления их, с одной стороны, с падежными аффиксами тюркских же языков, с другой — с предлогами, отсутствующими в тюркских языках и привлекаемыми для сравнения из русского языка.

Падежные аффиксы выражают грамматические значения самого высокого уровня абстракции, семантика же послелогов, если не принимать во внимание частные случаи, довольно конкретна: они дополняют и уточняют значения, передаваемые падежными аффиксами,[1] и располагаются где-то между самостоятельными словами и падежными аффиксами, ср.: азерб. *даға* 'в гору', 'к горе', *даға тәрәф* 'в сторону горы'; алт. *д'олға* 'в дорогу', 'к дороге', *д'ол ортозїна* 'в середину (~ на середину) дороги', *д'ол ортозїна д'әтірә* 'до середины дороги'; кум. *көпүрнү түбүндә* 'под мостом', *көпүрнү түбү булан* 'из-под моста';[2] тат. *тавға* 'в гору', *тав јағ̆ына* 'в сторону горы', *тав јағ̆ына таба* букв. 'в направлении стороны горы'; тур. *ода капїсїна* 'к двери комнаты', *ода капїсїнін өнүнә* букв. 'в положение перед дверью комнаты', *ода капїсїнін өнүнә кадар* 'до двери', букв. 'до места перед дверью комнаты'; узб. *јўлга* 'в дорогу', 'к дороге', *јўлга тәмән* 'в сторону дороги', *јўл тәмәнга карап* букв. 'в направлении стороны дороги'; уйг. *мәктәпкә* 'в школу', *мәктәп тәрәпкә* 'в сторону школы', *мәктәп тәрәпкә карап* букв. 'в направлении стороны школы'.

Предлоги — особые средства выражения синтаксических отношений, выступающие в позиции перед именами; послелоги выполняют сходные функции, но занимают положение после имен. «Послелоги похожи на предлоги русского языка, — пишут Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах, — но не тождественны им». Далее они приводят перечень специфических черт послелогов, относящихся главным образом к статистической стороне и к плану выражения: ограниченность количества, постпозиция, больший по сравнению с предлогами русского языка объем синтаксических функций и более разнообразный состав форм падежного управления.[3] Вместе с тем многие тюркологи отмечают своеобразие и семантической стороны послелогов, преимущественно тех из них, которые относятся к так называемым служебным именам и служебным глаголам. По их

---

[1] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1956, 1, с. 19; *Чәфәров С. Ә.* Азәрбајчан дилинин гошмалары һаггында. — Изв. АН Азербайджанской ССР, 1956, № 4, с. 76; Һазирқи заман уйғур тили, II. Алмута, 1966, б. 256; *Долинина Ю. П.* Послелоги в кумыкском языке. — Уч. зап. Дагестанского ГПИ. Филология и педагогика, 1967, VI, с. 68; *Максютова Н. Х.* Послелоги. — В кн.: Исследования по грамматике современного башкирского языка. Уфа, 1979, с. 79. Ср.: *Ахтамова Х. Т.* Послеложные аналитические формы в современном узбекском литературном языке. АКД. Ташкент, 1981, с. 7 сл.

[2] См.: *Магомедов А. Г.* Послелог «булан» кумыкского языка. — Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала, 1962, X, с. 305.

[3] *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961, с. 435—436. Ср.: *Дмитриев Н. К.* Служебные имена в турецком языке. — В кн.: Советское языкознание, III. Л., 1937, с. 129 сл.; *Донидзе Г. И.* Послелоги в хакасском языке. — Зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1956, IV, с. 3.

мнению, послелоги в отличие от предлогов частично сохраняют исходные лексические значения и в сочетании с самостоятельными словами передают, как правило, более конкретное содержание, чем предлоги. Все же разница между послелогами и предлогами по степени конкретности выражаемых значений явно преувеличивается. Есть также немало предлогов, являющихся, подобно послелогам, выразителями не только грамматических, но и лексических значений, ср.: русск. *внутри*, *вокруг*, *перед*, *позади*, *мимо*, *около*, *в течение*, *кроме*, *сверх*, *сквозь*, *среди*, *помимо*, *вне*, *подобно*, *независимо от*, *вплоть до*, *вдоль по*, *вроде*, *в силу*, *вместо*, *навстречу*, *вслед за* и *т. д.*[4] Едва ли найдутся какие-нибудь основания рассматривать русское предложное сочетание *внутри дома* как принципиально или существенно отличающееся по содержанию от послеложного сочетания *іб ĭстĭндэ* в хакасском языке. То же самое следует сказать о русских предложных сочетаниях *вместо лошади*, *среди камней* и соответствующих послеложных сочетаниях татарского языка *ат урнĭна* и *ташлар арасĭнда*. С другой стороны, есть послелоги, полностью утратившие связь с самостоятельными словами и ставшие чисто грамматическими средствами, ср.: азерб. *üчün*, башк. *ĕсĕн* 'для, ради', 'из-за'; тур. *üзэрэ* 'по, согласно', 'для того чтобы' (с инфинитивом); узб. *білан* 'с'. Одним словом, по характеру передаваемых значений послелоги ничем не отличаются от предлогов.

На первом месте выступают пространственные значения, затем временные, за ними следуют причинно-целевые и сопоставительные и далее все прочие.

Некоторые черты своеобразия послелогов по сравнению с предлогами заключаются в возможности присоединения к многим из них падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа, аффиксов, образующих формы неполноты признака, и других.[5] Примеры: др.-тюрк. *балĭқ ічінгä* 'в город' (КР 41_7), *чĭріглärнің арала рĭда* 'между войсками' (ЛОК 18_9); ст.-узб. *башĭ астĭңа* 'под его голову', *Андĭжан тäгрäсідін* 'из-под Андижана', *бізің катĭмізда* 'перед нами', *мундĭн бурунрак* 'пораньше этого', *андĭн соңрарак* 'попозже него'; азерб. *сізін кімілär* 'подобные вам', 'как вы'; алт. *мäнің ордĭма* 'вместо меня', *сäнің ордĭңа* 'вместо тебя', *онĭң ордĭна* 'вместо него'; башк. *нінĭң кĭвĭгĭрäк* 'примерно с тебя', *нінĭң кĭвĭккä* 'подобному тебе';[6] туркм. *мäнің бäрамда* 'обо мне', *дäнің бäраңда* 'о тебе'; якут. *мін оннубар* 'вместо меня', *ӈн оннуӈар* 'вместо тебя', *ӈнігі оннуӈутуӈар* 'вместо вас', *кінілэр оннуларĭӈар* 'вместо них'.[7]

Наличие в составе послелогов аффиксов личной принадлежности обеспечивает возможность употребления их без тех слов, в сочетании с которыми они выполняют служебные функции. Иными словами, будучи изъятыми из послеложных сочетаний, они обретают самостоятельность, ср.: ст.-узб. *кашĭңа* 'к тебе', *гірдіңдä* 'вокруг тебя', *утрумӈа* 'навстречу мне', *ічігä* 'внутрь него', *ічідä* 'внутри него', *кӭлінläрідін* 'за ними', *тапӈуңда* 'при тебе', *ілäjіміздін* 'перед нами'; башк. *алдĭмда* 'передо мной', *алдĭбĭздa* 'перед нами'; кар. *арамïздa* 'между нами', *алдĭнĭзӈа* 'перед вами'; к.-калп. *артĭмда* 'позади меня', *артĭнда* 'позади него'; тур. *önümüздэ* 'перед нами', *ардĭндан* 'за ним'; узб. *jэнімда* 'рядом со мной', 'около меня'; хак. *алнібїста* 'перед нами'; шор. *кӭстімча* 'позади меня'. При этом у форм 3-го лица значение личной принадлежности ослаблено, и они воспринимаются как наречия, например: алт. *кіjініндэ* 'позади'; ног. *астĭнда* 'внизу'; тув. *адāнда* 'внизу' (от *адак* 'нога'), *адāндан* 'снизу'.

Послелоги отличаются от предлогов также тем, что почти всегда следуют непосредственно за словами, которыми управляют. Между ними не может находиться, например, определение, ср.: русск. *к большому камню*, *перед высокой горой*, *за старым парком*. Исключения немногочисленны и в основном

[4] См.: *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, с. 24 сл., 48 сл., 186 сл., 214 сл.; *Исенгалиева В. А.* Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Алма-Ата, 1959, с. 14 сл.

[5] См.: *Балакаев М. Б.* Глагольные словосочетания с послеложными именами. — Уч. зап. Казахского гос. ун-та. Язык и литература, 1957, XXV, с. 4.

[6] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 79.

[7] См.: *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелоги в якутском языке. АКД. Л., 1963, с. 11.

однотипны: азерб. *ондан бір нəчä гün ӈабаӈ* (~ *бір нəчä гün очдан ӈабаӈ*) 'за несколько дней до того'; казах. *бұдан бəш жĭл бұрĭн* 'за пять лет до этого'; карач.-балк. *мïндан отуз jïл алӈа* (~ *отуз jïл мïндан алӈа*) 'за тридцать лет до этого'; к.-калп. *бұннан бĭр жĭл ĭлгэрĭ*, кум. *мундан бір jïл алдïн* 'за год до этого'; тур. *бундан бір gün önjэ*, узб. *бундан бір кун элдін* 'за день до этого'; хак. *пĭстĭң мïнда чаӈïнда* 'здесь около нас',[8] *мïнĭң он чĭл алнĭнда* (~ *он чĭл мïнĭң алнĭнда*) 'десять лет тому назад'. В сочетаниях подобного типа первый компонент (управляемое имя) часто опускается: кум. *бір jïл бурун* 'за год', 'год тому назад'; крым.-тат. *бəш кün соңра*, тур. *бəш gün сонра* 'через пять дней', 'пятью днями позже'; тув. *бəш чĭл мурнунда* 'пять лет тому назад'; уйг. *üч aj ілгірі* 'три месяца тому назад', *üч aj кӭjін* 'через три месяца', 'тремя месяцами позже'.

Следует заметить, что указанная отличительная особенность послелогов — следствие общепринятого порядка слов: в тюркских языках определение предшествует определяемому и постановка его в постпозицию определяемого, перед послелогом, явилась бы нарушением правил порядка.

В рамках общей характеристики послелогов следует указать на возможность служебного функционирования определительных сочетаний, в которых в роли определяемого выступают так называемые служебные имена, ср.: алт. *ташjанда* 'вне', башк. (диал.) *бĭрjаӈĭнда* 'с этой стороны', *арjаӈĭнда* 'с той стороны';[9] кум. *алjакда* 'до, перед'; тат. *Амур арjакларĭнда* 'на той стороне Амура'; узб. *ўшандан буjон* 'с тех пор'; хак. *ах тасхĭлнĭң озарĭнда* 'по ту сторону белого нагорья', *ол көлдĭң очаӈĭнда* 'по ту сторону озера'.

II

Классификация послелогов производится по разным признакам, в основном по признаку общеграмматической природы их лексических прототипов (имя, глагол) и по степени сохранения связи с самостоятельными словами, иначе — по степени грамматикализации. Несколько реже в основе классификации оказывается падежное управление, хотя характеристика послелогов в этом аспекте дается почти в каждой работе. Вот ряд примеров, дающих наглядное представление о классификационных признаках. Ср. у В. А. Гордлевского: послелоги-имена и послелоги-частицы;[10] у Н. К. Дмитриева: послелоги и служебные имена, причем последние различаются «с точки зрения плана, к которому они относятся (горизонтального и вертикального)...» и с точки зрения совпадения или несовпадения двух смежных плоскостей («смыкающиеся» и «несмыкающиеся», т. е. находящиеся в непосредственной близости, например кум. *üjnü artĭnda* 'за домом', и на некотором расстоянии, например кум. *üjnü tĭšĭnda* 'вне дома', 'снаружи дома');[11] у Н. А. Баскакова собственно послелоги и послелоги — изолированные формы знаменательных частей речи;[12] у Т. М. Тощаковой: дифференцированные послелоги и слабодифференцированные послелоги;[13] у Дж. Мураталиевой: послелоги именного происхождения и послелоги глагольного происхождения;[14] у Б. С. Саяргалиева: собственно послелоги («основные послелоги»), послелоги-наречия, послелоги-имена, послелоги-деепричастия, послелоги-срав-

[8] См.: *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963, с. 21.

[9] См.: *Ишбулатов Н. Х.* 1) Морфологические особенности казмашевского говора. — БДС, с. 110; 2) Кизильский говор. — БД, с. 57.

[10] См.: *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка. М., 1928, с. 80 сл. См. также: *Кононов А. Н.* Послелоги в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951, с. 5.

[11] *Дмитриев Н. К.* 1) Служебные имена в турецком языке, с. 140—141; 2) Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940, с. 188; 3) Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 231. См. также: *Коклянова А. А.* Послелоги и служебные имена в узбекском языке. — Тр. ИЯ АН СССР, 1954, III, с. 205 сл.; *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке. Алма-Ата, 1957, с. 16 сл.

[12] *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. М., 1952, с. 482. См. также: *Александров Г. П.* Послелоги в современном турецком языке. АКД. М., 1956, с. 5—8.

[13] *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке, с. 20, 27.

[14] *Мураталиева Дж.* Послелоги в киргизском языке. Фрунзе, 1958, с. 7 сл.

нительные слова, служебные имена;[15] у Х.-М. И. Хаджилаева: послелоги и послеложно-именные слова.[16]

Классификация, предложенная М. Оразовым, охватывает только служебные имена. Признак, по которому разграничиваются последние, — семантический, ср.: 1) служебные имена, употребляемые в пространственном и временном значениях; 2) служебные имена, употребляемые лишь в пространственном значении.[17] При этом М. Оразов не относит служебные имена к послелогам, а выделяет их как особый лексико-грамматический подразряд существительных.[18]

Иногда предлагается сразу несколько классификаций, разработанных на основе учета разных признаков и дополняющих друг друга: по степени утраты связи с самостоятельными словами (неустойчивые послелоги, устойчивые послелоги, послелоги-аффиксы), по структуре (простые, производные, сложные), по управлению падежными формами, по значению (место, время, сравнение, уподобление, причина, цель и т. д.).[19]

Почти каждый из перечисленных признаков может быть использован в качестве основания для классификации, однако не все они в одинаковой мере существенны. Признак же совпадения или несовпадения двух смежных плоскостей выделен без достаточных оснований. Послелоги *артында* и *тышында* в кумыкском языке различаются не по степени примыкания «смежных плоскостей» («непосредственно за домом», «подальше от дома»), а по характеру передаваемых ими пространственных значений: *йынй артында* 'за домом', *йынй тышында* 'вне дома (за домом, перед домом, около дома, подальше от дома. . .)'. Деление послелогов на «смыкающиеся» и «несмыкающиеся» подсказано, очевидно, возможностью эпизодического разграничения ближнего и дальнего планов в русском языке, ср.: *на* и *над*. В тюркских языках одни и те же послелоги передают разную степень примыкания к предмету или лицу: кум. *йстйндэ* 'на' и 'над', *артында* 'за, позади' (в непосредственной близости и на некотором расстоянии), *тышында* 'вне, снаружи' (близко и на расстоянии).

Учитывая сказанное выше и принимая во внимание результаты изучения послелогов, полученные несколькими поколениями тюркологов, мы подразделяем их на две большие группы: именные послелоги и глагольные послелоги. Наличие в предложенных наименованиях указаний на источник происхождения кажется на первый взгляд неоправданным, так как введение в синхроническую характеристику послелогов этимологической оценки может привести к некоторой путанице. Предлагаемые наименования, однако, отражают прежде всего уровень грамматикализации послелогов (сохранение связей со знаменательными частями речи) и, отчасти, служат ориентиром при определении состава форм, которыми они управляют. Так, именные послелоги управляют чаще основным и родительным падежами, потому что их служебная специализация теснейшим образом связана с употреблением в изафетной конструкции, первый компонент которой выступает в названных падежных формах. Глагольные же послелоги управляют винительным, дательным и исходным падежами.[20]

Четкой границы между именными и глагольными послелогами нет, вследствие того что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки первоначальной грамматической природы, ср.: ст.-узб. *Тэрмэд тоърысыа* 'прямо к Термезу', *Јарынынъ тоърысындын* 'прямо из-под Яры'; башк. *калаға тура* 'прямо в город', *кала тураһында* 'о городе'; уйг. *китап тоърисида* 'о книге'; ст.-узб. *аңа утру* 'ему навстречу', *мырзанынъ утрусыа* 'на мирзу', 'навстречу мирзе'; башк. *унға каршы*, туркм. *онуң гаршысына* '(на)против него'; тат. *өй каршысында* 'напротив дома'; туркм. *онуң гаршысындан* 'ему навстречу'; узб. *йулнинг каршисидан* 'с противоположной стороны дороги'. Все приведенные здесь послелоги образовались в результате обособления «слитного» деепричастия, развившегося из имени действия (resp. глагольного имени): *тэгрә*, *тоърı* ~ *тоъру*, *утру*, *каршы*.

Послелоги выделенных групп образуют подгруппы, по которым они распределяются в зависимости от того, какими падежными формами управляют. Разграничение по этому признаку является традиционным. Как указывалось выше, оно отражает особенности падежного управления исходных именных и глагольных форм и, кроме того, — своеобразные моменты их развития в служебной функции.

Падежное управление нередко варьирует. При этом употребление вместо какого-либо из косвенных падежей именительного падежа не всегда приводит к изменению смысла. Варьирование же форм косвенных падежей, например дательного и исходного, как правило, сопряжено с выражением разных значений, ср.: азерб. *һәјкәл кімі* 'как статуя', *сәһәрә кімі* 'до утра'; башк. *кала тышында* 'за пределами города', *бынан тыш* 'кроме этого'; туркм. *она тарап* 'в его сторону', 'к нему', *ондан тарап* 'из-за него', *она гаршы* 'против него', 'вопреки ему', *онуң гаршысында* 'напротив него'; узб. *иккі соат кадар* 'около двух часов', *соат иккіга кадар* 'до двух часов', *айтишіга кўра* 'согласно тому, что он сказал', *сіздан кўра* 'по сравнению с вами'. Употребление разных падежных форм не влияет на семантику таких служебных слов, как *кібік* и некоторые другие, ср.: кар. *кэчәдә кібік* 'как ночью'; карач.-балк. *җомакда кібік* 'как в сказке', *Ахмат кібікні* 'подобного Ахмату', *Ахмат кібіклэдэн* 'от подобных Ахмату';[21] кум. *біз јімік* 'как мы', *тўңўлўкдэн јімік* 'как из дымохода', *бізгэ јімік* 'как нам', *біздэ јімік* 'как у нас'.[22] Ср. также сочетание с наречием: кум. *алдын јімік* 'как прежде'.

Немало и таких случаев, когда изменение падежного управления обусловлено «угасанием» этимологической формы. Например, многие послелоги глагольного происхождения первоначально управляли винительным падежом, впоследствии винительный падеж был заменен именительным. Для именных послелогов характерно вытеснение формы родительного падежа формой именительного, которое происходит неравномерно. Так, местоимения охвачены этим процессом в гораздо меньшей степени, чем существительные.

Именные послелоги, сочетающиеся с разными падежными формами имен, без учета варьирования форм именительного и родительного падежей, — *аңрı* (туркм.), *аркылрı* (башк.), *ғабаъ* (азерб.), *өң* (туркм.), *сарı* ~ *сару* (азерб.), *соң* (др.-тюрк.), *сакл(м)*, *хәтл(м)* (башк.) и др. Глагольные послелоги с разными формами управления — *азıра*, *ібірә*, *аралı* (хак.), *бојлап* (уйг.), *дәш* (тув.), *кәсә* (казах.), *кәчірә*, *өткўрә* (алт.), *кўра* (узб.) и т. д. В ряде случаев формы управления становятся разграничительным признаком региональных групп: в языках Сибири и Алтая послелог *кәјін* сочетается с именительным и родительным падежами имен, в других тюркских языках — с исходным.

Обычно послелоги сочетаются с именами и лишь в порядке исключения — с глаголами, ср.: ст.-узб. *кўлъалı бәрі* 'с того времени, как сделал'; башк. *атыр әсөн* 'для того чтобы стрелять'; кум. *учъунча алдін* 'прежде чем взлететь'; тофал. *ојнаҷәҷін дәш* 'чтобы попеть'; туркм. *бәрәлі бәрі* 'с тех пор как дал'; узб. *тахтні ғалласін учун* 'для того чтобы захватить престол'. Н. Х. Максютова выделяет послелоги, сочетающиеся только с причастиями:

[15] *Сәйәрғәлиев Б. С.* Башкорт телендә ярҙамсы һүҙҙәр. Өфө, 1960, б. 29—56. См. также: *Зейналов Ф. Р.* 1) Служебные части речи в современных тюркских языках. АДД. Баку, 1966, с. 37—38; 2) Послелоги как лексико-грамматическая категория: (На материале современных тюркских языков). — Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та. Сер. яз. и лит., 1966, № 3, с. 38.

[16] *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962, с. 21.

[17] *Оразов М.* Служебные имена в тюркских языках: (На основе материала современного казахского, узбекского и туркменского языков). АКД. Ташкент, 1970, с. 34.

[18] Там же, с. 42.

[19] См.: *Чәфәров С. Ә.* Азәрбајҹан дилинин гошмалары һаггында, с. 80—89. Ср.: *Хыдыров М. Н.* Послелоглар вә оларың уланылышлары. Ашгабат, 1947, с. 32—63; *Александров Г. П.* Послелоги в современном турецком языке, с. 10 сл.; *Кенжебаева Ф.* Послелоги и частицы в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1964, с. 5 сл.; *Турдиева К.* Һазирқи заман уйғур әдәбий тилидики тиркәлмилөр вә уларни классификациялишқа аит материаллар. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965, б. 166—179.

[20] Об управлении послелогов см.: *Магомедов А.* Послеложное управление в современном кумыкском литературном языке. — Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Сер. филол., 1964, XII, с. 17—24.

[21] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 68—70. Ф. Р. Зейналов не допускает возможности управления послелога *кібік* местным падежом. См.: *Зейналов Ф. Р.* Служебные части речи. . ., с. 36.

[22] См.: *Магомедов А.* Послеложное управление. . ., с. 23—24.

башк. *кайтмаҙ бөрөн* ‘до возвращения’, *барҙан килгәс* ‘по приходу’.[23] Чрезвычайно редкими являются сочетания послелогов с послелогами («управление послелогов послелогами»; у М. Н. Хыдырова — «сложные послелоги»[24]): др.-тюрк. *јашӥк бірлә утру* ‘напротив солнца’ (QBN 22_{10}); кирг. *сүнун алдї мәнән* ‘под водой’; тув. *бажың іштіндә дәг* ‘как в доме’, *колдук адаңда-ла чәдір* ‘под руку’, *стол ада-білә* ‘под столом’, *туман өттүр дәг* ‘как сквозь туман’; туркм. *шкафың бäрі јанында* ‘у шкафа’, ‘с этой стороны шкафа’, *Ташкәнтің үсті білән* ‘через Ташкент’;[25] хак. *ібнің алтын өтірә* ‘насквозь под юртой’.[26] Ср.: ст.-узб. *Кабул сарї бака* ‘в сторону Кабула’, *Ош сарїға бака* ‘в сторону Оша’; хак. *оларзар удур* ‘им навстречу’ (*оларзар* < *олар сарї* ‘в сторону их’). В подобных сочетаниях иногда один из послелогов выполняет типичные для него служебные функции, тогда как другой становится компонентом аналитической падежной формы, иными словами формой управления замыкающего сочетание послелога, или же присоединяется к первому в качестве морфологического показателя: хак. *чір алтїнзар* (*чір алтїн сарї*) ‘под землю’.

III

Степень утраты послелогами лексических значений и уровень грамматикализации неодинаковы, хотя можно с уверенностью сказать, что бóльшая часть их в той или иной мере сохраняет семантику знаменательных слов. Трудно выделить основные типы: послелоги находятся на разных ступенях утраты лексической семантики и утрата ее в процессе перехода в служебные слова варьирует от минимальных размеров, когда неясно, имеем ли мы дело с самостоятельными словами или со служебными, до максимальных, когда лексические значения оказываются полностью утраченными и могут быть восстановлены только в результате специального исследования.

Ближе всего к знаменательным словам — так называемые служебные имена, которые квалифицируют как нечто переходное от существительных к послелогам,[27] относят к особому разряду имен,[28] или никак не отграничивают от собственно имен.[29] Примечательная черта таких послелогов — способность как бы восстанавливать утраченную в границах послеложных сочетаний лексическую семантику, ср.: башк. *бйнан һуң* ‘после этого’, (*бйнан*) *һуңғы* ‘следующий после этого’, ‘последний’; кум. *ону јімік* ‘подобно ему, как он’, *ону јімікләні* ‘подобных ему’; ног. *тәңіз үстіндә* ‘на море’, *тәңіз үстіндәгі* ‘находящийся на море’; узб. *уј ічіда* ‘внутри дома’, *уј ічідагілар* ‘находящиеся внутри дома’.

Лексическая семантика многих служебных имен настолько прозрачна, что хотелось бы вслед за А. А. Юлдашевым выразить сомнения в правомерности их квалификации как служебных слов или слов, выполняющих служебные функции. Здесь, действительно, как будто бы имеет место употребление одного существительного в сочетании с другим, находящимся в постпозиции и поэтому напоминающим послелог.[30] Однако нельзя не учитывать те семантические сдвиги, которые происходят в служебных именах [31] и которые не позволяют ставить знак равенства между ними и именами, выступающими в составе обычных изафетных сочетаний: башк. *өј артында* — не «в задней части дома», а «за домом», *ағас аҫтында* — не «в нижней части дерева», а «под деревом», *өј эсендә* — не «во внутренностях дома», а «внутри дома, в доме». Ср. также: азерб. *бу ділін тә'сірі алтында* ‘под влиянием этого языка’; башк. *уның артынан* ‘(вслед) за ним’, *проблэма өҫтөндә* ‘над проблемой’; гаг. *бір јїл ічіндә* ‘в течение года’; узб. *кўркув остіда* ‘под страхом’, *ўз кўлі остіда* ‘под своей властью’, *овкат устіда* ‘во время еды’, *дарјо лабіга* ‘к реке’, ‘к берегу реки’.

Следует также иметь в виду, что лексические значения имен, устойчиво выполняющих служебные функции, не утрачиваются, а лишь перестают быть центрами смысловой структуры и, как отмечает Е. Т. Черкасова, подвергаются сложному процессу качественного преобразования «в направлении усиления заложенной в их семантике способности к выражению релятивности».[32] Важным обстоятельством, сигнализирующим о таком преобразовании, является возникновение необычных смысловых связей, ср.: ст.-узб. *кујаш кашіға* ‘к солнцу’ (*каш* ‘бровь’); тур. *дәвләт ічіндә* ‘в государстве’, хак. *хаја істіндә* ‘в скале’ (*іс* ‘нутро’); туркм. *өјүң ағзына* ‘к дому’ (*ағыз* ‘рот’). Ср. также: алт. *тоннің ічі* ‘подкладка шубы’, *каптың бәзі* ‘отверстие мешка’, *тајға әдәгі* ‘подножие горы’; тув. *ал ішті* ‘жители селения’, *ас ішті* ‘полость рта’, *хәм аксї* ‘устье реки’, *әжік ада* ‘низ двери’; туркм. *дағың әтәгі* ‘подножие горы’, *Марї ајағї* ‘окраина Мары’; шор. *таҙ којнї* ‘ущелье’, букв. ‘пазуха горы’.

Следующее место по степени утраты лексических значений занимают глагольные послелоги в форме «слитного», «соединительного» и других деепричастий. Сохранение ими лексической семантики находит выражение в управлении типичными для соответствующих глаголов падежными формами:[33] алт. *көк талајдї кәчірә* ‘через синее море’; кирг. *кәчкә јәтпә* ‘до вечера’; к.-калп. *дәрјанї жағалап* ‘вдоль реки’;[34] узб. *сув бўјлап*, уйг. *дәрійані боілап* ‘вдоль реки’, ‘по реке’; хак. *пістї ібірә* ‘вокруг нас’; шор. *таҙдї ажїра* ‘через гору’. Для сравнения приведем соответствующие глаголы: *кәчір-* ‘переправлять (через воду)’, *јәт-* ‘достигать’, *бўјла-* ~ *боила-*, *жағала-* ‘идти по берегу’, *ібір-* ‘обходить, делать круг’, *ажїр-* ‘переводить (через горы)’.

Далее идут такие именные и глагольные послелоги, которые, не будучи окончательно грамматикализованными, утратили тем не менее связь с самостоятельными словами. Они известны только в служебном использовании. Примеры: казах. *ўшін*, тур. *ічін*, узб. *учун* ‘для, ради’, ‘за’, ‘из-за’; кирг. *нарї*, кум. *арі*, узб. *нарі* ‘с, начиная от. . . (и далее, туда, в ту сторону)’; туркм. *білә*, *білән*, уйг. *білән*, хак. *мінаң* ‘с’.

Последняя группа — послелоги, находящиеся на грани перехода в морфологические элементы («послелоги-аффиксы»), ср.: азерб. *мänім үчүн* ~ *мänімчін* ‘для меня’, *бір тахта ілä* ~ *бір тахтала* ‘доской’, *маннән* ‘(со) мной’, *саннән* ‘(с) тобой’;[35] башк. *мінҙәй* ‘как я’, ‘подобно мне’; гаг. *бу гүнәдан* ‘до этого дня’, *сät бәшәдак* ‘часов до пяти’;[36] узб. (диал.) *батирман* ‘с богатырем’;[37] узб. *ўттіз чағлі*, хак. *отїсча* ‘около тридцати’, ст.-узб. *бір іт чағлїғ* ‘с собаку’, *тағча* ‘с гору’; хак. *кімәјә* ‘с лодку’; чулым. *күн-заj* ‘каждый день’, *чїл-заj* ‘каждый год’.[38]

IV

Возможности превращения послелогов в аффиксальные морфемы реализуются в разных тюркских языках по-разному. Так, послелог *бірлән* ~ *бірлä* ~ *біläн* ~ *мінän* ~ *мïнан* ~ *білä* ~ *ілän* ~ *ілä* ~ *лä*. . ., имеющий большое ко-

---

[23] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 82.
[24] *Хыдыров М. Н.* Послелоглар ве оларың уланылышлары, с. 20.
[25] Там же, с. 15, 20.
[26] См.: *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор, с. 54.
[27] См.: *Дмитриев Н. К.* 1) Грамматика кумыкского языка, с. 184 сл.; 2) Служебные имена в турецком языке, с. 133; *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 128 сл.; *Коклянова А. А.* Послелоги и служебные имена в узбекском языке, с. 189; *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелоги в якутском языке, с. 3—4.
[28] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 277; *Оразов М.* Служебные имена в тюркских языках, с. 42.
[29] См.: *Юлдашев А. А.* К характеристике служебных имен в башкирском языке. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 39—51. Ср.: *Хыдыров М. Н.* Послелоглар ве оларың уланылышлары, с. 13—14; *Шерер В. Э.* К проблеме послелога в современной лингвистике. — СТ, 1978, № 6, с. 57 сл.
[30] См.: *Юлдашев А. А.* К характеристике служебных имен в башкирском языке, с. 48.
[31] См.: *Базарова Д. Х.* Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках. АКД. Ташкент, 1967, с. 9; *Оразов М.* Служебные имена в тюркских языках, с. 11—16, 33.
[32] *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги, с. 12.
[33] Ср.: *Боргояков М. И.* Прямое дополнение в хакасском языке. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1959, VII, с. 19—20.
[34] См.: Ҳәзирги қарақалпақ тили, I. Нөкис, 1974, б. 248.
[35] См.: *Чәфәров С. Ә.* Азәрбајчан дилинин гошмалары һаггында, с. 84.
[36] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 273.
[37] См.: *Данияров Х.* Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры и их участие в развитии узбекского литературного языка. АДД. Ташкент, 1977, с. 33.
[38] См.: *Бирюкович Р. М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979, с. 100.

личество структурно-фонетических разновидностей, преобразовался в аффикс во многих тюркских языках, ср.: азерб. *балтәјнан* ‘топором’;[39] алт. *малтала*, шор. *малтаба* ~ *малтабїла* ‘топором’; алт. *карла* ‘снегом’, *чӧллӧ* ‘степью’, *олорло* ‘с ними’; таг. *кїзларлан* ‘с девушками’; казах. *атба* ‘(с) конем’; хак. (кызыл.) *аҕачла* ~ *аҕачпїла* ~ *аҕачмаӈ* ‘(с) деревом’;[40] хак. (качинск.) *атпїнаӈ* ~ *аттаӈ* ‘(с) конем’;[41] чуваш. *лажаба* ~ *лажабала* ‘(с) лошадью’, *ірбӗ* ‘утром’, *с'ула* ‘летом’; якут. *бїһаҕїнан* ‘ножом’. Превращение послелога *сарї* в морфологический показатель в отличие от послелога *бірлән* ~ *бірлә* ~ *білән*. . . наблюдается лишь в хакасском языке: хак. *кістїнзәр* ‘за собой’, ‘позади себя’; хак. (кызыл.) *хапса* ‘в мешок’, *ӭтсӭ* ‘к мясу’.[42] Ср. у Н. П. Дыренковой: «Таким образом послелог *сāрї* в форме *сāр* ~ *сӭр* приближается к аффиксам».[43] Приблизительно то же самое можно сказать о послелоге *тәгін* ~ *дәгін*. . ., который приобретает черты морфологического элемента в азербайджанском и гагаузском языках, ср.: ст.-азерб., азерб. *сүбһә дәкін* ~ *сүбһәдәк* ~ *сүбһәдән* ~ *сүбһәдін* ‘до утра’;[44] таг. *банадан* ‘(вплоть) до меня’, *бізәдән* ‘(вплоть) до нас’.

Использование имен и глаголов в служебной функции и преобразование послелогов в аффиксы последовательно отражается на их внешней стороне: имеет место усечение конечных звуков или слогов и упрощение структуры, одно из главнейших направлений которого — реализация тенденции к установлению моносиллабизма аффиксальных морфем, далее начинают действовать правила гармонии гласных. Примеры: 1) алт. *д'әтірә*, хак. *чітірә*, тув. *чӭдір* ‘до’; кар. *ут(у)ру*, хак. *удур* ‘напротив, навстречу’; 2) азерб. *ҕїшаǰан*, *ҕїшачаҕ* ‘до зимы’, *сәһәрәǰән*, *сәһәрәчаҕ* ‘до утра’; азерб. (диал.) *о вахтаǰад* ‘до того времени’, *шәрәǰәд* ‘до города’;[45] алт. *атла* ‘(с) лошадью’, *ијтбӭ* ‘(с) собакой’, *алтїнбїла* ‘золотом’, *әргӭкпілӭ* ‘пальцем’; таг. *дәртлән* ‘с горем’, *бізімнән* ‘с нами’; крым.-тат. *булутларнән* ‘облаками’, *балтанән* ‘топором’, *бізнән* ‘с нами’; туркм. *ончо* (< ? *он чӭнлі*) ‘столько’.[46] О связи вновь образованных аффиксов с послелогами свидетельствует их безударность: почти все морфологические показатели, давно утратившие связь со служебными словами, к которым они восходят, являются ударными, ср.: хак. (диал.) *чолдáӈ* ‘с дороги’ и *чóлдаӈ* ‘по дороге’, ‘дорогой’, *пастáӈ* ‘с головы’ и *пáстаӈ* ‘головой’.[47]

V

Обычный путь образования послелогов — постепенное обособление именных и глагольных форм в сочетаниях различного типа.

«Именные» послелоги — формы падежей, преимущественно пространственных (дательного, местного и исходного), в меньшей мере — сравнительно-ограничительного и творительного (орудного, комитативного). «Глагольные» послелоги в большинстве своем — «слитные» и «соединительные» деепричастия, иногда представленные архаичными разновидностями.

Важным моментом в ходе образования предпосылок для закрепления самостоятельного слова в служебной функции являлось образование наряду с конкретными менее конкретных, более общих и предельно абстрагированных зна-

[39] См.: *Ширалиев М. Ш.* Новые диалектные данные для истории тюркских языков: (По материалам азербайджанских диалектов). — СТ, 1970, № 5, с. 23.
[40] См.: *Доможаков Н. Г.* Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 10.
[41] См.: *Патачакова Д. Ф.* Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 154, 157, 160.
[42] См.: *Доможаков Н. Г.* Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 9.
[43] *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941, с. 233.
[44] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы. Бакы, 1962, с. 304—305.
[45] См.: *Джафарзаде М. М.* Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. АКД. Баку, 1969, с. 22.
[46] См.: *Чоммадов О.* Диалект ата туркменского языка. (Дарган-Атинский район). АКД. Ашхабад, 1975, с. 24.
[47] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект хакасского языка. АКД. Новосибирск, 1965, с. 17.

чений, причем первоначальное конкретное содержание многих именных послелогов было связано с обозначением частей тела и органов человека: последние служили отправными пунктами пространственной ориентации и в конечном итоге существенно повлияли на семантическую структуру соответствующей группы послелогов.

О роли, которую сыграли наименования частей тела и органов человека в образовании именных послелогов, можно судить даже по далеко не полному перечню слов, ставших для них исходными: др.-тюрк. *баш* ‘голова’, *аδак* ~ *адак* ‘нога’, *арқа* ‘спина’, *іч* ‘нутро’, ‘внутренности’; ст.-узб. *ал* ‘перед’, ‘лоб’, *бурун* ‘нос’, *каш* ‘бровь’, *кәj* ‘зад’; азерб. (диал.) *ҕабаҕ* ‘лоб’, ‘лицо’,[48] алт. *кабак*, узб. *кэвэк* ‘веко’, хак. *хамах*, шор. *кабак* ‘лоб’; к.-калп. *авїз* ‘рот’; тув. *бāр* ‘печень’; туркм. *jүδ* ‘лицо’, *аҕїδ* ‘рот’, *маңлај* ‘лоб’, *бој* ‘тело’, ‘рост’, *алкїм* ‘подбородок’, *ҕол*, *әл* ‘рука’, *јәңдә* ‘затылок’; узб. *јэн* ‘бок’; хак. (сагайск.) *кӧс* ‘глаз’; шор. *кӧкрӭк* ‘грудь’; якут. *кīн* ‘пупок’, *оjоҕос* ‘бок’, ‘ребро’.

Части тела и органы человека в качестве отправных пунктов пространственной ориентации последовательно дополнялись одеждой, основными моментами и особенностями его деятельности и т. д., ср.: алт. *кojїн* ‘пазуха’; туркм. *ӭтӭк* ‘подол’, *jaka* ‘воротник’, *ī̄δ* ‘след’. В дальнейшем при ориентации стали использоваться также различные предметы с ограниченным выбором отправных точек, например: тув. *кїр*, хак. *хїр* ‘срез’, ‘грань’, ‘плоскогорье’; туркм. *чӭт* ‘край, сторона’, *ӯч* ‘вершина’, ‘конец’, ‘край’; узб. *кірҕэк* ‘берег’, ‘край’.

Механизм перехода от конкретного значения к абстрактному, обобщенному достаточно глубоко и точно раскрыт Н. Е. Петровым. «Названия частей тела человека, — пишет он, — со временем в силу материальной конкретности мышления древнего человека в порядке расширения значения слова по ассоциации сходства и смежности переносились на ближайшие предметы, окружающие людей, т. е. люди стали говорить, например, о „боке“, „переде“, „спине“, „животе“ дома».[49] Проиллюстрируем эту мысль несколькими примерами: др.-тюрк. *баш* ‘голова’ (~ разряд высоких предметов) > *баш* ‘вершина’;[50] *аδак* ~ *адак* ‘нога’ (~ разряд низких предметов) > *адак* ~ *ajak* ‘подножие, основание’; *іч* ‘нутро’, ‘внутренности’ (~ разряд предметов, имеющих покрытие, оболочку и т. д.) > *іч* ‘находящееся внутри’; *аҕїз* ‘рот’ (~ разряд предметов, имеющих отверстие) > *аҕїз* ~ *авїз* ‘отверстие’, ‘вход’; *боδ* ~ *бод* ‘тело’, ‘рост’ (~ разряд продолговатых, вытянутых предметов) > *бој* ‘протяженность’; *јӱз* (узб. *бӭт*) ‘лицо’ > ‘поверхность’ (ср.: к.-калп. *жӭр бӭтї* ‘поверхность земли’); *јан* ‘бок’ > ‘сторона’ и т. д. Вторые значения более абстрактны, чем первые, что делает возможным употребление соответствующих слов в отношении не только живых существ, но и любых предметов и явлений. Наряду с приведенными абстрактными значениями возникают и другие, еще более абстрактные, вытесняющие их или продолжающие существовать параллельно. Для слова *баш* таким значением является «начало», для *аδак* ~ *адак* — «конец», ср.: др.-тюрк. *баштїн бӭрӱ адакка тәгі* ‘от начала до конца’ (Man I 30_{24}).

Далее наряду с пространственными значениями появляются временные, главным образом у послелогов, используемых для передачи пространственных значений горизонтальной плоскости: «перед» («раньше, до»), «за, позади» («после, вслед»), «между, в середине» («в течение»). Приведем несколько примеров: таг. *ічіндä* ‘внутри, в’, ‘в течение’; тув. *ортузунда* ‘посередине (реки)’, ‘среди (ночи)’; туркм. *бојї* ‘вдоль, по’, ‘в течение’; узб. *устідан* ‘сверху, над’, ‘к, перед, на’; хак. *алнїнда* ‘перед, около’, ‘перед, раньше, до’, *аразїнда* ‘между’, ‘в течение’, *пазїнда* ‘на’, ‘у’, ‘перед, раньше, до’.

Заключительный этап использования наименований частей тела и органов человека, его одежды в служебной функции — образование послелогов, сочетающихся с именами без каких-либо семантических ограничений: др.-тюрк.

[48] См.: *Магеррамова Р. Дж., Рзаева З. И.* Взаимоотношения диалектов и говоров азербайджанского языка с письменным литературным языком XVIII века. — СТ, 1979, № 5, с. 82.
[49] *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелоги в якутском языке, с. 9.
[50] Ср.: *Боровков А. К.* Агглютинация в тюркских языках. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965, с. 116—118.

каңға башїда ‘в начале телеги’, ‘перед телегой’ (ЛОК 31_8, ср.: *анїң јол башїнї туттї* букв. ‘он захватил начало его пути’, Сл. Замахшари II 360), *тағнуң адағїға кәлді* ‘он пришел к горе’ (ЛОК 15_9); ст.-узб. *јол башїнда* ‘у дороги’, *от ічідә* ‘в огне’, *кїш ічіндә* ‘зимой’; азерб. *пәнҹәрәнін ғабағында* ‘перед окном’, *ондан ғабағ* ‘до него’, *дағ башїна* ‘на гору’, *ғапї ағзїнда* ‘у дверей’; кирг. *ҷәр бәтінән* ‘над землей’; к.-калп. *дәрвазаның авзїнда* ‘у ворот’; ног. *ӱҷ бәткә* ‘к дому’; тув. *бажың чаңындан* ‘от дома’; туркм. *дағ ятағіндә* ‘у горы’, *арна бојунда* ‘вдоль канала’, *ај ајағїнда* ‘в конце месяца’; якут. *сїл іһінән* ‘в течение года’, ‘за год’.

Безусловно, у таких послелогов, как туркм. *әліндән* (*әл* ‘рука’), *ғолундан* (*ғол* ‘рука’), *дәрдіндән* (*дәрт* ‘боль’) ‘из-за’, — более сложный путь семантического развития, но основные этапы перехода от самостоятельного лексического значения к служебному те же, что и у послелогов типа *башїнда*, *ајағїнда*.

То, что некоторые части тела и органы человека могут выступать параллельно в качестве одних и тех же ориентиров, явилось причиной образования синонимических послелогов и послелогов с частично совпадающими значениями, например: башк. *артында*, кум. *артїнда*, *аркасїнда*, туркм. *јәңдәдіндә*, узб. *кәтіда*, *әркасіда* ‘за, позади’; азерб. *ғабағында*, казах. *касында*, туркм. *өңүндә* ‘перед’, ‘у’. Синонимичность послелогов — особенность, проявляющаяся и независимо от указанного обстоятельства, ср.: азерб. *бундан башға*, *бундан ғәјрі*, *бундан әлавә*, кум. *ондач башға*, *ондан кајрї*, *ондан өзгә* ‘кроме того’.

Исходным «материалом» для образования именных послелогов служили не только наименования частей тела человека и примыкающая к данной тематической группе лексика, но и слова, далекие от этой группы. Так, слова, обозначающие отрезки времени, легли в основу послелогов с временной семантикой; из слов со значениями «причина», «повод», «основание», «опора», «конец» развились причинно-целевые послелоги; слова со значениями «образ», «внешность», «вид», «форма», «мера», «предел» стали прототипами уподобительных послелогов.

Так же и вместе с тем несколько иначе обстояло дело с образованием послелогов от глагольных форм. Здесь с самого начала происходил отбор по определенным семантическим признакам, обеспечивавшим возможность развития грамматических значений направления, причины, цели и т. д. Например, одну из групп составили глаголы *аш-* ‘переходить через гору’, ‘переваливать’, *кәч-* ‘переходить вброд’, ‘переправляться’, *өт-* ‘проходить сквозь что-л.’. Из «слитных» деепричастий от простых и каузативных основ этих глаголов развились послелоги со значениями «через», «сквозь», ср.: башк. *тав аша*, тув. *дағ ажїр* (*ажїлдїр*), хак. *тағ азїра* ‘через гору’; кар. *басаға ашїра* ‘через порог’; тат. *урам аша* ‘через улицу’; алт. *сӱ кәчірә*, хак. *суғні кізірә* ‘через воду’, ‘через реку’; алт. *кумакту д'аландардї өткүрә* ‘через песчаные степи’; башк. *урман ӱтә* ‘через лес’; хак. *чір өтірә* ‘сквозь землю’. Другую группу образовали глаголы *бак-*, *кара-* ‘смотреть’, *көр-* ‘видеть’, *көзлә-* ~ *көздә-* ‘присматривать(ся)’, ‘выбирать направление’, *тап-* ‘находить’. «Слитные» и «соединительные» деепричастия, в основе которых были перечисленные глаголы, обособившись, стали использоваться как послелоги со значениями «в сторону, в направлении», «согласно чему-л., судя по чему-л.», «в сравнении с чем-л.»: ст.-узб. *өзгә јәргә бака* ‘по сравнению с другими местами’, *мартабасї нісбатїға бака* ‘смотря по его положению’; кум. *ӱјгә бағїп* ‘к дому’, ‘домой’; туркм. *Ашғабада бака(н)* ‘в сторону Ашхабада’; башк. *тавға карај* ‘в сторону горы’, *јәшкә карај* ‘в зависимости от возраста’, ‘по возрасту’, *өјгә карап* ‘по направлению к дому’, *ішінә карап* ‘смотря по его работе’; карач.-балк. *ішінә көрә* ‘судя по его работе’; тат. *ајткаңына күрә* ‘согласно сказанному им’; туркм. *олара гөрә* ‘по сравнению с ними’; кирг. *мәктәпті көздөј* ‘к школе’, *бізді көздөп* ‘к нам’; кум. *ӱјгә таба(к)* ‘к дому’; тат. *авылға таба(н)* ‘к аулу’, *кичкә* ‘к вечеру’. Следующая группа — глаголы *ал-* ‘брать’, *башла-* ~ *башта-* ‘начинать’, *чїкар-* ‘вынимать’, ‘выводить’, *тарт-* ‘тянуть’. Различные деепричастные формы, образованные от них, стали прототипами послелогов со значениями «начиная от», «с», ср.: алт. *о ајдаң ала* ‘с того месяца’; башк. *бїл ајдан алып* ‘с этого месяца’; ног. *бӱгӱннән алып* ‘с сегодняшнего дня’; шор. *кәчәгі күннәң ала* ‘со вчерашнего дня’; якут. *ојӯртан їла* ‘от леса’, *кіэһэттэн їла* ‘с вечера’; кирг.

ошол күндөн баштап ‘с того дня’; уйг. *шу вакиттін тартіп* ‘с этого времени’; хак. *пу күннәң сіғара* ‘с сегодняшнего дня’.

Грамматические значения глагольных послелогов постепенно расширяются, становятся более абстрактными, и с течением времени все в меньших и меньших размерах проявляется их обусловленность лексическим содержанием исходных глагольных основ, ср.: азерб. *өз адәтінә көрә* ‘согласно своему обычаю’, *хәстәлијінә көрә* ‘из-за своей болезни’, ‘по болезни’, *сізә көрә* ‘ради вас’, *диққәтінізә көрә* ‘за ваше внимание’; ст.-узб. *ӱч күн аша* ‘через три дня’; тат. *урам аша* ‘через улицу’; башк. *тәләграф аша* ‘при помощи телеграфа’. Забвению первоначального содержания сопутствует процесс замены форм управления, тесно связанных с семантикой полнозначных глаголов, формами, которые в определенном смысле могут быть названы случайными. Показательно, что в наибольшей мере «нетерпимым» и подлежащим замене оказывается винительный падеж, выступающий в сочетаниях имен с глагольными послелогами, ср.: алт. *оттї әбірә* ‘вокруг огня’, хак. *көл ібірә* ‘вокруг озера’, *пістї ібірә* ‘вокруг нас’; алт. *д'ол кәчірә* ‘поперек дороги’, хак. *чол кізірә* ‘через дорогу’, *суғ(ні) кізірә* ‘через реку’. Замена винительного падежа именительным, которая во всех тюркских языках, кроме алтайского, тувинского, тофаларского и хакасского, стала всеобъемлющей, — естественное следствие отрыва послеложных конструкций от свободных синтаксических сочетаний, являющихся их прототипами.

VI

Образование послелогов происходило в течение длительного периода времени. Есть все основания считать, что оно началось очень давно, так как иначе невозможно было бы объяснить факт совпадения большого количества послелогов в разных тюркских языках, не имеющих непосредственных контактов между собой, по крайней мере на протяжении последнего тысячелетия. Образование послелогов происходит и в настоящее время и, очевидно, будет происходить и дальше, однако пик его интенсивности относится к недавнему прошлому, о чем свидетельствует наличие значительного числа региональных послелогов, используемых в пределах отдельных групп или языков, например: азерб. *ғабағ* ‘до, перед’; тур. *долајї* ‘из-за’; хак. *кірә*, шор. *кірә* ‘в’; уйг. *тартіп* ‘начиная от’, ‘с’ и другие. С этой точки зрения примечательно также наличие нескольких десятков послелогов, восходящих к относительно поздним заимствованиям из арабского и персидского языков. Примеры: ст.-узб. *бабї(н)да*, туркм. *бабатда*, *бабатїнда* ‘о’, ‘в отношении’, ‘по поводу’; ст.-узб. *атрафїда* ‘вокруг’, *јїһатїдін* ‘из-за’, ‘с его стороны’, ‘через его посредство’, *мукабїласїда*, *рӯбару(јїға)*, *рӯпара* ‘напротив’, ‘навстречу’, *хізматїда* ‘при’, *даманасїда* ‘у, около’; азерб. *әввәл*, башк. *әвәл*, крым.-тат. *әвәл*, кум. *аввал*, тур. *әввәл*, туркм. *овал*, уйг. *авал* ‘до, перед’; азерб., башк., уйг. *нісбәтән*, узб. *нісбатан* ‘по сравнению’, ‘в отношении’; азерб. *һағда*, *һағғында*, к.-калп. *һаккында*, ног. *аққында*, тур. *hakkında*, туркм. *хакда*, *хакында*, узб. *hakda*, *hakida*, уйг. *һәктә*, *һәккідә*, азерб. *барәдә*, туркм. *бәрада*, *бәрадында* ‘о’, ‘в отношении’, ‘по поводу’; азерб. *тәрәф*, узб. *тараф*, уйг. *тәрән(кә)*, туркм. *тарап* ‘к’, ‘в сторону’; азерб. *тәрәфіндән*, башк. *тарафынан*, тат. *тарафыннан*, крым.-тат., тур. *тарафындан*, туркм. *тарапындан*, узб. *тарафидан*, уйг. *тәріпідін* ‘с его стороны’, ‘через его посредство’, ‘им’ (творит. пад.); азерб. *ғәјрі*, башк. *ғәјрһ*, крым.-тат., туркм. *ғајрї*, кум. *кајрї* ‘кроме’; азерб. *мүнасібәтлә*, тур. *мүнасәбәтілә*, туркм. *мүнәсібәтлі*, узб. *мунэсабат білан* ‘в связи с’, ‘по поводу’; азерб. *әлавә* ‘кроме’, ‘сверх’, *әтрафында* ‘вокруг’, *әрзіндә* ‘в течение’, *әвәзіндә* ‘вместо’; казах., к.-калп., уйг. *таман*, узб. *тэмэн(га)* ‘к’, ‘в сторону’; крым.-тат., тур. *ітібарән* ‘(начиная) от’, ‘с’; тур. *аләјһінә* ‘против’, *даһіліндә* ‘внутри’, *рағмән* ‘вопреки’, *назаран* ‘сообразно с’; узб. *бінэан*, *мувэфік*, уйг. *бінаән*, *мувапік* ‘согласно, в соответствии’; узб. *тэмэнідан* ‘с его стороны’, ‘через его посредство’, ‘им’ (творит. пад.), *хусусіда* ‘о, об’, *нузуріга* ‘к’, *нузуріда* ‘при’, *нузурідан* ‘от’, *әвазіга* ‘взамен’; уйг. *мукәддәм* ‘до’.

Заимствования широко используются в качестве компонентов составных послелогов: азерб. *äксінä олараɣ* ‘в противоположность (кому-л., чему-л.)’, *асїлї олараɣ* ‘в зависимости от (кого-л., чего-л.)’, *фäрɣлі олараɣ* ‘в отличие (от)’;[51] узб. *кат’і назар* ‘независимо (от)’.

VII

Прежде чем перейти к последовательному перечню и эпизодическому разбору послелогов, сделаем несколько общих замечаний.

Хотя основной целью сравнительного изучения послелогов, как и других частей речи, является реконструкция архетипов и прослеживание их развития вплоть до современного состояния, уделено много внимания также фиксации послелогов, независимо от того, в каком количестве языков они используются: привлечение большого фактического материала позволяет с достаточной полнотой раскрыть своеобразие процесса превращения самостоятельных слов в служебные слова. Например, др.-тюрк. *адаɣїɣа* ‘к’ — редкий случай использования самостоятельного слова в служебной функции. Несмотря на это, послелог *адаɣїɣа* включен в общий список, потому что на примере этого слова хорошо прослеживается переход от конкретного значения («нога человека, животного») к общему («нога, основание, опора»), переход, являющийся важной предпосылкой образования послелога.

Второе замечание касается состава разновидностей, включаемых в иллюстративный раздел. Здесь приведены различные падежные формы, а также фонетические варианты и упомянуты отдельные языки, в которых те и другие встречаются.

В предлагаемый перечень не вошли послелоги, образовавшиеся из сравнительно поздних заимствований, однако почти все они привлекаются при рассмотрении некоторых конкретных вопросов.

Материалы расположены в виде словарных статей, содержащих сведения об исходной форме и ее значении, о разновидностях. У послелогов, образовавшихся из существительных пространственной семантики, в случаях, когда это возможно, разграничены пространственные (1), временные (2) и прочие (3) значения.

Разные формы управления даются в определенной последовательности: первое место занимает наиболее типичная форма.

Состав примеров отражает и внешние особенности послелогов, и особенности их функционирования, а также многообразие передаваемых значений.

Этимологические экскурсы приводятся в целях освещения истории послелогов, определенно или предположительно содержащих архаические элементы.

ИМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

А) Именные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме именительного или родительного падежей

Аɣїз ‘рот’, ‘отверстие’, ‘устье реки’ (др.-тюрк.) — азерб. *ɣапїнїн аɣзїнда*, к.-калп. *өсїктїң авзїнда*, тув. *өжік аксїнда*, туркм. *ɣапїң аɣзїнда* ‘у двери’; туркм. *öйүң аɣзїндан* ‘мимо дома (проходить)’.

Аʤак ~ адак ~ аjак ‘нога’, ‘основание’, ‘конец’, ‘устье реки’ (др.-тюрк.) — 1) др.-тюрк. *таɣнуң адаɣїɣа* ‘к горе’, ‘к подножию горы’ (ЛОК 15$_9$); тув. *їjаш адāнчэ* ‘под дерево’, *їjаш адāндан* ‘из-под дерева’; 2) туркм. *jїлїң аjаɣїнда*, хак. *чїлнїң азаɣїнда* ‘в конце года’.

Аj ‘низ’ (чуваш.) — *ура аjёнjэн* ‘из-под ног’.

Āj ‘порядок’, ‘толк’ (алт.) — *аjткан ājїнча* ‘согласно сказанному’.

Аjналїс ‘вращение’, ‘хождение вокруг’ (к.-калп.) — *ӱj(дїң) аjналїсїнда* ‘вокруг дома’.

---

[51] См.: Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 163—164.

Ал(їн) ‘лоб’, ‘перед’ (др.-тюрк.), *алїн* ‘передний’ (хак.), *элд* ‘перед’, ‘передняя часть’ (узб.) — 1) алт. *бістің алдїбїста*, кум. *бізің алдїбїзда*, уйг. *бізнің алдімізда* ‘перед нами’; башк., тат. *ŏj алдĭна*, карач.-балк. *ӱjнӱ алмāна* ‘к дому’; казах., к.-калп., ног. *ӱj(дĭң) алдĭнда*, кум. *ӱjнӱ алдїнда*, узб. *уjнің элдіда*, хак. *іб алнїнда* ‘перед домом’; тат. *кӱз алдĭнда*, узб. *кӱз элдіда* ‘перед глазами’; уйг. *ішік алдіда*, шор. *ӧжік алāнда* ‘перед дверью’, ‘у двери’; якут. *оһох аттĭɣар* ‘около печки’, *біһігі аттїбїтїнан* ‘мимо нас’; 2) алт. *таң алдїнда*, казах., к.-калп. *таң алдĭнда*, шор. *таң алāнда* ‘перед рассветом’; алт. *барар алдїнда* ‘перед тем, как пойти’; башк. *баjрам алдĭнан* ‘перед праздником’; тат. *кітāр алдĭннан* ‘перед тем, как уехать’; уйг. *авкат алдіда* ‘перед едой’; узб. *маjліс элдідан* ‘перед собранием’; хак. *он чїл мінің алнінда* ‘десять лет тому назад’, *наңмĭр чāр алнінда* ‘перед тем, как пойдет дождь’; шор. *камнар алдїнда* ‘прежде чем камлать’; 3) тат. *кĭjĭнлĭклар алдĭнда* ‘перед трудностями’; уйг. *тілшунаслар алдіда* ‘перед лингвистами’; хак. *позінің алнінjа* ‘про себя’.

Используется также разновидность рассматриваемого послелога в форме пространственных падежей без аффиксов принадлежности: башк., карач.-балк., кум. *алда* ‘перед, до’, ‘у’; кум. *алɣа* ‘к’; карач.-балк. *алɣа* ‘перед’, ‘до’.

Все разновидности послелогов, восходящих к *алїн* ‘лоб’, ‘перед’, могут сочетаться с формой исходного падежа: карач.-балк. *міндан алда* (~ *алɣа*) ‘до этого’, *сэндэн алмїн* ‘до тебя’; кум. *ішдэн алда* ‘перед работой’; тат. *міннāн алда* ‘до меня’; узб. *кэтішдан элдіда* ‘перед уходом’, *һаммадан элдін* ‘раньше всех’, *фэ’лдан элдін* ‘перед глаголом’.

Вариант исходной словоформы без компонента *їн*, с дополнительными *т*, *д*, характерен для группы наречий и послелогов, обозначающих место (> время), ср.: кар. *алт* ‘низ’, ‘нижняя часть’, *ӱст* ‘верх’, ‘верхняя часть’; кар. *алд*, узб. *элд* ‘перед’, ‘передняя часть’; узб. *эст* ‘низ’, ’нижняя часть’. Отнесение *т*, *д* к числу слившихся с основой морфологических показателей обусловлено наличием случаев, когда рассматриваемые слова используются в виде *ал*, *ас* (*эс*), *ӱс*. Попытки объяснить природу конечного *т(д)* выразились в предположении о существовании в тюркском праязыке формы местного падежа на *-т*.[52] В последние десятилетия это предположение аргументируется с позиций ортодоксальной алтаистики: выделяемый аффикс *т* квалифицируется как древнейший показатель локатива в алтайских языках, а общетюркский аффикс местного падежа *-та ~ -да* — как сочетание двух алтайских локативных аффиксов. Оригинальные мысли о природе конечного *т(д)* высказаны Ф. Г. Исхаковым.[53] Есть основания думать, что словоформы типа *алт*, *аст* — собственно тюркские производные образования, не являющиеся по происхождению падежными формами.

Особый интерес вызывает вопрос о первоначальном грамматическом значении компонента *-їн*, который целесообразно рассмотреть несколько ниже.[54]

Алт ‘низ’, ‘нижняя часть’ (др.-тюрк.) — 1) др.-тюрк. *кінтік алтїн* ‘под пупком’, ‘ниже пупка’ (USp 42$_6$); азерб. тур. *аɣаҗ їн алтїна* ‘под дерево’; алт. *кар(дїң) алдїна*, хак. *хар алтїна* ‘под снег’; гаг., тур. *маса алтїнда* ‘под столом’; тув. *хар а‘лдїндан*, шор. *кар алтїнаң* ‘из-под снега’; хак. *сїн алтїнаң* ‘из-под хребта’, ‘под хребтом’; якут. *остуол аннĭɣар* ‘под столом’; 2) алт. *карарɣан тӱннің алдїнда* ‘в темной ночи’; 3) азерб. *ädäбі ділінін тä’сірі алтїнда* ‘под влиянием литературного языка’; тур. *эткісі алтїнда* ‘под его влиянием’, . . . *башлĭɣĭ алтїнда* ‘под названием . . .’.

Аңрї ‘обратная сторона’ (туркм.) — *дāɣің аңрїдїндан* ‘с той стороны горы’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа временно́е значение: туркм. *ікі гӱндэн аңрї* ‘уже два дня, как . . .’.

---

[52] См.: *Bang W.* Vorläufiges über der Herkunft des türk. Ablativus. — UJb, 1925, V, 4, S. 392—410. Ср.: *Gabain A.* Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV$_5$, S. 1—14.

[53] *Исхаков Ф. Г.* Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст*, *ӱст*, *алд*, *арт* и т. п. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 124—136.

[54] См.: с. 67—68.

Аңрї — по-видимому, древняя форма дательно-направительного падежа от лично-указательного местоимения **ан*. Не исключена вместе с тем возможность образования *аңрї* из сочетания названного местоимения со словом *јэр* ‘земля’, ‘место’ в форме принадлежности 3-го лица (**ан-јэрі*), хотя в этом случае трудно объяснить появление *ң*.

Разновидность послелога *аңрї — аңрӣк*: туркм. *рāјїшдан аңрӣк* ‘по ту сторону насыпи’, *ӛртӣрдӛн аңрӣк* ‘с завтрашнего дня’.[55]

Ара ‘промежуток’, ‘середина’ (др.-тюрк.) — 1) др.-тюрк. *кішілӛр ара*, ст.-узб. *ӛл ара* ‘среди людей’, ‘между людьми’; др.-тюрк. *кӧл арасїнда* ‘посередине озера’ (ЛОК 8_8); азерб., тур. *адамлар арасїнда* ‘среди людей’; алт. *чадїрлар аразїнда* ‘между юртами’; башк. *ікĕ ӧј араһĕна*, кум. *ӛкі ӱјнӱ арасїна* ‘в положение между двумя домами’; гаг. *оннарїн арасїнда*, хак. *оларнің аразїнда* ‘между ними’; кар., уйг. *ӧз ара* ‘между собой’; ног. *јĕгĕтлӛр(дің) арасĕннан* ‘из молодых людей’; тув. *ӱјаш аразїндан*, шор. *аҕаш аразїнаң* ‘из лесу’; туркм. *ādamlarїң ārаdїndan* ‘из людей’, ‘между людьми (проходить)’; узб. *тішлар орасіда* ‘в зубах’, ‘между зубами’; шор. *аҕаш аразїба* ‘по лесу’, ‘лесом’; 2) алт. *тӱн аразїнда* ‘среди ночи’, *ујку аразїнда* ‘во время сна’; карач.-балк. *бір саҕатнї арасїна* ‘в течение одного часа’;[56] хак. *ĭкĭ чӱл(нің) аразїнда* ‘в течение двух лет’.

Арка ‘спина’, ‘опора’ (др.-тюрк.) — 1) азерб. *столун архасїнда*, тур. *масанїн аркасїнда* ‘за столом’; кум. *ӱјнӱ аркасїна*, тур. *ӛвін аркасїна* ‘за дом’; тат. *ӧј(нĭң) аркасĭннан*, узб. *уј(нің) эркасідан* ‘из-за дома’; шор. *алтїн устолдїң арҕазїнаң* ‘из-за золотого стола’; 2) тур. *онун аркасїндан* ‘вслед за ним’; 3) азерб. *ӟјнӛјінін архасїндан* ‘из-за твоих очков’; башк. *унĭң аркаһĭнда*, ног. *онĭң аркасĭнда*, тат. *анĭң аркасĭнда* ‘благодаря ему’, ‘из-за него’; кирг. *ошонун аркасїнда* ‘из-за того’, ‘по той причине’; тат. *сінĭң аркаңда* ‘благодаря тебе’; туркм. *ӛзінің аркаңдан* ‘из-за тебя’, ‘благодаря тебе’, ‘о тебе’.

Аркалї ~ аркĭлї ~ аркалу... — относительное прилагательное на *-лї(ҕ) ~ -лу(ҕ)* от *арка* ‘спина’, ‘опора’. Исходным для него было значение промежуточной среды, последующее семантическое развитие выразилось в факультативном переходе к значению посредства. Примеры: а) казах. *көшӛ аркĭлĭ* ‘через улицу’; к.-калп. *көпĭр аркалĭ* ‘через мост’; тат. *урман аркĭлĭ* ‘через лес’, *тӛрӛзӛ аркĭлĭ* ‘через окно’; б) башк. *күҙлĕк аркĭрĭ* ‘через очки’;[57] казах., к.-калп. *бĭр жӛлдас аркĭлĭ*, кирг. *бір јолдош аркалӯ*, туркм. *бĭр јолдаш аркалї* ‘через одного товарища’; казах. *радіо аркĭлĭ*, кирг. *радіо аркалӯ*, туркм. *радіо аркалї* ‘по радио’; казах. *орĭс тĭлĭ аркĭлĭ* ‘через русский язык’; тат. *хат аркĭлĭ* ‘через письмо’, ‘посредством письма’; узб. *бадіј асар эркалі* ‘через посредство художественного произведения’; уйг. *кошумчілар аркілік(ла)* ‘при помощи аффиксов’.

В башкирском языке встречается разновидность *аркала*: башк. (диал.) *мінĕң аркала* ‘из-за меня’, ‘благодаря мне’.[58]

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: башк. *јулҕа аркĭрĭ* ‘поперек дороги’.

Относительное прилагательное на *-лї(ҕ) ~ -лу(ҕ)* — морфологическое образование, в наибольшей мере расположенное к приобретению функций служебного слова. В тюркских языках насчитывается несколько десятков послелогов, выступающих в соответствующей форме, причем исходные именные основы их — как собственно тюркские, так и заимствованные существительные. Примеры: башк. *саклĭ*, казах. *шактĭ*, карач.-балк. *чаклї*, тат. *чаклĭ* ‘как’, ‘подобно’, ‘около’ (с числительными); башк., тат. *шикĭллĭ*, карач.-балк. *шӛкӛллі*, казах. *сӛкĭлдĭ*, кирг. *шӛкілдӱ*, к.-калп. *сӛкĭллĭ*, ног. *сӛкĭнлĭ*, узб. *шӛкіллі* ‘словно’, ‘подобно тому как’; башк. *сӑбӑплĭ*, казах. *сӛбӛптĭ*, к.-калп., ног. *сӛбӛплĭ*, кум. *сӛбӛплі*, тат. *сӑбӑблĭ*, туркм. *ӛзбӑплі*, узб. *сабаблі*, уйг. *сӛвӛплік* ‘из-за, вследствие, по причине’; башк. *төҙлө* ‘как, подобно’; казах. *туралĭ*, кирг. *тӯралӯ*, к.-калп. *тӱералĭ*, уйг. *тоҕрілік* ‘о’, ‘в отношении’, ‘по поводу’; казах. *сĭјактĭ*, кирг. *сĭјактӯ* ‘как’, ‘подобно’; казах. *тәрĭздĭ* ‘как, подобно’; карач.-балк. *тӛңлі, ҷапїлї, карамлї, кїлїклї, сїфатлї, тӱрсӱнлӱ, маталлї, халілі* ‘как, подобно’;[59] кум. *јӛрлі* ‘до’; туркм. *дӛрāрлї, ҷахтлі*, узб. *туфајлі*, уйг. *тӱпәјлі* ‘из-за, вследствие, по причине’.

Приобретение структурной моделью «существительное + *-лї(ҕ) ~ -лу(ҕ)*» особого положения среди послелогов приводит в конечном итоге к тому, что в подобной форме начинают выступать послелоги, не связанные по происхождению с относительными прилагательными, ср.: ст.-азерб. *ол замандан бӛрлӱ* ‘с того времени’; кум. *шоҕар да карамајлі* ‘несмотря на это’, *сӛн сајалі* ‘ради тебя’, ‘из-за тебя’.

Арт ‘зад’, ‘задняя часть’, ‘перевал’, ‘опора’ (др.-тюрк.) — 1) башк. *ӧј артĭна*, казах., к.-калп., ног. *ӱј(дің) артĭна*, кар. *івнін артіна*, карач.-балк., кум. *ӱјнӱ артіна*, тур. *ӛвін ардїна*, узб. *уј эртіга* ‘за дом’; гаг. *ӛвін ардїнда* ‘за домом’; ног. *ӱј(дің) артĭннан*, тат. *ӧј артĭннан*, тув. *бажің а‘ртїндан* ‘из-за дома’; тув. *хӑржак а‘ртінчӛ* ‘за ящик’; 2) азерб. *ҝӛзӛн ардїнҷа* ‘вслед за девушкой’; кирг. *анін артїнда* ‘после этого’; к.-калп. *жĭјналĭстĭң артĭнан* ‘после собрания’; кум. *сӛні артіңа* ‘вслед за тобой’; ног. *онĭң артĭннан*, тур. *онун ардїндан*, узб. *унің эртідан* ‘вслед за ним’; тур. *бірбірі ардїна* ‘друг за другом’; 3) гаг. *ікі тавшанїн ардїна* ‘за двумя зайцами’.

Аст ‘низ’, ‘нижняя часть’ (ст.-узб.) — 1) ст.-узб. *таш астіҕа*, башк. *таш аҫтĭна*, казах., к.-калп., ног. *тас(тĭң) астĭна*, тат. *таш астĭна*, туркм. *дāш аҫтіна*, узб. *тэш эстіга* ‘под камень’; тат. *таш астĭннан*, узб. *тэш эстідан* ‘из-под камня’; уйг. *кігізнің астіҕа* ‘под кошму’; 2) —; 3) к.-калп. *көз астĭнан* ‘исподлобья’; туркм. ... *тāдĭрі аҫтіна* ‘под влиянием...’; узб. *ӱк јэмҕірі эстіда* ‘под градом (букв. дождем) пуль’.

Конечный *т* в *аст*, по всей видимости, не является корневым элементом, ср.: др.-тюрк. *асра* ‘внизу’ (КТб$_1$).

Ашāк ‘низ’, ‘нижняя часть’ (др.-тюрк. *ашак* ‘подножие горы’, МК I 66) — 1) туркм. *дāшĭң ашāҕіна* ‘под камень’, *көпрінің ашāҕіндан* ‘из-под моста’, ‘под мостом’; 2) —; 3) туркм. ... *јōлбашчĭлĭҕі ашāҕіндa* ‘под руководством...’.[60]

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: тур. *бін бӛш јӱздӛн ашаҕї* ‘менее 1500’, ‘до 1500’.

Ӛтāк ‘пола одежды‘, ‘подол’ (др.-тюрк.) — алт. *кӱрдің ӧдӧгіндӧ* ‘у горы’; туркм. *дāҕĭң ӛтӛгіндӛ* ‘у горы’, *ӧбанің ӛтӛгіндӛ* ‘на краю селения’.

Баҕĭр ‘печень’ (др.-тюрк.) — тув. *бажің бāрінда* ‘перед домом’.

Баш ‘голова’, ‘вершина’, ‘начало’ (др.-тюрк.) — 1) азерб. *даҕ(ын) башїна*, алт. *тӱнің бажїна*, карач.-балк. *тавну башїна*, к.-калп. *тав(дĭң) басĭна* ‘на гору’; карач.-балк. *тавну башїндан*, к.-калп. *тав басĭнан* ‘с горы’; туркм. *аҕаҷың башїнда* ‘на дереве’; узб. *тэм бэшіда* ‘на крыше’; хак. *хазің пазїнда* ‘на березе’; чулым. *ӓп пāжэнда* ‘над домом’;[61] шор. *алтїн сӛнӛк пажїнҕа* ‘на золотое крыльцо’, *ат пажїнаң* ‘с коня’; 2) тув. *даң бажїндан* ‘от зари’.

Баш в значении «начало» послужило основой для аналогичного по форме, но отличающегося по содержанию послелога, ср.: 1) азерб. *оҕаҕ башїнда*, гаг. *атэш башїнда*, к.-калп. *от басĭнда*, тур. *оҕак башїнда* ‘у огня’; карач.-балк. *тӛбсіні башїнда*, тур. *масанїн башїнда* ‘за столом’, ‘у стола’; кум. *булак башда* ‘у родника’;[62] узб. *булэк бэшіга* ‘к роднику’; туркм. *ӟувуң башїнда* ‘у воды’; хак. *улуҕ āлнің пазїна* ‘к большому селению’; 2) алт. *ӱч д'іл(дің) бажїнда*, хак. *ӱс чӱл пазїнаң* ‘через три года’, ‘спустя три года’; тув. *даң бажїнда*, хак. *таң пазїнда* ‘перед рассветом’; туркм. *ҕӱшің башїнда* ‘в начале зимы’.

В ряде случаев трудно определить лексическое значение, ставшее исходным для формирования служебной функции рассматриваемого послелога, например:

---

[55] См.: Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 419.

[56] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 122.

[57] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 85.

[58] См.: *Юсупов Х. Г.* Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — БДС, с. 165.

[59] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 50, 94.

[60] См.: *Хыдыров М. Н.* Послелоглар ве оларың уланылышлары, с. 27.

[61] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II. Саратов, 1981, с. 105.

[62] См.: *Магомедов А.* Послеложное управление в современном кумыкском литературном языке, с. 18.

азерб. *адам башїна*, узб. *кіші бэшіга* ‘на каждого человека’, ‘на душу’; алт. *бут бажїнда* ‘на ногах, стоя’; крым.-тат. *іш башїнда* ‘за работой’; тур. *іш башїна* ‘за дело’, *вазіфэ башїнда* ‘при исполнении обязанностей’; туркм. *чай башїнда* ‘за чаем’; шор. *аjтҡан пажїнда* ‘в результате сказанного’.

Бэт ‘лицо’, ‘щека’, ‘сторона’ (узб.) — к.-калп. *жэр(дїң) бэтїнэ* ‘на землю’, *жэр(дїң) бэтїндэ* ‘на земле’; крым.-тат. *дівар бэткэ* ‘к стене’; ног. *ўj бэткэ* ‘к дому’, *бїз бэттэ* ‘у нас’, *кўнтўвар бэтїннэн* ‘с востока’; тув. *хэм бэтіндэ* ‘по эту сторону реки’, *даҕ бэтіндэн* ‘с этой стороны горы’.

Бїс ‘граница’, ‘промежуток’ (якут.) — *дулҕалар бїстарїнан* ‘между кочками’, *мас бїїнэн* ‘между деревьями’.

Бод ~ *бод* ~ *бој* ‘тело, туловище’, ‘рост’ (др.-тюрк.) — 1) гаг. *дэрэнін бојунда*, кирг. *сў бојунда*, к.-калп. *дарјанїң бојїнда* ‘вдоль реки’, ‘у реки’; гаг. *јолун бојунда*, казах. *жол бојїнда*, кирг. *ўол боју*, ног. *јол бојї(нша)*, тат. *јул бујї(на)*, тур. *јол бојунҕа*, туркм. *јол бојї* ‘по дороге’, ‘всю дорогу’; крым.-тат. *сокак боју* ‘по улице’; туркм. *јап бојунда* ‘у магистрального канала’; 2) азерб., кирг. *ömür боју*, казах., к.-калп., ног. *ömїr бојї*, тат. *ҕömїr бујї*, туркм. *ömür бојї*, узб. *умр бўјі(ча)*, уйг. *өмүр бојі* ‘в течение жизни’, ‘всю жизнь’; башк. *көндәр буйы* ‘днями’, *йылдар буйынса* ‘годами’; казах. *кїс бојї(нда)* ‘в течение зимы’, ‘всю зиму’; кирг. *түндөгү бойдон* ‘всю ночь’;[63] тур. *јїллар боју(нҕа)* ‘годами’; туркм. *јїл бојунча* ‘в течение (всего) года’; 3) башк. *ҕәдәт буйынса*, казах. *әдэт бојїнша*, кирг. *адат бојунча*, тат. *ҕадәт буйынча*, узб. *эдат бўјіча*, уйг. *адәт бојічә* ‘по обычаю’, ‘по обыкновению’, ‘по привычке’.

В сочетании с причастием на *-ҕан* послелог *боју(нча)* ~ *бојї(нча)*... передает значение «после того как...», «как только...», ср.: алт. *кэлгэн бојї(нча)*, казах. *кэлгэн бојї*, кирг. *кэлгэн бојунча*, *кэлгэн бойдон*, узб. *кэлган бўјіча* ‘после того как пришел’, ‘как только пришел’.

Бўрў ‘всякий, каждый’ (тув. < монг.) — 1) *базїм бўрўзўндэ* ‘на каждом шагу’; 2) *чїл бўрўдэ* ‘каждый год’.

Бабаҕ ‘лоб’, ‘лицо’ (азерб. диал.) — азерб. *онун ҕабаҕїнда* ‘перед ним’, *маҕазанїн ҕабаҕїндан* ‘от магазина’, ‘мимо магазина (проходить)’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: азерб. *бір ај бундан ҕабаҕ* ‘месяц тому назад’.

Ҕапдал ‘бок’, ‘сторона’, ‘край’ (туркм.), *каптал* ‘бок’, ‘склон (горы)’ (к.-калп., уйг.) — туркм. *јабїң ҕапдалїнда* ‘около магистрального канала’, *өјўң ҕапдалїндан* ‘мимо дома (проходить)’.

Ҕолај ‘близкий, ближайший’ (туркм.) — *шаһэрің ҕолаjїнда* ‘около города’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: туркм. *бір јїла ҕолај* ‘около года’.

Гэрі ? < **кэд jэрі* ‘задняя сторона’ — гаг. *таш гэрідән* ‘из-за камня’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: ст.-тур. *імдэн гэрў* ‘после этого’, ‘впредь’.[64]

Дал ‘спина’, ‘задняя сторона’, ‘обратная сторона’ (азерб.) — *эвін далїнда* ‘за домом’, *эвін далїндан* ‘из-за дома’; азерб. (диал.) *дәрвазанін далїсїнда* ‘за воротами’.[65]

Дэпэ см. *тэпэ*.

Долај ‘округа, окрестность’ (гаг.) — *эвін долаjїнда* ‘вокруг дома’.

Дуҕај (тув. < монг.-п. *тихаі* ‘случай’, ‘возможность’)[66] — *ачамнің дуҕаjїнда* ‘о моем отце’, *ажїл дуҕаjї* ‘о работе’, *чўскўк дуҕаjїнда* ‘за наперсток’, *өрт дуҕаjїнда* ‘из-за пожара’.

Душ см. *туш*.

Дўjп см. *тўп*.

Із ‘след’ (туркм.) — карач.-балк. *анї їзїндан*, туркм. *онуң їзїнда* ‘вслед за ним’.

Їндї ‘обратная, противоположная сторона’ (тув.) — *соҕҕа їндїнда* ‘за окном’, *ҕаш їндїндан* ‘из-за дерева’, *эжік їндїнчэ* ‘за дверь’.

Їшкаш см. *охшаш*.

Їл ‘место у двери’, ‘перед’, ‘передняя часть’ (др.-тюрк.), *ілін* ‘перед’ (якут.) — якут. *уот іннігэр* ‘перед огнем’, *мін іннібэр* ‘до меня’, *олох іннігэр* ‘за жизнь’.[67]

Їлгәрў ~ *ілгәрі* — древняя форма дательно-направительного падежа от *іл*, управляющая формой исходного падежа: азерб. *ондан іраli* ‘до него’, ‘перед ним’; башк. *бїнан їлгәрї*, к.-калп. *бўннан ілгэрї* ‘до этого’, ‘раньше этого’; кирг. *мїндан бір күн ілгэрі* ‘день тому назад’; узб. *урушдан ілгарі* ‘перед войной’, *гугурт чакмасдан ілгарі* ‘прежде чем зажечь спичку’; уйг. *кәтіштін ілгірі* ‘прежде чем уехать’.

Ср. также: башк. *бїнан біш йїл їлїк* ‘за пять лет до этого’, *йїйїлїштан їлїк* ‘до собрания’; тат. *мөннан бїрнічә көн їлїк* ‘за несколько дней до этого’.

Ілај ‘лоб’ (др.-тюрк.),[68] *ілај* ‘перед, передний’ (Сл. Замахшари II 154), *ілај тіш* ‘передние зубы’ (Сл. Замахшари II 276), *ілај*, *ілак* ‘впереди’ (хорас.)[69]— 1) ст.-кыпч. *бі ілаjіндә* ‘перед беком’;[70] ст.-узб. *тамуҕнің ілаjіндә* ‘перед адом’; 2) *іш ілаjідә* ‘перед работой’ (Сл. Замахшари II 375).

**Їлк* (?) — ст.-узб. *ўан ілкідін* ‘из-за души’, *hіўран ілкідін* ‘из-за разлуки’.

Їргә ‘бок’, ‘место, расположенное рядом’ (башк.), *їргэ* ‘нижняя часть решетки юрты’ (казах.), *їргә* ‘завалинка’ (тат.) — башк. *өj їргәйнән* ‘от дома’, *hінең їргәңдә* ‘около тебя’; казах. *ўjдың їргэсіндэ* ‘около дома’.

Їч ‘нутро’, ‘внутренности’ (др.-тюрк., алт.) — 1) азерб., гаг. *эвін ічінә*, алт. *турҕанің ічінэ*, башк. *өj їсенә*, казах., к.-калп., ног. *ўj(дың) їшінэ*, кум. *ўjнў ічінэ*, тат. *өj їченә*, тур. *эвін ічінэ*, туркм. *өjўң ічінэ*, узб. *уj(нің) ічіга*, шор. *эм іштінэ* ‘в дом’; гаг. *чамур ічіндә* ‘в грязи’, *онларїн ічіндә* ‘среди них’; тув. *бажїң і·штіндэн*, хак. *іб(нің) їстінэң* ‘из дома’; тув. *арїҕ і·штінчэ* ‘в лес’; уйг. *нарвү ічідә* ‘в телеге’; шор. *таjҕанің іштінэң* ‘из тайги’; якут. *хос іһігэр* ‘в комнате’; 2) гаг. *бір јїл(їн) ічіндә*, карач.-балк. *бір јїлнї ічінэ*, тат. *бїр јїл їчендә*, тув. *бір чїл і·штіндэ*, туркм. *бір јїл ічіндэ*, узб. *бір јіл ічіда*, уйг. *бір јіл ічідә* ‘в течение года’, ‘за год’; к.-калп. *экі күн їшїндэ* ‘в течение двух дней’; тур. *кїса бір сўрэ ічіндэ* ‘в течение короткого промежутка времени’; якут. *ій іһігэр* ‘в течение месяца’.

В тувинском, хакасском, чулымском и шорском языках в основе данного и многих других послелогов, выражающих пространственные (и временные) значения, оказалась форма принадлежности 3-го лица единственного числа от производных образований, включающих в себя компонент *їн*, ср.: хак. *їстї*, чулым., шор. *іштї* (< *ічін-і*) ‘живот, брюхо’, ‘внутренности’; хак. *кістї* (< *кэдін-і*) ‘зад’, ‘задняя сторона’; шор. *таштї* (< *ташїн-ї*) ‘внешняя сторона’. Ср. также: тув. *іжініндэ* ‘в его желудке’, *і·штіндэ* ‘внутри, в’.[71]

В якутском языке аффикс принадлежности 3-го лица употреблен дважды: *іннітэ* (*ілін-і-тэ*) ‘впереди’, *кэннітэ* (*кэлін-і-тэ*) ‘сзади’, *ўрдўтэ* (*өрўн-ў-тэ*) ‘вверху’, *аннїта* (*алїн-ї-та*) ‘внизу’.[72] Присоединение второго аффикса принадлежности обусловлено десемантизацией первого и слиянием его с корнем.[73] Почти все рассматриваемые здесь послелоги развились из имен, обозначающих части тела, и поэтому следует считать вполне естественным использование форм принадлежности 3-го лица безотносительно к обычно передаваемому ими значению, ср.: долган. *мунну* ‘нос’ (*муннута* ‘его нос’);[74] хак. *їстї*, чулым., шор.

---

[63] См.: *Мураталиева Дж.* Послелоги в киргизском языке, с. 48.

[64] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha. Nakleden: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946, s. XI—XII.

[65] См.: *Szapszał H. S.* Próby literatury ludowej turków z Azerbajdżanu perskiego. — Prace Komisji Orjentalistycznej, Nr. 18. Kraków, 1935, s. 17.

[66] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 445.

[67] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 128—130.

[68] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 177.

[69] См.: *Doerfer G.* Das Chorasantürkische. — TDAY. Belleten (1977), 1978, S. 176.

[70] См.: Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке) / Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978, с. 236.

[71] См.: *Исхаков Ф. Г.* Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* . . ., с. 124 сл.; *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 445.

[72] См.: *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелоги в якутском языке, с. 9.

[73] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 4. Mitteilung: Durch das Possessivsuffix erweiterte Nominalstämme. Berlin, 1921, S. 3 ff.

[74] См.: *Убрятова Е. И.* Служебное слово *киэнэ* в якутском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 291.

іштї ‘живот, нутро’; хак. *іӈнӥ* ‘плечо’; шор. *ӓрдї* ‘губа’, *кардї* ‘желудок’, *пурду* ‘нос’, *мојду* ‘шея’.[75]

По вопросу о том, что представляет собой компонент *-їн ~ -ун*, существуют разные мнения. Ф. Г. Исхаков видел в нем следы «какого-то древнего аффикса, исторически сросшегося с корнем слова».[76] Примечательно, что компонент *-їн ~ -ун* обнаруживается в нескольких десятках слов, бóльшую часть которых составляют названия частей тела: др.-тюрк. *алїн* ‘лоб’, *бојун* ‘шея’, *карїн* ‘живот’, *ӓрін* ‘губа’, *ӈін* ‘плечо’, *бурун* ‘нос’; алт. *кијін* ‘зад’, ‘задняя часть’, *алїн* ‘перед’, ‘передняя часть’; тув. *іжін* ‘живот’, ‘желудок’. Обращает на себя внимание также наличие подобных слов во всех тюркских языках, современных и древних, не позволяющее относить появление рассматриваемого компонента к позднему времени. Учитывая сказанное, нельзя не признать некоторую обоснованность предположения о том, что компонент *-їн ~ -ун* представляет собой древнейшую разновидность аффикса принадлежности 3-го лица.[77] Таким образом, может оказаться, что в якутских послелогах типа *аннїта* ‘внизу’ сочетаются все три зафиксированные в тюркских языках разновидности указанного аффикса (*ал-їн-ї-та*). Факты удвоения и утроения аффикса принадлежности 3-го лица хорошо известны, ср.: тат. (диал.) *бусăсї* ‘этот’, *бĭрсĭсї* (< *бĭрĭсĭсї*) ‘один из них’.[78]

Їчкӓрі ~ ічӓрі ~ ічӭрі — древняя форма дательно-направительного падежа от *іч* ‘нутро’, ‘внутренности’, обособившаяся и получившая статус номинативной, ср.: узб. *ічкарі* ‘внутренняя часть помещения’; туркм. *дашарӥ* ‘наружная, внешняя часть (помещения, двора и т. д.)’. Присоединяя к себе аффикс принадлежности 3-го лица, она функционирует как послелог в форме всех пространственных падежей: азерб. *һӓмін абідӓлӓр ічӓрісіндӓ* ‘среди этих памятников’; тур. *эвін ічӭрісіндӭ*, узб. *уј ічкарісіда* ‘в доме’; узб. *уј ічкарісідан* ‘из дома’, ‘из внутренней части дома’.

Їак ‘сторона’ (др.-тюрк.) — башк., тат. *тав јаҕĭна* ‘к горе’, ‘в сторону горы’; башк. *тав јаҕĭнан* ‘от горы’; казах., к.-калп. *ӱј(дің) жаҕĭнда*, кум. *ӱјнӱ јаҕĭнда* ‘у дома’, *ӱјнӱ јаҕĭндан* ‘от дома’, ‘мимо дома (проходить)’; кирг. *мӓн їаҕĭнан*, к.-калп. *мӓн жаҕĭмнан* ‘в отношении меня’, ‘обо мне’.

Їака ‘ворот’, ‘край’ (туркм.) — *јабӱң јакадїна* ‘к магистральному арыку’, *бумуң јакадїнда* ‘у песков’.

Їан ‘бок’, ‘сторона’ (др.-тюрк.) — 1) азерб., гаг., тур. *эв(ін) јанїна*, башк., тат. *ӧј јанĭна*, казах., к.-калп. *ӱј(дің) жанĭна*, ног. *ӱј(дің) јанĭна*, кум. *ӱјнӱ јанїна*, тув. *бажӱң чанĭнчӭ*, туркм. *ӧјӱң јанїна*, узб. *уј(нің) јӭніга* ‘к дому’; азерб. *дӓніз јанїнда* ‘около моря’; азерб. *эвін јанїндан*, алт. *туранӱң д'анĭнаң*, карач.-балк. *ӱјнӱ їанĭндан*, тув. *бажӱң чанĭндан* ‘от дома’, ‘мимо дома (проходить)’; гаг. *онун јанĭндан*, тат. *анĭң јанĭннан* ‘от него’, ‘мимо него (проходить)’; кар. *анĭн јанїнда* ‘около него’; чуваш. *ман с'умра* ‘при мне’, ‘рядом со мной’,[79] *ман с'умран* ‘от меня’, ‘мимо меня (проходить)’; чулым. *ӓп чанда* ‘у дома’;[80] шор. *эжігінің чанїнда* ‘у его двери’; 2) чуваш. *кĕр јӭннӭ* ‘к осени’.

Їаң ‘образ’, ‘форма’, *јаңлӓ(ҕ)* ‘подобный’ (др.-тюрк., ст.-узб.). Послелог, восходящий к *јаң*, известен только в форме относительного прилагательного: ст.-узб. *булут јаңлӓҕ* ‘как облако’; к.-калп. *чајнӭк јаңлĭ* ‘подобно чайнику’; узб. *мӭмакалдірӭк јаңліҕ* ‘как гром’.

[75] См.: *Исхаков Ф. Г.* Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* . . ., с. 126.
[76] Там же, с. 126.
[77] См.: *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелоги в якутском языке, с. 9. См. также: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977, с. 80.
[78] См.: *Бурганова Н. Б.* Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 40.
[79] См.: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 2 8.
[80] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II, с. 105.

С *јаңлӓҕ* несомненно связаны аналогичные по значению туркменские послелоги *јӓлӥ*, *јӓнӥ*, *јӓлак* (*јӓлӥ-ок*), *јӓнак* (*јӓнӥ-ок*):[81] *ардлан јӓлі* ‘как лев’, *дӭнің јӓлак(ї)* ‘как ты’.[82]

Їӭңдӭ ‘затылок’ (туркм.),[83] *эңсӭ* ‘часть спины между лопатками’ (к.-калп.) — туркм. *ӧјӱң јӭңдӭдіндӭ* ‘позади дома’.

Їӭр ‘земля’, ‘место’ (др.-тюрк.) — алт. (диал.) *город т'эрінӭ* ‘в город’;[84] крым.-тат. *їӭвап бӭрмӭк јӭрінӭ* ‘вместо того, чтобы отвечать’; тур. *јабанӱї тӭрімлӭр јӭрінӭ* ‘вместо иноязычных терминов’, *онун јӭрінӭ* ‘вместо него’.

Послелог *јӭрлі*, имеющий форму относительного прилагательного, сочетается с формой дательного падежа:[85] кум. *шагӓрҕа јӭрлі* ‘до города’, *ахшамҕа јӭрлі* ‘до вечера’.

Їок ‘высокое место, подъем, возвышенность’ (др.-тюрк.), *чоҕар* — древняя форма дательно-направительного падежа (хак.). Послелог, восходящий к *јок*, выступает только в форме дательно-направительного падежа: хак. *Ујбат чоҕар* ‘вверх по Уйбату’, *таҕ чоҕар* ‘в гору’.

Їӱз (др.-тюрк.), *їӱз* (кирг.), *ӱз* (азерб.) ‘лицо’, ‘поверхность’ — 1) др.-тюрк. *су јӱзідӓ* ‘на воде’; кирг. *їӭр їӱзӱндӧ*, к.-калп. *жӭр жӱзĭндӭ*, тур. *јӭр јӱзӱндӭ*, туркм. *јӭрің јӱдӱндӭ* ‘на земле’; туркм. *ҕајаларің јӱдлӭріндӭн* ‘по скалам’; 2) — ; 3) азерб. *бу вӓзіјјӓт ӱзӱндӓн* ‘из-за этого положения’; тат. *ӓдӓп јӧзĭнӓн* ‘ради приличия’, *тӓжрібӓ јӧзĭннӓн* ‘благодаря опыту’; тур. *бу јӱздӭн* ‘вследствие этого’, ‘поэтому’, *бу сӓбӭп јӱзӱндӭн* ‘по этой причине’, ‘из-за этого’.

Со словом *јӱз* ‘лицо’, ‘поверхность’, очевидно, связан также узбекский послелог *јузасідан* ‘из-за’, ‘по причине’, ‘по поводу’, ср.: *јузакі* ‘поверхностный’. Однако происхождение в нем гласного *а* (*јуза*) объяснить пока не удается.

Из сочетания *јӱз* в форме пространственных падежей с указательным местоимением *бу* в уйгурском языке образовались послелоги *бӱзідӓ* ‘по эту сторону’, *бӱзігӓ* ‘сюда’: *сунің бӱзідӓ* ‘по эту сторону реки’, *шунің бӱзігӓ* ‘с тех пор’.

Їај ‘место’, ‘положение’ (кирг. < перс.) — казах. *кĭтапшаңĭң графікасі жаїĭнан* ‘относительно графики книги’; кирг. *трактор рӭмонту їаїінда* ‘о ремонте тракторов’; к.-калп. *жӱмĭс жаїĭнда* ‘в отношении работы’.

Їӧн ‘направление’ (кирг.) — казах. *казак тĭлĭ жӧнĭндӭ* ‘о казахском языке’, *бұл кĭтаптĭ шĭҕару жӧнĭнӭн* ‘относительно выпуска этой книги’; кирг. *окӱ їӧнӱндӧ* ‘об учебе’, *мал їӧнӱнӧн* ‘о скоте’; к.-калп. *ол жӧнĭндӭ* ‘о нем’.

Кат ‘ряд’, ‘слой’, ‘пласт’ (др.-тюрк.) — др.-тюрк. *таҕлар катїнда* ‘в предгорьях’, *јӭр катїн* ‘под землей’; ст.-кыпч. *бір кічі катїна* ‘к одному человеку’;[86] ст.-тур. *Јусуфун катїна* ‘к Юсуфу’; ст.-узб. *хан катїҕа* ‘к хану’, *анің катїдїн* ‘от него’; алт. (диал.) *таштің кадїнда* ‘под камнем’, *д'эр кадїнза* ‘под землю’;[87] кар. *анін катні* ‘при нем’, *тӭңіз катїн* ‘у моря’; карач.-балк. *тӭрӭкні катїна* ‘к дереву’; тат. *ишĭк катĭнда* ‘возле двери’; уйг. *јотканнің кӭтіда* ‘под одеялом’.

Катїш ‘соединение’, ‘присоединение’ (карач.-балк.) — *сізні катїш* ‘с вами’.

Уместно провести аналогию с послелогом *бірлӓн ~ білӓн ~ білӓ. . .*, представляющим собой форму «слитного» деепричастия от *бірлӓ-* ‘соединять’, ‘объединять’.

Каш ‘бровь’, ‘берег’, ‘край’ (др.-тюрк.) — др.-тюрк. *су кашїнда* ‘у воды’; ст.-узб. *бізнің кашїмізҕа* ‘к нам’; казах., к.-калп., ног. *ӱј(дің) касĭна* ‘к дому’; ног. *ӱј(дің) касĭннан* ‘от дома’, ‘мимо дома (проходить)’; туркм. *дӭнің ҕашїна* ‘к тебе’, ‘перед тобой’; узб. *уј-їӭлар кэшіда* ‘при домах’; уйг. *мактапниң*

[81] См.: *Чоммадов О.* Диалект ата туркменского языка, с. 24.
[82] См.: *Хыдыров М. Н.* Послелоглар ве оларың уланылышлары, с. 43.
[83] Там же, с. 28.
[84] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1971, 10, с. 119.
[85] О сочетании послелога *јӭрлі* с формами местного и исходного падежей см.: *Магомедов А.* Послеложное управление в современном кумыкском литературном языке, с. 22, прим. 15.
[86] См.: Изысканный дар. . ., с. 240.
[87] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта, с. 118.

кәшіdін ‘от школы’, ‘мимо школы (проходить)’; хак. *талај хазїнда* ‘на берегу моря’, ‘у моря’, *суғ хазїнзар* ‘к воде’.

Кїdїғ (др.-тюрк., тув.), *кїтї* (якут.) ‘берег’, ‘край’ — тув. *хәм кїdїнчә* ‘к реке’; шор. *уjазїнїң кїjїна* ‘к его гнезду’; якут. *күөл кїтїтїғар* ‘у озера’.

Кїjїғ ‘край’, ‘срез’, ‘откос’ (тув.) — *орук кїjїнда* ‘у дороги’.

Кїр ‘срез, грань’, ‘плоскогорье, хребет’ (др.-тюрк., тув., шор.), ‘грань’, ‘край, кромка’, ‘шов’ (алт.), *хїрїғ* ‘берег’, ‘край’, ‘граница’ (хак. сагайск.), *хїрїj* ‘каемка’ (хак. кызыльск.), *кїрїj* ‘край’ (кум.), *кїрїғ* ‘край’ (ст.-узб.) — башк. *авїл кїрїна*, хак. *ăл хїрінзар* ‘к селению’; кум. *ӱjнӱ кїрїjїнда* ‘около дома’; тув. *ӛзӛр кїрїнда* ‘в седле’, *шала кїрїнда* ‘на полу’, *хăржаk кїрїндан* ‘с ящика’, *пӛчка кїрїнчә* ‘на печку’; хак. *пӱрїҕӛктӛрнїң хїрінда* ‘около волков’, *їзїk хїрінаң* ‘от двери’; шор. *таш кїрїjїна* ‘у камня’.

Коjїн ‘пазуха’, ‘лоно’ (алт.) — *д'ол коjїнїнда* ‘около дороги’.

Кур (?) Предполагаемое значение — «образ», «способ», «случай», «обстоятельство», «время». *Күрлї* (к.-калп.), *курдӱ* (кирг.) ‘соответствующий’, ‘подобный’ — казах. *сӛн күрлї(м)*, кирг. *сӛн курду*, к.-калп. *сӛн күрлї* ‘с тебя’, ‘как ты (по возрасту)’; казах. *бала күрлї* ‘как ребенок’.[88]

Кәδ ~ кәд ~ кәт ~ кәj (др.-тюрк.), *кіjін* (алт.), *кәлін* (якут.) ‘зад’, ‘задняя часть’ — 1) алт. *д'урттїң кіjініндә*, хак. *ăлнїң кістїндә*, шор. *ăл кәстіндә* ‘за селением’; алт. (диал.) *стол кіjіндә*,[89] шор. *столдїң кәстіндә* ‘(сидя) за столом’; алт. *д'урттїң кіjінінәң* ‘из-за селения’; узб. *арава кәтіда* ‘позади телеги’; чулым. *ӛжік кәстіндін* ‘из-за двери’;[90] шор. *тағ кәстінәң* ‘из-за горы’; 2) алт. *бір конғон кіjініндә* ‘через сутки’, *д'ăнаzінїң кіjінінәң* ‘вслед за своей бабушкой’, *бӧрӱнің кіjінінәң* ‘вслед за волком’; узб. *унің кәтідан* ‘вслед за ним’; якут. *ол кәннітән* ‘после того’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: др.-тюрк. *мәніңдін кәдін*, кирг. *мәндӛн кіjін* ‘после меня’; ст.-узб. *ӱч күндін кәjін* ‘через три дня’; казах., к.-калп. *бїр жїлдан кәjїн* ‘через год’, ‘спустя год’; казах. *кәлгәннӛн кәjїн*, кирг. *кәлгӛндӛн кіjін*, узб. *кәлгандан кәjін*, уйг. *кәлгәндін кәjін* ‘после того как пришел’; узб. *сіздан кәjін* ‘после вас’; узб. (диал.) *шуннăн кәтін* (*кәгін ~ кін*) ‘после этого’;[91] уйг. *андін кәjін*, якут. *онтон кәлін* ‘после этого’, ‘затем’.

Отражениями общетюркского δ в разных тюркских языках явились *д*, *т*, *з*, *с*, *j*. Для узбекского языка характерно отражение его в виде *j*, поэтому закономерно развившейся из *кәδ* формой следует считать не *кәт*, а *кәj*, ср.: узб. *кәjін*. Что касается разновидности с *т*, то ее наличие в узбекском языке, учитывая многообразие и многотипность местных диалектов, можно объяснить как следствие проникновения в литературный язык редкой диалектной формы.

Неясно, в каком отношении к др.-тюрк. *кәδ ~ кәд ~ кәj* находится др.-тюрк. *кәсрә* ‘после’ (*анта кәсрә* ‘после этого’, КТб$_4$) и якут. *кәлін*. Напомним, что К. Брокельман в свое время пришел к выводу, что корнем во всех приведенных выше словоформах следует считать *кі ~ кә*: в древнетюркских текстах встречается наречие *кін*, которое, по его мнению, мы не вправе рассматривать как стяженную разновидность *кәjін*, так как в древнетюркском языке еще не было перехода δ в *j*.[92]

Кәп ‘оболочка’, ‘форма’ (др.-тюрк.), ‘форма’, ‘маска’, ‘чучело’ (кирг.), *кәптӱ* ‘имеющий форму’, ‘подобный’ (алт.) — др.-тюрк. *кушлар кәбі* ‘подобно птицам’; азерб. *нізә кімі* ‘как копье’, *ушағлїғда олдуғу кімі* ‘как в детстве’; алт. *таjға кәптӱ* ‘с гору’, *салкїн кәптӱ* ‘словно ветер’; гаг. *дал гібі* ‘как ветка’; башк. *тімїр кївїк* ‘подобно железу’; кар. *отну кібік* ‘как огонь’, *сәнің күбік* (*~ күбӱк ~ кібік*) ‘подобно тебе’; карач.-балк. *ӛшӛк кібік* ‘как осел’; к.-калп. *гәвһар кївї* ‘подобно жемчугу’; кум. *сәні jімік* ‘подобно тебе’, ‘как ты’, *jїлан jімік* ‘подобно змее’; тат. *куjан кївїк* (> *кївїк* > *күк*)[93] ‘как заяц’; тур. *бал гібі* ‘как мед’; туркм. *ӛзӛн кібі* (*~ кімїн*), узб. *сӛн кабі* ‘как ты’; уйг. *адәм кәбі* ‘как человек’.

Данный послелог примечателен своей многовариантностью, ср.: др.-тюрк. *кәбі*, *кәбін*,[94] башк. *кїjїк ~ күбїк ~ күк*,[95] азерб. *кімі*, гаг. *гібі*, кар. *кібік ~ күбік*, карач.-балк. *кібік*, кум. *jімік*, тат. *кїбі ~ кївїк ~ күк*, туркм. *кімїн*. Сюда же мы относим и ст.-узб. *бікін*, как вариант, появившийся вследствие метатезы (*кәбін* > *бікін*): *jағмур бікін* ‘подобно дождю’, *мунуң бікін* ‘подобно этому’. Вариант с конечным *к* (*кібік ~ күбүк*), возможно, включает в себя усилительно-выделительную частицу *ок* или же является формой уменьшительности. Алт. *кәптӱ* — относительное прилагательное от *кәп*.

Выступая с причастием типа *гәлән*, в азербайджанском языке послелог *кімі* передает значение «как только», «после того как»: *отуран кімі* ‘как только сел’.

В карачаево-балкарском языке данный послелог образует аналитическую форму неполноты признака прилагательных: *кїзїл кібік* ‘красноватый’, *ак кібік* ‘беловатый’.[96]

Послелог *кәбі*. . . используется для выражения качественного и внешнего (по форме) подобия в отличие от послелога *кадар*, чаще указывающего на сходство в отношении размера, объема или количества, например: крым.-тат. *бір сат кадар*, ног. *бір сә'ат кадәр*, узб. *бір соат кадар* ‘с час’, ‘около часа’; тат. *тав кадәр* ‘с гору’; тур. *ӛв кадар* ‘с дом (величиной)’, *бір ај кадар* ‘с месяц’, *анлајаjак кадар* ‘настолько, чтобы понимать’; узб. *шу кадар* ‘до того, до такой степени’, *мумкін кадар* ‘насколько возможно’. Кроме того, управляя дательным падежом, послелог *кадар*. . . выражает значения пространственного и временного предела: азерб. *тәпәдән дїрнаға ғәдәр* букв. ‘от макушки до ногтей’, *сат бӛшӛ ғәдәр* ‘до пяти часов’; гаг. *бана кадар* ‘до меня’; кум. *jігірмаға кадар* ‘до двадцати’; ног. *таңға кадәр* ‘до рассвета’; тат. *шәһәргә кадәр*, тур. *шәһрӛ кадар* ‘до города’; тат. *кичкә кадәр* ‘до вечера’; тур. *бугӱнӛ кадар* ‘до сегодняшнего дня’; узб. *Озарбаjҷонга кадар* ‘до Азербайджана’, *соат учга кадар* ‘до трех часов’; уйг. *Москваға кәдәр* ‘до Москвы’, *мошу күнгә кәдәр* ‘до сих пор’. В этом значении послелог *кәбі ~ кімі*. . . используется, пожалуй, только в азербайджанском языке, ср.: *сәһәрә кімі* ‘до утра’, *ахшама кімі* ‘до вечера’.

По степени использования послелог *кәбі ~ кімі*. . . намного превосходит другие уподобительные послелоги и отличается от них широтой употребления в сочетании с причастиями: азерб. *утанӱрмӱш кімі* ‘словно стыдясь’; кум. *біз ајтған jімік* ‘как сказали мы’; тат. *jїрактан ишетїлгән кївїк* ‘как послышавшийся издалека’; тур. *биліндиjі гібі* ‘как известно’, *билдирдиjі гібі* ‘как сообщает он’, *білмӛз гібі соруjор* ‘спрашивает, как будто не знает’; узб. *бу hакіда ӛшітган кабі* ‘словно он слышал об этом’.

Кәрәк ‘дело’, ‘нужда’, ‘необходимость’ (алт.) — алт. *мәнің кәрәгімдә* ‘из-за меня’, *д'акшї іштәгән кәрәгіндә* ‘за хорошую работу’, *колхоздің іжі кәрәгіндә* ‘о работе колхоза’;[97] алт. (диал.) *аң кәрәндә* ‘из-за него’.[98]

Кӧз (др.-тюрк.) — хак. *чоннїң кӧзїнә* ‘при всех’.[99]

Кӧкрәк ‘грудь’ (шор.) — *устолдїң кӧкрәгінә* ‘к столу’.

Мәңзәш ‘подобие, сходство’ (туркм.) — *шуңа мәңзәш* ‘подобно этому’, ‘как этот’.

Оғур ‘время’, ‘обстоятельство’, ‘причина’, случай’ (др.-тюрк.) — 1) туркм. *кӧчәнің уғрунда* ‘на улице’, ‘вдоль улицы’; 2) — ; 3) др.-тюрк. *бәг оғрунда*

---

[88] См.: *Балакаев М. Б.* Глагольные словосочетания с послеложными именами, с. 10—11.
[89] См.: *Фисакова Г. Г.* Бачатско-телеутские тексты, поговорки и загадки. — Языки народов Сибири. Кемерово, 1977, с. 100.
[90] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II, с. 105.
[91] См.: *Алиев А. Ю.* Наманганская группа говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1975, с. 83.
[92] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 166.

[93] См.: *Тумашева Д. Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, б. 260.
[94] См.: *Мирзакаримова У.* Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». АКД. Ташкент, 1969, с. 34.
[95] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 59, 69.
[96] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 73.
[97] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940, с. 120, 229; *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке, с. 19.
[98] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта, с. 119.
[99] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 267.

‘благодаря беку’, *бор оӈрунта* ‘из-за вина’; азерб. *ӷадӣн азадлӣӷӣ уӈрунда* ‘за свободу женщин’; тур. *онун оӈруна* ‘ради него’; туркм. *ӣшің уӈруна* ‘по работе’, *бідің уӈрумӱдда* ‘за нас’, ‘ради нас’, *ӧдунӣң уӈруна* ‘по дрова’.

Одош ‘противоположная сторона’ (алт.) — *ӛжік одожӧнаӈ* ‘с противоположной от двери стороны’, *бістің одожӧбіста* ‘напротив нас’.

Озарінда см. *сарї*.

Озарінӈа см. *сарї*.

Орӣн ~ орун ‘место’ (др.-тюрк.) — ст.-узб. *су орнїӈа* ‘вместо воды’, *шäкäр орнїна* ‘вместо сахара’; алт. *тоннің ордїна* ‘вместо шубы’; казах. *с орнӣ̆на ш* ‘ш вместо с’; кар. *будај орнуна* ‘вместо пшеницы’; карач.-балк. *анї орнуна*, кум. *ону орнуна*, тув. *ӧң орнунӈа* ‘вместо него’; ног. *акша орнӣ̆на* ‘вместо денег’; тат. *ат урӣ̆нӣ̆на* ‘вместо лошади’; узб. *ҳӱкіз ӱрніга* ‘вместо быка’; хак. *анің позї ӆсчӱң німӛнӣ̆ң орнїна* ‘вместо того, что он пил сам’.

Орта ‘середина’ (др.-тюрк.) — 1) азерб. *отаӷӣн ортасїнда* ‘посередине комнаты’; алт. *ӧлӧңдӧрдің ортозїнда* ‘среди трав’, *ӛкі д'ардї ортозїнда* ‘между его двумя лопатками’; башк. *авӣ̆лдӣ̆ң уртаӈӣ̆на* ‘в середину аула’; казах., к.-калп. *жол(дӣ̆ң) ортасӣ̆нда*, кум. *јолну ортасїнда* ‘посередине дороги’, ‘в середине пути’; карач.-балк. *арбазнї ортасїна* ‘в середину двора’; ног. *кӣсӣ̆лӛр(дӣ̆ң) ортасӣ̆нда* ‘среди людей’; тат. *урам уртасӣ̆ннан* ‘с середины улицы’; тув. *хӛмнің ортузунда* ‘посередине реки’; туркм. *ховлїнің ортасїнда*, узб. *ҳовлінің ӱртасіда* ‘посередине двора’; хак. *ӣкӣ̆ аӷастің ортїзында* ‘между двумя деревьями’; шор. *сас ортазїнда* ‘посередине болота’; 2) ст.-узб. *тӱн ортасїда*, тат. *төн уртасӣ̆нда*, тув. *дӱн ортузунда* ‘среди ночи’, ‘в полночь’; азерб. *кечän äсрін орталарїнда* ‘в середине прошлого века’; к.-калп. *жаздӣ̆ң ортасӣ̆нда* ‘среди лета’; туркм. *äйің орталарїнда* ‘в середине месяца’; якут. *ӈону ортотунан* ‘среди его людей’.

Осхас см. *охшаш*.

Охшаш (ст.-узб.), *ошкош* (алт.), *ош* (алт. диал.), *осхас* (хак.) ‘похожий’, ‘подобный’ — алт. *сӛн ошкош* ‘как ты’, *тӛмір ошкош* ‘как железо’; алт. (диал.) *пал(а) ош* ‘как ребенок’;[100] тув. *чӣда ӣшкаш* ‘подобно копью’; хак. *пулуттар осхас* ‘как облака’; шор. *абам ошкаш* ‘как мой отец’.

В сочетании с причастием на *-ӷан охшаш. . .* выступает как вводное слово, ср.: алт. *кӛлгӛн ошкош*, хак. *кілгӛн осхас* ‘кажется, он пришел’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: карач.-балк. *саӈа* (~ *сӛӈӛ*) *ушаш* ‘как ты’; уйг. *шуниӈа охшаш* ‘подобно этому’; тув. *мӛӈӛ ӣшкаш* ‘подобно мне’.

Очаӷїнда см. *чак*.

Ош см. *охшаш*.

Ошкаш см. *охшаш*.

Ошкош см. *охшаш*.

Өң ‘перед’ (др.-тюрк.) — 1) др.-тюрк. *тіш өңӱнтä* ‘перед зубами’, *мäлікнің өңіндä* ‘перед царем’, *сізнің өңӱңӱздä* ‘перед вами’; азерб. *сöз өнӱндä* ‘перед словом’, *гöзläрі өнӱндän* ‘перед его глазами’; гаг. *ӛвін өнӱнä*, туркм. *öйӱң өңӱнӛ* ‘к дому’; гаг. *капусунун өнӱндän* ‘от его двери’, ‘мимо его двери’; тур. *гöз өнӱнӛ* ‘к глазам’, *ӛвін өнӱндӛ* ‘перед домом’; туркм. *öйӱң өңӱндӛн* ‘перед домом’, ‘мимо дома’; 2) — ; 3) тур. *канун өнӱндӛ* ‘перед законом’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: др.-тюрк. *ӧлӱмдін өң* ‘перед смертью’; тур. *бүкдан бір гӱн өнӱ̈ӛ* ‘за день до этого’, *онлара гӛлмӛдӛн өнӱ̈ӛ* ‘прежде чем прийти к ним’; туркм. *мундан өң* ‘до этого’, ‘перед этим’.

Сан ‘число’ (др.-тюрк., тув.) — карач.-балк. *ӱӆл санї* ‘каждый год’; тув. *кіжі санїнда* ‘у каждого человека’, *хӱн санїнда* ‘каждый день’, *кіжі санїндан* ‘от каждого человека’.

Сарї ‘сторона’ (др.-тюрк.) — 1) др.-тюрк. *таң сарїӈа* ‘в сторону зари’, ‘на восток’; ст.-узб. *Хорасан сарї* ‘в Хорасан’, *сӛнің сарї* ‘к тебе’; алт. (диал.) *мін зā* ‘ко мне’, *кӧл зā* ‘в дупло’, *ӱг зā* ‘в дом’;[101] кар. *орман сарїн* ‘в лесу’, *орам сартїн* ‘через улицу’, *тӛшік сарїн* ‘через отверстие’; туркм. *гӱнбатар ӛарї* ‘на запад’, *бідің ӛарї* ‘к нам’; узб. *шаҳар сарі* ‘к городу’, ‘в сторону города’; шор. *тајӷа сартїн* ‘в направлении тайги’, *тӛгрі сāра* ‘в сторону неба’, *көл сāра* ‘к озеру’; 2) —; 3) азерб. *кітаб сарїдаӈ* ‘в отношении книг’; кар. *алар сартїн* ‘из-за них’; карач.-балк. *ајтханнї сартїн(дан)* ‘из-за того, что сказал’, *мӛні сартїн(ӈа)* ‘по-моему’; тат. (диал.) *сінӣ̆ң сартӣ̆н* ‘из-за тебя’;[102] узб. *јаңі ӷалабалар сарі* ‘к новым победам’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: ст.-азерб. *ӛвä сару* ‘к дому’;[103] азерб. *пäнӆäрäлäрä сарї* ‘к окнам’.

Ср. также в сочетании с формой исходного падежа: азерб. (диал.) *ушаӷдаӈ сарї* ‘из-за ребенка’.[104]

В туркменском, узбекском и уйгурском языках встречаются случаи контаминации *сарї* с послелогом *сајін*, главным образом в сочетаниях с глагольными именами, например: туркм. *гӱн гӛчдігі ӛарї* ‘с каждым днем’ (~ *гӱн гӛчдігі ӛајї*), *аӛмāн ӛарї* ‘на небо’ (~ *аӛмāн ӛајї*);[105] узб. *Тэшкӛнтга јакінлашганіміз сарі* ‘по мере того, как мы приближались к Ташкенту’, *бу кітӛбні ӱкіган сарі ӱкігің кӛладі* ‘чем больше читаешь эту книгу, тем больше хочется читать [ее]’; уйг. *барӷан сірі* ‘все более и более’, ‘чем дальше, тем больше’.

В караимском языке, по-видимому, произошло смешение послелога *сарї* с послелогом *соңра*, ср.: *андаӈ сортун* ‘после того’. К. М. Мусаев рассматривает *сортун* как архаическую форму послелога *соң*.[106]

Из сочетания *сарї* в форме пространственных падежей с указательным местоимением *ол* в хакасском языке образовались послелоги *озарінда*, *озарінӈа* ‘по ту сторону‘, ‘за’: *суӷ озарінда* ‘за рекой’.

Существует несколько этимологий послелога *сарї*, одна из которых принадлежит К. Брокельману.[107] Наличие нескольких послелогов, имеющих, на первый взгляд, сходную морфологическую структуру, ср.: ст.-узб. *сарї* (*са-рї*), кар. *јарї* (*ја-рї*), алт. *д'āрї* (*д'ā-рї*), и близкого по своему внешнему облику аффикса дательно-направительного падежа *-карї* (*-ка-рї*) в древнетюркском языке побуждает некоторых тюркологов рассматривать *сарї* как форму древнего направительного падежа на *-рї ~ -ру*.[108] Убедительных фактов, прямо или косвенно указывающих на допустимость членения приведенных словоформ и аффикса *-карї*, а также на существование в тюркских языках аффикса направительного падежа *-рї ~ -ру*,[109] в распоряжении тюркологов нет. Этимология послелога *јарї*, используемого в караимском языке, не вполне ясна. Все же можно привести лексические параллели, проясняющие ее, ср.: ст.-узб. *саӷ јару* ‘в правую сторону’, *сол јару* ‘в левую сторону’, *дӧрт јару* ‘четыре стороны’ (СК 42, 48); карач.-балк. *ӆарї* ‘сторона’. Что касается алт. *д'āр*, алт. (диал.) *т'āрї*,[110] то в нем нетрудно увидеть форму «слитного» деепричастия от *д'аӷӣр- ~ д'аӷур-* (форма понудительного залога от *д'аӷӣ- ~ д'аӷу-* ‘подходить, приближаться’; др.-тюрк. *јаӷӣ- ~ јаӷу-*).

Сӣ̆јак ‘внешность’. ‘внешний вид человека’ (к.-калп.), *сїјак* ‘лицо’, ‘внешность’ (кирг.), *сӣ̆јакӆӣ̆* (к.-калп.), *сӣ̆јактӣ̆* (казах.), *сїјактӯ* (кирг.) ‘подобный’. Как и во многих других случаях, в служебной функции выступает форма относительного прилагательного. Примеры: казах. *солар сӣ̆јактӣ̆* ‘вроде тех’, ‘как те’; кирг. *өлӱк сїјактӯ*, к.-калп. *өлӱ̆к сӣ̆јакӆӣ̆* ‘как мертвый’.

---

[100] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта, с. 119.

[101] См.: *Баскаков Н. А.* Спряжение глагола в кумандинском диалекте алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1969, 8, с. 100, 107.

[102] См.: Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, б. 363.

[103] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокиjасы, с. 301.

[104] См.: *Джафарзаде М. М.* Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 21.

[105] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 411.

[106] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 321.

[107] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 171. Краткий обзор этимологий см. в раб.: *Шүкүров Ә.* Азәрбајчан дилиндә *сары* гошмасының инкишафы тарихи. — Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та. Сер. яз. и лит., 1977, № 4, с. 27—28.

[108] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя), с. 44.

[109] См., например: *Зејналов Ф.* Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Бакы, 1971, с. 103.

[110] См.: *Фисакова Г. Г.* Послелоги в языке бачатских телеутов. — СТ, 1977, № 1, с. 91—92.

Сӗjak — глагольное имя, *сӗ-* — «быть подобным», «походить». В каракалпакском языке глагол *сӗ-* отсутствует, однако он был обнаружен Э. В. Севортяном в сельджукских стихах, изданных В. В. Радловым.[111] Другое глагольное имя, в основе которого также *сӗ-* — *сӗкӗл* 'внешность', 'внешний вид', *сӗкӗллӗ* 'подобный, похожий' (к.-калп.), ср.: казах. *maj сӗкӗлдӗ* 'как масло'; к. калп. *кӓлгӓн сӗкӗллӗ* 'как будто пришел'. Глагольная основа *сӗ-* обнаруживается еще в нескольких именах, ставших послелогами или морфологическими показателями: *сӗмак* (кирг.), *сӗмак* (казах., к.-калп.), *һӗмак* (башк.), *сӗман* (тат.), *һӗнлӗ* (башк.) *сіңарі* (узб.), *сӗндӗҙ* (чулым.). Примеры: башк. *баланӑ һӗмак* 'подобно его ребенку'; казах. *көлсӗмак* 'как озеро', 'вроде озера'; кирг. *кіші сӗмак* 'как человек'; к.-калп. *жӣгӣт сӗмак* 'подобно джигиту'; тат. *аккӧш сӗман* 'словно лебедь', *ӧjалҕан сӗман* 'словно устыдившийся'; узб. *кумуш сіңарі* 'как серебро', *мӛнің сіңарі* 'подобно мне'; чулым. *маҙа сӗндӗҙ* 'как лягушка', *адаj сӗндӗҙ* 'как собака'.[112] Чулым. *сӗндӗҙ* — относительное прилагательное от *сӗн* 'внешность' (ср.: башк. *һӗнлӗ* 'стройный'), а узб. *сіңарі* может рассматриваться как древняя форма дательно-направительного падежа того же слова.

Сӗрт (казах.), *сірт* (узб.) 'внешняя, наружная сторона', *сӗрт* 'задняя часть', 'возвышенность, гряда' (туркм.) — 1) алт. (диал.) *ӱг сӗртӣнда* (~ *зӗртӣнда*) 'над домом';[113] казах., к.-калп., ног. *ӱj(дӗң) сӗртӣнде* 'за дом', 'за пределы дома'; казах. *ӱj(дӗң) сӗртӣнда* 'вне дома'; к.-калп. *ӱj(дӗң) сӗртӣнан* 'извне', 'из-за дома'; тат. (диал.) *мійӗц сӗрт* 'за печкой';[114] туркм. *столуң дӱртӣнда* 'за столом', *ҕапӣнің дӱртіндан* 'из-за двери'; 2) —; 3) к.-калп. *койлардӗң сӗртӣнан бак-* 'присматривать за овцами'.[115]

Соң 'конец' (др.-тюрк.) — 1) хак. *от сӧна* 'за огонь', 'позади огня'; 2) др.-тюрк. *мӛнің соңда* 'за мной', 'после меня'; ст.-узб. *бізнің соңімізча* 'вслед за нами'; тув. *оларнің сӧндан* 'вслед за ними'; хак. *көк ӈнӛктің сӧңа* 'вслед за синей коровой', *ол сӧстӛрнің сӧнаң* 'после тех слов'; шор. *аң сонча* (< *соңунча*) 'вслед за ним'; 3) др.-тюрк. *ӱкӱш тӣлтаҕлар соңында* 'вследствие многих причин' (Suv 367_8).

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: др.-тюрк. *уjкудан соң* 'после сна'; башк. *біш jӣлдан һуң*, казах. *бӛс жӣлдан соң*, туркм. *баш jӣлдан доң* 'через пять лет', 'спустя пять лет'; кирг. *чаjдан соң* 'после чая'; к.-калп. *бӱннан соң*, ног. *мӱннан соң*, узб. *бундан сӱң* 'после этого'; кум. *ішдӛн соң* 'после работы'; тув. *мӧн соңҕар* 'после этого', 'больше этого'; шор. *анаң сӧнда* 'после того'.

Имена, в особенности глагольные, в сочетании с послелогом *соң* могут выступать и без аффикса исходного падежа: алт. *кӓлгӓн сӧңдо* (< *соңӣнда*), казах., крым.-тат. *кӛлгӛн(нӛн ~ дӛн) соң*, кар. *кӛлгӛндӛн сон*, кум. *гӛлгӛн(дӛн) соң*, тув. *кӓлгӓн сӧнда*, хак. *кілгӛн сӧнда* 'после того как пришел'; туркм. *ондоң* 'после того', 'потом'; туркм. (диал.) *гідӛндӛң* 'после того как ушел'.[116]

Сілтӛв (узб.), *сӗлтав* (ног.), *сӑлдав* (чуваш.), *сілтаҕ* (хак.), *һӗлтав* (башк.), *шӣлтаҕ* (алт., шор.), *чӣлтак* (кирг. диал.) 'повод, предлог, причина' — алт. *сӛнің шӣлтӣңда* 'из-за тебя', 'ради тебя'; хак. *анің полізі сілтӑнда* 'благодаря его помощи'; шор. *анің шӣлтӑнда* 'благодаря ему'.

Таг 'низ', 'нижняя часть' (узб.) — узб. *joҕоч тагіга* 'под дерево', *кӱprік тагідан* 'из-под моста'; уйг. *алма тәгідә* 'под яблоней'.

Тапіҕ ~ тапуҕ 'служба', 'услужение' (др.-тюрк.) — др.-тюрк. *чәрігнің тапукларїда* 'перед войском' (ЛОК 17_5); ст.-узб. *хуш таб'лар тапуҕїда* 'при добропорядочных'.

Послелог *тапуҕїда* и по служебному, и по исходному лексическому значению почти полностью соответствует староузбекскому послелогу *хізматїда*,

[111] Подробнее об этом см.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981, с. 165—166.
[112] См.: *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка, II, с. 103.
[113] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта, с. 118.
[114] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 60.
[115] См.: Хәзирги қарақалпақ тили, I. Морфология. Нөкис, 1974, б. 257.
[116] См.: *Шамурадов К.* Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 22.

ср.: *'Абдурраһман Ҷамі хізматїда* 'при Абдуррахмане Джами'. Ср. также: ст.-узб. *пір хідматіҕа* 'к пиру', *атасінің хідматіҕа* 'к его отцу'.

Таш ~ тӣш 'внешняя, наружная сторона', *ташкарї ~ тӣшкарї* — древняя форма дательно-направительного падежа (др.-тюрк.) — 1) алт. *аjілдің тӣштінаң* 'из-за пределов селения'; башк. *кала тӣшӣна*, кум. *каланї тӣшіна* 'за город'; тув. *бажің даштінда*, туркм. *öjüң дашїнда*, тур. *ӛвін дїшїнда, ӛв дїшарїсїнда* 'вне дома'; хак. *ӑлнің тастінда* 'за пределами селения'; шор. *тајҕанің таштіна* 'за пределы тайги'; 2) —; 3) тур. *бунун дїшїнда* 'кроме того', *істісна дїшїнда* 'за исключением'.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: ст.-узб. *баҕдін ташкарї* 'вне сада', *һаддін ташкарї* 'сверх меры'; башк. *сіраттан тӣш* 'вне очереди', *һінән тӣш* 'кроме тебя'; к.-калп. *каладан тӣскарӣ* 'за пределы города'; кирг. *мїндан тїшкарї*, туркм. *мундан дашарї*, узб. *бундан ташкарі*, уйг. *бунің-дін ташкірі* 'кроме этого', 'сверх этого'; тат. *планнан тӣш* 'сверх плана'.

С формой исходного падежа сочетаются также послелог *дӑшҕїн* в туркменском языке и послелог *тастїх* в хакасском: туркм. *пландан дӑшҕїн* 'сверх плана'; хак. *ӑлдаң тастїх* 'в стороне от селения'.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: алт. *шӱрҕанҕа тӣшкарї* 'из-за вьюги'.

Тӓпӓ (азерб.), *төпӱ* (др.-тюрк.), *төбә* (казах.) 'темя', 'макушка', 'вершина', 'возвышенность, холм' — казах. *ӱjдің төбәсінә* 'на дом'; к.-калп. *тамнің төбәсінә* 'на крышу'; туркм. *дӑҕің дәпәдіндә* 'на горе'; узб. *тоҕ(нің) тәпасіга* 'на гору', *стол тәпасіда* 'на столе', 'над столом'.

Тәң 'количество, мера', *тәңліг* 'имеющий меру', 'подобный' (др.-тюрк.) — тур. *інсан дәнлі* 'в такой же мере как человек'.

Тїш см. *таш*.

Тӧ 'число, количество', 'счет' (алт.) — *д'їл тӧзїна* 'в течение года'.

Төвәрәк (туркм.), *төгәрәк* (карач.-балк.), *түңәрәк* (башк.) 'круг, окружность' — казах. *ӱjдің төңірәгіндә*, карач.-балк. *ӱjnӱ төгәрәгіндә*, туркм. *öjüң төвәрәгіндә* 'вокруг дома'; к.-калп. *авӣлдің дөгәрәгіндә* 'вокруг селения'.

Төз 'корень', 'основа' (др.-тюрк.) — алт. *тајҕанің төзіндә* 'у тайги'; хак. *хаjа төзіндә* 'у скалы'; шор. *кавің төзүндә* 'у березы', *алтін тајҕа төзүнӊ* 'от золотой тайги'.

Туркун (алт.), *турҕун* (узб.) 'постоянный, устойчивый' — алт. *күн туркунїна* 'в течение дня', *алтан д'їлдің туркунїна* 'в течение 60 лет', 'за 60 лет'.

Туш 'противоположный' (др.-тюрк.) — алт. *мӛнің тужїмда* 'напротив меня'; к.-калп., ног. *ӱj(дӗң) түсінда*, тув. *бажің дужунда* 'напротив дома'; ног. *ӱj(дӗң) түсіннан* 'из противоположного дому места'; туркм. *кәрвәнің дӱшуна* 'к каравану'.

Түп 'дно', 'основание', 'низ' (др.-тюрк.) — 1) ст.-узб. *їҕачнің түбіндін* 'из-под дерева'; азерб. (диал.) *аҕаїн тібіндә* 'под деревом';[117] алт. *д'әр түбінәң*, карач.-балк. *їәрні түбүндән* 'из-под земли', 'из земли'; кар. *кәкләр тібінә* 'под небесами', *бурну түбүн* 'себе под нос'; казах. *су түбінә*, кум. *сувну түбүнә*, к.-калп. *сӱв(дӗң) түбінә* 'под воду', 'на дно'; ног. *аjактің түбіндә* 'под ногой'; тат. *кajін төбінә* 'под березу'; туркм. *дӑшің дӱjбүндә* 'под камнем'; уйг. *дәрәх түвідә* 'под деревом'; хак. *чір түбінзәр* 'в землю', 'под землю'; шор. *алтін устолдің түбүндә* 'у золотого стола', 'за золотым столом', *кірік катпаш түбүнӊ* 'из сорока комнат'; 2) —; 3) кум. *ону jолбашчілігі түбүндә* 'под его руководством'.[118]

Түjд 'лицо, физиономия' (туркм.), *төдлӧ* (башк.), *түjдлі* (туркм.) 'подобный, похожий' — тат. *кар төслӗ* 'как снег'; туркм. *дән түjдлі* 'как ты', 'подобно тебе'.

Уҕур см. *оҕур*.

Ужур 'суть, смысл', 'порядок', 'основание, причина' (тув.) — *хәj чӱвә ужурундан* 'из-за пустяков', *сӧк болҕан ужурунда* 'вследствие холодов'.

Узак 'далекий, дальний', 'длительный' (кум.) — *көп гүнлӛні узаҕїнда* 'в течение многих дней'.

[117] См.: *Szapszał H. S.* Próby literatury ludowej turków z Azerbajdżanu perskiego, s. 3.
[118] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 186.

Ӱск (?) — др.-тюрк. *анің ӱскінгӓ* ‘к нему’ (QBN 357$_{12}$), *барс ӱскінтӓ* ‘около тигрицы’ (Suv 616$_{10}$).

Ӱс(т) ‘верх’, ‘верхняя часть’ (др.-тюрк.) — 1) азерб. *көрпү ӱстүндӓн* ‘по мосту’; алт. *колімнің ӱстүнӟ* ‘на мою руку’, *ат ӱстүнӟң* ‘с коня’, ‘над конем’; гаг. *отлук ӱстүндӓ* ‘на сене’; казах. *тас(тің) ӱстінӟ*, карач.-балк. *таш ӱсӱнӟ*, тат. *таш өстенӓ*, туркм. *дашың ӱстүнӟ*, узб. *тош устіга* ‘на камень’; кар. *каз үснү* ‘на гуся’; карач.-балк. *ӷӛр ӱсӱндӛ*, кирг. *ӷӛр үстүндө* ‘на земле’; кум. *ӱйнӱ ӱстӱнӟ* ‘на дом’; тур. *масанїн үстүндӛн* ‘со стола’; хак. *чір ӱстӱнӟ* ‘на землю’, *пус ӱстӱнӷӛ* ‘по льду’, *тахта ӱстӱнӟң* ‘с моста’; 2) азерб. *ахшам-үстү*, гаг. *авшам üstü* ‘под вечер’; тат. (диал.) *кеш өстенӓн* ‘зимой’;[119] тур. *öjlä üstü* ‘около полудня’; узб. *эвкат устідан* ‘на обед’, ‘к обеду’; 3) азерб. *дүшмән üstünä* ‘на врага’, *мәріф üstünӟ* ‘относительно образования’; алт. *іштӛп алӷан аштің үстүнӟ* ‘кроме (~ сверх) заработанного хлеба’;[120] карач.-балк. *ӱйнӱ ӱсӱндӛн* ‘о доме’; тат. *шулар өстенӓ* ‘сверх того’, *бер ише өстендӓ* ‘над одним делом’, *аның өстенӓн* ‘относительно него’; тур. *dil üstünӟ* ‘по поводу языка’, ‘о языке’, *чаӷдаш кону üstünӟ* ‘на современную тему’; туркм. *оӱурлыӷың үстүндӛ* ‘на воровстве’, ‘из-за воровства’; узб. *бунің устіга* ‘сверх того’, *бітта макола устіда* ‘по поводу одной статьи’, *душман устідан* ‘над врагами’, *гап німа устіда* ‘о чем речь?’; уйг. *бірәр мәсілә üstidä* ‘над какой-либо проблемой’.

Ӱзәрі ~ үзәрі — древняя форма дательно-направительного падежа от *ӱс*, обособившаяся и присоединяющая к себе аффиксы пространственных падежей,[121] ср.: алт. *кәдәрі* (< ? *кәдгәрі* < *кәдәгәрі*) ‘в сторону’. Примеры: 1) азерб. *дашлар üzärinä* ‘на камни’; тур. *масанїн üzärindӛ* ‘на столе’; 2) тур. *акшам üzärі* ‘под вечер’; 3) гаг. *örnӛk üzärinä* ‘в виде примера’; тур. *карар üzärinӟ* ‘согласно решению’, *dil üzärinӟ* ‘по поводу языка’, ‘о языке’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: алт. *аjtканїма üzärі* ‘сверх сказанного мной’, *ӧ üzärі* ‘кроме того’, ‘сверх того’.

Ӱс входит и в состав послелога *ӱзрӓ*, который соотносится с ним, по-видимому, так же, как *асра* с *ас*, *кӛсрӓ* с *кӛд*, *ічрӓ* с *іч*, *ташра* с *таш*, *өңрӓ* с *өң*.[122]

Хажї ‘сторона’ (тув.) — *орук хажїзїнда* ‘в стороне от дороги’, *орук хажїзїнчӟ* ‘в сторону от дороги’.

Чама ‘предположение’, ‘приблизительный расчет’, ‘прикидка’ (узб.), *шамалы* ‘примерный, приблизительный’ (казах.) — казах. *ӛкі күн шамасы* ‘около двух дней’, *он шамалы koj* ‘около десяти овец’; туркм. *jарїм дӓӷат чӛмӛлӛрі* ‘примерно полчаса’; узб. *сэат учлар чамасі* ‘около трех часов’, *ўттіз jіл чамасі* ‘около тридцати лет’.

Чїлтаӷ см. *сїлтаӷ*.

Шїлтаӷ см. *сїлтаӷ*.

Б) Именные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме дательного падежа

Јаӷук (др.-тюрк.), *јувук* (кум.), *жўвўк* (казах.), *чӧк* (тув.) ‘близкий, расположенный вблизи’ — 1) алт. *д'олӷо д'ӱк* ‘около дороги’, ‘к дороге’; 2, 3) ст.-узб. *міңгӓ јавукча* ‘около тысячи’; алт. *ӛкі д'ілӷа д'ӱк*, казах. *ӛкі жылға жўвўк*, карач.-балк. *ӛкі ӷылӷа ӷувук*, кум. *ӛкі јылӷа јувук* ‘около двух лет’.

Ср. в сочетании с формами именительного и родительного падежей: кум. *ону јувуӷуна* ‘к нему’; тув. *ӛжік чӧӷунда* ‘у двери’, *хӛм чӧӷунчӟ* ‘к реке’, *мӛң чӧӷумдан* ‘от меня’.

Јаӷук — имя, образованное от глагольной основы *јаӷї-* ~ *јаӷу-* ‘подходить, приближаться’, которая в свою очередь образовалась от существительного *јак* ‘сторона’ при помощи глаголообразующего аффикса *-ї* ~ *-у*, ср.: др.-тюрк. *баjу-* ‘богатеть’ от *баj* ‘богатый’, *бошу-* ‘освобождаться’ от *бош* ‘свободный’, ‘вольный’.

Јакїн ‘близкий, находящийся вблизи’ (др.-тюрк.) — 1) узб. *јузіга јакін* ‘к лицу’; 2) казах. *кәшкә жақын*, узб. *кечга јакін* ‘к вечеру’, ‘под вечер’; уйг. *кішка jәkін* ‘к зиме’; 3) азерб. *јүзә јахын*, туркм. *јүдә јакын* ‘около ста’; башк. *унӷа јакын* ‘около десяти’; узб. *бәш јузга јакін* ‘около пятисот’; уйг. *бір ӷылӷа jәkін* ‘до года’; хак. *муңа чаӷын* ‘около тысячи’; чуваш. *с'ӗр с'ӗнна јаӷӑн* ‘около ста человек’.

Јакїн — форма творительного падежа от *јак* ‘сторона’.

Таман ‘сторона’ (казах.) — 1) *бұл жаққа таман* ‘в эту сторону’; 2) *кәшкә таман* ‘к вечеру’.

Тартїм — глагольное имя, *тарт-* ‘тянуть, тащить’ (башк. диал.) — *јаӷа тартым* ‘к весне’,[123] *таңӷа тартым* ‘перед зарей’.

Хӓт ‘граница, предел’ (< ар. حد), *хӓтлы* ‘имеющий предел’, ‘ограниченный’ (тат.) — 1) тат. *бакча артына хӓтлы* ‘до конца сада’; 2) башк. *бөгөнгә хәтлы(м)* ‘до сегодняшнего дня’; тат. *іртәдән кичкә хӓтлы* ‘с утра до вечера’.

Ср. в сочетании с формами именительного и родительного падежей: тат. *сінің хӓтлі(м)* ‘с тебя (ростом)’, *чүпчык башы хӓтлы* ‘с голову воробья’, *мөмкін хӓтлы* ‘насколько возможно’.

Чак ~ чаӷ ‘время, пора’, ‘мера’, ‘предел’, *чаӷлы(ӷ)* ‘подобный’ (ст.-узб.) — 1) башк. (диал.) *тавӷа шажы* ‘до горы’;[124] 2) азерб. *сәһәрәчаӷ* ‘до утра’, *ӷышачаӷ* ‘до зимы’; башк. *іртәгә саклы* ‘до утра’; тат. *бүгенгӛ чаклы* ‘до этого года’; 3) азерб. (диал.) *ахырынаҷан* (< ? *ахырына чаӷын*) ‘до конца’;[125] башк. *Әсмәгә саклы(м)* ‘вплоть до Асмы’, ‘даже Асма’.[126]

Ср. в сочетании с формами именительного и родительного падежей: ст.-узб. *бір каз јумуртасі чаӷлы* ‘с яйцо гуся’; азерб. (диал.) *сән чәлі*,[127] башк. (диал.) *нинең шәктә*[128] ‘как ты’, *унең шажы* ‘как он’;[129] башк. *тав саклы* ‘с гору’; казах. *бәш шақтай* ‘около пяти’; карач.-балк. *ӱj чаклы* ‘как дом’, ‘с дом’, *ӱч ӷыл чаклы* ‘около трех лет’; кум. *кашык чакі* ‘с ложку’, *гәлгән чакі* ‘вместо того чтобы прийти’; узб. *jігірма чоӷлі* ‘около двадцати’.

В карачаево-балкарском языке рассматриваемый послелог сочетается с формами именительного, родительного и дательного падежей, в кумыкском языке — со всеми падежными формами, кроме формы исходного падежа, при сохранении последними их собственных значений.

К послелогам *чаӷ ~ чак*, *чаӷлы(ӷ) ~ чаклы(ӷ)* восходит аффикс-послелог *-ча*: алт. *касча* ‘с гуся’; тув. *он шӑ* ‘около десяти’; узб. *бір јілча* ‘с год’; хак. *тасча* ‘с камень’, *өртәкчӟ* ‘с утку’. Ср. также: тув. *хӛмчӟ* ‘к реке’, *мӛнчӟ* ‘ко мне’; хак. *хіраӷа* ‘по пашне’, *суӷа* ‘по воде’, *тігіӷӟ* ‘по небу’. Весьма вероятно, что наряду с послелогами *чаӷ ~ чак*, *чаӷлы(ӷ) ~ чаклы(ӷ)* источником образования приведенных выше и некоторых других форм был также послелог *чӛнлі*, ср.: туркм. *байрама чӛнлі* ‘до праздника’.

Чӛк (узб.), *сік* (башк.) ‘граница, предел’, *чӛклі* ‘ограниченный’, ‘имеющий предел’ (узб.) — башк. (диал.) *күлгә сікті* ‘до озера’;[130] башк. *сығанға сікті* ‘вплоть до цыган’,[131] *ікі көнгә сіклім* ‘до двух дней’.

**Чӛн* ‘время’, ‘мера, предел’, *чӛнлі* ‘относящийся к мере’, ‘предельный’, ‘подобный’ (по количеству или размеру) (туркм.) — 1) *ӧбӑ чӛнлі* ‘до селения’; 2) *ағшама чӛнлі* ‘до вечера’, *хачана чӛн* ‘до каких пор’; 3) *бір jүдӛ чӛнлі* ‘до ста, около ста’.[132]

---

[119] См.: *Сарманаева Д. М.* Диалектальные особенности языка среднеуральских татар. АКД, Казань, 1950, с. 11.
[120] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке, с. 32.
[121] См.: Там же, с. 22. Ср. у Н. К. Дмитриева: *ӱзәрі* < **өзгәрӱ* (**өз* ‘поверхность’). См.: *Дмитриев Н. К.* Служебные имена в турецком языке, с. 143.
[122] См. выше, в разделе «Наречие», с. 40.

[123] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 20.
[124] См.: *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, с. 60.
[125] См.: *Szapszał H. S.* Próby literatury ludowej turków z Azerbajdżanu perskiego, s. 6.
[126] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 86.
[127] См.: *Велиев А. Г.* Переходные говоры азербайджанского языка. АДД. Баку, 1975, с. 93.
[128] См.: *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка, с. 60.
[129] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 82.
[130] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 100.
[131] См.: *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка, с. 150.
[132] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 413—414.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: казах. *бұншәллӣ* ‘столько’; к.-калп. *авкаттӣ жәп болған шәллӣ* ‘до того как поели’; узб. (диал.) *вошінчәллі* ‘вот так’;[133] шор. *таҕ шәні(нчә)* ‘с гору’, ‘как гора’, *азіҕ шәні* ‘как медведь’, *кірік кіжі шәні* ‘около сорока человек’, *талај шәні* ‘как море’.

В) Именные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме исходного падежа

Аңҕӣ ‘раздельный, отдельный’ (тув.) — *ōн аңҕӣ(да)* ‘кроме того’, *аваңдан аңҕӣда* ‘кроме твоей матери’.

Андар < (?) *андағар* (древняя форма дательно-направительного падежа от *анда*) — хак. *анаң андар* ‘туда’, ‘дальше’, ‘затем’.

Артӣх ‘излишек, избыток’, ‘лишний’ (хак.) — азерб. *һамӣдан артӣҕ* ‘больше всех’; алт. *әртәзінәң әкі артӣк* ‘в два раза больше, чем прежде’; тув. *олардан артӣк* ‘больше их’, *ōн артӣк* ‘больше того’; туркм. *мундан артӣк* ‘больше этого’; узб. *һаддан эртік* ‘сверх меры’; уйг. *кірік адәмдін артук*, шор. *кірік кіжінәң артӣк* ‘более сорока человек’; хак. *аннаң артӣх* ‘больше того’.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: хак. *чӱс артīнаң* ‘более ста’ (*артӣх* в форме орудного падежа).

Арї ~ *ӓрі* см. *нарї*.

Атлам ‘ступень’, ‘степень’ (кар.) — *јарїм јүздән атлам* ‘свыше полусотни’.

Башка ‘другой, иной’ (др.-тюрк.) — азерб. *бундан башҕа*, алт. *мінаң башка*, башк. *бĭнан башка*, казах. *бұдан басқа*, к.-калп. *бұннан басқа*, карач.-балк. *мӥндан башха*, кирг. *мĭндан башка*, тув. *мōн башка*, тур. *бундан başka*, уйг. *буниңдін башка*, хак. *мінаң пасха*, шор. *мінаң пашка* ‘кроме этого’, ‘помимо этого’, ‘иначе’; крым.-тат. *бу јәрдән башка* ‘кроме этого места’; тат. *сінңән башка* ‘кроме тебя’; узб. *пахтадан бошка* ‘кроме хлопка’.

В чувашском языке данный послелог сочетается с формой лишительного падежа: *санăр пус'нӗ* ‘кроме тебя’.[134]

Бәрі ~ *бәрӱ* < **бу јәрі* ‘в эту сторону’, ‘сюда’ (др.-тюрк.), *пәрә* (?) < *пу јәрә* (шор.), *бәрлі* < **бу јәрлі* ‘относящийся к этому месту’ — 1) алт. *турадаң бәрі*, кум. *ӱјдән бәрі* ‘по эту сторону дома’; шор. *кірдаң пәрә* ‘с горы’; 2) др.-тюрк. *баштан бәрӱ адакка тәгі* ‘от начала до конца’; ст.-азерб. *сән гәдәндән бәрлӱ* ‘с тех пор как ты ушел’;[135] ст.-узб. *ол күндін бәрӱ*, карач.-балк. *ол күндән бәрі* ‘с того дня’; алт. *кәчәдәң бәрі*, узб. *кәчадан бәрі*, хак. *кіҷәдәң пәр* ‘со вчерашнего дня’; башк. *күптән бірлĕ*, кирг. *көптөн бәрі*, кум. *көпдән бәрі* (~ *бәрлі*), ног. *көптән бәрĕ*, тат. *күптәннән бірлĕ*, *бајактан бірлĕ*, тур. *чоктан бәрі*, туркм. *көпдән бäрі*, узб. *кӯпдан бәрі*, уйг. *көптін бәрі* ‘издавна’; таг. *о замандан бәрі* ‘с тех пор’; кирг. *кәлгәндән бәрі*, крым.-тат. *кәлгәндән бәрлі*, тув. *кәлгәндән бәр*, шор. *кәлгәннәң пәрә* (*пәртін*) ‘с тех пор как пришел’.

Образование послелога *бәрі* из сочетания *бу јәрі* не является окончательно установленным.[136] Тем не менее эту этимологию мы считаем достаточно надежной. В пользу нее — фонетический облик послелога, в особенности наличие вторичной долготы, появление которой обусловлено обычными для такого рода сочетаний упрощениями и стечением гласных. Данную этимологию делает убедительной также то обстоятельство, что именно подобный тип сочетаний указательных местоимений и существительных обычно выражает соответствующее значение, ср.: тур. *ölümündən bu jana* ‘со времени его смерти’; туркм. *әртīрдән бāрі*, *әртīрдән бәјлāк*, *әртīрдән шәјлāк* ‘с завтрашнего дня’, *о гӱндән бу јāңа* ‘с того дня’,[137] узб. *ӯша замондан бујон* ‘с того времени’; уйг. *ашу күндін бәрі* (*бујан*) ‘вот с того дня’, *кәлгәндін бујан* ‘с тех пор как пришел’.

Природа некоторых производных форм, включающих в себя помимо сочетания *бу јәрі* дополнительные компоненты, не ясна, ср.: ног. *көптән бәрбәтĭн* ‘с давних пор’; шор. *кәлгәннәң пәртін* ‘со времени прихода’.[138]

Бӧлāк ‘другой, иной’ (уйг.) — казах. *бұдан бөләк*, узб. *бундан бўлак*, уйг. *буниңдін бөлāк* ‘кроме этого’.

Бујан см. *бәрі*.

Бурун ‘нос’ (др.-тюрк.) — др.-тюрк. *мәндін бурун* ‘впереди меня’ (МК I 398), *бу күндә бурун* ‘до этого дня’ (QBN 28_{10}); ст.-кыпч. *андан бурун* ‘раньше него’;[139] ст.-узб. *хабардін бурна* ‘до получения известий’, *јәтмәсдін бурун* ‘прежде чем он достиг’; башк. *бĭнан бӧрӧн*, казах. *бұдан бұрын*, кирг. *мĭндан мурун*, уйг. *мундін бурун* ‘до этого’; кирг. *барїдан мурда* ‘прежде всего’; тув. (*мōн*) *бәш чĭл мурнунда* ‘пять лет тому назад’; туркм. *даң атмадĭндан бурун* ‘до того как рассветет’; узб. *урушдан бурун* ‘до войны’; хак. *празĭнаң пурнада* ‘раньше всех’; хак. (качинск.) *міннәң пурун* ‘до меня’.[140]

Ср. в сочетании с формой именительного и родительного падежей: тув. *оларнің мурнунда* ‘перед ними’, *кӧрҕан-авам кәлір мурнунда* ‘перед тем как пришла моя бабушка’, *хамік улустуң мурнунда* ‘впереди всех’, *кәжәкі чәм мурнунда* ‘перед ужином’.

Бӱтāн ‘другой, иной’ (башк., тат.) — башк. *һінән бӱтāн* ‘кроме тебя’.

Нарї ~ *нару* < **ан јәрі* (> *анарї* ~ *әнәрі* > *нарї* ~ *нәрі* > *арї* ~ *әрі*)[141] ‘в ту сторону’, ‘туда’, ‘дальше’ (др.-тюрк.) — 1) ст.-узб. *Хоҷанд суїдін нарї* ‘по ту сторону реки’, *андін нарїҕа* ‘в обратную сторону’; карач.-балк. *мӥндан арї* ‘туда, дальше’; кирг. *андан арї* ‘туда, дальше’, *төдөн нарї* ‘по ту сторону горы’; кум. *ӱјдән арі* ‘по ту сторону дома’; узб. *Тошкәнтдан нарі* ‘по ту сторону Ташкента’; 2) др.-тюрк. *бу күндін нару*, карач.-балк. *бӱгӱндән арї* ‘с сегодняшнего дня’; алт. *анаң арї* ~ *оноң арї*, алт. (диал.) *андін арї*,[142] башк. *унан арĕ*, казах. *одан әрі*, хак. *аннаң āрох*, шор. *анаң āра* ‘дальше, затем’; алт. *алтї частаң арї* ‘после шести часов’; кирг. *бу јїлдан арї* ‘с этого года’; туркм. *әртīрдән аңрāк* ‘с завтрашнего дня (и далее)’; 3) шор. *кадĭҕ чĭлдаң āра* ‘из-за тяжелого года’, *анаң артĭн* ‘поэтому’.

Хотя образование послелога *нарї* ~ *арї* из сочетания **ан јәрі* не вызывает сомнений и эпизодическое присутствие в начале него согласного *н* находит объяснение в своеобразии реконструируемой праформы лично-указательного местоимения 3-го лица, нельзя не обратить внимание на то, что послелог *нарї* ~ *арї* всегда управляет формой исходного падежа, которая оканчивается на *н*, и что перемещение *н* в пределах сочетания, функционирующего как единое целое, представляется естественным и обычным.

В пользу точки зрения, устанавливающей происхождение послелога *нарї*~ *арї* из сочетания **ан јәрі*, свидетельствует возможность употребления его как самостоятельного слова, ср.: алт. *кӧрдің арї д'анїнда* ‘по ту сторону горы’, *арї д'анїнаң* ‘свыше’, ‘с той стороны’;[143] кирг. *арї карај*, *арї карата* ‘в том направлении’, *арї тӱбүнӧ* ‘до того места’, *арїтан* ‘с той стороны’.[144] Ср. также: туркм. *бāрі јаңында* ‘рядом, около’.

Өзгä ‘другой, иной’ (др.-тюрк.) — ст.-узб. *Бабĭрдĭн өзгä* ‘кроме Бабура’; алт. *кумактаң өскө* ‘кроме песка’; казах. *мәнән өзгә*, карач.-балк., кум. *мәндән өзгә*, кирг. *мәндән өзгө*, узб. *мәндан ўзга*, уйг. *мәндін* (~ *мәніңдін*) *өзгä* ‘кроме меня’; тув. *ōн өскӛр* ‘по-другому, иначе’; туркм. *бу āдамдан өдгә* ‘кроме этого человека’; шор. *анаң өскө* ‘кроме него’.

---

[133] См.: *Ибрагимов Ю. М.* Морфология ходжелийско-кунградских говоров узбекского языка. АКД. Ташкент, 1974, с. 29.
[134] См.: *Сергеев Л. П.* Урмарский говор чувашского языка. АКД. М., 1965, с. 21.
[135] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 299—300.
[136] Ср.: *Кононов А. Н.* Послелоги в современном узбекском литературном языке, с. 27—28. Подробнее об этом см. выше, с. 30—31.
[137] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 419.
[138] См. выше, с. 20 сл.
[139] См.: Изысканный дар. . ., с. 232.
[140] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 25.
[141] См. выше, с. 30—31.
[142] См.: *Баскаков Н. А.* Спряжение глагола в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 104.
[143] См.: *Чунжекова Е. Н.* Природа простого предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1977, с. 63.
[144] См.: *Мураталиева Дж.* Послелоги в киргизском языке, с. 33.

Өңгө (кирг.), *өңэ* (кум.) ‘другой, иной’ — алт. (диал.) *Карату-канда бойындын өңө* ‘кроме самого Карату-хана’;[145] карач.-балк. *сэндэн өңэ* ‘кроме тебя’.

Улам (?) — алт. *нэдэң улам* ‘из-за чего?’[146]

Г) Именные послелоги, сочетающиеся с именами в форме винительного падежа

Куды ‘вниз’, ‘внизу’ (др.-тюрк.), *куду* ‘низкий’, ‘нижний’, ‘вниз’, ‘внизу’ (тув.), *куйи* ‘низ’, ‘нижний’ (узб.) — др.-тюрк. *суб кудї* ‘вниз по реке’ (Тон$_{27}$); тув. *өң бажын куду* ‘на его голову’, *оруктуу куду* ‘вниз по дороге’, *суғну куду* ‘вниз по течению реки’.

Куду — пожалуй, единственный именной послелог, сочетающийся с формой винительного падежа, и это указывает на возможность его глагольного происхождения, так как подобный тип управления характерен для глагольных послелогов.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

Абсолютное большинство глагольных послелогов составляют обособившиеся деепричастия: «слитные» (на *-а* ~ *-j*, *-у* ~ *-ї*), «соединительные» (на *-п*). Изредка встречаются послелоги в форме деепричастия на *-ғач* ~ *-ғаш*. . . и причастия на *-ған*.

А) Глагольные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме именительного (родительного) падежа

Бірлә- ‘объединять, соединять’ (др.-тюрк.) — азерб. *тахта ілә* ‘доской’; алт. (диал.) *пӱчак мӥнаң* ‘ножом’; башк. (диал.) *балта ман*, кирг. *балта мӛнӛн*, кум. *балта булан*, тат. *балта бӥлӛн*, туркм. *палта бӥлӛн*, узб. *бэлта біланг*, шор. *малтаба*, *малтабіла* ‘(с) топором’; башк. *ат мӥнән*, казах. (диал.) *атпӥнан*, кирг. *ат мӛнӛн*, кум. *ат булан*, хак. *ат мінаң* ‘на лошади’; хак. (качинск.) *отпӥнаң* ‘с огнем’; кар. *кӛчӛ білӛ* ~ *кӛчӛбӛ* ‘ночью’; башк. *таң мӥнән*, карач.-балк. *таң бла*, кирг. *таң мӛнӛн*, туркм. *даң білӛн* ‘на заре, на рассвете’; к.-калп. *жол мӛнӛн*, кум. *йол булан*, тув. *орук білэ*, туркм. *йол білӛн*, узб. *йўл білан* ‘дорогой’, ‘по дороге’; к.-калп. *сіз бӛнӛн* ‘с вами’; кум. *сӛні булан* ‘с тобой’; ног. *кӥз бан* ‘девочкой’.

«Слитное» деепричастие типа *бірлӛн* стало исходной формой для более чем двадцати фонетических разновидностей послелога и аффикса, образовавшихся путем упрощения структуры, выпадения согласных, ассимиляции и т. д., ср.: ст.-узб. *бірлӛн* ~ *бірлӛ* ~ *білӛн* ~ *білӛ* ~ *ілӛн* ~ *ілӛ*;[147] азерб. *ілӛ*; алт. *бӥла* ~ *ла*; алт. (диал.) *мӥнаң*;[148] башк. *мӥнән*; башк. (диал.) *мӛн* ~ *ман*;[149] казах. (диал.) *пӥнан* ~ *бӥнан* ~ *мӥнан* ~ *ман*;[150] карач.-балк. *бӥла* ~ *бла*; кирг., к.-калп. *мӛнӛн*; кум. *булан* ~ *мулан*; ног. *пан* ~ *бан* ~ *ман*; тур. *ілэ*; туркм. *білэ(н)*; узб. *білан*; узб. (диал.) *мінаң*; хак. *мінаң*; хак. (качинск.) *бінаң* ~ *пінаң* ~ *мінаң*;[151] хак. (сагайск.) *-баң* ~ *-паң* ~ *-маң* ~ *-наң* ~ *-бла* ~ *-пла* ~ *-ла*;[152] шор. *пӱла* ~ *бӱла*, *-пла* ~ *-бла* ~ *-мла* ~ *-маң* ~ *-наң*.[153]

[145] См.: *Баскаков Н. А.* Диалекты алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1956, 1, с. 8.
[146] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке, с. 24.
[147] См.: *Умаров З. А.* Грамматика староузбекского языка «Мабани ул-луғат» Мирзы Мехдихана. АКД. Ташкент, 1967, с. 25.
[148] См.: *Фисакова Г. Г.* Послелоги в языке бачатских телеутов, с. 90.
[149] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 73.
[150] См.: *Нурмагамбетов А.* Западная группа говоров казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1974, с. 81.
[151] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект, с. 19.
[152] См.: *Патачакова Д. Ф.* Сагайский диалект. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 40—41.
[153] См.: *Межекова Н. Н.* Шорский диалект. — Там же, с. 58.

К послелогу *бірлӛн* ~ *білӛн*. . . восходят многочисленные разновидности аффиксов творительного падежа, постоянно или эпизодически проявляющих те или иные черты своего происхождения из самостоятельного слова.

При помощи *бірлӛн* ~ *білӛн*. . . передаются по существу любые значения, характер которых в большой мере предопределен семантикой слов, входящих в состав послеложного комплекса. Наиболее распространенные значения — орудное, комитативное, местное, временное, причинное.[154]

Проблема происхождения послелога *бірлӛн* ~ *білӛн*. . . вызвала у тюркологов большой интерес, выразившийся, в частности, в появлении нескольких этимологических объяснений. В связи с этим следует сказать о существовании точки зрения, согласно которой *бірлӛн* ~ *білӛн*. . . и *ілӛ(н)* имеют разное происхождение: первая группа — от *бірлӛ-* ‘объединять, соединять’, *ілӛ(н)* — от *іл-* ‘привязывать’, ‘прицеплять’.[155] Далее, заслуживает упоминания предположение А. Г. Магомедова о связи данного послелога с указательным местоимением *бу* («*бу*+аффикс комитатива *-лан*»).[156]

Возможность образования послелогов *бірлӛн* ~ *білӛн*. . . и *ілӛ(н)* от разных глаголов кажется нереальной: в процессе перехода самостоятельной глагольной формы в служебное слово, а затем в морфологический показатель происходили изменения ее внешнего облика и в начальной части слова, заключавшиеся не только в явлениях ассимиляции согласного *б* конечному *н*, но и в его утрате.[157] По поводу предположения А. Г. Магомедова заметим, что «аффикс комитатива *-лан*» и другие подобные ему аффиксы, появились вследствие упрощения послелога *бірлӛн* ~ *білӛн*. . .

Јанаш- ‘приближаться, подходить’ (кар.) — *мӛнім јанаша* ‘около меня’.

Са- ‘считать’ (др.-тюрк.) — 1) алт. *д'олдор сайын* ‘по дорогам’; 2, 3) др.-тюрк. *күн сајї* ~ *күн саjу*, алт. *күнүң лӛ сайын*, башк. *көн һайҙын*, казах., к.-калп., ног. *күн сайын*, карач.-балк., кирг., крым.-тат. *күн сайын*, кум. *гүн сайын*, тат. *көн сайҙын*, туркм. *гүндайын*, узб. *кун сайин*, уйг. *күн сайин*, хак. *күн сај*, шор. *күн саја*, якут. *күн аїї* ‘каждый день’, ‘ежедневно’; кар. *кіші сайын* ‘каждый человек’; карач.-балк. *хар орам сайын* ‘на каждой улице’, *хар үј сайын* ‘в каждый дом’;[158] кирг. *кіші сайын*,[159] шор. *кіжі саја* (~ *кіжі-заја*), якут. *кіһі аїї* ‘каждому человеку’, *ҕіэ аїї* ‘в каждом доме’, *кіһі аїттан* ‘от каждого человека’.

Широко употребительны сочетания послелога *сајї(н)*. . . с глагольными именами, среди которых особое место занимают причастия на *-ған* и *-дїҕ*, причем послеложные сочетания с причастием на *-ған* прослеживаются во всех тюркских языках, кроме языков огузской группы, чувашского и якутского языков. Примеры: алт., кар., кирг. *кӛлгӛн сайын*, башк. *кілгән һайҙын*, к.-калп., ног. *кӛлгӛн сайын*, карач.-балк. *кӛлгӛні сайын*, кум. *гӛлгӛн сайын*, тат. *кілгән сайын*, узб. *кӛлган сайин*, хак. *кілгӛн сај* ‘всякий раз, когда приходит (~ когда приходил)’; туркм. *гүнлӛр гӛндігі дайын* ‘по мере того, как проходили дни’; якут. *бардах аїї* ‘всякий раз, когда уходил’.

Чуваш. *-зӛрӛн* (ср.: *кунзӛрӛн* ‘ежедневно’) — форма исходного падежа от *сај*.[160]

К *са-*, по-видимому, восходит также кумыкский послелог *сајалї* (*саја* — «слитное» деепричастие от *са-*+аффикс *-лї*), ср.: *шулај сӧзлӛр сајалї* ‘за такие слова’, ‘из-за таких слов’.

[154] См.: *Рустамов Т.* Ўзбек тилидаги «билан» ёрдамчиси ҳақида. — ЎТАМ, 1962, № 5; *Убаева Ф. С.* «Билан» ёрдамчиси ҳақида. — Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. Языкознание, 1964, № 260, б. 190—194; *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 82—83; *Ахтамова Х. Т.* Послеложные аналитические формы в современном узбекском литературном языке, с. 10—13.
[155] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 182. Обзор этимологий см. в кн.: *Кононов А. Н.* Послелоги в современном узбекском литературном языке, с. 9—10.
[156] *Магомедов А. Г.* Послелог «*булан*» кумыкского языка, с. 298—301.
[157] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 314.
[158] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 79.
[159] См.: *Мураталиева Дж.* Послелоги в киргизском языке, с. 59.
[160] См.: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка, с. 186.

Наконец, с глагольной основой *са-* этимологически связан послелог *санап* (*са-н-а-* — вторичная глагольная основа, *-п* — аффикс деепричастия). Примеры: казах. *күн санап*, уйг. *күн санап* ‘с каждым днем’.[161]

Тәгір- ‘двигаться по кругу’, ‘обходить кругом’ (др.-тюрк.), *тәр-* ‘объезжать кругом’ (алт.) — ст.-узб. ‘*аршнің тәгрәсідә* ‘вокруг престола’.

Тәгрә — «слитное» деепричастие, сохраняющее черты древнего глагольного имени и присоединяющее к себе аффиксы принадлежности и падежные аффиксы: ст.-тур. *тәгрәсінә*, *тәгрәсіндә*,[162] ст.-узб. *тәгрәдә*.

Чәвүр- ‘вертеть, вращать’ (др.-тюрк.) — ст.-тур. *чәврәсіндә Јусуфун* ‘вокруг Юсуфа’;[163] тур. *шәһрін чәврәсіндә* ‘вокруг города’.

В ходе образования послелога на первом плане оказались именные признаки древнего глагольного имени: статус служебного слова получило глагольное имя с аффиксом принадлежности 3-го лица в форме местного падежа. Вообще случаи преимущественного развития у глагольных имен именных признаков в тюркских языках — распространенное явление, ср.: узб. *чавра* ‘живая изгородь’; чуваш. *тавра* ‘кружный путь’, ‘вокруг’; туркм. *доғрї* ‘прямой’, ‘правильный’, *ёгрі* ‘кривой’.

Б) Глагольные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме винительного (именительного) падежа[164]

Айлан- ~ *айнал-* ‘вращаться’, ‘обходить вокруг’ (казах.), *айландїр-* — понуд. з. (алт.). Примеры: алт. *көл айландїра* ‘вокруг озера’, *ортолїкні айландїра* ‘вокруг острова’; алт. (диал.) *тајғанї айлантїра* ‘вокруг тайги’; казах. *моласїн айнала* ‘вокруг ее могилы’.[165]

Как указывалось выше, деепричастия на *-а* ~ *-ї* ~ *-у* ~ *-ј* первоначально были именами действия и своеобразие их грамматической природы нередко выражается в присоединении к ним аффиксов принадлежности и падежных аффиксов: казах. *ўйдің айланасїнда*, крым.-тат. *ёв(нің) айланасїнда*, кум. *ўјнў айланасїнда* ‘вокруг дома’.

Арала- ‘находиться между кем-л., чем-л.’ (хак.) — хак. *хазїң аралі* ‘между березами’, *халїн тајғанї аралі* ‘через густую тайгу’; шор. *ак малдї аралап* ‘между белым скотом’.

Аш- ‘переходить через возвышенное место’, ‘переваливать’ (др.-тюрк.); *ашїр-* (др.-тюрк.), *ажїр-* (тув.), *азїр-* (хак.), *ahap-* (якут.) — понуд. з. Примеры: 1) башк. *тав аша*, тув. *дағ ажїр* (~ *ажїлдїр*), тур. *дағ ашїрї*, хак. *тағ азїра*, шор. *тағдї ажїра* ‘через гору’, ‘за горой’; гаг., тур. *дәніз ашїрї* ‘через море’, ‘за морем’; туркм. *башāша* (*баш āша*) ‘через голову’, ‘над головой’; кар. *мәнім ашїра* ‘через меня’, ‘надо мной’; тат. *урам аша* ‘через улицу’; хак. *Кїмнї азїра* ‘через Енисей’; 2) ст.-узб. *ўч күн аша*, гаг. *ўч гўн ашїрї*, кар. *ўч күн ашїра* ‘через три дня’; кар. *бу вахт ашїра* ‘в течение этого времени’,[166] туркм. *гўнāша* (*гўн āша*) ‘через день’; хак. *чїл азїра* ‘через год’; 3) алт. *радіо ажїра*, тат. *радіо аша* ‘по радио’; тат. *күз јашлăрї аша* ‘сквозь слезы’, *тәрәзә аша* ‘через окно’, *кїјїнлїклар аша* ‘через трудности’; тув. *мәні ажїлдїр* ‘через меня’; якут. *ону āһан* ‘более того’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: алт. *бажїнаң ажїра*, гаг. *башїндан ашїрї* ‘через его голову’, ‘поверх его головы’; алт. *алтан д'аштаң ажа* ‘больше 60 лет’, ‘за 60 лет’; туркм. *мўңдән āша* ‘больше тысячи’; хак. *пїр муң(наң) азїра* ‘больше тысячи’, *план(наң) азїра* ‘сверх плана’.

---

[161] См.: *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке, с. 103; *Турдиева К.* Һазирқи заман уйғур әдәбий тилидики тиркәлмиләр вә уларни классификациялишқә аит материаллар, б. 171.
[162] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha, s. 22—23.
[163] Там же, s. 26.
[164] См.: *Боргояков М. И.* Прямое дополнение в хакасском языке, с. 19—20.
[165] См.: *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке, с. 121.
[166] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 318.

Әбір- ‘обходить кругом’, ‘окружать’ (др.-тюрк., алт.) — 1) алт. *оттї әбірә* ‘вокруг огня’; хак. *көл ібїрә* ‘вокруг озера’, *пїстї ібїрә* ‘вокруг нас’; шор. *чәр әбірә* ‘вокруг земли’, *мәні әбірә* ‘вокруг меня’; 2) хак. *чїл ібїрә*, шор. *чїл әбірә* ‘в течение года’, ‘весь год’.

Ән- ‘спускаться, сходить’ (др.-тюрк.); *әндір-* (др.-тюрк.), *індїр-* (хак.) — понуд. з. Примеры: хак. *таз індїрә* ‘с горы’, ‘под гору’, *чїл індїрә* ‘по ветру’, *улуғ ој індїрә* ‘вниз по большой долине’.

Бас- ‘ступать, наступать’ (др.-тюрк.); *бастїр-* (др.-тюрк.), *пастїр-* (хак.) — понуд. з. Примеры: хак. *чол пастїра* ‘по дороге’, *ёгін пастїра* ‘через его грудь’, *радіо пастїра* ‘по радио’.[167]

Бојло- ‘идти вдоль чего-л.’ (алт.) — башк., тат. *јул бујлап*, кум. *јолну бојлап* ‘вдоль дороги’, ‘по дороге’; тат. *урам бујлата* (~ *бујлатїп*) ‘по улице’; узб. *дала бўјлап* ‘по полю’; уйг. *дәрijані бојлап* ‘вдоль реки’, ‘по реке’.

Дә- ~ *тә-* ‘говорить, сказать’ (др.-тюрк.) — тув. *сәні дәш* ‘за тебя’, *бәдік дўжўт дәш* ‘за высокий урожай’,[168] *чўскәк дәш* ‘из-за наперстка’, *бічә кіжі дәш* ‘из-за того, что мал’; туркм. *окув дијіп өбадан гәлдім* ‘я приехал из селения для того, чтобы учиться’; уйг. *сәні дәп кәлді* ‘он пришел из-за тебя’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: гаг. *бана дәјні* (~ *дәні*) ‘для меня’.[169]

Тувинский язык, по-видимому, единственный из тюркских языков, в котором некоторые глагольные послелоги восходят к деепричастию на *-ғач* ~ *-ғаш*: *дәш* < *дәгәш*.

Долғандїр- ‘обводить кругом’, ‘вертеть, вращать’ (тув.) — *шанактї долғандїр* ‘вокруг саней’, *отту долғандїр* ‘вокруг огня’, *чадїрївїстї долғандїр* ‘вокруг нашей юрты’.

**Ічір-* ‘вводить’ — др.-тюрк. *ағыз ічрä* ‘в рот’ (МК III 339); ст.-тур. *таму ічрә* ‘в аду’; ст.-узб. *ғурбат ічрä* ‘на чужбине’, *тән ічрä* ‘в теле’; узб. *шаһар ічра* ‘в городе’, ‘в город’.

Кајїр- ‘отвернуть, загнуть назад’ (алт.) — *әкі д'їл кајра* ‘два года тому назад’.

Ср. в сочетании с формой родительного падежа: туркм. *өјўң ғајрадїнда* ‘за домом’.

Кат- ‘присоединять’ (др.-тюрк.) — казах. *тўн катїп*, кирг. *тўн ката*, *тўн катїп* ‘всю ночь’; кирг. *јолду ката* ‘всю дорогу’; тат. (диал.) *јаз ката* ‘в течение лета’, ‘все лето’;[170] чуваш. *күн худа* ‘весь день’, ‘в течение дня’, *хĕл худа* ‘всю зиму’.

Кәс- ‘резать’ (казах.) — *жолдї кәсә* ‘через дорогу’, *ўлкән тоғандї кәсїп* ‘через большой пруд’.[171]

Кәч- ‘переходить, переправляться через воду’ (др.-тюрк.), *кас'-* ‘переходить, переправляться’, ‘проводить (время)’ (чуваш.); *кәчір-* (др.-тюрк.), *кәжір-* (тув.), *кізїр-* (хак.), *кічїр-* (хак. диал.) — понуд. з. Примеры: алт. *д'ол кәчірә* ‘через дорогу’; тув. *хәмні кәжір* (~ *кәжілдір*), хак. *суғ(нї) кізїрә*, хак. (качинск.) *суғну кічїрә* ‘через реку’; тув. *орукту кәжір*, хак. *чол кізїрә* ‘через дорогу’; шор. *орам кәжірә* ‘через улицу’.

Көстө- ‘всматриваться, наблюдать’ (алт.) — алт. *Кара-Кула д'уртїн көстөп* ‘по направлению к стойбищу Кара-Кула’; кирг. *шāрдї көздөј* ‘в направлении города’, *бізді көздөп* ‘к нам’.

Өт- ‘проходить’ (др.-тюрк.); *өткўр-* (алт.), *өтїр-* (хак.), *өттўр-* (тув.) — понуд. з. Примеры: 1) алт. *кујун өткўрә* ‘сквозь вихрь’; башк. *урман ўтә* ‘через лес’; тув. *чәр өттўр*, хак. *чір өтїрә* ‘сквозь землю’, *көксїн өтїрә* ‘сквозь ее грудь’, *іб өтїрә* ‘сквозь юрту’; 2) тув. *кәжәні өттўр* ‘весь вечер’.

---

[167] См.: *Донидзе Г. И.* Послелоги в хакасском языке, с. 16.
[168] См.: *Сат Ш. Ч.* О некоторых служебных словах, возникших на базе глагольной основы *ди-*(// *де-*) «говорить» в тувинском языке. — Уч. зап. Кызыльского ГПИ, 1961, II, с. 60.
[169] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 275.
[170] См.: Татар теленең диалектологик сүзлеге, с. 233.
[171] См.: *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке, с. 121.

Ср. в сочетании с формой родительного падежа: тур. *даѓларїн өтәсіндә* ‘за горами’.

Ср. также в сочетании с формой исходного падежа: др.-тюрк. *анта өтүрү-кәјә* ‘немного погодя’; азерб. *ушаѓдан өтрү* ‘из-за ребенка’, *пулдан өтрү* ‘из-за денег’, ‘благодаря деньгам’; тур. *бундан өтүрү*, туркм. *ондан өтрі* ‘из-за этого’, ‘поэтому’; шор. *сол ізәңәдән өтүрә* ‘через левое стремя’.

Тобїр- ‘проходить, пробираться через что-л.’ (хак.) — *түдүн тобїра* ‘сквозь дым’, *тајѓа тобїра* ‘через тайгу’, *суѓларнї тобїра* ‘через реки’.

Түз- ‘приводить в порядок’, ‘выравнивать’ (др.-тюрк.) — *ікбал түзә* ‘о счастье’, *буларнї түзә* ‘об этих’.[172]

Чїла- (?). Можно допустить, что в тюркских языках некогда использовался глагол *чїла-* с уподобительным значением. Вместе с тем не исключена возможность сочетания в данном случае аффиксов *-чї* (имя действующего лица) и *-ла* (отыменное образование глагола), хотя было бы трудно объяснить образование уподобительного значения на основе такого сочетания. Примеры: алт. *бүдај чїлап* ‘словно пшеница’, *үкү чілән* ‘как филин’; тув. (диал.) *балїк шїлај* ‘по-рыбьи’, *уруѓ шїлај* ‘как ребенок’;[173] уйг. (диал.) *тохачілап* ‘как курица’;[174] хак. *тігїр күзүрән чїлі* ‘как гром’, *малнї чїлі* ‘как скот’, *хїмїсха чїлән* ‘подобно муравьям’; чулым. *ăр гізі чілăп* ‘как старик’;[175] шор. *картїѓа чілăп* ‘подобно ястребу’, *козан чілән* ‘как заяц’, *мәнок чілән* ‘так же как я’.

Ср. в сочетании с дательным падежом: алт. (диал.) *унашка чїлап* ‘как для лапши’.[176]

Для окончательного решения вопроса о происхождении послелогов *чїлап. . .*, *чілі* определенное значение может иметь следующий фрагмент из старокыпчакского текста «Ат-туҳфа. . .»: «Показателями сопоставления [служат] *ошар*, туркмены говорят *оқшар*, *мәнзәр*, *тәң*; для сопоставления с близким [объектом] — *киби*, с далеким [объектом] — *кибик*. Туркмены употребляют *сиңәр* и *чылайын* [подобно]».[177] Следует также иметь в виду попытку Н. П. Дыренковой возвести *чїлап* к сочетанию аффикса-послелога *-ча* со сложным аффиксом *-лап*,[178] ср.: туркм. *-чїлајїн* (*-чї-лајїн*); туркм. (диал.) *сїѓїрчалап* ‘подобно корове’, ‘по-коровьи’.[179]

В) Глагольные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме дательного падежа

Бак- ‘смотреть’ (др.-тюрк., ст.-узб.) — ст.-узб. *Ош сарїѓа бака* ‘в сторону Оша’, *өзгә јәргә бака* ‘по сравнению с другими местами’, *мартабасї нїсбатїѓа бака* ‘смотря по его положению’; кум. *ўјгә баѓїп*, туркм. *өјә бакă(н)* ‘к дому, домой’.

Бол- ‘быть’, ‘становиться’ (др.-тюрк.) — ст.-узб. *Андїҗанѓа бола* ‘из-за Андижана’; алт. *оѓо болуп* ‘из-за него’, *кәлгәнінә болуп* ‘из-за его приезда’; башк. *һеҙә була*, казах., к.-калп. *сізгә бола* ‘из-за вас’; башк. (диал.) *аѓаска була* ‘(поехать) за лесоматериалом’;[180] казах. *бірліккә бола* ‘ради единства’; тат. *һөнәрченә була* ‘из-за его мастерства’, ‘благодаря его мастерству’; уйг. *бу пікрігә бола* ‘из-за этого его суждения’.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: алт. (диал.) *тәгрі болїп* ‘как небо’, *тәбір болїп* ‘как железо’;[181] тув. *бір ај болѓаш* ‘через месяц’.

[172] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 185.
[173] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 95.
[174] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 23.
[175] См.: *Бирюкович Р. М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка, с. 138.
[176] См.: *Фисакова Г. Г.* Бачатско-телеутские тексты, поговорки и загадки, с. 100.
[177] См.: Изысканный дар. . ., с. 253.
[178] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 211.
[179] См.: *Куренов С.* Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). АКД. Ашхабад, 1959, с. 17.
[180] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 117.
[181] См.: *Баскаков Н. А.* Характеристика служебных частей речи кумандинского диалекта, с. 119.

Җаѓї- ~ јаѓу- ‘подходить, приближаться’, *јаѓїр- ~ јаѓур-* — понуд. з. (др.-тюрк.). Примеры: др.-тюрк. *аңар јаѓру* ‘к нему’ (МК III 31).

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: алт. *тәңәрә д'ăр* ‘в небо’, ‘к небу’, *мән д'ăр* ‘на меня’.

Алт. *д'ăр* < *д'аѓїрї* (алт. диал. *т'ăрї*)[182] полностью соответствует др.-тюрк. *јаѓрї ~ јаѓру*. К. Менгес, рассматривающий алт. *д'ăр* как аорист от *д'āк-* ‘подходить, приближаться’ (*д'ак-ар*),[183] очевидно, не учитывает выпадения конечного гласного.

Җара- ‘подходить, годиться’ (др.-тюрк., тат.); *јараш-* (др.-тюрк., ст.-узб.), *җараш-* (кирг.) — совм.-взаим. з. Примеры: ст.-узб. *аңа јараша* ‘в соответствии с этим’; кирг. *сөзгө җараша* ‘соответственно слову’, *шартка җараша* ‘в зависимости от обстоятельств’; узб. *кәбілјатіга јараша* ‘по его способностям’.

Җәт- (др.-тюрк.), *җәт-* (кирг.), *чәт-* (тув.), *д'әт-* (алт.) ‘достигать’; *јәтір-* (др.-тюрк.), *чәдір-* (тув.), *чітĭр-* (хак.), *д'әтір-* (алт.) — понуд. з. Примеры: 1) алт. *башпаң ала әдәгінә д'әтірә* ‘от начала до конца’, букв. ‘от головы до подола’, *сләргә д'әтірә* ‘к вам’; кирг. *ајїлѓа җәтә* ‘до селения’; тув. *хөрајѓа чәдір* ‘до города’; хак. *таѓа чітĭрә* ‘до горы’; 2) алт. *әңіргә д'әтірә*, кирг. *кәчкә җәтә*, тув. *кәжәгә чәдір*, хак. *ĭргә чітĭрә* ‘до вечера’; шор. *алтон чашка чәттірә* ‘до шестидесяти лет’; 3) алт. *бір муңѓа д'әтірә* ‘около тысячи’.

Кара- (ст.-узб., башк., казах.), *карі-* (уйг.) ‘смотреть’. В разряд послелогов переходят разные формы глагола *кара-*, деепричастные и причастные, положительные и отрицательные. Отчасти содержание образующихся послелогов совпадает, и иногда они дублируют друг друга. Ср.:

а) причастие на *-ѓан* — казах. *жаңа жĭлѓа караѓан* ‘под Новый год’;[184]

б) причастие на *-ѓан* с аффиксом местного падежа — башк. *әјтĭвĭнә караѓанда*, казах. *ајтўвĭна караѓанда*, туркм. *ајдїшїна ѓаранда*, узб. *ајтішіга қарағанда* ‘судя по тому, что он говорил’, ‘согласно сказанному им’, башк. *міңә караѓанда*, кирг. *маѓа караѓанда* ‘по сравнению со мной’; уйг. *башка тілларѓа карїѓанда* ‘по сравнению с другими языками’;

в) «слитное» деепричастие — 1) башк. *тавѓа карај* ‘к горе’; казах. *авĭлѓы карај*, кирг. *ајїлѓа карај* ‘в сторону аула’; к.-калп. *алѓа карај* ‘вперед’; 2) башк. *кискә карај*, казах. *кәшкә карај* ‘к вечеру’, ‘под вечер’; 3) башк. *јәшкә карај* ‘в зависимости от возраста’.

Ср. в сочетании с формой винительного падежа: башк. *Москванĭ карај* ‘по направлению к Москве’; кирг. *суѓаттї карај* ‘по направлению к месту полива’;[185]

г) отрицательная форма «слитного» деепричастия — карач.-балк. *тілѳгімѳ карамај* ‘несмотря на мою просьбу’; уйг. *дәгінімгә карімај* ‘несмотря на то, что я сказал’;

д) отрицательная форма «слитного» деепричастия + аффикс *-лї* — кум. *буѓа карамајлї* ‘несмотря на это’;

е) отрицательная форма причастия будущего времени с аффиксом исходного падежа — к.-калп. *кĭјĭншĭлĭкка карамастан* ‘несмотря на трудности’; туркм. *ајдїшїна ѓарамаддан*, уйг. *дәгінігә карімастін* ‘несмотря на то, что он сказал’;

ж) «соединительное» деепричастие — башк. *ĭшĭнә карап* ‘смотря по его работе’; казах. *тавѓа карап* ‘в сторону горы’, *жўлдĭзѓа карап* ‘по звездам’; к.-калп. *батĭска карап* ‘на запад’; ног. *ўјгә карап*, уйг. *өјгә карап* ‘к дому’; узб. *кішлоққа карап* ‘в направлении кишлака’, *ајтішіга карап* ‘согласно тому, что он сказал’; уйг. *јотканѓа карап* ‘по одежке’ (букв. ‘по одеялу’);

з) «слитное» деепричастие от понудительной формы — башк. *һіңә карата* ‘в отношении тебя’; кирг. *алїна карата* ‘в силу своих возможностей’, *кїлѓан ўумушка карата* ‘в соответствии с выполненной работой’; узб. *чапдан ўңга карата* ‘слева направо’.

[182] См.: *Фисакова Г. Г.* Послелоги в языке бачатских телеутов, с. 91—92.
[183] См.: *Menges K. H.* Some remarks on Oyrot morphology. — BSOAS, 1958, XXI, 3, p. 496.
[184] См.: *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке, с. 113.
[185] См.: *Мураталиева Дж.* Послелоги в киргизском языке, с. 67.

Карӣш- ‘встречаться’, ‘сходиться на поле битвы’, ‘противостоять друг другу’ (др.-тюрк.) — ст.-узб. *ƣамзаң окӣƣа каршу* ‘против стрелы твоего кокетливого взгляда’; азерб. *она ƣаршӣ*, туркм. *оңа ƣаршӣ*, гаг. *она каршї*, узб. *уңа карші* ‘против него’, ‘в отношении него’; башк. *һĭдгә каршĭ*, карач.-балк. *сізгә каршчӣ*, к.-калп. *сĭзгә карсĭ* ‘против вас’; гаг. *сабā каршї*, тур. *сабаһа каршї* ‘под утро’; казах. *жәлгә карсĭ*, уйг. *шамалƣа карші* ‘навстречу ветру, против ветра’; кум. *душманлаƣа каршї* ‘против врагов’; ног. *аƣĭнƣа карсĭ* ‘против течения’; тат. *ӧйгә каршĭ* ‘напротив дома’, *акларƣа каршĭ* ‘против белых’; тур. *бу әткијә каршї* ‘против этого влияния’, *буна каршĭн* ‘вопреки этому’; уйг. *адәткā карші*, узб. *эдатга карші* ‘вопреки обычаям’.

Ср. в сочетании с формой именительного и родительного падежей: азерб. *гӧзӱ ƣаршĭсĭндa(н)* ‘перед его глазами’, *бу бĭна ƣаршĭсĭна* ‘напротив этого здания’; казах. *ӱйдĭң карсĭсĭнан* ‘от дома’; кум. *мәні каршĭмда* ‘напротив меня’; тур. *дӱшманĭн каршĭсĭна*, туркм. *душмāнĭң ƣаршĭдĭна* ‘против врага’, ‘на врага’; узб. *унің каршісіда* ‘перед ним’.

Образование *карӣш-* от *кара-* ‘смотреть’ маловероятно: форма взаимно-совместного залога от *кара-* — *караш-*. Сближению *карӣш-* с *кара-* препятствует еще одно обстоятельство. Глагол *кара-* появился в тюркских языках, по всей видимости, поздно, в XIII—XIV вв., будучи заимствованным из монгольских языков. В связи с этим примечательно, например, наличие в письменных памятниках караханидской поры глагола *карӣш-* при отсутствии в них *кара-*.

Природа дополнительного компонента *-чӣ(н)* в карачаево-балкарском языке (*каршчӣ*) не ясна, ср.: *дәрічі(н)* ‘до’, *бәрічі(н)* ‘от, с’.[186]

Кӣj- см. *хӣj-*.

Кӣс- см. *хӣс-*.

Кош- см. *хос-*.

Кір- ‘входить’ (др.-тюрк., алт.), ‘вводить’ (хак.) — 1) алт. *ак талаjƣа кірә* ‘в белое море’; хак. *көлнĭң тӱбĭнә кірә* ‘на дно озера’, *ібгә кірә* ‘до дома’; шор. *чәргә кірә* ‘в землю’, *капка кірә* ‘в мешок’; 2) хак. *ĭргә кірә* ‘до вечера’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: башк. (диал.) *ӱңәстән гірĭ* ‘по горло’.[187]

Кӧр- (др.-тюрк.), *гӧр-* (азерб.), *кӱр-* (узб.) ‘видеть’ — азерб. *адәтінә гӧрә* ‘согласно его обычаям’, *хәстәлијінә гӧрә* ‘из-за своей болезни’, ‘по болезни’, *сізә гӧрә* ‘ради вас’, *пула гӧрә* ‘за деньги’ (*пула гӧрә сағ ол* ‘за деньги спасибо’); алт. *бĭлтĭрƣĭзĭна көрӧ* ‘по сравнению с прошлым годом’;[188] гаг. *кәндінә гӧрә* ‘по себе’, ‘соответственно себе’; карач.-балк. *ішінә көрӟ* ‘судя по его работе’; кум. *бу хабарлаƣа гӧрә* ‘согласно этим известиям’; ног. *ајтӱвĭна көрӟ* ‘согласно тому, что он говорит’; тур. *бана гӧрӟ* ‘по-моему’, *јаздĭкларĭна гӧрӟ* ‘согласно тому, что они написали’; туркм. *пікірінә гӧрā* ‘согласно его мнению’; башк. *шуƣа кӱрә*, тат. *шуңар кӱрә*, узб. (диал.) *муƣан көрä* ‘поэтому’,[189] хак. *сағa көрӟ* ‘из-за тебя’; чуваш. *амăшнă кура* ‘по примеру матери’, ‘из-за матери’.

Ср. в сочетании с формой винительного падежа: хак. *мĭндағї кĭзĭнĭ көрӟ* ‘следуя здешним людям’.

Ср. также в сочетании с формой исходного падежа: к.-калп. *оннан көрі* ‘по сравнению с ним’; уйг. *мәниңдін көрä* ‘по сравнению со мной’.

По значению послелогу *көрä ~ гӧрä. . .* соответствует в чувашском языке послелог *кара*, тем не менее считать последний застывшей формой деепричастия от *кур-* ‘видеть, смотреть, замечать’[190] нет оснований.

Окша- ‘походить, быть похожим’ (узб. диал.) — *палваннарƣа окшап* ‘подобно силачам’.[191]

Тап- ‘находить’ (др.-тюрк.) — 1) башк. *калаƣа таба(н)* ‘в направлении города’; карач.-балк. *ӱзгә таба* ‘к земле’; крым.-тат. *оңа таба* ‘к нему’; кум. *бізгә таба* ‘к нам’, *ӱјгә табак* ‘до дома’; ног. *аралƣа табатĭн*, *аралƣа тамаƣан* ‘к острову’; тат. *авĭлƣа таба(н)* ‘к селению’; 2) ног. *кәшкә табаƣан* ‘к вечеру’.

Ср. в сочетании с формами именительного и родительного падежей: др.-тюрк. *Арслан тапа* ‘на Арслана’ (МК II 312), *кадашĭм тапару* ‘к моим родственникам’ (QBH 179_{19}), *анің тапару* ‘к нему’ (МК I 445); карач.-балк. *анӣ таба* ‘к нему’, *ӱол таба* ‘в сторону дороги’, *Россија табадан* ‘со стороны России’;[192] тув. *дӧттӱва* ‘к лиственнице’.

Ср. также в сочетании с формой исходного падежа: кум. *тәрәзәдән таба* ‘через окно’, *соқмақдан таба* ‘по тропинке’.[193]

Значительные трудности вызывает объяснение природы дополнительных компонентов, присоединяемых к послелогу *таба*, ср.: *таба*, *табак*, *табан*, *табаƣан*, *табатĭн*, *табантĭн*, *табару*. Некоторые из них обнаруживают явное сходство с морфологическими показателями пространственных падежей: дательно-направительного (*таба-ру* < *таба-ƣару*, *таба-ƣан*), исходного (*табатĭн*), другие сближаются с аналогичными послеложными образованиями, либо включающими в себя частицу *ок*, либо отразившими процессы выравнивания однотипных форм.

Тарт- ‘тащить, тянуть’ (др.-тюрк.) — казах. *онƣа тарта* ‘около десяти’; уйг. *күзгā тартĭп* ‘к осени’; хак. *чӘнĭзәр тартĭп* ‘в направлении его племянника’; алт. *төрӧл д'әрімә тартĭп* ‘в мои родные места’.

Ср. в сочетании с формой исходного падежа: кирг. *ошол кĭштан тартĭп* ‘с той зимы’; узб. *ӱндан үчдан тәртіп* ‘от трех десятых’; уйг. *кічік чағідін тартĭп* ‘с малых лет’.

Тәг- (др.-тюрк.), *дәг-* (туркм.), *дāj-* (азерб.) ‘достигать’, ‘касаться, дотрагиваться’; *тәгір-* (др.-тюрк.), *дәгір-* (туркм.), *тӘр-* (хак.) — понуд. з. Примеры: 1) ст.-азерб. *дізінā дāн* ‘до его колен’;[194] ст.-узб. *јарĭм јолƣа дәгін* ‘до половины дороги’, *маƣрібƣа тәгінчā* ‘до запада’, *Түббүткā дәгүнчā* ‘до Тибета’; азерб. *ӟвāдāк*, туркм. *өјә дәңәч* ‘до дома’; казах. *калаƣа дәјĭн*, якут. *куоракка діәрі* ‘до города’; ног. *авĭлƣа дәјĭм* ‘до аула’; 2) ст.-узб. *таңƣа тәгін*, *таңƣа дәгрӱ*, кар. *таңƣа дәрā*, *таңƣа дәјін*, ног. *таңƣа дәјĭм* ‘до рассвета’; ст.-узб. *кәчкā тәгрӱ*, башк. (диал.) *кіскā тāрĭ*,[195] казах., к.-калп. *кәшкә дәјĭн*, кирг. *кәчкә дәјрә*, ног. *кәшкә дәрĭ*, ног. (диал.) *кәшкә дәк*,[196] тув. *кәжӘгә дӘр*, туркм. *ағшама дәңәч* ‘до вечера’; азерб. *сӱбһāдāк*, *сӱбһādāн ~ сӱбһādін* ‘до утра’;[197] гаг. *бу гӱнāдан* ‘до этого дня’;[198] кирг. *күзгө дәјін* ‘до осени’; к.-калп. *сāт онƣа дәјĭн* ‘до 10 часов’; тур. *шімдијә дәјін*, *шімдијә дәк* ‘до настоящего времени’; хак. *іртәнгӘ тӘрә* ‘до утра’; 3) ст.-тюрк. *ӱчдін онка дәгінч* ‘от трех до десяти’ (Сл. Замахшари, II, 311).

Семантическое разграничение *дәјін* и *дәк*, отмечаемое в турецком языке (*дәјін* — для выражения предела во времени, *дәк* — для обозначения как временного, так и пространственного предела),[199] не является отражением общетюркской тенденции в развитии послелога *тәгін ~ дәгін. . .* и произошло в довольно поздний период. Ср.: тур. *бураја дәјін* ‘до этого места’, *бу замана дәјін* ‘до этого времени’, *тәпәјә дәк* ‘до вершины’, *акшама дәк* ‘до вечера’.

Следует выделить карачаево-балкарскую разновидность компонента *-чӣ(н)*, ср.: *дәрі*, *дәрічі*, *дәрічін*. Х.-М. И. Хаджилаев отмечает совпадение значений у форм *кәлгінчі ~ кәлгінчін ~ кәлгінчінңә* с послеложными сочетаниями *кәл-*

---

[186] Подробнее см. ниже, с. 87—88.
[187] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 20.
[188] См.: *Тощакова Т. М.* Послелоги в алтайском языке, с. 47.
[189] См.: *Данияров Х.* Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры. . ., с. 33.
[190] См.: *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка, с. 118—119.
[191] См.: *Данияров Х.* Восточно-кыпчакские (джекающие) говоры. . ., с. 29.

[192] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 112—114.
[193] См.: *Долинина Ю. П.* Послелоги в кумыкском языке, с. 75; *Магомедов А.* Послеложное управление в современном кумыкском литературном языке, с. 23.
[194] См.: *Шүкүров Ә. Ч.* Азәрбајчан дилиндә тәк вә дәк гошмаларының инкишафы тарихи. — Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та. Язык и литература, 1975, № 6, с. 68.
[195] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 20; *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 65, 100.
[196] См.: *Калмыкова С. А.* Акногайский диалект ногайского языка. АКД. М., 1965, с. 20.
[197] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 304—305.
[198] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 273.
[199] См.: *Peters L.* Grammatik der türkischen Sprache. Berlin, 1947, S. 37. См. также: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 322.

гінчі дәрі ~ кәлгінчі дәрічі ~ кәлгінчі дәрічін и высказывает предположение об этимологической связи компонента *-чі(н)* с *чәнлі*: *дәрічі(н) < дәрічәнлі*.[200]

Сюда же мы относим и аффикс-послелог *-дәк ~ -дәг ~ -дäк ~ -тäк ~ -тäкі* с уподобительным значением,[201] сочетающийся с именами в форме именительного и родительного падежей, ср.: ст.-азерб. *сän тäкі, сän тäк, сän дäклӱ, сän тäклӱ* 'как ты'; ст.-узб. *ок тәгін* 'как стрела'; тув. *хар дәг* 'как снег'; туркм. *ҕуш дәк* 'как птица', *мәнің дәк* 'как я'; узб. *тәмірдәк* 'как железо'. Попутно заметим, что Ж. Дени возводил аффикс-послелог *-дәк ~ -дäк* к слову *дәң* 'количество, мера',[202] а К. Брокельман рассматривал его вслед за М. Хартманом как отглагольное имя от *тä-* 'говорить'.[203]

В порядке предположения можно также говорить о связи с приведенной выше группой послелогов послелога *тӧн ~ дӧн*, употребляемого в алтайском языке, ср.: алт. *арал дӧн* 'в лес', *слəр тӧн* 'к вам'; шор. *часкïҕа тӧнчə* 'до весны', *ужïна тӧнчə* 'до конца ее'. Фонетически *тӧн* и *тӧнчə* соответствуют разновидностям *тәгін* (*тәгӱн*) и *тәгінчä* (*тәгӱнчä*) других тюркских языков.[204]

Многообразие вариантов послелога, восходящего к глагольной основе *тәг-* (*тәгір-*), объясняется в первую очередь неустойчивостью и неодинаковыми рефлексами согласного *г* в интервокальном положении, ср.: *тәгін ~ дәгін > тәjін ~ дәjін > тӘн ~ дӘн > тән ~ дән, тәгін ~ дәгін > тәк ~ дәк, тәгрі ~ дәгрі > тіəрі ~ тӘрі ~ діəрі ~ дӘрі > тəрі ~ дəрі > тəр ~ дəр* и т. д. Многообразию вариантов способствует также использование разных исходных словоформ и разных морфологических наращений, ср.: ст.-узб. *тәгін* и *тәгінчä*; ног. *дәрі* и *дәjім*; кар. *тәк* и *тәклі* (например: башк. *урманҕа тіклĕ(м)* 'до леса', *таңҕа тіклĕ(м)* 'до зари', башк. диал. *кіскä тäктĕ*[205] 'до вечера'). Наконец, очевидна возможность смешения двух разных послелогов, восходящих соответственно к глаголу *тәг-* 'достигать, касаться' и к имени *тәң ~ тән* 'количество, мера', 'равный, соизмеримый, одинаковый по количеству и размеру'. Ср.: тур. *бу дәнлі, о дәнлі* 'настолько'; кар. *бәш aj тәглі* 'около пяти месяцев'; башк., тат. *шул тіклĕ* 'так, в такой мере'.

Тəп- 'пинать, толкать' (хак., шор.) — шор. *маҕа тəбə* 'ко мне', *чолҕа тəбə* 'к дороге', *əжіккə тəбə* 'к двери'.

Тоҕур- 'идти напрямик' (др.-тюрк.)[206] — башк. *калаҕа тура* 'прямо в город'; гаг. *бана дӧру* 'в мою сторону', 'ко мне'; тув. *орукка дӧра* 'поперек дороги'; тур. *əвə доҕру* 'прямо к дому', *акшама доҕру* 'к вечеру'; уйг. *путқа тоҕра* 'на ногу', 'по ноге' (ср.: *тоҕра* 'прямой', *тоҕур* 'поперек'), *häкікätкä тоҕра* 'в соответствии с истиной'; хак. *чолïна тоҕïр* 'поперек его дороги'.[207]

Ср. в сочетании с формами именительного и родительного падежей: ст.-узб. *ошбу кänт тоҕрïсïда* 'прямо перед селением'; башк. *бĕнĕң тураһĕнда*, тат. *мӧнĕң турĕнда*, туркм. *бу доҕруда* (~ *доҕрудïнда*), узб. *бунің тӯҕрісіда* (~ *тӯҕріда*), уйг. *бунің тоҕрісіда* 'об этом'; карач.-балк. *аланї тӱраларïна* '(прямо) к ним'.

Ср. также в сочетании с формами именительного и винительного падежей: тув. *əжікті дӧра* 'поперек дверей'; хак. *ізəр тоҕïр* 'поперек седла', *чол тоҕïр* 'через дорогу', 'поперек дороги'.

В качестве послелога используется также форма относительного прилагательного и другие формы: башк. *бĕл турала* 'об этом'; казах. *сән туралĕ*, кирг. *сән тӱралӱ*, к.-калп. *сән тӱврале*, уйг. *сән тоҕрулук* (~ *тоҕрілік*) 'о тебе'.

[200] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 63, 67—68.

[201] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 115; *Мирзəзадə Һ.* Азəрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 303—306; *Зейналов Ф.* Мүасир түрк дилләриндə көмәкчи нитг hиссәләри, с. 104—109.

[202] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, p. 647. См. также: *Шүкүров Ə. Ч.* Азəрбајчан дилиндə тək вə дəк гошмаларының инкишафы тарихи, с. 63—70.

[203] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 172.

[204] Согласно предположению, высказанному К. Г. Менгесом, прототипом алтайского *тӧн* является словоформа *тӧбän* (*тӧбä-н*, орудный падеж от *тӧбä* 'возвышенность'). См.: *Menges K. H.* Some remarks on Oyrot morphology, p. 496.

[205] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 20.

[206] Ср.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 185.

[207] См.: *Донидзе Г. И.* Послелоги в хакасском языке, с. 24—25.

Утур- (др.-тюрк.), *удур-* (алт., хак.) 'идти навстречу' — др.-тюрк. *оларҕа утру* 'навстречу им', *jüз утру* 'перед лицом'; ст.-кыпч. *душманларïна утру* 'против своих врагов'; ст.-узб. *Бахрама утру* 'против Бахрама'; алт. *мəгə удура* 'против меня'; кар. *утуру өзүнä* 'напротив себя'; тув. *дajïнҕа удур* 'против войны'; хак. *оларзар удур* 'навстречу им', *наңмïрҕа удур* 'против дождя'; шор. *апшакка удура* 'навстречу медведю'.

Ср. в сочетании с формой винительного падежа: тув. *хəмнің аҕïмïн удур* 'против течения реки'.

Ср. также в сочетании с формой родительного падежа: ст.-узб. *мірзанің утрусїҕа* 'на мирзу', 'навстречу мирзе'; кар. *онун утрусуна* 'напротив него'.

Хос- (хак.) 'присоединять, добавлять' — *аска хоза* 'наряду с хлебом'.

Хӧста- 'идти рядом', *хӧстïр-* — понуд. з. (хак.). Примеры: хак. *аҕа хӧстïра* 'наряду с этим'.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: хак. *дəфіс хӧстïра* 'через дефис', *план хӧстïра* 'согласно плану',[208] *чол хӧстïра* 'по дороге', 'вдоль дороги'.

Хĭj- 'срезать, порезать', *хĭjĭстĭр-* — взаимн.-совм. и понуд. з. (хак.). Примеры: хак. *чол хĭjĭстĭра* 'через дорогу'.

Хïс- 'давить, жать' (хак.) — *алтї часха хїза* 'около шести часов'.[209]

Чəк- 'тянуть, тащить' (др.-тюрк., кирг.) — 1) кирг. *тізəсінə чəjін* 'до ее колена', *көпүрөгө чəjін* 'до моста'; 2) казах., к.-калп., ног.[210] *кəшкə шəjĭн*, кирг. *кəчкə чəjін*, тат. (диал.) *кічкä* (*кішкä*) *чіjĭн* 'до вечера'; кирг. *отуз jашка чəjін* 'до тридцати лет', *соҕушка чəjін* 'до войны'; к.-калп. *бүгĭнгə шəjĭн* 'до сегодняшнего дня'.

Шənə- (шор.), *чənə-* (кирг.) 'мерить, примерять, сравнивать' — шор. *талajҕа шənəп* 'с море (размером)'.[211]

Г) Глагольные послелоги, сочетающиеся с именами преимущественно в форме исходного падежа

Адïр- ~ адïр- ~ аjïр- (др.-тюрк.) — ст.-узб. *біздін аjру* 'кроме нас'; туркм. *əəндəн аjрї* 'кроме тебя'.[212]

Ал- (др.-тюрк., хак.), *їл-* (якут.) 'брать'; *алдïр-* — понуд. з. (хак.). Примеры: алт. *ол аjдаң ала*[213] 'с того месяца', *кəлгəннəң ала* 'с тех пор как пришел'; башк. *тубĭктан ала* 'по колено',[214] *jĭлҕанан алĭп* 'от реки',[215] *бĭл аjдан алĭп* 'с этого месяца'; ног. *бүгүннэн алĭп* 'отныне', 'с сегодняшнего дня'; хак. *парҕаннаң ала* 'с тех пор как отправился'; шор. *кəчəгі күннəң ала* 'со вчерашнего дня'; якут. *оjуртан їла* 'от леса', *кізhəттəн їла* 'с вечера'.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: карач.-балк. *іңір ала* 'под вечер'.[216]

Ср. также в сочетании с формой дательного падежа (глагол *ал-* в форме понудительного залога) — хак. *ăлзар алдïра* 'в сторону селения'.

Ашун- 'опережать' (др.-тюрк.) — *камуҕдïн ашну* 'раньше всех', *мəн андан ашну кəлдім* 'я пришел раньше его' (МК I 130).

Əгəлə- 'начинать' (тув.) — *бо хүндəн əгəлəш* 'с этого дня'.

Башла- (др.-тюрк.), *башта-* (кирг.). *басла-* (к.-калп.) 'начинать' — алт. *ол күннəң баштап*, башк. *ул көндән башлап*, кирг. *ол күндөн баштап*, кум. *ол гүндəн башлап*, тат. *шул көннән башлап* 'с того дня'; карач.-балк. *jаңї jїл-*

[208] См.: Там же, с. 20, 26.

[209] См.: Там же, с. 27.

[210] См.: *Калмыкова С. А.* Акногайский диалект ногайского языка, с. 20.

[211] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка, с. 241.

[212] См.: *Хыдыров М. Н.* Послелоглар ве оларың уланылышлары, с. 27.

[213] К. Г. Менгес считает, что послелог *ала* восходит не к *ал-*, а к **арїла* (*арї-ла*) > **арла* > **алла* > *ала*. См.: *Menges K. H.* Some remarks on Oyrot morphology, p. 498.

[214] См.: *Максютова Н. Х.* Послелоги, с. 82.

[215] Там же, с. 87.

[216] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке, с. 108.

дан башлап ‘с Нового года’; к.-калп. *сол вақ̆ттан баслап*, уйг. *шу вақ̆ттін башлап* ‘с этого времени’; ног. *бӱгӱннӛн баслап* ‘с сегодняшнего дня’; узб. *бірінчі кундан бошлап* ‘с первого дня’.

Дола- ‘обвивать, опоясывать’ (тур.) — *hасталı̈ктан долаjї* ‘из-за болезни’, *парасїзлı̈ӱмдан долаjї* ‘из-за отсутствия у меня денег’.

**Ісір-* (?) — др.-тюрк. *андан ісрä* ‘ниже его’, ‘под ним’ (МК I 126).

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: др.-тюрк. *ämäл ісрäсіндä* ‘под надеждами’ (XX C_{294}).

К. Брокельман видит в *ісрä* производное образование от *іс* ‘след’,[217] однако на пути сближения *ісрä* с *іс* ‘след’ (?) совершенно очевидны препятствия как с фонетической стороны, так и со стороны семантики, ср.: др.-тюрк. *із* ‘след’.

Кал- ‘оставаться’ (башк.) — *анан кала* ‘за ним’, ‘после него’.

Кӛл- ‘приходить’ (казах.) — *мӛн кӛңı̆рдӛгı̈мнӛн кӛлӛ токпı̆н* ‘я сыт по горло’.[218]

Оз- ‘опережать’ (др.-тюрк.) — алт. *мӛнӛң озо* ‘до меня’, *барардаң озо* ‘до того как пошел’; карач.-балк. *тӱшдӛн оза* ‘после обеда’.

Соңур- ‘следовать за кем-л., чем-л.’ — ст.-кыпч. *алардан соңра* ‘после них’;[219] азерб. *üч ілдän сонра* ‘через три года’, *ондан сонра* ‘после него’, ‘после того, затем’; гаг. *ікі гӱндän сора*, карач.-балк. *ӛкі кӱндӛн сора* (~ *соңра* ~ *соңура*)[220] ‘через два дня’; тур. *дӛрстӛн сонра* ‘после урока’.

Ср. в сочетании с формой именительного падежа: тур. *он гӱн сонра* ‘спустя десять дней’.

Тут- ‘держать’, ‘хватать’ (кум.) — *jаш заманı̈ндан тутуп* ‘с детских лет’.[221]

Тӱш- (др.-тюрк., алт.), *тӱс-* (хак.) ‘падать’, ‘опускаться’; *тӱшӱр-* (др.-тюрк.), *тӱжӱр-* (алт.), *тӱзı̆р-* (хак.) — понуд. з. Примеры: алт. (диал.) *тӱбı̈ң бажïнаң тӱжӱрӛ* ‘с горы’.[222]

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: хак. *оjзар тӱзı̆рӛ* ‘вплоть до низины’.

Чı̈к- ‘выходить’ (ст.-узб.); *чı̈кар-* (ст.-узб.), *сı̈ғар-* (хак.), *шı̈ғар-* (шор.) — понуд. з. Примеры: 1) хак. *ібдӛң сı̈ғара* ‘из дома’; шор. *көзӱнӛктӛң шı̈ғара* ‘через окно’, *өргӛдӛң шı̈ғара* ‘от дворца’; 2) хак. *он чı̈лдаң сı̈ғара* ‘уже десять лет’, *кı̆чı̆гдӛң сı̈ғара* ‘с детства’, *чір пӱткӛннӛң сı̈ғара* ‘со времени сотворения земли’; шор. (диал.) *хïштаң шı̈ғара* ‘с зимы’;[223] 3) шор. *анаң шı̈ғара* ‘поэтому’.

Ср. в сочетании с формой дательного падежа: 1) хак. *пулутха сı̈ғара* ‘до облака’; шор. *көк тӛгрïгӛ шı̈ғара* ‘к синему небу’; 2) алт. *алтї д'ïлға чı̈ғара* ‘(уже) в течение шести лет’; шор. *тоғус кӱнгӛ шı̈ғара* ‘(уже) в течение девяти дней’.

ПОСЛЕЛОГИ *ЎЗÄ, ЎЗРÄ, ЎЗÄЛÄ И ЎЧЎН*

Характерной чертой, выделяющей эти послелоги и ставящей их в особое положение по сравнению со многими другими послелогами, является некоторая неопределенность или, точнее, предельное многообразие передаваемых значений. Многообразны также формы синтаксической связи, в особенности у послелога *ӱзä*, с именами (имена выступают в форме именительного и родительного падежей), ср.:

ӱзä — др.-тюрк. *урук ӱзä* ‘веревкой’, ‘при помощи веревки’ (Suv 7_{19}), *он jармак ӱзä бір артурдї* ‘он прибавил к десяти деньгам еще одну’ (МК I 219), *jӛмä кул hакї jок-му бӛглäр ӱзä* ‘не лежат ли также на беках обязанности в отношении рабов?’ (QBN 218_3); ст.-узб. *гӱл ӱзä* ‘на розе’, *сӛнің ӱзä* ‘на тебе’ *jӱзӱм ӱзä* ‘на моем лице’;

[217] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 177.
[218] См.: *Исенгалиева В. А.* Служебные имена и послелоги в казахском языке, с. 130.
[219] См.: Изысканный дар. . ., с. 232.
[220] См.: *Аппаев А. М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 31.
[221] См.: *Магомедов А.* Послеложное управление. . ., с. 23.
[222] См.: *Фисакова Г. Г.* Послелоги в языке бачатских телеутов, с. 91.
[223] См.: *Межекова Н. Н.* Шорский диалект, с. 61.

ӱзрä — ст.-тур. *ол jол ӱзрӛ* ‘на той земле’; ст.-узб. *гӱл ӱзрä* ‘на розе’; азерб. *адäт ӱзрä* ‘по обычаю’, ‘по обыкновению’, *мäдʹліс бітмäк ӱзрä іді* ‘собрание подходило к концу’, *ӱмумі ділчілік ӱзрä* ‘по общему языкознанию’; гаг. *бу ӱзӛрä* ‘в этом отношении’; тур. *бунун ӱзӛріндӛ* ‘об этом’, *ағачларïн ӱзӛріндӛ* ‘на деревьях’, *бір іш ӱзӛріндӛ* ‘(заниматься) одним делом’, *бунун ӱзӛрінӛ* ‘вслед за этим’, *алманjа ӱзӛрінӛ* ‘о немецком, относительно немецкого’, *іфлас ӛтмӛк ӱзӛрӛ* ‘на грани банкротства’, *гӧрӱшмӛк ӱзӛрӛ* ‘для того чтобы увидеться’; туркм. *мӛjдан ӱдрӛ* ‘на поле’; узб. *кум узра* ‘над песком’, ‘по песку’, *шаҳар узра* ‘над городом’;

ӱзälä — др.-тюрк. *кöні jол ӱзälä тута бӛр мӛні* ‘держки меня на верном пути’ (QBH 23_{24}), *бу кӱрсі ӱзälä* ‘на этом кресле’ (QBH 42_{14}), *hаjіблар ӱзälä бу болса улуғ* ‘в отношении хаджибов этот должен быть главным’ (QBH 182_{10}).

Трудности идентификации словоформ — прототипов рассматриваемых послелогов — вызвали появление нескольких этимологий. Ж. Дени воспринимал тур. *ӱзрӛ* ~ *ӱзӛрӛ* как сочетание *ӱзӛ* с компонентом *ра*, возводимым им к слову *ара* ‘место’, ‘промежуток’,[224] Н. К. Дмитриев — как сочетание слова *ӱз* ~ *өз* ‘поверхность’ и *ра*,[225] А. Н. Кононов, имеющий в виду узб. *узра*, — как сочетание слова *уз* ‘поверхность’ и «аффикса направительно-местного падежа *-ра*».[226] Относительно грамматической природы *ӱзä* высказаны замечания К. Брокельманом, со ссылкой на А. Габен.[227]

Ни один из тюркологов, интересовавшихся происхождением послелогов *ӱзä*, *ӱзрä*, *ӱзälä*, не решался категорически утверждать, что все они связаны с послелогом *ӱстӱн*,[228] так как с фонетической стороны такая связь далеко не бесспорна, ср.: *асра*, *кӛсрä*, но *ӱзрä*. Глухой согласный, находящийся в конце односложного имени, перед последующим согласным (*ӱс-рä*) не озвончается, и поэтому трудно допустить, что в основе *ӱзрä* лежит *ӱст* (*ӱс*). Поскольку сопоставление др.-тюрк. *ӱзä* ‘вверху’ и *ӱстӱн* ‘верхний’, ‘вверху’ все же в какой-то мере свидетельствует в пользу их общего происхождения, небесполезно в дальнейшем продолжить поиски в этом направлении. При этом, естественно, следует исходить из факта наличия в тюркских языках двух тождественных или близких по значению послелогов, различающихся глухостью-звонкостью согласного. Напомним также, что разновидность со звонким согласным в составе древней формы дательно-направительного падежа встречается в алтайском языке: *ō ӱзӛрі* ‘сверх того’.

Послелог *ӱчӱн* в сочетании с существительными выделяет предмет или лицо, для которых производится действие или что-либо предпринимается. Сочетаясь с местоимениями, он передает причинно-следственные отношения; с некоторыми глагольными именами *ӱчӱн* выражает значение цели. Что касается управления, то в большинстве тюркских языков оно единообразно: все имена, кроме местоимений, употребляются в форме именительного падежа; у местоимений в сочетании с послелогом *ӱчӱн* преобладает форма родительного падежа. Примеры: др.-тюрк. *сӛнің ӱчӱн*, алт. *сӛнің учун*, башк. *һінı̆ң ӛсӛн*, гаг., тур. *сӛнін ічін*, казах. *сӛн ӱшı̆н*, кар. *сӛнін ӱчӱн* (~ *ічін*), карач.-балк., кум. *сӛні ӱчӱн*, кирг. *сӛн ӱчӱн*, к.-калп. *сӛнı̆ң ӱшı̆н*, крым.-тат. *сӛнің ічӱн*, тат. *сінı̆ң ӛчı̆н*, туркм. *өзнің ӱчı̆н*, узб. *сӛн учун*, уйг. *сӛн(ің) ӱчӱн*, хак. *сінı̆ң ӱчӱн* ‘для тебя’, ‘из-за тебя’; др.-тюрк. *кішілік ӱчӱн* ‘из-за человечности’; ст.-узб. *бір башак ӱчӱн* ‘из-за одного колоса’, *бізің ӱчӱн* ‘для нас’; азерб. *іфадä ӛтмäк ӱчӱн* ‘для того чтобы выразить’; алт. *сӱт учун* ‘за молоко’; гаг. *кушлар ічін* ‘о птицах’, *сабā ічін* ‘на утро’, ‘для утра’, *памук ічін* ‘за хлопком’; казах. *алғв ӱшı̆н*, карач.-балк. *алïр ӱчӱн*, узб. *эліш учун* ‘для того чтобы взять’; казах. *кӛлмӛгӛнı̆ ӱшı̆н* ‘из-за того, что он не пришел’; кар. *тӛрі ӱчӱн* ‘за шкуру’, *бу-*

[224] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque, p. 604—605.
[225] См.: *Дмитриев Н. К.* Служебные имена в турецком языке, с. 143.
[226] *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1948, с. 68.
[227] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 168.
[228] Ср.: *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, S. 35.

нун іцін ‘за это’, ‘в пользу этого’; [229] карач.-балк. *азатлік ӱчӱн* ‘за свободу’; кирг. *бул нәрсә ӱчӱн* ‘за эту вещь’; ног. *көргәнім ӱшін* ‘так как я видел’; тув. *чӱнӱң у‘жун* ‘за что?’, *ажіл-хәрәк у‘жун* ‘ради дела’; тур. *бу кітаб ічін* ‘за эту книгу’, *öксӱрӱк ічін* ‘от кашля’, *бір-іккі гӱн ічін* ‘на один-два дня’,[230] *язамадїӱм ічін* ‘из-за того, что я не мог написать’; узб. *ӱйнің ічіга кірмаслік учун* ‘чтобы не входить в дом’, *бір хат јэзган учун* ‘из-за того, что написал письмо’; хак. (диал.) *табарнің ӱчӱн* ‘за товар’; [231] якут. *ол ініп* ‘ради того’.

В хакасском и шорском языках послелог *ӱчӱн* может управлять исходным падежом: шор. *чаӈыс палазїнаӈ ӱчӱн* ‘из-за своего единственного ребенка’, *суӈдаӈ ӱчӱн* ‘за водой’, ‘ради воды’, ‘из-за воды’, *пістәң ӱчӱн* ‘для нас’, *албастаӈ ӱчӱн* ‘чтобы не взял’.

Изредка встречаются сочетания послелога *ӱчӱн* с глагольными формами: башк. *јал итһĕн ӧсӧн* ‘для того чтобы отдыхать’; кирг. *сӯ кәлсін ӱчӱн* ‘чтобы пришла вода’; тат. *тәртĕп бӧзмасĕн ӧчӧн* ‘чтобы не нарушить порядок’; узб. *элмасін учун* ‘чтобы не взял’.

Примечательны случаи использования послелога *ӱчӱн* в форме различных падежей, например: ст.-азерб. *зӱлфун ӱӱндән* ‘из-за твоих локонов’; [232] тат. (диал.) *бĕзнĕң ӧчĭнгә* ‘для нас’, *кӱрĭр ӧчĭнгә* ‘чтобы видеть’.[233]

Все суждения относительно этимологической структуры *ӱчӱн*, высказанные О. Бётлингком, А. Кастреном, К. Г. Залеманом, К. Грёнбеком, А. Габен и К. Брокельманом,[234] сводятся к тому, что в нем — два компонента, из которых первый является именной основой (*уч* ~ *ӱч*, *іч*) или глагольной (*учу-* ~ *учї-* ~ *ӱчӱ-* ~ *ӱчі-*) с разным лексическим содержанием, тогда как второй — морфологическим показателем. О. Бётлингк, опираясь на материалы якутского и огузских языков, считал древнейшей разновидность *ічін* («форма неопределенного падежа на *-ін*» от *іч* ‘внутренности’, ‘нутро’),[235] по мнению же А. Кастрена,[236] К. Г. Залемана,[237] А. Габен,[238] К. Брокельмана [239] и З. Коркмаз,[240] древнейшая разновидность — *учун* ~ *ӱчӱн*, образовавшаяся непосредственно от *уч* ‘конец’, ‘цель’ (А. Кастрен, К. Г. Залеман), *уч* ‘конец’, ‘цель’, ‘основание, причина’ (З. Коркмаз) или от глагольной основы **учу-* ~ **ӱчӱ-* (А. Габен), **учї-* (К. Брокельман) ‘стремиться к чему-л’, ‘добиваться чего-л.’, в составе которой именная основа *уч* ‘конец’, ‘цель’ и аффикс отыменного образования глаголов *-ї* ~ *-у*. Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что наиболее вероятной представляется праформа, содержащая гласные заднего ряда, и что скорее всего это была форма орудного падежа от *уч* ‘конец’, ‘цель’ (?). Кстати, такой вывод не противоречит фактам, относящимся к истории других послелогов с аналогичным или близким содержанием. Заметим также, что и со стороны фонетики возведение *учун* ~ *ӱчӱн* к *уч* ‘конец’, ‘цель’ (?) не встречает препятствий: в современных тюркских языках используются разновидности и с «мягкорядным», и с «твердорядным» типом вокализма, ср.: алт., кум. *учун*, к.-калп. *ӱшін*, тув. *у‘жун*.

[229] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 317.
[230] См.: *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка, с. 80 сл.
[231] См.: *Патачакова Д. Ф.* Сагайский диалект, с. 45.
[232] См.: *Шукӱров Ә. Ч.* Орта әср Азәрбајчан јазылы абидәләриндә үчүн гошмасы. — Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та. Сер. яз. и лит., 1974, № 1, с. 10.
[233] См.: *Махмутова Л. Т.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — В кн.: Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962, с. 69.
[234] Обзор этимологий см. в кн.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 317. См. также: *Коклянова А. А.* Послелоги в узбекском языке, с. 15; *Шукӱров Ә. Ч.* Орта әср Азәрбајчан јазылы абидәләриндә үчүн гошмасы, с. 10.
[235] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten: Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 164, 295.
[236] См.: *Castrén M. A.* Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857, S. 67.
[237] См.: *Salemann C.* Noch einmal die Seldschukischen Verse. — Mélanges Asiatiques, SPb., 1892, X, 2, S. 212.
[238] См.: *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, S. 142. Ср.: *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau, I, S. 35.
[239] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 173.
[240] См.: *Korkmaz Z.* Zur Ableitung der türkischen Postposition *uçun* ~ *üçün* ~ *için* usw. — UAJb, 1961, XXXIII, 1—2, S. 98. З. Коркмаз видит в *учун* ~ *ӱчӱн* форму орудного падежа от *уч* с аффиксом принадлежности 3-го лица.

ЧАСТИЦЫ

I

Частицы выделяются как часть речи в составе служебных слов. Основные черты их грамматического своеобразия очевидны и не требуют пространных объяснений: частицы не самостоятельны, не выражают лексических значений, не имеют морфологической структуры, не выполняют функции членов предложения. Конечно, не каждая из названных черт должна восприниматься безусловно и однозначно. Есть частицы, которые не полностью лишены лексического содержания. И хотя следы его сохраняются неравномерно и не всегда могут быть определены с достаточной четкостью и убедительностью, сам факт наличия их не вызывает сомнений.[1] Вообще же споры о «лексичности» или «нелексичности» значений, выражаемых частицами по существу беспредметны: служебные слова отличаются от самостоятельных слов в первую очередь тем, что их семантика выступает в преобразованном виде,[2] обеспечивающем возможность выражения ими обобщенных значений, близких к грамматическим. Следовательно, если отвлечься от частностей, содержание частиц должно восприниматься как переходное от лексического уровня к грамматическому.

Когда речь идет об отсутствии у частиц форм словоизменения и словообразования, имеется в виду отсутствие живой морфологической структуры, иными словами, акцентируется внимание на том, что для частиц нетипично наличие аффиксов, передающих определенные грамматические значения. Однако частицы, подобно другим служебным словам, включают в себя те или иные омертвевшие показатели грамматических форм имени и глагола, ср.: хак. *пістізĕң*[3] ‘мы же’, шор. *мән-тӧзӧ* ‘я же’; якут. *діэн* ‘именно’, ‘же’, ‘как раз’, ‘лишь’ и т. д., *туох-әрә* ‘что-то’; др.-тюрк. *әрміш*, *әрінч*, *әркән* ‘оказывается’.[4]

Синтаксические функции частиц — вспомогательные, служебные, за исключением тех случаев, когда фактически мы имеем дело не с частицами, а с модальными словами.

Существует также точка зрения, согласно которой одним из отличительных признаков частиц является их положение относительно связанных с ними самостоятельных слов: частицы постпозитивны в отличие от модальных слов, выступающих в препозиции.[5] Действительно, частицы обычно примыкают к слову справа, тем не менее было бы неправильно считать любое служебное слово, употребленное постпозитивно, частицей, а все служебные слова, находящиеся в препозиции, — модальными словами. Например, якут. *көрбүт ӱһӱгӱн* ‘говорят, ты видел’ (*ӱһӱгӱн* — форма принадлежности 3-го лица единственного числа от *ӱһ* ‘слово’), *білбіт буолуохтāхтар* ‘они, должно быть, узнали’

[1] См.: *Хыдыров М. Н.* Түркмен дилиндәки овнук сөзлер. Ашгабат, 1947, с. 4—6; *Петров Н. Е.* Частицы в якутском языке. Якутск, 1978, с. 4.
[2] См.: *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, с. 9 сл.
[3] В данном разделе для большей наглядности постпозитивные частицы, как правило, выделены при помощи дефиса.
[4] См.: *Насилов Д. М.* К вопросу о модальных словах *әринч*, *әрки* и *әркән* в древнетюркских языках. — Тр. Самаркандского гос. ун-та. Новая серия, 1960, № 102, с. 127—132.
[5] См.: *Петров Н. Е.* Частицы в якутском языке, с. 49, 52.

(*буолуохтāхтар* — форма долженствовательного наклонения во множественном числе) [6] — скорее сочетания с модальными словами, чем с частицами, хотя строгих критериев отнесения их к тем или другим нет.

Различие между частицами и модальными словами проводится не всегда достаточно четко. Частицы менее самостоятельны, как правило, полностью лишены лексических значений, вследствие чего сближаются с аффиксальными морфемами, тогда как модальные слова, напротив, более самостоятельны, лишь частично утрачивают лексические значения и, кроме того, выполняют характерные, пожалуй, только для них синтаксические функции: функции вводных слов в предложении.

То же самое следует сказать и о различии между частицами и наречиями. Некоторые частицы, в особенности те, которые выступают препозитивно, близки к наречиям: они обладают как выделительной, так и обстоятельственной функцией, и нет ничего удивительного в том, что существуют различные взгляды на их грамматический статус. В целом же частицы противопоставлены наречиям отсутствием лексических значений и синтаксической автономности.

Несколько труднее установить специфику частиц в кругу служебных слов. Как известно, послелоги выражают разного рода отношения между самостоятельными словами: пространственные, временные, причинные, целевые и т. д. Они конкретизируют, раскрывают предельно абстрагированное грамматическое содержание падежных морфем. Союзы выполняют сочинительные и сочинительно-подчинительные функции. Частицы же используются для экспрессивно-акцентированного выделения слов и словосочетаний, а также для передачи различных оттенков модальности. Присутствие частиц делает речь более выразительной, придает ей «разговорную» окраску и вместе с тем обеспечивает более полное и более глубокое раскрытие содержания мысли.

Трудности возникают в связи с тем, что некоторые частицы занимают промежуточное положение между собственно частицами и союзами: выделяя, «акцентируя» слова и словосочетания, они одновременно используются для соединения синтаксических единиц, преимущественно при повторах, например: тур. *бу-да башка-да* ‘и этот, и другие’; узб. *у ўзі ҳам дўстлері ҳам* ‘и он сам, и его друзья’, *кэлді-да кэтді* ‘пришел и ушел’; узб. (диал.) *кэліб-лä кэтті*, *кэлді-дағі кэтті* ‘пришел и ушел’.[7] Данное обстоятельство было отмечено многими тюркологами, причем у некоторых из них оно оказалось в центре внимания. Так, О. Базаров в числе основных задач своей диссертационной работы называет описание семантических особенностей частиц, отграничивающих их от союзов.[8]

Будучи тесно связанными с теми или иными членами предложения и выполняя выделительные функции, частицы легко преобразуются в компоненты аналитических форм. Приведем примеры. Частицы *да*, *ҳам* в сочетании с формой условного наклонения выражают уступительность: к.-калп. *алсам-да* ‘хотя и возьму’, *барса-да кэлмэс* ‘хотя и пойдет, не вернется’; узб. *кэлса-ҳам ҳэч кімга јэрдам бэрмајді* ‘если и придет (~ хотя и придет), помощи никому не окажет’. Особенно заметна трансформация предикативных частиц, представляющих собой в этимологическом плане различные формы вспомогательного глагола *э̄(р)- ~ і(р)-* ‘быть’. Частицы *эсä ~ ісä*, *экäн ~ ікäн*, *эміш ~ іміш*, *эрінч* в древних и современных тюркских языках нередко выступают в составе глагольных форм как выразители модальности, ср. у А. Н. Кононова: условная модальность, или модальность на *ісэ*, субъективная модальность на *-мїш*.[9] В бóльших размерах подверглась трансформации частица *тур ~ тїр ~ дур ~ дїр*, восходящая к причастию настояще-будущего времени от глагола *тур-* (*турур*).

Есть трудности и в установлении специфики частиц по сравнению с аффиксальными морфемами. Иногда не совсем ясно, что преобладает у них: черты

[6] См.: Там же, с. 59.

[7] См.: *Шаабдурахманов Ш.* Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 67.

[8] См.: *Базаров О.* Частицы в узбекском языке. АКД. М., 1983, с. 2.

[9] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 248—250.

служебных слов или черты морфологических элементов, образующих словоформу. Близость некоторых частиц к аффиксам находит выражение в подчинении правилам гармонии гласных с ориентацией на тип вокализма «обслуживаемого» самостоятельного слова. Специфические черты у этой группы, как и вообще у частиц, проявляются главным образом в распределении. Аффиксы занимают место в строго регламентированной последовательности, нарушения которой немногочисленны и связаны с выражением стилистических оттенков. Например, в именной словоформе крайнее место справа занимает падежный аффикс, ему предшествует аффикс принадлежности, перед аффиксом принадлежности располагается показатель множественного числа, а перед ним — аффиксы словообразования, примыкающие к корневой морфеме. Перестановка аффикса принадлежности в позицию перед показателем множественного числа, наблюдаемая в ряде языков, служит целям передачи уважительного отношения, почтительности, ср.: узб. *акаларім* ‘мои старшие братья’ и *акамлар* ‘старший брат’, ‘старший (по возрасту)’. В отличие от аффиксов частицы выступают перед словоформой, после нее и даже внутри словоформы, разрывая ее на две части, причем в последнем случае они находятся обычно между словообразовательными и словоизменительными аффиксами, ср.: карач.-балк. *кэтігіз-чі* и *кэт-чі-гіз* ‘уйдите-ка’;[10] тур. *тӳрк-дэјіл-мі-јім* ‘не турок ли я?!’; узб. *кані эліқ* ‘ну, берите’, *кэларсан-мі* и *кэлар-мі-сан* ‘придешь ли ты?’, *сізга-гіна* ‘только вам’, *ҳэзірнің ўзідан-ок* ‘с этого же момента’. Кроме того, следует подчеркнуть, что аффиксы строго разграничены по принадлежности к имени и его разрядам, с одной стороны, и к глаголу — с другой. Так, аффиксы, характерные для имен, взятые в совокупности, не типичны для глаголов, и наоборот. Иначе обстоит дело с частицами. Они не связаны с какой-либо одной частью речи и свободно сочетаются с именами, глаголами, наречиями и некоторыми служебными словами, например с послелогами, ср.: узб. *тэшда-ок* ‘как раз на камне’, ‘именно на камне’, *буні ёшітгач-ок* ‘как только услышал это’, *уј элдіда-ок* ‘прямо перед домом’. Исключение составляют лишь отдельные сопутствующие частицы. От аффиксальных морфем частицы отличаются также большей неопределенностью, расплывчатостью границ семантики:[11] в зависимости от контекста и речевой ситуации одна и та же частица выражает самые разнообразные значения, иногда взаимоисключающие, например категоричность и предположительность, иногда трудно совместимые, такие как подтверждение и ограничительность-исключительность. Особый отличительный признак частиц — их безударность.

Несколько обособлены от других частиц так называемые сопутствующие частицы, в использовании которых намечается тенденция к преимущественному закреплению за формами повелительного, желательного и условного наклонений. Сочетаясь с последними, сопутствующие частицы усиливают передаваемые ими значения, смягчают категоричность, делают более настоятельными просьбу или пожелание. Примеры: алт. *барза-чї* ‘пойти бы ему’; башк. *ал-сĭ*, казах., к.-калп., ног. *ал-шĭ* ‘возьми-ка’; кум. *алајїм-чї* ‘возьму-ка’; тур. *отурсанїз-а* ‘садитесь-ка’, ‘садитесь, пожалуйста’.

Очень своеобразны частицы-связки, или предикативные частицы, о чем уже говорилось выше. Частицы-связки употребляются в сочетании как с именами, так и с глаголами, но в наибольшей мере подвергаются грамматикализации, когда выступают в качестве компонентов глагольных форм. Преобразование их в аффиксы происходит параллельно формированию глагола. Частицы-связки, или предикативные частицы, включаясь в состав глагольных форм, становятся одним из отличительных признаков глагола. Предикативность данной группы частиц совмещена с модальностью, и, поскольку модальность нередко сочета-

[10] См.: *Алиев У. Б.* Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 109.

[11] См.: *Амиралиев К.* Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков. (На материале каракалпакского, узбекского, казахского языков). АКД. Алма-Ата, 1980, с. 10, 14; *Аммосова Р. Т.* О некоторых случаях функционального употребления деепричастной формы *диэн* в якутском языке. — В кн.: Исследования по грамматике якутского языка. Якутск, 1983, с. 11 сл.

ется с экспрессивностью,[12] предикативные частицы, как правило, очень выразительны. Так, многократное использование частиц *ӟкäн* ~ *ікäн*, *ӟміш* ~ *іміш* придает описываемым фактам характер неочевидности, «сказочности», иллюзорности, образности.

Учитывая сказанное, мы вправе подтвердить ранее сделанный тюркологами вывод о том, что частицы характеризуются наличием присущих только им признаков, и это дает основание считать их особой частью речи.[13]

Среди значений, выражаемых частицами, прежде всего обращает на себя внимание модальность, являющаяся ядром их содержательной стороны. Можно без преувеличения сказать, что все частицы модальны и в этом плане различаются лишь тем, что у одних модальность явно преобладает, у других же она относительно равномерно сочетается с немодальными оттенками, тогда как у третьих является как бы нулевой. Здесь уместна аналогия с наклонениями, которые объединяются в одну категорию по признаку модальности, неодинаково присутствующей в содержании форм разных наклонений. Например, формы изъявительного наклонения образуют первую ступень в передаче отношения говорящего к высказываемому, точнее, такую ступень, когда практически это отношение остается невыраженным.

II

Классификация частиц производится большинством тюркологов на основе учета привносимых ими экспрессивных и модальных оттенков. Состав классификационных признаков и характер соотношения выделяемых групп могут быть проиллюстрированы примерами нескольких классификаций, одна из которых принадлежит А. З. Абдуллаеву: 1) усилительные частицы; 2) ограничительные; 3) уточняющие; 4) вопросительные; 5) побудительно-императивные; 6) утвердительные и отрицательные.[14] Ср. у Ф. Кенжебаевой: 1) вопросительные; 2) ограничительно-предельные; 3) подтвердительные; 4) усилительные; 5) пренебрежительно-сопоставительные; 6) сомнительные; 7) предположительно-иронические; 8) побудительные.[15] В классификации Ф. А. Ангели акцент сделан на модальности и каждая из выделенных групп представляет ее разновидность: 1) модально-усилительные частицы; 2) модально-ограничительные; 3) модально-утвердительные; 4) модально-отрицательные.[16] Н. Е. Петров различает модальные и не-модальные частицы и наряду с этим подходит к классификации частиц с учетом их происхождения, выделяя собственно частицы, отыменные и отглагольные частицы.[17] Следует упомянуть также классификацию, предложенную О. Базаровым. Последний сначала разграничивает частицы, совмещающие функции частиц и союзов, и частицы, не соотносимые с союзами, а затем вторую группу подразделяет на собственно частицы и несобственно частицы (частицы-наречия, частицы-глаголы, частицы-прилагательные, частицы-числительные, частицы-местоимения, частицы-междометия и т. д.).[18]

Частицы плохо поддаются классификации на основе привносимых ими значений. Нередко одна и та же частица передает разнообразное содержание. В этом одна из причин того, что в семантических классификациях непоследовательность оказывается практически неустранимой. Более удачна, на первый взгляд, классификация О. Базарова, опирающаяся на особенности функционально-семантического содержания частиц и учет их функционального перекрещивания с другими частями речи: союзами, наречиями, именами, глаголами.

[12] См.: *Кайдаров А.* К вопросу о частицах в уйгурском языке. — Тр. сектора востоковедения АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1959, I, с. 118—119.

[13] Ср.: *Зейналов Ф. Р.* Müасир түрк дилләриндә әдат вә модал сөзләр. Бакы, 1965, с. 3.

[14] См.: *Абдуллајев Ә. З.* Көмәкчи нитг hиссәләри. Бакы, 1958, с. 7—19.

[15] См.: *Кенжебаева Ф.* Послелоги и частицы в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1964, с. 18—19.

[16] См.: *Ангели Ф. А.* К вопросу о категории модальности и лексических средствах ее выражения в тюркских языках. (На материале турецкого, азербайджанского и гагаузского языков). АКД. М., 1964, с. 13.

[17] См.: *Петров Н. Е.* Частицы в якутском языке, с. 65—66.

[18] См.: *Базаров О.* Частицы в узбекском языке, с. 8, 17 сл.

Однако ей присуща непоследовательность иного рода, проявляющаяся в совмещении двух принципиально различных оснований: использования других частей речи в качестве частиц и выполнения частицами функций союзов.

Исходя из того, что основная функция частиц — придавать речи экспрессивную или модальную окрашенность, мы подразделяем их на две группы: экспрессивно-выделительные («акцентирующие») и модальные частицы. Помимо чисто семантических различий между частицами названных групп существуют также различия синтаксические, которые, однако, не охватывают их в целом: некоторые экспрессивно-выделительные и модальные частицы выполняют функции союзов.

Как экспрессивно-выделительные, так и модальные частицы не едины в семантическом плане и образуют более мелкие подразделения частиц, значения которых иногда близки и даже совпадают.

III

Частицы восходят к самостоятельным словам, использование которых в служебной функции явилось результатом длительного процесса, начавшегося очень рано. О большой древности некоторых частиц свидетельствует совпадение их в разных тюркских языках, не имеющих контактов на протяжении значительного периода времени. Количество заимствованных частиц невелико и распределены они неравномерно, в зависимости от степени интенсивности контактов с не-тюркскими языками. Частиц арабского и персидского происхождения больше в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском и уйгурском языках. Монгольские частицы и частицы, образовавшиеся в результате обособления самостоятельных слов, заимствованных из монгольских языков, прослеживаются главным образом в тувинском и якутском языках. Частицы славянских языков отмечены в гагаузском, караимском, татарском, чувашском языках. Примеры: азерб. *мәгәр*, тур. *мәгәр*, узб. *магар* ‘разве’, ‘разве только’, ‘разве что’ (< перс.); азерб. *бәлі*, *бәлі-дә*, узб. *балі*, *баллі* ‘да’, ‘вот так’, ‘вот именно’ (< перс.); азерб. *каш*, *каш-кі*, узб. *кошкі* ‘хотя бы’, ‘если бы’ (< перс.); башк., тат. *бит* ‘ведь’ (< русск.); кар. *от* ‘вот’, ‘ну’ (< польск.), *жэ* ~ *зэ* ~ *з* ‘же’ (< слав.);[19] чуваш. *вăт* ‘вот’ (< русск.), *вăн* ‘вон’ (< русск.), *тăк* ‘так’, ‘если’ (< русск.).[20]

По происхождению частицы могут быть либо именными, либо глагольными. К именным относятся др.-тюрк. *ок* ~ *ök*, лично-предикативные частицы-связки 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Глагольными являются частицы: казах. *коj* ~ *ӈоj*, кум. *да* ~ *дә*, узб. *та* ~ *да*, якут. *ӟрӟ* и другие. Лексические прототипы многих частиц пока не установлены, и их нельзя отнести к какой-либо группе.

Частицы образуются из самостоятельных слов в основном следующим путем: сначала происходит выделение абстрактного значения с последующим обособлением самостоятельного слова в этом значении, затем наблюдается постепенное преобразование лексического содержания, эпизодически сопровождаемое преобразованием внешней формы. Указанный путь можно проследить на примерах частиц *да* (узб.), *ӟрӟ* (якут.).

Выделительная частица-союз *да* ~ *та* восходит к «слитному» деепричастию *макï* ~ *дакï*, или *мака* ~ *дака* от др.-тюрк. *мак-* ‘прикреплять’, ‘присоединять’. В данном случае сохраняется тесная связь грамматического значения частицы с лексическим содержанием исходной словоформы.

Якут. *ӟрӟ* — «слитное» деепричастие от вспомогательного глагола *ӟр-*. Степень лексической десемантизации частицы *ӟрӟ* велика, а грамматическое содержание многообразно, и не всегда удается точно определить ее значение,

[19] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 329—330.

[20] См.: *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 122; *Егоров С. П.* Семантическая классификация частиц в чувашском языке. — В кн.: Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1983, с. 132—133, 143—144.

ср.: *кәлің-әрә* ‘идите-ка сюда’, *биәс-әрә* ‘только пять’.[21] Вообще следует заметить, что полная утрата частицами связи с их лексическими прототипами неизбежно ведет к расширению грамматической семантики. Так, по сведениям Н. Е. Петрова, частица *дуо* в якутском языке «имеет шесть основных значений: выражает вопрос, убежденность говорящего, утверждение противоположного смысла (отрицающе-утвердительное значение), силу и интенсивность действия, сдержанное неодобрение, досаду и сожаление».[22]

I. ЭКСПРЕССИВНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Данная группа частиц, именуемых также акцентирующими, используется в целях выделения самостоятельного слова-члена предложения, служебного слова или сочетания слов, причем выделение осуществляется: а) как указание на то, что упоминалось и известно собеседнику (анафорическая функция), на то, что находится здесь или там (дейктическая функция); б) как подчеркивание того, что логически акцентировано; в) как констатация исключительности, единичности и т. д.

Четкой границы между существующими семантическими разновидностями акцентирования нет: анафорические и дейктические частицы являются также средством усиления, подчеркивания, тогда как усилительные частицы иногда выступают в значении ограничительных. Варьирование семантической стороны зависит главным образом от контекста и речевой ситуации. Все же обычно есть основания говорить о преобладающем для той или иной частицы значении. Так, частица *кӣна ~ ҕӣна. . .* выделяет слово или словосочетание с подчеркнутым указанием на единичность, исключительность обозначаемого лица, предмета или явления, ср.: узб. *бір кіші-гіна* ‘лишь один человек’, *біз-гіна* ‘только мы’, *хәзір-гіна* ‘только что’. Частица *ок*, также будучи акцентирующей, в отличие от нее не привносит специфических оттенков значения, ср.: ст.-узб. *ол-ок* ‘именно он’, ‘вот он’, *јазїб-ок* ‘вот написав’, *барҕач-ок* ‘как только направился’; башк. *баја-уk* ‘только что’, *хәҙҙр-уk* ‘сейчас же’; хак. *ол-ох* ‘вот тот’.

Предлагаемый ниже обзор тюркских частиц не преследует цели максимально полно охватить имеющиеся материалы. Тюркские частицы, являющиеся региональными по происхождению, заимствованные частицы и частицы, образовавшиеся из заимствованных слов, в обзоре занимают небольшое место.

Экспрессивно-выделительные частицы образуют две подгруппы, различающиеся синтаксическими функциями, и несколько подгрупп, в основе разграничения которых лежат семантические особенности. Первая подгруппа в аспекте разграничения синтаксических функций — собственно экспрессивно-выделительные частицы, вторая — экспрессивно-выделительные частицы-союзы.

Собственно экспрессивно-выделительные частицы

а) С семантикой подчеркивания, подтверждения, уточнения

А: туркм. *ӛртӣр кічі бӑбардӱр-а* ‘завтра ведь маленький базар’.[23]

Ав ~ јав: казах. *кәлмәдӥ-ав* ‘он не пришел ведь’; ног. *Нуҕман-акадӥң кајдај әләмәт аңӥ бар-ав* ‘ведь какой удивительный голос у Нугман-ака!’, *нәгә-ав* ‘почему же?’;[24] тат. (диал.) *мін-әв сіңа әйткән-куј* ‘я же ведь тебе сказал’;[25] узб. *Маҳкамга јэмэн бӯлді-јэв* ‘Махкаму было плохо’;[26] узб. (диал.) *бэрді-јэв* ‘он ведь отправился’.[27]

[21] *Петров Н. Е.* Частицы в якутском языке, с. 175 сл.
[22] Там же, с. 113.
[23] См.: Грамматика туркменского языка. I. Ашхабад, 1970, с. 445.
[24] См.: Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология. Черкесск, 1973, с. 299—300.
[25] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология. Уфа, 1977, с. 28.
[26] Ср.: частицы с семантикой усиления, с. 101.
[27] См.: *Шаабдурахманов Ш.* Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры, с. 67.

Другие значения, характерные для частицы *ав ~ јав*, — предположительность, неуверенность, например: казах. *осӥ ајтӥп тӱрҕанӥм тӱсӥнӥксіз-ав* ‘вряд ли это им понятно’.[28]

Ӑн: тув. *өскүс бӑрӥм-алә доң-ӑн* ‘застыла-то моя сиротливая печень’, *бо номну-ӑн номчудуң-бә* ‘ты эту книгу-то читал?’, *кӥмӥл ол? Оҕлум-ӑн* ‘кто это? Мой сын ведь’, *өскә кіжінің чӱвәзі әкі-лә, а боттӱ ӧн артӥк болҕај-ӑн* ‘хорош хлеб чужого человека, а свой — лучше ведь’.

Әлә: кирг. *тоҕуз-әлә күн калдӥ* ‘осталось только девять дней’, *ошол-әлә ӱлӥ* ‘в том же самом году’, *өзӱм-әлә барам* ‘я один пойду’, *азӱр-әлә* ‘только что’.

Бӥт[29] (< русск. *ведь*): башк. *ніңә әйтәм-бӥт* ‘тебе ведь говорю’, *акса кәрәк-бӥт* ‘деньги нужны ведь’; тат. *мін сіңа әйттӥм-бӥт* ‘я сказал ведь тебе’; тат. (диал.) *икӥ көн туктамастан жаңҕӱр жаздӥ-бӥт* ‘два дня не переставая шел ведь дождь’.[30]

Дӣ: якут. *іјітабін-дӣ* ‘спрашиваю ведь’.

Їч: тат. *сӥјнфӥј дошман-іч ул* ‘он ведь классовый враг’; чуваш. *ара, ӳзӗ йна хӑв каларӑн-ісʹ* ‘да, ты ведь ему сам говорил’.[31]

Ја: тур. *о гіттӥ-ја* ‘он ведь отправился’, *одунларӥнӥн парасӥнӥ вәрдім-ја* ‘я ведь отдал деньги за его дрова’, *малӱм-ја* ‘известно ведь’.

Кој ~ куј ~ ҕој. . .: казах. *Аскардӥң туҕан жәрӥ Шортан каласӥ дәп әдӥкој* ‘ведь мы говорили, что родина Аскара — город Шортан’, *сән-ҕој Кәрәзімӥн дәдӥң* ‘ты ведь говорил, что ты из рода Керей’;[32] кирг. *адамсің-ҕо* ‘ты ведь человек’; к.-калп. *бәлгӥлӥ-ҕој* ‘известно ведь’; тат. (диал.) *мін-әв сіңа әйткән-куј* ‘я же ведь сказал тебе’,[33] *әнә-кӥј інәң кајта* ‘вон ведь твоя мама возвращается’, *базарҕа бардӥм-кӥј* ‘я ведь ходил на базар’.[34]

В казахском и каракалпакском языках данная частица может передавать также предположение.[35]

Неожиданным является отсутствие частицы *кој ~ куј ~ ҕој . . .* в узбекском и уйгурском языках. Однако нельзя исключать того, что используемая в названных языках частица *ку ~ ку ~ ғу* — не что иное, как разновидность частицы *кој ~ куј ~ ҕој . . .*,[36] ср.: узб. *у кәтді-ку* ‘он ушел ведь’, *ӱзі-ку кандајдір ајб сәзді* ‘сам-ведь почувствовал какую-то вину’, *бунда һәч кандај јәзув јӱк-ку* ‘здесь нет ведь ничего написанного’, *мән-ку бораман сән-чі?* ‘я-то пойду, а ты?’; уйг. *Әхмәт-ку һәлиҕичә јәтіп барді* ‘ведь Ахмат только что прибыл’.

Сочетания «слитных» и «соединительных» деепричастий с *кој ~ куј ~ ҕој . . .* часто носят характер перифрастических форм, в которых второй компонент является скорее вспомогательным глаголом, чем частицей, и выражает один из способов протекания действия, например: алт. (диал.) *салкој* (< *салӥп кој*) ‘положи’;[37] кум. *јазїп кој* ‘напиши’, *јазїп којду* ‘он написал’; туркм. *алајар* (< *ала ҕојар*) ‘возьмет’, *алај* (< *ала ҕој*) ‘бери’; узб. (диал.) *әлібәлә кој* (~ лит. *әлібәк кӱј*) ‘возьми и все’.[38]

Ла ~ на: др.-тюрк. *ол бардӥ-ла* ‘он пошел ведь’ (МК III 213); алт. *барҕај-ла* ‘он, конечно, пойдет’; тат. *рәт чӑкмас-ла мӧннан* ‘пользы ведь не будет от этого’; тув. *сән ону білір-лә болҕај сән* ‘ты ведь знаешь его’; узб. (диал.)

[28] См.: *Жанпеисов Е.* Заметки о модальных функциях частиц в казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР. Сер. филол. и искусствов., 1960, 1 (14), с. 48.
[29] См.: *Çagatay S.* Kazan lehçesinde bazı tekitler. — Németh armağani. Ankara, 1962, s. 103—104.
[30] См.: *Юсупов Ф. Ю.* Урта диалектның нагайбәк сөйләше. — МТД, 3, б. 85.
[31] См.: *Егоров С. П.* Семантическая классификация частиц в чувашском языке, с. 148.
[32] См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 417.
[33] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология, с. 28.
[34] См.: *Махмутова Л. Т.* О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — В кн.: Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962, с. 69.
[35] См.: *Амиралиев К.* Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков, с. 16.
[36] По мнению О. Базарова, частица *ку* генетически связана с частицами *кі, у, ју* и восходит к вопросительному местоимению *кім*. См.: *Бозоров О.* Ўзбек тилидаги *-ки, -ку, -у, -ю* таъкид юклама-боғловчиларининг этимологияси ва уларнинг функциялари ҳақида. — В кн.: Вопросы филологии. Сб. научных трудов Ташкентского ГПИ им. Низами, 1976, 168, с. 114—121.
[37] См.: *Фисакова Г. Г.* Повелительное, условное и сослагательное наклонения в говоре бачатских телеутов. — В кн.: Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976, с. 115.
[38] См.: *Шарипов Х.* Узбекские говоры Южной Киргизии. АКД. Ташкент, 1967, с. 20.

кәліб-лä кәтті ‘пришел и ушел’;[39] уйг. *бүгүн-ла* ‘сегодня же’;[40] хак. *мӣнда-лабӣн* ‘здесь же я’, *ол-ла* ‘тот же’, *мін парар-ла-бӣн* ‘я обязательно пойду’.

В древнетюркском и в старотюркских языках частица *ла* чаще всего примыкает к глаголу и усиливает выражаемое им действие или состояние таким образом, что придает ему оттенок категоричности, ср.: ст.-узб. *лабӣң фікрі баҕрӣмнӣ кан кӣлдӣ-ла / чу кан кӣлдӣ көздін раван кӣлдӣ-ла* ‘мысли о твоих губах наполнили кровью мою грудь, / когда наполнили ее кровью, заставили кровь литься из глаз’, *‘ӧмрдін нäүмід болдум-ла / мӛһнäтү hӣҏ ічіндä өлдүм-лä* ‘я потерял надежду жить, / в страданиях и разлуке умер’.[41] Ср. также в туркменском языке: *хабар алаҗӣн-ла* ‘осведомлюсь-ка я’.[42] В тувинском, уйгурском и хакасском языках значительные колебания семантики *ла* наблюдаются и независимо от контекста: нередко частица *ла* выступает в уточнительно-ограничительном значении: тув. *чā-ла* ‘едва, только что’, *чаңҕӧс-ла катап* ‘только один раз’; уйг. *бізні-ла* ‘только нас’, *іштін назір-ла кäлдім* ‘я только что пришел с работы’, *бу häккідä пäкät Тајір-ла біліду* ‘об этом знает только Тайир’;[43] хак. *пӣр-лӛ нӣмӣрха* ‘только одно яйцо’, *анда-ла өсчӛ тō* ‘только там растет боярышник’, *анӣ хӣҕрзар-ла* ‘его лишь позовите’, *улуҕ кӣзӣлэрдӛң ікӧлӛң-нӛ кілтӣрлэр* ‘из взрослых пришли только двое’.[44] В ошском говоре узбекского языка, по сведениям И. Фарманова, частица *ла* заменяет широко употребительные в литературном языке частицы *ок*, *ку*, *ју*, *гіна*, *факат*, например: *кӵчајла* = лит. *кӵчагіна* ‘только вчера’, *җа іссиҕла* = лит. *җуда іссік-ку* ‘очень жарко ведь’.[45]

Мат:[46] др.-тюрк. *тӛлім башлар јувалдӣ-мат / јаҕӣ андӣн јавалдӣ-мат / күчі анӣң кӛвілді-мат / кілӵч кӥнка күчүң сіҕдӣ* ‘много голов покатилось, / поэтому присмирел(?), / силы его ослабли, / меч с силой (с трудом?) всунул в ножны’ (МК I 397).

Значение частицы *мат*, встречающейся в диване Махмуда Кашгари, из-за отсутствия определенного и ясного контекста устанавливается предположительно.

С. Чагатай пыталась рассматривать *мат* как прототип татарской частицы *бит*,[47] однако последняя надежно сопоставляется с русск. *ведь*. Ш. Шукуров считал возможной связь частицы *мат* с утвердительной частицей *ӛмät* ~ *ӛвät* ~ *јӛмät*, также встречающейся у Махмуда Кашгари (МК I 51; МК III 8).[48]

Ок.[49] Одна из наиболее древних и самых употребительных частиц, нередко оказывающаяся компонентом разных морфологических образований. Чаще других частицу *ок* присоединяют к себе и «ассимилируют» местоимения, падежные формы имени, деепричастия и наречия. Примеры: др.-тюрк. *сӛн-ӧк* ‘ты же’, *оша-ӧк* ‘вот тот же’; ст.-узб. *Самаркандӣ-ок* ‘именно Самарканд’, *Мӛшһӛддä-ок* ‘как-раз в Мешхеде’, *бурунҕӧдäк-ок* ‘такой же как прежде’, *түнлä-ок* ‘ночью же’; ст.-тур. *ол-ок* ‘тот же’, *шол-ok* ‘вот тот же’ (Feraḥ-nāme 152); алт. *ол-ок* ‘тот же’, *бу-ок* ‘этот же’, *анда-ок* ‘там же’, *бу-ла-ок* ‘этот вот’; тат. *күптән-үк* ‘издавна уже’, *башта-ук* ‘вначале’; туркм. *дашарӣk* ‘вне, наружу’, *јокарӣk* ‘вверх’, ‘на восток’; хак. *парӣбоҕӧхан* (*парӣб-ох-ӧхан*) ‘он тоже уехал’, *андох* (*анда-ох*) ‘там’, *пазох* (*паза-ох*) ‘затем’, ‘снова’, *тӣгдӛнӧк* ‘оттуда же’, *пӱнӧк* (*пӱн-ӧк*) ‘сегодня же’, *оларнӣңох сонҗа* ‘вслед за ними’; чуваш. *кӗз′ӗр-ӧх* ‘сегодняшним же вечером’; шор. *ӥларбок* (*ӥлар-ба-ок*) ‘с ними же’, *ӥрактаңок* ‘издалека же’, *анарок* ‘туда же’.[50]

Табаһа ~ *дабаһа*: башк. *бйл ат-табаһа һйјыр түгйл* ‘это ведь лошадь, не корова’.[51]

Согласно предположению Н. К. Дмитриева, частица *табаһа* ~ *дабаһа* образовалась из сочетания частицы *та* ~ *да* с формой условного наклонения от глагола *бул-*.[52]

Чілä ~ *чӱлä*: кум. *гӛлді-чілä* ‘он пришел ведь’, *гӧрдӱ-чӱлä* ‘он видел ведь’.[53]

б) С семантикой обособления-противопоставления

Чї ~ *чу*: кум. *сӛн-чі* ‘ты же’; уйг. *мän-чу* ‘а я’, ‘что касается меня’, *сіз-чу* ‘что касается вас’.

Ісä ~ *сä* ~ *зä*... (форма 3-го лица условного наклонения от вспомогательного глагола *ӛ(р)-* ~ *і(р)-*): азерб. *ҕӥз-ісä ҕätijjätlä dӛdi* ‘девушка же решительно сказала’, *мän-ісä сізі таныдым* ‘я же узнал вас’, *інді-ісä* ‘теперь же’; тур. *бу јӥлän ахӏрӥndа hіч бір јӛрӛ гітмӛм, кардӛшім-ісӛ Ізмірӛ гітмӛк істіјор* ‘в конце этого года я никуда не поеду, мой брат же хочет поехать в Измир’; уйг. *мän-зä* ‘что касается меня’.

Тӏзӛң, *тӛзӛ* (формы 2-го и 3-го лица условного наклонения от глагола *ті-* ~ *тӛ-* ‘говорить’): хак. *сін-тӏзӛң* ‘ты же’, *пӏс-тӏзӛң* ‘что касается нас’; шор. *мӛн-тӛзӛ* ‘я же’, *ам-тӛзӛ* ‘теперь же’.

в) С семантикой усиления

Бӛ: гаг. *нӛ-бӛ* ‘ну, что?!’, *кач бурдан-бӛ* ‘беги отсюда, ну?!’;[54] тур. *нӛ ӛттік-бӛ* ‘что же мы наделали?!’, *нӛрӛдӛсініз-бӛ* ‘да где же вы?’, *бурасї бакkал дүккäні-мі-бӛ* ‘это что ли лавка бакалейщика?’, *јапма-бӛ* ‘да не делай же!’

Білӛ: тур. *бу ӛсӛрдӛ-білӛ* ‘даже в этом сочинении’, *бір чоҗук-білӛ буну анлар* ‘даже ребенок понимает это’.

Ҕу: др.-тюрк. *бу сабӥмда ігід бар-ҕу* ‘разве есть ложь в этих моих словах?!’ (КТм$_{10}$), *бӧдкä көрүгмä бӛглär-ҕу јаңӏлтачїсіз* ‘вы, беки, взирающие на престол, ошибаетесь’ (КТм$_{11}$).

һатта ~ *hätta*: азерб. *hätta rajon rähbärlärі* ‘даже руководители района’; тур. *ону гӧрдүм hatta konuштum-da* ‘я видел его и даже разговаривал’; узб. *hattə mӛn-nam ӛшітmaj kəldim* ‘я даже ничего не слышал’.

Јahy: тур. *сӧјлӛ бір шӛj-jahy* ‘ну-ка, скажи что-нибудь’, *бу нӛ сїҗak-jahy* ‘ну и жара!’, *кӛнді діліміз-jahy* ‘ведь оно наш родной язык!’, *hakkїm дӛјіл-мі-jahy* ‘нет что ли у меня права?!’

Мä: др.-тюрк. *нӛчä-мä опрак кӛдүк ӛрсä* ‘какой бы ветхой ни была одежда’ (МК III 38). Вопрос о возможности вычленения частицы *мä* из слова *јӛмä*[55] ‘также’, ‘еще’, ‘и’ остается открытым, ср.: др.-тюрк. *күн јӛмä түн јӛмä јӧлүј бардӥміз* ‘мы мчались днем и ночью’ (Тон$_{27}$), *мӛн барҕај мӛн-јӛмӱ* ‘ну ладно, я пойду’ (МК III 236).

Окуна, *тап*: карач.-балк. *тап сӛн окуна кӛл* ‘даже ты приходи’, *тап ӛнтда* ‘даже теперь’.[56]

---

[39] См.: *Шаабдурахманов Ш.* Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры, с. 67.

[40] См.: *Кайдаров А. Т.* К вопросу о частицах в уйгурском языке, с. 123.

[41] См.: *Муталлибов С.* XI аср ёзма ёдгорликларида фе‘л категорияси. Тошкент, 1955, б. 33.

[42] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 454.

[43] См.: Ҳазирқи заман уйғур тили, II. Алмута, 1966, б. 269.

[44] См.: Грамматика хакасского языка, с. 248—249.

[45] См.: *Фармонов И.* Ўш шевасида *-ла* юкламаси. — ЎТАМ, 1958, № 2, б. 45—47.

[46] О частице *мат* см.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 191.

[47] См.: *Çagatay S.* Kazan lehçesinde bazı tekitler, s. 103.

[48] См.: *Шукуров Ш.* Юкламалар тарихидан. — ЎТА, 1963, № 2, б. 40.

[49] Этимология частицы *ok* была предложена Н. К. Дмитриевым (< *ok* ‘стрела’) и М. Рясяненом (< *ökүш*, *ӧклі* ‘много’). См.: *Дмитриев Н. К.* 1) Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 130; 2) Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940, с. 154; *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 248.

[50] См.: *Korkmaz Z.* Türkçede *ok/ök* kuvvetlendirme (intensivum) edatı üzerine. — TDAY. Belleten (1961), 1962, s. 13—29; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977, с. 50—53.

[51] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 130.

[52] Там же, с. 130.

[53] См.: *Керимов И. А.* Краткая характеристика буйнакского и подгорного диалектов кумыкского языка. — Уч. зап. Дагестанского ГПИ. Филология и педагогика. Махачкала, 1967, VI, с. 46.

[54] *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. М., 1964, с. 289.

[55] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 235; *Gabain A.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 139.

[56] См.: Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976, с. 305.

г) С семантикой ограничения, указания на исключительность

Кӣна ~ ӻӣна ~ кана ~ ӻана: ст.-узб. *бу-ӻӣна* ‘только этот’, *бір-гінә* ‘один единственный’, *бір сарӣӻ іт-кінә* ‘одна только рыжая собака’; башк. *бӣл кӣшӣ-гӣнә* ‘только этот человек’; казах. *оӣ-ӻана* ‘только его’, *Акбота-ӻана* ‘только Акбота’; тат. *кичә-гӣнә* ‘вчера только’, *бәрәңгӣ-гӣнә* ‘только картофель’, *тік шуннан сӧң-ӻӣна* ‘только после этого’.

Во всех тюркских языках в бо́льших или меньших размерах наблюдается тенденция к переходу частицы *кӣна*. . . в морфологический элемент со значением уменьшительности-ласкательности, ср.: др.-тюрк. *кӣзкӣја* ‘девочка’ (МК III 170); ст.-узб. *мің әвгінә* ‘тысяча домиков’, *јашӣӻӣна* ‘совсем молодой’, *јахшӣӻӣна* ‘хорошенький’, *кушӣӻӣна* ‘птичка’; казах. *жұмсаққана* ‘мягонький’.

Случаи препозитивного использования частицы *кӣна ~ ӻӣна*... неизвестны, и поэтому в примерах из «Легенды об Огузе», ср.: *кәнә күнләрдән бір күн* (ЛОК 1_3), *кәнә јолда бәдүк бір үј көрді* (ЛОК 28_5), вероятно, будет не эта частица, а предположительно наречие *кәнә(т)* ‘внезапно’ (? < др.-монг. *гэнэт*).

Возможны сочетания двух ограничительных частиц, образующих своего рода рамочную конструкцию: др.-тюрк. *сіз јалаңуз-кӣја калӣрсіз* ‘вы остаетесь лишь один’ (КР 40_3); казах. *тәк бұл баланӣ-ӻана* ‘только этого ребенка’; узб. *фақат у кәлганда-гіна* ‘лишь когда он пришел’, *фақат бу кіші-гіна* ‘только этот человек’. Ср.: узб. *фақатгіна* ‘только лишь’.[57]

Тәк ~ тәк: азерб. *тәк достларӣмӣ дәӣил һәтта башӻаларӣ* ‘не только моих друзей, но даже и других’; тур. *бунун ічін тәк бір јол вар* ‘для этого есть только один путь’, *бурада тәк бір кіз вардӣ* ‘здесь была только одна девочка’.

Другие частицы с семантикой ограничения — азерб. *анӣаӻ, јалнӣз, бірӣә, тәкӣә*; карач.-балк. *сіңар, куру, чӣрт(да), ӣаланда*; туркм. *діңә, јалңӣӈ*, чуваш. *анӣах*, якут. *әрә*. Примеры: азерб. *анӣаӻ бу кітаб* ‘только эта книга’, *јалнӣз шәһәрініздә* ‘только в вашем городе’, *тәкӣә буну göстәрмәк істәді* ‘он хотел показать только это’; карач.-балк. *мән сіңар әкі кітап тапханма* ‘я достал только две книги’, *ол куру атасіна тіңіларікдӣ* ‘он послушает только своего отца’; [58] тур. *бу канāт јалнӣз бәнім канāтӣм дәӣілдір* ‘это мнение не только мое’; туркм. *онуң мāӈләшән göӈләрі діңә Акнабадӣ саӣарӣ* ‘его потемневшие глаза заметили только Акнабад’.[59]

д) С семантикой уточнения

Частицы с семантикой уточнения находятся в одном ряду с дейктическими частицами, и различия в передаваемых ими значениях не всегда прозрачны, ср.: тур. *іштә бу сӣрада* ‘вот в это время’ (*іштә* — дейктическая частица),[60] *там бу сӣрада* ‘как раз в это время’ (*там* — уточнительная);[61] узб. *худді шу* ‘как раз вот это’, *у худді сәат бәшда кәлді* ‘он как раз в пять часов пришел’.[62]

е) С семантикой анафорических и дейктических членов

Ма, мана, ана, інә: карач.-балк. *ма бу* ‘вот этот’. Не совсем ясно, в каком отношении к *ма* находятся сходные по внешнему облику и по значению частицы *мана, мајна*. Примеры: башк. (диал.) *мӣна бӣл, мӣна шул, мӣнав ~ мӧнав*, казах. *мӣнав*, кирг. *мобу(л) ~ мабу(л) ~ мінабу(л)*, узб. *манә, манәві*, узб. (диал.) *мәнә, мәві, мäші*,[63] *мінав ~ мәнәву*,[64] *мінäбі ~ мінәві, мінäші*,[65] *мінäві*,[66] *мämбі ~ мämбу, мäші ~ мäшу*,[67] уйг. *мана у ~ маву ~ мону ~ мана бумошу ~ манашу* ‘вот этот’;[68] крым.-тат., хак. *мӣна* ‘вот’. Ср. также: карач., балк. *мајна ма, мајна* ‘вон’, *мајна ол* ‘вон он’, ‘вон тот’.[69]

Наряду с частицей *мана*. . . в тех же языках и диалектах встречается частица *ана* — самостоятельно и в качестве компонента конкретно-указательных местоимений. Примеры: башк. (диал.) *әнә шул* ‘вот этот’, *анав* ‘вон тот’;[70] з.-сиб.-тат. *анавӣл* ‘вон тот’ («сравнительно дальний»);[71] казах. *анав*, узб. *анә ~ анаві*, узб. (диал.) *анаві ~ анаву, әнäшу* ‘вон тот’; крым. (тат.) *ана* ‘вон’; уйг. *äјнә бу* ‘вот этот’, *äву* ‘вон тот’.

Следующая частица, примыкающая к двум только что упомянутым, — *інә*: балк. *інол* ‘вот тот’,[72] карач.-балк. (диал.) *ііно*,[73] туркм. *інә*, узб. (диал.) *інә* ‘вот’.[74]

Сопоставляя частицы *мана, ана* и *інә* и учитывая наличие таких конкретно-указательных местоимений, как башк. (диал.) *шӣнав*, казах. *сонав, осӣнав*, можно прийти к выводу, что частицы *мана, ана, інә, шіна, сона* — сложные, состоящие из частицы *а* и архаической формы (с конечным *н*) указательных местоимений: *ман-а, ан-а, ін-ä, шін-а, сон-а*.

Ош ~ уш ~ іш ~ ш ~ с. . . Частица *ош*. . . прослеживается во всех тюркских языках главным образом в составе особой подгруппы указательных местоимений и лишь изредка — сама по себе, например: др.-тюрк. *ош мунда кӣл* ‘вот так делай’ (МК I 36); ст.-узб. *ошбу* ‘вот этот’, *ошу(л) ~ оша(л)* ‘вот тот’; башк. *шул* ‘вот тот’; казах. *осӣ* ‘вот этот’, *сол* ‘вот тот’; кирг. *ушу(л)* ‘вот этот’, *ошо(л)* ‘вот тот’; ног. (диал.) *шошӣ ~ шӣшӣ ~ шӧшӣ* ‘вот этот’;[75] кар. *ушбу ~ ушпу ~ успу*, тур. *ішбу*, туркм. *ӣшбу* ‘вот этот’;[76] узб. (диал.) *ошä ~ ошу* ‘вот тот’;[77] уйг. (диал.) *ушбу* ‘вот этот’, *оша ~ ошу ~ ошї, шу ~ шул* ‘вот тот’;[78] якут. *субу* ‘вот этот’, *сіті* ‘вот тот’, *сол* ‘вон тот’.[79]

Частица *ош*. . . может выступать в сочетании с другими аналогичными частицами.

Тä ~ тә ~ ті ~ дә ~ дä ~ ді.[80] Частица *тä*. . . синонимична предыдущей и употребительна в сочетании с указательными местоимениями: гаг. *тә бу* ‘вот этот’; кирг. *тә* ‘вон тот’. Очевидно, она является одним из компонентов конкретно-указательного местоимения *тәгі*, ср.: алт. *тігі*, башк. *тӣгӣ*, кирг. *тігі(л)*, тат. *тӣгӣ*, шор. *тігі* ‘вот тот’, ‘тот самый’.

В языках огузской группы частица *тä ~ тә*. . . сочетается с частицей *ош ~ іш*. . .: гаг. *штä бу*, крым. (тат.) *(і)штә*, тур. *іштә бу* ‘вот этот’.

Ту ~ тӱ ~ ду ~ дӱ ~ тӧ: алт. *ту ол* ‘вон тот’; тат. (диал.) *тушӣ* ‘вот этот’; ж.-уйг. *ту гунда* ‘вон там’;[81] казах. (диал.) *тонав* ‘вон тот’; салар. *тӱ ~ тӯбу* ‘тот самый’;[82] тув. *дӧ ~ дӧ ~ дӯ ~ дӱ* ‘вон тот’; уйг. *тушу* ‘вот этот’.

Можно предположить, что частица *ту*. . . и частица *тä ~ тә*. . . развились из одного архетипа.[83] В пользу этого предположения свидетельствует

---

[57] См.: *Ҳамдамова И.* Ўзбек тилида *-гина* элементи ва унинг маънолари. — ЎТАМ, 1961, №4, б. 53.
[58] См.: Грамматика карачаево-балкарского языка, с. 307.
[59] См.: *Хыдыров М. Н.* Туркмен дилиндеки овнук сөзлер, с. 11—12; Грамматика туркменского языка, I, с. 468—469.
[60] См.: *Ergin M.* Türk dil bilgisi. Sofija, 1967, s. 331.
[61] Там же, с. 344.
[62] См.: Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975, б. 580—581.
[63] См.: *Шарипов Х.* Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.
[64] См.: *Шерматов А.* Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972, б. 96.
[65] См.: *Насыров Ш.* Кокандский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 17.

[66] См.: *Ахмедов А.* Джушский говор узбекского языка, с. 18.
[67] См.: *Узоқов Ҳ.* Водил шевасида олмошлар. — ЎТАМ, 1962, № 5, б. 35.
[68] См.: Ҳазирқи заман уйғур тили, II, б. 138.
[69] См.: Грамматика карачаево-балкарского языка, с. 305.
[70] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 17.
[71] См.: *Ахатов Г. Х.* Диалект западносибирских татар, с. 23.
[72] См.: *Аппаев А. М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 67.
[73] См.: Грамматика карачаево-балкарского языка, с. 304.
[74] См.: *Жуманазаров Ю.* Ҳазорасп шевасидаги кўрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятлари. — ЎТА(М), 1961, № 3, с. 57—58.
[75] См.: *Калмыкова С. А.* Особенности караногайского диалекта ногайского языка. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ. Сер. филол., 1968, с. 177.
[76] См.: *Боржаков А.* Туркмен дилинде горкезме чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 3, с. 64.
[77] См.: *Шарипов Х.* Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.
[78] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины, 2. Алма-Ата, 1976, с. 167.
[79] См.: *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН, VIII сер., 1908, № 7, S. 35.
[80] См.: *Кудайбергенов С.* Кыргыз тилиндеги ат атоочтор. Фрунзе, 1960, б. 50.
[81] См.: *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 123.
[82] См.: *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. АДД. М., 1969, с. 50.
[83] Ср.: *Ашнин Ф. Д.* Указательные частицы в тюркских языках. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1958, XVII, № 5, с. 430.

факт отсутствия параллельного использования той и другой частицы в одних и тех же языках и диалектах.

ho ~ hy: туркм. (диал.) *ho ~ hö, hō ~ hȫ, hōл, hōла* ‘вот тот’; [84] узб. (диал.) *ҳанавї*,[85] *ҳӯв анавї* ‘вон тот’.[86]

Экспрессивно-выделительные частицы-союзы

Некоторые экспрессивно-выделительные частицы примечательны тем, что, являясь акцентирующим средством, они одновременно выполняют сочинительные и подчинительные функции. И поскольку частицы, как акцентирующее средство, имеют в тюркских языках длительную историю, а союзы появились относительно поздно, прочно укоренилось мнение о том, что многие тюркские союзы «ведут свое происхождение от усилительных частиц».[87] Не высказываясь пока по существу затронутого вопроса и не пытаясь установить, каким путем развивались союзы в тюркских языках: через промежуточную ступень экспрессивно-выделительных частиц или параллельно частицам и независимо от них, мы тем не менее хотели бы отметить правомерность и в известной мере обоснованность приведенной выше точки зрения.

Да ~ та ~ дā ~ тā ~ даҳа ~ даҳї ~ даӈї ~ таӈї: ст.-узб. *анда-ок-даӈї* ‘и туда же’; азерб. *бялкя-дя* ‘может быть и’; алт. *бу д'ӛрдӛ кайӣӈ-да карағај-да аспак-та тӣт-та... ӧзӣп д'ат* ‘здесь растут и береза, и сосна, и осина, и лиственница...’;[88] башк. *кілдĕ-дä кĕттĕ* ‘пришел и ушел’, *мĕн-дä* ‘и я’, ‘я также’, *бĕз-дä* ‘и мы’; кирг. *маӈа-да бӛр* ‘и мне дай’; кум. *мӛн-дӛ сӛн-дӛ* ‘и я, и ты’; тат. *таӈĕн-да*, тат. (диал.) *тā* ‘еще’, ‘еще более’, *ӱсбӛкнӣӈ тĭлĕ-тā ӷĕӣӈрак* ‘язык узбеков труднее’;[89] тат. *карӌĭк-та jӧкламаӈан, кӱрӛсĭӈ* ‘старуха, по-видимому, не спала’; тур. *бу шӛкілдӛн-дӛ кӧсаӈа олса-да бансӛтмӛк ifабӛдӛр* ‘и об этой форме, хотя бы коротко, следует поговорить’; туркм. *ӈаррӣлар-да jāшлар-да* ‘и старики, и молодые’, *бір гӧрӛрін-дӛ* ‘увижу-ка еще раз’; узб. *бу кіші-да* ‘и этот человек’, ‘этот человек также’; хак. *азӣрāн-дā адазї чоӈĭл ӛмĭскӛн-дӛ ĭӈӛзĭ чоӈĭл* ‘нет у них ни отца, вскормившего их, ни матери, давшей молоко’, *позĭм-дā* ‘и я сам’; чуваш. *сӑӈӛт-тӛ іртмӛрӗ* ‘не прошло и часа’, *унччӗн-тӛ пулмарӗ* ‘вдруг, неожиданно’ (букв. ‘до этого не было’).

Сочетаясь с формой условного наклонения, рассматриваемая частица-союз передает уступительность и некоторые другие значения, например: башк. *касаӈ булҳа-ла* ‘когда бы то ни было’, *ул ӱӧĭ бäлäкäj булҳа-ла* ‘хотя бы и маленький’; тув. *ĭндĭӈ болза-дā* ‘если и так’; туркм. *гӛлӧӛ-дӛ̄* ‘если и придет’, ‘хотя и придет’. Ср.: башк. *кілгäн-дä* ‘хотя и пришел’.

В ногайском языке частица-союз *да...* употребляется как сопутствующий элемент при форме повелительного наклонения.

Широкие размеры приняло использование частицы-союза *да...* в качестве компонента неопределенных и отрицательных местоимений и наречий, ср.: алт. *бір-дӛ* ‘ни один’ (в сочетании с отрицанием); башк. *бĕр нämä-лä* ‘ничто’, ‘ни одна вещь’; кар. *кім-ӛсцӛ* (< *кім ӛсӛ-дӛ*) ‘кто-то’; [90] карач.-балк. *кајрĭ ӛсӛ-дӛ* ‘куда-то’.

В азербайджанском, гагаузском и турецком языках одна из разновидностей рассматриваемой частицы выступает в препозиции и, сочетаясь с прилагательными и наречиями, становится показателем аналитической формы сравнительной степени: азерб. *даҳа бäркдäн* ‘еще сильнее’, *даҳа-да бäрк* ‘еще больше’; [91] гаг. *гӱлдӛн-дā гӱзӛл* ‘красивее роз’, *бӛндäн-тā гӛнч* ‘моложе меня’; [92] тур. *бундан-даҳа узун* ‘длиннее этого’, *даҳа сонра* ‘позже’, *даҳа даҳа сонра* ‘еще позднее’.

Особая ступень в развитии данной частицы — ее использование как самостоятельного слова в обстоятельственной функции, ср.: тур. *ама даҳа ікі сāт вакtĭм вар* ‘однако есть у меня еще два часа времени’.

Таким образом, в тюркских языках оказываются представленными разные ступени эволюции служебных слов, что создает парадоксальную ситуацию: одни и те же единицы языка относятся к частицам, союзам и наречиям.

Различия во взглядах на путь преобразования деепричастной формы: *makï* или *maka* (от *mak-* ‘прикреплять, присоединять’), являющейся прототипом частицы *dā. . .*, не затрагивают существа гипотезы о ее происхождении. Эти различия касаются определения характера и состава промежуточных форм, ср.: 1) *dakï* > *даӈї*, 2) *dakï* > *даҳї* > *dahi*, 3) *dakï* > **dak* > **dax* > *da* (у Т. Текина); [93] *makï* > *даҳї* > *dahi* > *даҳа* > *da(.)a* > *da/dӛ* (у А. У. Элёве).[94] Т. Текин, акцентирующий внимание на своеобразии грамматической природы наречия *даҳа* и частицы *да ~ дӛ*, высказывает мысль о наличии нескольких параллельных линий эволюции исходной словоформы, что и отразилось в предложенной им схеме. А. У. Элёве рассматривает весь путь развития от самостоятельного до служебного слова как единый процесс, имевший несколько ступеней.

Кі: [95] азерб. *бу-кі* ‘этот ведь’, *сӛн-кі білірсäн* ‘ты ведь знаешь’, *о гӛтді-кі* ‘он ушел ведь’, *чалїш-кі, бікар гäзмä-кі* ‘работай-ка, не слоняйся-ка без дела’,[96] *нä jахшї-кі, о мäні гӧрмäді* ‘как хорошо, что он не видел меня’, *äввäл істäді-кі, ҳäӈіӈäті ӈіздан гізлätсін* ‘вначале он хотел скрыть от девушки правду’; тур. *ішіттім-кі кардӛші гіттміш* ‘я слышал, что его брат уехал’, *öјлӛ кізїјорум-кі* ‘так горячусь!’, *о кадар пара ҳарĭадї-кі* ‘он ведь столько денег истратил!’; узб. *білдім-кі, сіз кӛлган ӛкансіз* ‘я узнал, что вы приехали’, *у шундај катта-кі, тасаввур кіла элмајсіз* ‘он такой огромный, вы не сможете представить себе’.

ҳам ~ häm: туркм. *мӛнӛм* ‘и я’, ‘я также’; узб. *ман-ҳам* ‘и я’. С формой условного наклонения частица-союз *ҳам ~ häm* выражает уступительность, ср.: узб. *бӛрсам-ҳам* ‘если и пойду’, ‘хотя пойду’.

II. МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

О грамматическом своеобразии модальных частиц, по сравнению с модальными словами говорилось выше.[97] Здесь мы ограничиваемся классификацией модальных частиц и воспроизведением иллюстративного материала.

К модальным частицам относятся побудительно-запретительные (императивные), вокативные, вопросительные, отрицательные частицы и частицы, выражающие предположительность-неуверенность-неочевидность.

Собственно модальные частицы

а) С семантикой побуждения-запрета

А: туркм. *бак-а* ‘посмотри-ка’; уйг. *бӛрің-а* ‘дайте-ка’.

Ач: др.-тюрк. *ач бӛрӱ кӛл* ‘ну, иди сюда’.

Ăлĭ: башк. *тукта-ăлĭ* ‘подожди-ка’, *кіл-ăлĭ* ‘иди-ка сюда’; чуваш. *пăх-халĕ* ‘смотри-ка’. Ср.: башк. *ул ăлĭ бäлäкäj* ‘он еще маленький’; кум. *мӛн ӷалі кі-*

---

[84] См.: *Менглиева Г.* Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 124.

[85] См.: *Ахмедов А.* Джушский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962, с. 18.

[86] См.: *Жуманазаров Ю.* Ҳазорасп шевасидаги кўрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятлари, б. 57.

[87] См.: *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 367.

[88] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940, с. 221.

[89] См.: *Тумашева Д. Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961, с. 195.

[90] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 329.

[91] См.: Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 182—183.

[92] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 108.

[93] См.: *Tekin T.* 1) *Da/de* bağlayıcısının türeyişi. — TD, 1958, VII, N 78, s. 276—277; 2) *Daha* zarfı ve *da/de* edatı hakkında. — TD, 1958, VII, N 83, s. 560—562.

[94] См.: *Elöve A. U. Da/de* üzerine bazı düşünceler. — TD, 1958, VII, N 81, s. 454—457.

[95] Ф. А. Джалилов решительно возражает против того, чтобы допускать переход частицы *кі* в союз. По его мнению, «исследователи азербайджанского языка спутали частицу *кі* с союзом *кі . . .*». См.: *Джалилов Ф. А.* Бессоюзные сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1979, с. 15.

[96] См.: *Абдуллаев Ə. З.* Көмәкчи нитг һиссәләри, с. 7.

[97] См. выше: с. 94.

тап охуjман ‘я еще (~ пока) читаю книгу’. В последних примерах выступает не частица, а наречие.

Бирҗä: азерб. *бирҗä тəз дур* ‘ну-ка, быстро вставай’.[98]

Дан ~ тан ~ нан: тув. (диал.) *ал-дан* ‘возьми-ка’, *көр-нəн* ‘посмотри-ка’.[99]

Дā ~ даһа: азерб. (диал.) *бах-дā ~ бах-даһа* ‘смотри же’.[100]

Дə гөрүм: азерб. *дə гөрүм, орада кімлярдянсініз* ‘ну, кто вы там?’.

Ді: азерб. *ді гял* ‘ну, иди’.

Ду: якут. *умнуман-ду* ‘не забудьте’.

Ӣj: якут. *бӣс-ӣj* ‘режь же’, *бӣһӣҥ-ӣj* ‘режьте же’.

Ко ~ коj ~ ҕоj: азерб. *ҕоj она бір jахшы бахым* ‘дай хорошо посмотрю на него’, *ҕоj бахсын, доҕма шəһярə доjунҗа бахсын* ‘пусть досыта насмотрится на родной город’; гаг. *ко гялсін* ‘пусть придет’; кум. *коj шуну ajта гөрсүн* ‘пусть попробует сказать это’.

Ка ~ ҕа: кум. *ал-ҕа* ‘возьми-ка’, *аша-ҕа* ‘ешь-ка’; чуваш. *кӗл-ха* ‘прийди-ка’, *кур-ха* ‘посмотри-ка’, *кала-ха* ‘скажи-ка’, *парам-ха* ‘расскажу-ка’.[101]

Кані ~ кянə: к.-калп. *кянə сöjлə* ‘ну-ка, рассказывай’; узб. *кані эліҥ* ‘ну-ка, возьмите’, *кані кəла кэл* ‘ну-ка, подойди’.

Кӣ: др.-тюрк. *кӣ бəрӱ кəл* ‘ну-ка, иди сюда’ (МК III 212).

Ма: др.-тюрк. *ма ~ маһ* ‘на, возьми’ (МК II 118; МК III 213).

Сам: чуваш. *ларăр-сам* ‘садитесь же’, *кӗл-сӗм* ‘приди же’.

Сана ~ сӣна: башк. *ал-һана*, карач.-балк. *алсан-а* ‘взять бы тебе’, ‘взял бы ты’; крым.-тат. *jат-сана* ‘ложись же’; к.-калп. *кəл-сянə* ‘подойди-ка’; кум. *чӣк-сана* ‘выйди-ка’, *коj-сана* ‘оставь-ка’; тур. *бак-сана* ‘смотри-ка’, *уjу-сана* ‘засыпай-ка’; хак. (качинск.) *сӣх-сӣна* ‘выходи же’, *сӧлə-зӣнə* ‘скажи же’.[102] Высказывалось предположение о том, что частица *сана* появилась в результате сращения частицы *а* с аффиксом условного наклонения 2-го лица. Действительно, подобный путь образования частицы *сана* наиболее вероятный, однако не совсем ясна причина сужения первого гласного в хакасском языке.

Хəлə: гаг. *хəлə бак* ‘ну-ка, посмотри’.[103]

Һа: азерб. *унутмаjын-һа* ‘не забудьте’, *унутма-һа* ‘не забывай’; тур. *кəндіні сікі тут-һа* ‘держись крепко’.

Һаj ~ хаj, hajді: гаг. *хаj гідəлім* ‘ну-ка, пойдем’; тур. *hajді сана бір іш булаjым* ‘давай, найду-ка тебе какую-нибудь работу’, *hajді білдіjіні jап* ‘ну, делай как знаешь’.

Таҕӣ: ног. *бар-таҕӣ* ‘иди же’, *барсӣн-таҕӣ* ‘пусть же идет’.

Чӣ ~ чу: др.-тюрк. *кəл-чӱ* ‘иди же сюда’, *барма-чу* ‘не ходи же’ (МК III 207); башк. *ал-сӣ*, казах., к.-калп., ног. *ал-шӣ*, карач.-балк., кирг., крым.-тат., кум. *ал-чӣ*, узб. *эл-чі* ‘возьми-ка’; казах., к.-калп. *алсӣн-шӣ* ‘пусть-ка возьмет’, *алаjӣн-шӣ* ‘возьму-ка’, *алаjӣк-шӣ* ‘возьмем-ка’; карач.-балк. *кəлсін-чі* ‘пусть-ка придет’; кум. *алаjым-чӣ* ‘возьму-ка’; узб. *бəрса-чі* ‘пусть-ка даст’, *бəрсаҥіз-чі* ‘идите-ка’.

Чӗ: чуваш. *jурла-чӗ* ‘пой же’, *jурладăр-чӗ* ‘пусть же поет’.

б) Вокативные частицы

А: др.-тюрк. *а эдгӱ кіші* ‘о добрый человек!’, туркм. *Бурбан-а* ‘э, Курбан!’.

Аj: др.-тюрк. *аj jəр көк ідісі* ‘о господин земли и неба!’ (QBH 4_{14}), *аj аj Оҕуз* ‘о Огуз!’ (ЛОК 16_{18}); ст.-узб. *аj бəкім* ‘о госпожа!’; туркм. *аj оҕул* ‘о мальчик!’

[98] См.: *Агазаде Н. Г.* Повелительное наклонение в современном азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 141 сл.

[99] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 96.

[100] См.: *Велиев А. Г.* Переходные говоры азербайджанского языка. АДД. Баку, 1975, с. 87.

[101] См.: *Егоров С. П.* Семантическая классификация частиц в чувашском языке, с. 150.

[102] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 22.

[103] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 204—206.

Aja (aj-a): др.-тюрк. *окӣҕӣл анї сəн аja көҥлі тӱз* ‘прочитай это ты, о прямодушный’ (QBN 132_{12}), *аja шāк jолїда jəліглі одун* ‘о блуждающий по дороге сомнений, приди в себя’ (XX A_{12}).

в) Вопросительные частицы

Мї ~ му ~ ма ~ ба ~ па ~ їм ~ м: др.-тюрк. *ол бардї-мї* ‘он пошел?’ (МК III 214), *бардїҥ-му* ‘ты пошел?’ (МК III 261); алт. *кəлді-бə* ‘пришел ли он?’; башк. *алдӣ-мӣ* ‘взял ли он?’; гаг. *булут-му* ‘облако ли?’; казах. *ӱjдə-мə* ‘в доме ли?’, *барпас-па* ‘не пойдет ли?’; ног. *барарсӣҥ-ма* ‘пойдешь ли ты?’; кирг. *сəнсің-бі* ‘ты ли это?’; тув. *їнда кім пар-їл, оларнӣ-бə азї бістəрнӣ-бə* ‘кто там: их или наши?’; хак. *їрах-па чаҕїн-ма* ‘далеко ли, близко ли?’.

В алтайском языке, по сведениям Н. П. Дыренковой, в качестве вопросительной частицы иногда выступает вопросительное местоимение *нə*: *апарҕај-нə* ‘повезет ли?’[104] Ср.: башк. *бӣð бӣнӣ аллмајбӣð-мӣ-ні* ‘неужели мы не берем этого?’;[105] хак. *ол кілгəн-мə-ні* ‘пришел ли он?’, *ноҕа-ла мін парҕам-ні* ‘зачем только я пошел?’

Бäс: азерб. *бäс сіз* ‘а вы?’, *сянін дəjіл, бäс кіміндір* ‘не твой, а чей же?’, *бäс нəjä* ‘а как же?’

Дуо, дӯ, дā: якут. *ӧн сарсӣн бардїҥ-дуо* ‘ты что ли уезжаешь завтра?’, *ӧн істəгін-дӯ* ‘слышал ли ты?’

Шə: казах. *сəн-шə* ‘а ты?’, *кəлсə-шə* ‘а если придет?’; ног. *сӣз-шə*, узб. *сіз-ча* ‘а вы?’

г) Отрицательные частицы [106]

Тägӱл ~ дägӱл ~ дäjӱл ~ тӱjӱл ~ тӱл...: азерб. *бу інді мümкün-дəjіл* ‘это теперь невозможно’, *лазїм-дəjіл* ‘не надо’; ног. *бу ajван-тӱвӣл* ‘это не зверь’; тат. *їштäн кӧҷлї нäрсä табу мӧмкİн-тӱгəл* ‘невозможно найти что-нибудь сильнее труда’; тур. *jазаҗак-дəjіл* ‘он не будет писать’. Ср.: тур. *бəн, дəjіл гүндə, һафтада ӧллі ліра казанамїjордум* ‘я не то, что за день, за неделю не мог зарабатывать 50 лир’.

Ӭмäс ~ ӧрмäс ~ ӧвӧс...: узб. *у jэмэн бэла-ӧмас* ‘он неплохой ребенок’.

д) Частицы, выражающие предположительность, неуверенность, неочевидность

Частицы данной группы используются как предикативные элементы, подчеркнутая предикативность которых обусловлена их происхождением: все они — формы глагольных имен, ставшие выразителями различных видов модальности.

Ӭкäн ~ ікäн ~ кä (в сочетании с вопросительной частицей — *бəкəн ~ мікäн ~ мікін ~ мікä*): кирг. *өкмөт карїзҕа акча бəрəрбəкзн* ‘дает ли власть деньги в долг?’; туркм. *онуҥ нāмə хїjāлї бāр-ка* ‘какое же у него намерение?’;[107] узб. *jўк-ӧкан* ‘нет, оказывается’, *у кəтган-ӧкан* ‘он ушел, оказывается’, *білармікін* ‘знает ли он?’

Ӭміш ~ ӧміс ~ іміш ~ міш ~ муш ~ міс...: казах. *кəлдӣ-мİс* ‘говорят, он приехал’; тур. *бу іші ҝіддіjə алмїjор-муш-уз* ‘будто мы не принимаем всерьез это дело’, *навагазї ілə зəһірлəнмə пəк шаіранə олур-муш* ‘говорят, отравление газом очень поэтично’, *бір адамін көпəjі їсїрмасї газəтəҝілік бакїмїндан дəjəрлі-іміш* ‘с журналистской точки зрения важная вещь то, что человек кусает

[104] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 222.

[105] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 129.

[106] Подробнее см. в кн.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол), с. 96—99.

[107] См.: Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 449.

собаку, [а не то, что собака кусает человека]'; узб. *у кэтган-міш* 'говорят, он уехал'.

Ӛрінч: др.-тюрк. *ол бардї-ӛрінч* 'он, вероятно, пошел' (МК III 449), *ол бодісатв-ӛрінч* 'он, должно быть, бодисатва' (КР 45_5).

Ӛркі ~ ӛргі ~ іргі (обычно в сочетании с вопросительной частицей или вопросительным словом): др.-тюрк. *ол кӛлір-мӱ-ӛркі* 'придет ли он?' (МК I 129), *јазукум нӛ-ӛркі* 'в чем мой грех?' (QBN 56_{12}), *канта-ӛркі* 'где же он?' (Uig III 45_6); тув. *мӛн оларнің-білӛ дӛңнӛжір-іргі-мӛн-бӛ* 'как мне сравниться с ними?', *кажан кӛлір-іргі* 'когда он придет?'.

Ӛркін ~ ӛргін ~ іргін: тофал. *а'ртїк бӛдік мал-ӛргӛн* 'слишком высокое животное'; тув. *чурттап чорӑн чӱвӛң-іргін* 'жил-был'.

Їјік ~ їк ~ їк: тув. *ӛкі болур-ијік* 'было бы хорошо', *кім кӛлгӛн-ијік* 'кто пришел?', *їндіӊ-ијік-бӛ* 'не так ли?'; тув. (диал.) *бӑр-їк* 'ведь ходит'; [108] тофал. *а'т мунуп көрбӛн -їк мӛн* 'я не пробовал садиться на лошадь', *сӧдӑр-їк-ӑ* 'рассказал бы ведь'.[109]

Їјін: тув. *бо чїлїн дӱжӱт чӑӈај-ијін* 'хорош урожай в этом году?'

Дїр ~ дур ~ тїр ~ тур ~ дї ~ ду: башк. *бйл кїшї кїмдїр* 'этот человек кто?'; тур. *кім білір качӣнӣ дӛфа окујурсундур* 'кто знает, который раз читаешь', *һані біра-да көтӱ бір ічкі дӛјілдір* 'по крайней мере, и пиво не плохой напиток', *кім олдуӈумузу анламїшсїндїр* 'кто мы — понял ты'; узб. *бу уларнің номлары білан бӛӈлікдір* 'это связано с их именами'. Здесь мы имеем дело скорее с аффиксом, чем с частицей, и рассматриваем *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* среди частиц лишь потому, что в ряде тюркских языков налицо некоторые черты, характеризующие его как служебное слово-связку. *Дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* — преобразованная форма настояще-будущего времени глагола *тур-* 'стоять'; полная форма — *дурур ~ турур*; форма, ставшая собственно аффиксальным элементом, — *т*.

Аффиксу-частице *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. .* посвящено много специальных работ, в которых основное внимание уделяется ее грамматическому значению.[110]

В отличие от аффикса *-д ~ -т* аффикс-частица *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* является не столько показателем 3-го лица, сколько выразителем предикативности.[111] Правда, с именами она употребляется только в 3-ем лице и, следовательно, выступает преимущественно как лично-предикативный показатель. В глагольных же формах, по мнению Л. Н. Старостова, с которым в общем можно согласиться, она «сохраняет свое первоначальное значение показателя состояния».[112]

О том, что аффикс-частица *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* в предложении используется прежде всего в целях выражения предикативности, свидетельствует возможность присоединения ее лишь к тому члену предложения, который выполняет функции предиката. Иными словами, имя, сопровождаемое аффиксом-частицей *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .*, не может быть ни подлежащим, ни дополнением, ни определением, ни обстоятельством. Но рассматриваемая аффикс-частица присоединяется не только к именам, но и к глагольным формам, которые сами по себе являются носителями предикативности. При этом она передает дополнительные значения, проявляющиеся в ходе и в результате взаимодействия с семантикой глагольных форм. Из сказанного можно сделать вывод, что характер привносимого ею модального оттенка недостаточно определенный, точнее, не поддается строгому определению: его нельзя свести ни

[108] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка, с. 108.

[109] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 270.

[110] См.: *Старостов Л. Н.* О значении модальности на *-dır* в современном турецком языке.— Краткие сообщения ИНА. Языкознание, М., 1963, 72, с. 137—150; *Кононов А. Н.* 1) Заметки по морфологии турецкого языка: (Модальность на *-dır*). — СТ, 1980, № 3, с. 3—16; 2) Семантика и функции глагольной связки *turur > -turu/-duru > -tur/-dur > -tu / -du > -t/-d.* — СТ, 1980, № 5, с. 3—13.

[111] Ср.: *Ergin M.* Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, s. 312.

[112] См.: *Старостов Л. Н.* О значении модальности на *-dır* в современном турецком языке, с. 143.

к предположительности, ни к категоричности, хотя любое из этих значений нередко подсказывается контекстом. Ниже мы приведем примеры употребления аффикса-частицы *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* с глагольными формами, включая пример, использованный Л. Н. Старостовым, чтобы показать необоснованность часто предпринимаемых попыток квалифицировать его как средство передачи «общей категории предположительности, которая в одних случаях реализуется в оттенках категоричности, уверенности, в других — возможности, вероятности».[113] Ср.: тур. [*Миса*] *супі сатїјордур* '[Миса] продает рожки', *јукарїда ішарӛт ӛттијім гібі бу кітаб ӱч бӧлӱмӛ ајрїлмїштїр* 'как я указывал выше, эта книга подразделена на три части', *кім білір качӣнӣ дӛфа окујорсундур* 'кто знает, который раз ты читаешь [их], *онун кітабінда јанлїш бір назаријӛ ілӛ ілгілі бір танданс пӛк ачїк оларак гӧрӱнмӛктӛдір* 'в его книге очень ясно воспринимается тенденция, связанная с одной ошибочной концепцией'.

Безусловно, в употреблении аффикса-частицы *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* в разных тюркских языках есть свои особенности, однако то наиболее существенное, что выделяет ее и отчасти противопоставляет другим частицам, является принципиально одинаковым или сходным. Это одинаковое или сходное — состояние, процессуальность — значения, которые не свойственны лишь отдельным глагольным формам, полностью утратившим черты именного происхождения.

Авторы «Грамматики алтайского языка» дают следующий перечень случаев употребления аффикса-частицы *тїр* в алтайском языке: «а) при действиях невиданных, необыкновенных; б) при действиях неожиданных; в) для выражения чувства радости или печали, когда действие неожиданное или малоожиданное совпадает с желанием или нежеланием лица; г) при передаче событий неправдоподобных, недостоверных, сказочных и сновидений; д) вопрос с глаголом *тыр* выражает не просто требование ответа или осведомление, но вместе чувство удивления, недоумения, раздумья».[114]

Приведенного перечня достаточно, чтобы убедиться в том, что̀ послужило опорой при характеристике семантики упомянутого аффикса-частицы: составители грамматики принимали во внимание разнообразные случаи ее употребления с глагольными формами, многие из которых сами по себе передают те или иные оттенки модальности.

Не вполне ясной и четкой представляется позиция в отношении толкования семантики аффикса-частицы *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .*, занятая Н. К. Дмитриевым. Отмечая, что «в башкирском (и в некоторых других тюркских [языках]) элемент *-дыр* почти не употребляется в качестве аффикса сказуемости, а выступает. . . как особая частица в специфическом значении», и утверждая далее, что таким специфическим значением является «недостоверность факта или некая неуверенность говорящего», он приводит примеры, находящиеся либо в явном противоречии с этим его утверждением, ср.: *һін әлбіттә ӱзіңдің кәләшіңдї јаратаһйңдїр* 'ты, конечно, любишь свою невесту?', либо свидетельствующие о наделении «элемента *-дыр*» значениями других слов и форм, ср.: *ӧбак јӧклаӷанһйңдїр* 'ты, кажется, долго спал', *мӧӷајйн бїл көш Кузыйкурпеастәндїр* 'должно быть, эта птица от Кузыйкурпеса'.[115]

Используемая в целях доказательства тезиса о типичности для аффикса-частицы *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* значения недостоверности-неопределенности ссылка на сам факт образования при помощи этой частицы неопределенных местоимений едва ли уместна: неопределенные местоимения образуются от вопросительных местоимений и значение неопределенности, естественно, заложено в самом вопросе.

Итак, аффикс-частица *дїр ~ дур ~ тїр ~ тур. . .* используется преимущественно с общим значением состояния и с дополнительными оттенками, главным образом модальными, зависимыми от контекста или от грамматического

[113] Там же, с. 147.

[114] Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869, с. 250—253.

[115] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 130—131.

содержания глагольных форм. Высказывание о том, что связка *турур*, к которой восходит рассматриваемый аффикс-частица, первоначально передавала, как правило, «способы глагольного действия в особых формах его выражения — от категорического утверждения до решительного сомнения в возможности совершения действия»,[116] нам представляется недостаточно аргументированным.

Попутно заметим, что в тувинском языке в предикативной функции выступают указательные местоимения *бо* и *ол*, сами по себе и в сочетании с аффиксом-частицей *-дур*. Примеры: *мӓн ажӥлдāрӥм-бо(дур)*, *мӓн ажӥлдāрӥм-ол(дур)* ‘я (вот сейчас) буду работать’, *ачамнӥң кајнāр бāрӥ-ол* ‘куда идет отец?’,[117] *бо кӥм-ӥл* ‘это кто?’, *бо чу кіжі-л* ‘это кто такой?’; тофал. *ӡајдал* (*ӡајда-ол*) ‘где он?’

Модальные частицы-союзы

Модальных частиц, выступающих параллельно в функции соединительных средств, немного. Поэтому мы не сочли целесообразным выделять каждую из них в отдельности и ограничились указанием на то, что, например, в карачаево-балкарском и турецком языках в качестве частицы-союза используется вопросительная частица *мі* ~ *му*, а в чувашском языке — отрицательная частица *мар*, ср.: карач.-балк. *дӓкабрь ајї ӡӓтді-мі, кіш башландї* ‘как только пришел декабрь, началась зима’; [118] тур. *інсан чалїштї-мї, һӓр шӓјї башарїр* ‘если человек потрудился, он все одолеет’, *акӏїма бір шӓј којдум-му, мутлака јапарїм* ‘если что-нибудь вбил себе в голову, непременно сделаю’; чуваш. *ашшӗ мар, амӑжӗ-тӗ кілнӗ* ‘не только отец, но и мать пришла’.

[116] *Кононов А. Н.* Семантика и функции глагольной связки *turur* > *-turu/-duru* > *-tur/-dur* > *-tu/-du* > *-t/-d*, с. 13.
[117] См.: *Монгуш Д. А.* Об аналитической форме предикации в тувинском языке. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, Кызыл, 1968, XIII, с. 242—244.
[118] См.: Грамматика карачаево-балкарского языка, с. 548.

СОЮЗЫ

Являются ли союзы закономерным следствием внутреннего развития синтаксической структуры тюркских языков или же в той или иной мере отражают особенности их внешней истории — вопрос, постоянно вызывающий споры и пока еще не получивший убедительного решения.

С одной стороны, обращает на себя внимание наличие союзов в древнетюркских текстах, причем собственно тюркское происхождение некоторых из них не вызывает сомнений: как правило, это обособившиеся деепричастные формы. С другой стороны, совершенно очевидна их малочисленность и нетипичность для строя тюркских языков, характеризующегося большой степенью комплексивности. Примечательно также отсутствие, за редкими исключениями, союзов, имеющих широкую сферу использования, иначе говоря, употребляемых в большинстве тюркских языков и при этом без каких-либо стилевых ограничений.[1] Комплексивность синтаксической структуры тюркских языков делает сочинительные и подчинительные союзы избыточным средством связи: глагольные имена в формах различных падежей служат тем же целям, что и союзы. Поэтому появление последних кажется несколько неожиданным, необъяснимым с точки зрения реальных потребностей тюркских языков, и именно это побуждает определенную часть тюркологов относиться к союзам как к чему-то инородному. Немаловажную роль в формировании такого отношения играет то, что в нашем распоряжении имеется огромное количество фактов заимствования союзов и калькирования конструкций, не являющихся типичными для тюркских языков. Бесспорно, влияние арабского, персидского, славянских и других языков на некоторые тюркские языки, на их синтаксис, велико и следы его настолько очевидны, что нет необходимости приводить какие-либо доказательства. Все же вопрос о причинах, обусловивших появление в тюркских языках союзов, требует специального исследования, потому что наличие различных влияний не исключает возможности самостоятельного развития: влияния извне могли быть лишь дополнительными импульсами усложнения синтаксической структуры, ускорившими его и способствовавшими увеличению его размеров.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо выяснить 1) в какой мере использование союзов соответствует основным особенностям синтаксической структуры тюркских языков; 2) мотивировано ли появление союзов потребностями тюркского синтаксиса; 3) какие выводы могут быть сделаны на основе интерпретации результатов сравнительного исследования тюркских союзов и изучения особенностей их распределения как в письменных памятниках разных периодов, так и в современных языках.

Сказать, что использование союзов соответствует основным особенностям синтаксической структуры тюркских языков, можно, пожалуй, только при условии признания типичности для них таких конструкций, как ст.-кыпч. *качан јолдан барїрлар іді утру бір кіші јолухту* ‘когда они шли по дороге, один

[1] В этом смысле примечательна разговорная речь, в рамках которой построение сложных синтаксических конструкций обходится без посредства союзной связи. См.: *Амиров Р. С.* Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 22—29; *Уринбаев Б.* Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи. АДД. Ташкент, 1976, с. 38—42.

человек попался им навстречу' (Cod. Cum. $62v_8$); ст.-узб. *сәшәнбә әді кім Хоҷандқа јәттім* 'был вторник, когда я прибыл в Ходженд'; узб. *на хотін бәр на бәла-чақа* 'ни жены, ни детей нет'; гаг. *чоҷук аннамїш ані падішаһ она іш вәрміјор* 'мальчик понял, что падишах не даст ему работы';[2] туркм. *хачан ічі бӧрландан доң өјләрінә ғајдіп гәлјәрді* 'когда он становился голодным, возвращался к себе домой'; хак. *анаң, хаҷан туннәл'гә чіткәндә, тїзәң, туннәл'нің көзїт чӧрә халған* 'затем, когда они достигли туннеля, он начал показывать туннель'.[3] Однако признание типичности приведенных конструкций для синтаксиса тюркских языков означало бы полное игнорирование того обстоятельства, что тесное и продолжительное соприкосновение тюркских языков с другими языками оказывало влияние на их синтаксическую структуру.

Мотивированность появления союзов потребностями тюркского синтаксиса не может быть доказана, так как любой случай употребления союза дублируется бессоюзной связью. Наряду с надежными формами глагольных имен функции соединительных средств выполняют деепричастия, которые по происхождению также являются глагольными именами. Кроме того, есть особые формы глагола, например форма условного наклонения, которые вводятся в предложение без помощи специальных соединительных средств; специальные соединительные средства могут лишь дополнять их, ср.: др.-тюрк. *абам бірӱк бу әтӱзӱмін тітсәрмән өтрӱ . . . барчанї тітміш їдаламїш болурман* 'если отвергну (~ принесу в жертву) это мое тело, то [значит] буду отвергнувшим все' (Suv 614_{1-5}), *кім каjу тїнлїғ бу номуғ умуғ їнағ тутсар ол тїнлїғ јімә кут булмїшларка санур* 'тот, кто примет это учение в качестве опоры, будет считаться нашедшим счастье' (TT VI_{37-38}). Важно отметить, что в памятниках древнеуйгурского языка любые подчинительные союзы — временные (*качан, качан бірӱк, калтї, кім, кім каjу*), местные (*бірӱк каjу, каjута, каjутін, кім*), условные (*абам, абам бірӱк, бірӱк кім калтї, калтї бірӱк кім каjу, кім каjу, кім бірӱк*) — сочетаются с глагольной формой на *-сар*. Последняя, по подсчетам Ш. Текина,[4] обнаруживается в 65 % придаточных предложений.

Сравнительное исследование союзов позволяет сделать вывод, что общими для большинства тюркских языков являются лишь отдельные сочинительные союзы, развившиеся из выделительных частиц, совмещающие функции союзов и частиц и поэтому нередко именуемые частицами-союзами.

Значительная часть сочинительных и подчинительных союзов заимствована из арабского, персидского, славянских и других языков. Ниже мы приводим неполный перечень заимствованных союзов с тем, чтобы наглядно показать размеры иноязычного вклада в тюркский синтаксис, а также характер соотношения разных пластов заимствований.

Араб.: азерб. *амма, лакін, фәғәт*, башк. *әммә, ләкін*, тат. *әмма, ләкін, фәкат'*, тур. *ам(м)а, ләкін, факат*, туркм. *әммә, вәлі, вәлін*, узб. *аммә, ләкін, ләк, ва ләкін ~ валә*, уйг. *амма, ләкін, пәкәт* 'а', 'но, однако'; азерб., уйг. *вә*, тур., туркм. *вә(у)*, узб. *ва(у)* 'и'.

Перс.: азерб., башк., тат., уйг. *һәм*, гаг., тур., туркм. *һәм*, узб. *һам* 'и'; азерб. *ја, јахуд*, башк., тат. *јә, јәкі*, туркм. *јә*, узб. *јо, јохуд* 'или'; азерб., тур. *зіра*, азерб., тур., туркм., уйг. *чӱнкі, чӱнкӱ*, узб. *чункі* 'так как, потому что'; азерб. *әгәр, һәргаһ*, башк., уйг. *әгәр*, тур. *әјәр*, туркм. *әгәр*, узб. *агар* 'если'; азерб. *һәрчәнд*, башк. *гәрсә* 'хотя', 'несмотря на', узб. *һарчанд* 'сколько ни', 'как ни'; азерб. *гаһ. . ., гаһ*, тур. *гәһ. . ., гәһ*, узб. *гоһ. . ., гоһ* 'то. . ., то', 'иногда. . ., иногда'; азерб., гаг., кар., тур., туркм., узб. *кі* 'что'; азерб. *нә. . ., нә*, гаг., тур. *нә. . ., нә*, узб. *на. . ., на* 'ни. . ., ни'; узб. *тә* 'пока', 'до того времени как', *тәкі* 'чтобы'; азерб., гаг. *істәр. . ., істәр*, тур. *істәр. . ., істәр* 'хоть. . ., хоть', 'или. . ., или'; узб. *хоһ. . ., хоһ* 'или. . ., или'.

Араб.-перс.: азерб. *мадам кі*, тур. *мадәм кі*, узб. *мәдәмікі* 'так как', 'поскольку'; азерб., уйг. *вә һәм* 'и (еще)'; азерб. *вә ја, вә јахуд, вә ја кі* 'или (же)'.

[2] См.: *Zajączkowski W.* Język i folklor gagauzów z Bułgarii. Kraków, 1966, s. 21.

[3] См.: Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 445; *Донидзе Г. И.* О составе и функциях слова «*хачан*» в хакасском языке. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1957, V, с. 147—148.

[4] См.: *Tekin Ş.* Uygurcada yardımcı cümleler üzerine bir deneme. — TDAY. Belleten (1965), 1966, s. 61—62.

Русск.: башк. *ә* 'а', *ату* 'а то', *хатаја* 'хотя';[5] гаг. *да* 'и', 'а';[6] кар. *то, а, і, но, хотја, хот'*;[7] хак. *а, а то, зато, хот'*.[8]

Польск.: кар. *пукі* 'пока', 'до тех пор пока', *алә* 'но, однако', *шак* 'однако', *ані* 'ни'.[9]

Для полноты характеристики степени употребительности союзов в современных тюркских языках заметим, что в языках Сибири и Алтая, не подвергшихся влиянию арабского и персидского языков, количество союзов ограниченное.[10] В якутском языке, например, собственно союзов почти нет.[11] Число союзов, их многообразие и размеры употребления возрастают по мере продвижения с востока на запад.

В диахроническом плане увеличение числа союзов происходит в направлении к настоящему времени, причем вхождение арабских и персидских союзов наблюдается преимущественно в пределах книжного языка.

В памятниках рунической письменности собственно союзы не встречаются. В древнеуйгурских текстах и текстах караханидского времени они не так уж редки, но не вызывает сомнений ведущая роль в их появлении не-тюркской языковой среды и языка не-тюркских источников. Неважно, в чем выражалось влияние иносистемных языков — в прямом заимствовании союзов или в калькировании конструкций с заменой союзов подходящими тюркскими средствами, — заслуживает быть отмеченным лишь сам факт влияния. «Идея придаточного предложения, — пишет Ш. Текин, — берется из чужого языка, однако являющийся его важной частью соединительный элемент создается за счет возможностей своего языка».[12] Нередко, однако, из чужого языка заимствуется и соединительный элемент.

В старокыпчакских текстах союзов немного и состав их в основном предопределен языком оригинальных сочинений, но не в смысле их прямого заимствования, а путем идентичной замены, например: *авә Маріа кім ачтің / көкні дағїн әндірдің / куткардачїміз Јәсуснї / кім тушманїмїзнї јәңді* 'я приветствую тебя, Мария, которая разверзла / небеса и низвела нашего спасителя Иесуса, / который одолел нашего врага' (Cod. Cum. $69v_{7-8}$), *качан фріштә ол сӧзні аjтті анчак көрӱнмәді* 'когда ангел произнес эти слова, тогда он исчез' (Cod. Cum. $62v_{24}$).

Для староузбекского, староазербайджанского и старотурецкого языков характерно наличие большого количества и заимствованных союзов, и союзов, представляющих собой кальки или полукальки, ср.: ст.-узб. *әгәр ~ гәр, башартї* 'если', 'если же', *әгәрчә ~ гәрчә, әгәрчәнд ~ гәрчәнд* 'хотя', *бавуҷуд кім* 'несмотря на то, что', 'хотя', *анің ӱчӱн кім, нә (ӱ)чӱн кім, анї(ң) ӱчӱн кә, нәгә кә, чункә, нәчік кім* 'потому что, так как', *та кім, та кә* 'пока', *һәрнәчә* 'сколько ни';[13] ст.-азерб. *ғачан кі, һәр ғачан кі, ғачан кім, шол заманда кім, ол замандан кім* 'когда', *нәдән кім, шол сәбәбдән кім, нәчӱн кі* 'потому что, так как'.[14]

[5] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948, с. 128; *Сәйәрғәлиев Б. С.* Башҡорт телендә ярҙамсы һүҙҙәр. Өфө, 1960, б. 71.

[6] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 277, 279.

[7] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 326—327.

[8] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 269.

[9] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 326—327.

[10] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961, с. 450; Грамматика хакасского языка, с. 269.

[11] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 277.

[12] *Tekin Ş.* Uygurcada yardımcı cümleler üzerine bir deneme, s. 62.

[13] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962, с. 204—210; *Матғозиев А.* 1) Эргаштирувчи боғловчиларнинг тараққиёт тарихи. — ЎТА, 1966, № 1, б. 26—32; 2) Ўзбек тилидаги айрим эргаштирувчи боғловчиларнинг тарихига доир. — ЎТА, 1966, № 3, с. 41—48; *Матғазиев А.* История развития подчинительных союзов в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1966.

[14] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы. Бакы, 1962, с. 354 бб.

При калькировании союзов основным «строительным» материалом явились наречия, относительное местоимение, послеложные сочетания, но особенно значительна роль относительного местоимения *кім* (ср.: перс. *кэ*), которому посвящены специальные работы и которое подробно будет рассмотрено ниже.

Несколько слов о способах образования союзов в тех тюркских языках, которые не испытали влияния арабского и персидского языков. Здесь имело место образование союзов из различных глагольных форм, главным образом деепричастных, и путем калькирования союзов русского языка. Примеры: тув. *тарā бӥшпāн дӛш агроном кӛзӛрін соңғāрлатқан* 'агроном отложил косовицу, так как хлеб еще не созрел' (*дӛш* — деепричастие прошедшего времени от *дӛ-* ~ *ді-* 'говорить'), *кӛлбӛс мӛн чӱгӛ дӛргӛ* (~ *чӱгӛ дізӛ*) *чаӥм чок* 'не приду, потому что мне некогда' (*дізӛ* — форма условного наклонения, *чӱгӛ дізӛ* букв. 'если сказать почему', *дӛргӛ* — причастие будущего времени от *дӛ-* ~ *ді-* 'говорить' в форме дательного падежа), *дӛрзі* 'что' (форма принадлежности причастия будущего времени от *дӛ-* ~ *ді-* 'говорить'), *хӱн чӥрӥдар болғаш чӥлӥдар* 'солнце светит и греет' (*болғаш* — деепричастие прошедшего времени от *бол-* 'быть, становиться'), *хат хадāн база ча'с чағған* 'подул ветер, и пошел дождь' (*база* — слитное деепричастие от *бас-* 'ступать', 'следовать');[15] хак. *сінӗ от сабарға полӧс пірзӗн тіп хӱӱртхам* 'я позвал тебя для того, чтобы помочь [мне] косить сено' (*тіп* — «соединительное» деепричастие от *ті-* 'говорить').[16]

Для ответа на поставленный выше вопрос важное значение имеет выяснение истории относительного союза *кі*(*м*).

В старописьменных тюркских языках Средней Азии и Закавказья первоначально получила распространение разновидность с конечным *м*, которая в дальнейшем утратила его или была вытеснена другим относительным союзом *кі*. Принадлежность относительного союза *кім* тюркским языкам как будто бы не вызывает сомнений. Иначе обстоит дело с объяснением происхождения относительного союза *кі*. Большинство тюркологов сближает его с персидским союзом *кэ* и рассматривает как следствие влияния синтаксиса персидского языка.[17] Изложенная точка зрения кажется убедительной и достаточно обоснованной, прежде всего ссылкой на то, что за пределами региона, находившегося в сфере влияния иранских языков, ни *кі*, ни *кім* в качестве средства синтаксической связи не известны. Некоторые же тюркологи ограничиваются констатацией наличия союза *кі* в тюркских и иранских языках и не пытаются объяснить его происхождение.[18] Примечательна позиция, занятая тюркологами Азербайджана. Почти все они единодушны в том, что союз *кі* в тюркских языках не восходит к персидскому *кэ* и появился вследствие чисто фонетического преобразования (упрощения) относительного союза *кім*, развившегося из собственно тюркского относительного местоимения *кім*, прототипом которого было аналогичное по внешнему облику вопросительное местоимение.[19] Путь преобразования *кім* А. З. Абдуллаев схематически изобразил так: *кім* (вопрос. местоимение)] → относительное местоимение *кім* → союз *кім* > *кін* > *кі*.[20]

Эта точка зрения подкреплена несколькими аргументами, среди которых наиболее значителен следующий: нельзя убедительно доказать, что тюркский относительный союз *кі* развился из персидского *кэ*, тогда как есть достаточные основания постулировать его тюркское происхождение. По-видимому, еще на уровне праязыка *кі* вошел в состав большой группы относительных прилагательных и местоимений, так как прослеживается во всех без исключения тюркских языках, ср.: др.-тюрк. *алтӥнкі* 'находящийся внизу', *бӛрійäкі* 'находящийся на юге'; азерб. *ғӥшдакі* 'зимний', *ахшамкі* 'вечерний';[21] башк. (диал.) *мінӗкінӗкі* 'мой';[22] кум. (диал.) *мунуку* 'этого';[23] тур. *бӛрікі* 'находящийся по эту сторону', *өтӛкі* 'находящийся по ту сторону', *бӛнімкі* 'мой'; узб. *уйдагі* 'находящийся в доме'; якут. *бӥйӀлғі* 'этого года', *бӱгӱңңӱ* 'сегодняшний', *тіатāғі* 'находящийся в тайге'.[24] Заметим также, что Т. И. Грунин квалифицировал *кі* в составе относительных прилагательных и местоимений не как аффикс, а как союз, «относящий следуемое за ним слово-понятие во временную или пространственную плоскость, например *акшамкі* (от *акшам* 'вечер') 'вечерний'='тот, который вечером'».[25]

Кі, как относительный элемент, являющийся частью формы относительных прилагательных и местоимений, имеет длительную историю в тюркских языках, и едва ли могут возникнуть какие-либо сомнения относительно его тюркской природы. В пользу точки зрения азербайджанских тюркологов свидетельствует и то, что в староазербайджанском и староузбекском языках продолжительное время использовался относительный союз *кім*, восходящий к относительному местоимению и являющийся бесспорно тюркским. Примеры: ст.-азерб. *гӧрдӱлӓр кім ол ігіт баш кӓсібдір ған тӧкӱбдӱр Байбура бӓјін сағында отурар* 'увидели, что тот молодец, который сносил головы, проливал кровь, сидит вправо от Байбура-бека';[26] ст.-узб. *Ошдӥн өткӓндӓ хабар кӛлді кім мухаліфлар Андіҗан сарӥ бармӥш* 'когда проходили через Ош, пришло известие о том, что противник ушел в сторону Андижана', *кіші кім бір сӛнің јӱзӱңні көрді. . .* 'человек, который раз увидел твое лицо. . .' Употребление союза *кім* как средства, вводящего прямую речь, служит дополнительным доказательством большой исторической глубины процесса его синтаксического использования, ср.: ст.-узб. *ба'зі дӛділӓр кім јазға алғајбіз* 'некоторые сказали: «К лету возьмем»', *бујурді шаһ кім ол атні кӛлтӱр* 'шах приказал: «Приведи ту лошадь»'. Следует подчеркнуть, что сторонники гипотезы о тюркском происхождении *кі*(*м*) не отрицают фактов параллельного употребления в тюркских языках Средней Азии и Закавказья персидского союза *кэ*.

Таким образом, относительный союз *кі*(*м*) является, вероятнее всего, тюркским. Этот вывод можно было бы считать окончательным и исчерпывающим решением проблемы, если бы сфера распространения *кі*(*м*) не совпадала с границами региона, находившегося под влиянием иранских языков. Есть еще одно препятствие на пути безоговорочного принятия сделанного выше вывода. Все подчинительные союзы, встречающиеся в древнетюркском языке, не типичны для него и вообще для тюркских языков, они представляют лишь один вид подчинительной связи, причем такой, который выражается и без союза, при помощи глагольной формы условного наклонения, например: *абаң ӛдгӱ болса бу бӛглӓр өзӱн/баjур бодні барча көр ӛтлӱр аӷун* 'если эти беки сами хороши, / то весь их народ богатеет, а вселенная благоустраивается' (QBH 36_{18}), *ікі нӛң біріксӓ бір ӛрдӓ калӥ / бӧкӓнді ол ӛргӓ мӱрӱввӓт jолӥ* 'если обе [эти] вещи соединятся в одном муже, / то тому мужу закрыта дорога доблести' (XX A_{149}), *калтӥ ӛтӱз кодсар ӱч јавлак јолға тӱшӓрлӓр* 'если (~ когда) [живые существа] оставляют тела, они попадают на три скверных пути' (TT VI_{43}).

Учитывая приведенные факты и соображения, высказанные предшественниками, мы должны присоединиться к точке зрения Ш. Текина, который в упомянутой выше статье недвусмысленно заявил, что средства связи придаточных

---

[15] См.: *Сат Ш. Ч.* О некоторых служебных словах, возникших на базе глагольной основы *ди-* (// *де-*) «говорить» в тувинском языке. — Уч. зап. Кызыльского ГПИ, 1961, II, с. 47—64; *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 449—455.

[16] См.: Грамматика хакасского языка, с. 276.

[17] См.: *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка: (Морфология и синтаксис). М., 1928, с. 140; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956, с. 363, 535.

[18] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, p. 683—684.

[19] См.: *Әфәндијев Ч.* Азәрбајҹан дилинин грамматикасы, I. Бакы, 1951, с. 244; *Гусейнзаде М. Г.* Выступление на координационном совещании. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 238—239.

[20] См.: *Абдуллајев Ә. З.* Азәрбајҹан дилиндә ишлənән *ки* бағлајычысының мəншəји haгғында. — Тр. ИЛЯ. Языковедческий сб., Баку, 1963, XVII, с. 63—74. Ср.: *Çagatay S.* Türkçede *ki* < *erki*. — TDAY. Belleten (1963), 1964, s. 245—250; *Гаджиева Н. З.* Происхождение союза *ки* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии: К шестидесятилетию академика АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 216—223.

[21] См.: *Велиев К. Н.* Аффикс *-кы* в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1974, с. 11 сл.

[22] См.: *Юсупов Х. Г.* Асинский говор башкирского языка. АКД. М., 1955, с. 11.

[23] См.: *Шахманова Р. Г.* Казанищенский говор кумыкского языка. АКД. М., 1954, с. 9 (примеры из кайтакского говора).

[24] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977, с. 96—98.

[25] *Грунин Т. И.* Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень. М., 1951, № 2, с. 4, 10.

[26] См.: *Мирзазадə Һ.* Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 356.

предложений с главными в древнеуйгурском языке были собственно тюркскими, а сама «идея» такой связи — не-тюркской.[27] Не отрицая возможности внутреннего процесса формирования средств выражения подчинительной связи, мы тем не менее не можем не констатировать заметное воздействие на этот процесс синтаксиса иранских языков. Иной вывод, как это ни парадоксально, означал бы полное игнорирование специфики синтаксического строя тюркских языков и результаты сравнительного изучения их.

Другим, на наш взгляд, должен быть ответ на вопрос о природе сочинительных союзов. Древнетюркские сочинительные союзы-наречия, восходящие к деепричастным формам, не являлись чисто соединительным средством. Они использовались для подчеркивания, выделения и вместе с тем служили целям образования сложных синтаксических единиц с присоединенными членами и конструкциями, сохранявшими своеобразие древней паратактической структуры речи, ср., например: др.-тюрк. *ǰïda bірlä ja oḳ bірlä takï kïlïč bірlä kalkan bірlä atladï* 'с копьем, луком и стрелами, также с мечом и щитом он пустился в путь' (ЛОК 4_1), *andan soŋ kənä bu* [*kök*] *tülüḳlüg kök ǰalluŋ ərkäk börі bірlä Sïndu takï Taŋut takï Šaŋam jaŋakarïŋa atlap kətti* 'и вот затем двинулся он с [сиво]власым, сивогривым волком в сторону Индии (?), также Тибета, также Сирии' (ЛОК 33_{1-3}); ст.-узб. *takï ǰüz oŋ törт kітаб köktін najŋambarlarŋa ində takï əllік kітаб Šïs najŋambarŋa ində takï otuz kітаб Ідріс najŋambarŋa ində takï jігірмä kітаб Ібрahім najŋambarŋa ində takï*. . . 'еще сто четырнадцать книг с неба «снизошло» пророкам, еще пятьдесят книг «снизошло» к пророку Шизу, еще тридцать книг «снизошло» к пророку Идрису, еще двадцать книг «снизошло» к пророку Ибрагиму, еще . . .' (СК 3б).

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

А) Сочинительные союзы тюркского или неизвестного происхождения

Takï ~ dakï ~ ta ~ da: др.-тюрк. *toŋ takï muz* 'стужа и лед' (ЛОК 26_5), *kün toŋušïdan da kün batušïŋača* 'от востока и до запада' (ЛОК 36_3), *üč jüz takï səkіz altmïš* 'триста пятьдесят восемь' (ТТ VII 9_{12}); тур. *buny alsïn da okusun* 'пусть возьмет это и прочитает', *bəni gördü də səlәm vərmədі* 'он видел меня, но не поздоровался'; узб. *kітəbnі əldі da kətdі* 'он взял книгу и пошел'.

Поскольку *takï ~ dakï* — деепричастие на *-ï* от глагола *tak-* 'прикреплять', 'присоединять', для нас очевидно, что его соединительная функция предопределена лексическим содержанием прототипа.

Как происходило развитие союза *takï ~ dakï ~ ta ~ da* — непосредственно путем обособления деепричастия и постепенной утраты лексической семантики, через промежуточную ступень наречия или через посредство выделительной частицы — сказать трудно: практически далеко не всегда удается провести четкую границу между *ta ~ da*, выполняющим функции союза, и *ta ~ da*, выступающим в качестве частицы, а служебное слово *takï ~ dakï* часто может быть интерпретировано как наречие.

J̇ana ~ ǰana: др.-тюрк. *bір kün bір tün jana bір kün turur* 'день и ночь и еще один день' (ТТ VII 3_5); узб. *u išчan jana novator* 'он работящий и еще новатор'.

J̇aŋa ~ ǰana — «слитное» деепричастие от глагола *jan- ~ ǰan-* 'возвращаться'. И здесь лексическая семантика глагола обусловила появление у «слитного» деепричастия соединительных функций, но есть и отличительная черта: образованию союза предшествовал этап адвербиализации деепричастной формы. Следовательно, материалом для образования союзов в тюркских языках являются наряду с частицами и наречия.

Баса ~ база: алт. *bістің d'ərdə möš karaŋaj čібі база tït özüp d'at* 'в нашей местности растут кедр, сосна, пихта и лиственница', *kïrda d'ілkї-lar-da ujlar-da kojlor-da база nə-lə d'üzüŋ öskö maldar d'üri* 'на хребтах гор пасутся кобылицы, коровы, овцы и всякий другой скот';[28] тув. *хат хадāн база ча'с чаŋŋан* 'подул ветер, и пошел дождь';[29] хак. *anїŋ pu sarїnda kідəр tірəktəр sōttəр паза tїttар тулŋалчатханнар* 'на этой стороне его, на западе, сплошь росли тополя, осины и сосны', *anzї хатхїрча паза позїнїŋ хабарїн пастапча* 'тот смеется и начинает рассказывать свою новость'.[30]

Баса ~ база — «слитное» деепричастие от глагола *бас-* 'ступать', 'наступать', 'следовать'. Путь формирования из него союза аналогичен пути, пройденному союзом *jана ~ ǰана*.

Білä(н) ~ ілä(н) ~ лä ~ булан ~ мənән ~ мən: азерб. *форма ілä мä'на арасїндa* 'между и формой и содержанием'; алт. *бōрӱ лə іjт* 'волк и собака', *кїзїл ла кара* 'красный и черный'; казах. *калам мən дəптəр* 'ручка и тетрадь'; кирг. *уj мənən koj* 'коровы и овцы', *Азіз мənən Абдїлда* 'Азиз и Абдылда'; кум. *ал булан jашїл* 'красное и зеленое', *көк булан jəрні арасїндa* 'между небом и землей';[31] тув. *öшкӱ білə хoj* 'коза и овца', *кідїраш білə карандаш* 'тетрадь и карандаш'; узб. *Рā'нэ білан Лэла* 'Рано и Лола'.

Прототипом союза *білä(н)*. . . было, по-видимому, «слитное» деепричастие на *-н* от глагола *бірлä-* 'соединять, объединять', стоящего по своему лексическому значению в одном ряду с глаголом *tak-*. Промежуточным же этапом явилось образование послелога с комитативным значением. Таким образом, формирование союзов происходило также по линии семантико-функционального преобразования послелогов.

Азу ~ азї 'или': др.-тюрк. *ӱзӱм jəгіл азу каŋун jəгіл* 'ешь изюм или дыню', *кəлірмӱсän азу барїрмусän* 'придешь или уйдешь' (МК I 88), *азу улуŋ бачаŋ күн азу кічіг бачаŋ күн* 'или великий пост, или малый пост' (ТТ II $A_{прим.62}$); тув. *dāрта мən Кїзїлчə азї Абаканчə чорӱур мən* 'завтра я поеду в Кызыл или Абакан', *dїŋ азї сїрбїк өртəктіг өлүк бӧр чараш аŋчїŋаш* 'белка, или [иначе] сырбык, — красивый зверек, дающий ценную пушнину'.[32]

Неоднократно высказывавшееся предположение, что *азу* — «слитное» деепричастие на *-у* от *аз-* 'заблуждаться, сбиваться с пути', не лишено оснований.

Ара. . ., ара; *ара. . ., арала* 'то. . ., то', 'или. . ., или': др.-тюрк. *ара ач ара тоḳ* 'то голодный, то сытый' (QBK 281_9), *ара бар болур мəн ара jоḳ болур* 'то я присутствую, то меня нет' (QBK 40_6), *арала авїтур . . . ара jїŋлатур* 'то утешает . . ., то заставляет плакать' (QBH 177_{10}).

Исходное лексическое значение *ара* — 'промежуток, середина'.

Бір. . ., бір 'то. . ., то': карач.-балк. *бір ол кəлəдi, бір бӧрӱ кəлəдi* 'то он приходит, то волк'.

Бірдə. . ., бірдə 'то. . ., то': тув. *бірдə бажї бірдə холдарї* 'то голова его, то руки'.

Болŋаш 'и': тув. *дӱн болŋаш бӧгӱн* 'вчера и сегодня'.

Ŋoj. . ., ŋoj 'или. . ., или': азерб. *ŋoj гəтсін, ŋoj гəлсін* 'пусть или уйдет, или придет'.

J̇əмä. . ., jəмä 'и. . ., и': др.-тюрк. *күн jəмä түн jəмä jəлӱ бардїмїз* 'мы мчались и днем, и ночью' (Тон$_{27}$), *jана сӧзлəдің сӧз jəмä сӧзлəдім* 'ты еще говорил, и я говорил' (QBH 33_{19}).

В употреблении *jəмä* проявляются черты, свойственные, с одной стороны, наречию, с другой — послелогу. Этимология *jəмä* неизвестна, однако можно говорить о возможности расчленения *jəмä* на *jə* и *мä*: встречающиеся в древнетюркских текстах служебные слова *jə* и *мä* выражают значения, близкие к грамматическому содержанию союза *jəмä*. Примеры: др.-тюрк. *jaḥ* — утвердительная частица, *маḥ* 'на, возьми' (МК III 118), *jəḥ барŋїл-jə-мӱ* 'ну-ка, иди' (МК

---

[27] См.: *Tekin Ş.* Uygurcada yardımcı cümleler üzerine bir deneme, s. 62.

[28] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940, с. 265; *Тощакова Т. М.* Союзы и частицы в алтайском литературном языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1961, 4, с. 47.

[29] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 451.

[30] См.: Грамматика хакасского языка, с. 271.

[31] См.: *Магомедов А. Г.* Послелог «булан» кумыкского языка. — Уч. зап. ИЯЛИ Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала, 1962, X, с. 307—308; *Долинина Ю. П.* Послелоги в кумыкском языке. — Уч. зап. Дагестанского ГПИ. Филология и педагогика. Махачкала, 1967, VI, с. 72.

[32] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 452—453.

III 26), *сӱчӱг сӧзгӓ ӈумшар улуӈ ма кічіг* ‘от сладкого слова смягчаются и большой, и малый’ (QBH 97_5, ср.: *улуӈ нӓм кічіг*, QBN 198_7), *мунуӈда адӧн-ма такі бар сӧзӱм / анӧ-ма аӈу бӓр аӈ көркӱг ӈӱзӱм* ‘кроме этих также, есть еще у меня слова, / и об этом также поведай мне, о прекрасноликий’ (QBK 255_4), *ӈана-ма аӈӧттӧ* ‘и еще спросил он . . .’ (QBH 29_3). Не делая никаких выводов, следует также упомянуть о наличии в алтайском языке противительного союза *д'ӓ*, фонетически соответствующего древнетюркскому *ӈӓ*, ср.: алт. *кӧш карлу д'ӓ сӧк ӓмӓс* ‘зима снежная, но не холодная’, *бістің тӓдабӧс карӈан д'ӓ кадӧк* ‘наш дед стар, но крепок’.[33] Ср. также: хак. *Чулӧм суӈ улуӈ німӓс чӓ тірӓӈ* ‘река Чулым небольшая, но глубокая’.[34]

Тӧгӓ(ӈ) ~ тӓгӓ(ӈ) ~ дӓгӓ ‘а’, ‘же’, ‘что касается’: алт. *олор біскӓ аттӧлар біс дӓгӓ укпадӧбӧс* ‘они нам сказали, но мы не слышали’;[35] шор. *мӓн сӓні кӧӈӱрӈам сӓн тӓгӓ ӱн пӓрбӓдіӈ* ‘я тебе кричал, но ты не откликнулся’, *ӧлар анда калдӧлар мӓн тӓгӓ пӓрӓ нан кӓлдім* ‘они там остались, я же (~ а я) вернулся сюда’;[36] хак. *хахпас хӧрӧ іргӧлӓніп чарӧмӧ-ла турча чарӧмін тӧгӓӈ кӓмніӈ-дӓ холӧ чардінаӈ нӓчӧлап салтӧр* ‘крыша из коры стала ветхой, осталась только на половине, половину же (~ а половину) чья-то рука заново покрыла досками’.[37]

Тізӓӈ ~ тізӓ... — формы 2-го и 3-го лица единственного числа условного наклонения от глагола *ті-* ‘говорить’.

Ӧ(р)сӓ ~ ӓсӓ, бӱлса ~ булса ~ болса ‘а’, ‘же’, ‘что касается’, *ӓмӓгӓ* ‘или’: алт. *бӱгӱӈ ӓмӓгӓ таӈда* ‘сегодня или завтра’; узб. *мӓн бэраман дӱстім ӓса (~ бӱлса) нӓч кайэкка бэрмайді* ‘я пойду, а мой друг (~ что касается моего друга) никуда не пойдет’.

Здесь мы имеем дело с формами условного наклонения, положительными и отрицательными, от вспомогательных глаголов *ӓ(р)-* и *бӱл- ~ бул- ~ бол-* (*ӓ-сӓ, ӓ-мӓ-гӓ, бӱл-са*).

Ср. также в сочетании со словом *јок* ‘нет’: ст.-узб. *јокса* ‘а не то’, ‘в противном случае’.

Б) Сочинительные союзы, заимствованные из арабского, персидского и русского языков, а также сочинительные союзы неизвестного происхождения

Заимствованных союзов много в староазербайджанском, старотурецком и староузбекском языках, в современных тюркских языках, так или иначе связанных с письменной традицией названных языков, и, кроме того, в гагаузском и караимском.

Ап..., ап ‘ни. . ., ни’: др.-тюрк. *ап бу ап ол* ‘ни этот, ни тот’ (МК I 34). Союз *ап. . ., ап* выступает и с положительным значением: др.-тюрк. *ап аjаӈлӥӈ ап аjаӈсіз* ‘и достойные уважения, и недостойные’ (TT VII 40_{77}). Положительное значение он имеет также в сочетании с союзом *ӈӓмӓ*: др.-тюрк. *ап ӈӓмӓ тӱнлӓ ап ӈӓмӓ күндӱз* ‘и ночью, и днем’ (Suv 513_{17}).

Наиболее вероятный источник рассматриваемого союза — иранские языки.

Ва (-у ~-ву ~-ју) ‘и’ (перс.): ст.-узб. *дард ва ӷамӥм* ‘мои боли и огорчения’, *ол біру бар* ‘он един и существует’; азерб. *сӓнін халӷын һӧсабсіз рум вӓ рус вӓ Әфӷаністан вӓ Һіндістан вӓ Түркүстан вӓ Әрәбстан вӓ Фірәнгістан мәмләкәтләрінә. . . пәракәндә олуб* ‘твой народ рассеялся по многим странам: по Греции, России, Афганистану, Индии, Туркестану, по арабским странам и Франции’.[38]

Валӓ, ва лӓкін (араб.-перс.), *лӓк, лӓкін* (араб.), *амма* (араб.) ‘но, однако’: ст.-азерб. *бір гӓдаjӓм мӓн вӓлі гӧр ніjjӓті султанлӥӷым* ‘смотри, я нищий, но стремлюсь к высшей власти’, *гӧз јашӥ төкӓрді лӓјк нӓ суд* ‘текли слезы из глаз, но какая польза?!’;[39] ст.-узб. *мӓгӓр уjкуда jӱзӱӈ көргаj ӧрдім / валӓ ніjріңдӓ көздін учті уjку* ‘разве что во сне увидеть бы мне твое лицо, / но из-за разлуки с тобой пропал мой сон’, *хуб аjтӥп ӧді амма мӓн разі болмадӥм* ‘хорошо? — сказал он, но я не согласился’; др.-тюрк. *мӱнӱм јок ва лӓкін кішілӓр аjур* ‘у меня нет пороков, однако люди говорят [что есть]’ (QBN 59_{15}).

Нӓ..., нӓ ‘ни..., ни’ (перс.): др.-тюрк. *кӓдін өӈдін ӧрмӓс нӓ солдӥн оӈдун / нӓ астін нӓ үстін нӓ утру орун* ‘ни сзади нет места, ни спереди, ни слева, ни справа, / ни снизу, ни сверху, ни напротив’ (QBH 11_8); ст.-узб. *нӓ кіші аӈа охшар нӓ ол кішігӓ* ‘ни человек не похож на него, ни он на человека’; ст.-тур. *нӓ дӱнін нӓ гүндӱзін арам әтмӓк* ‘ни ночью, ни днем не иметь покоя’;[40] азерб. *нӓ өзү нӓ дӓ досту буну білмәділәр* ‘ни он сам, ни его друг этого не знали’; башк. *ні Әбат јук ні Наил* ‘нет ни Азата, ни Наиля’;[41] тур. *нӓ от вар нӓ оjак* ‘нет ни огня, ни очага’; узб. *на сув бэр на эзука на дарахт* ‘нет ни воды, ни пищи, ни деревьев’;[42] чуваш. *ні сӑмӗ ні шӑрӳ* ‘ни шерсти, ни щетины’.

Гаһ..., гаһ(і) ‘то..., то’ (перс.): ст.-узб. *көрсәтүр гаһ тӥӷ ва гаһ ок* ‘показывает то меч, то стрелу’, *гаһ сарв үзрә гаһі гүл үзрә* ‘то на кипарисе, то на розе’; азерб. *гаһ бізә гәлір гаһ онлара* ‘он то к нам приходит, то к ним’; узб. *гэһ јэмғір јэғаді гэһ тінаді* ‘дождь то идет, то перестает’.

Хоһ(і)..., хоһ(і) ‘или..., или’ (перс.): ст.-узб. *хоһ кӵчӓ jӱрі хоһ күндӱз* ‘или ночью иди, или днем’, *сӓні сӓні сәвәрәм хоһ інан хоһ інанма* ‘тебя-тебя люблю я, или верь, или не верь’; узб. *хоһ бугун хоһ эрта* ‘или сегодня, или завтра’.

Ја ‘или’, *ја. . ., ја* ‘или. . ., или’ (перс.): ст.-узб. *ја нӥшан әјләр баӷірнӥ ја jӱрәкні ја мӓні* ‘или метит в грудь, или в сердце, или в (самого) меня’; азерб. *ја мән ја сән ја да кі достумуз ораjа гәтмәлијік* ‘или я, или ты, или же наш друг должен идти туда’; башк. *jә уңға jә нулға* ‘или направо, или налево’; тур. *ја бән алданїjорум ја сән* ‘или я заблуждаюсь, или ты’; узб. *jэ сэн бэрасан jэ мэн бэраман* ‘или ты пойдешь, или я пойду’.

Јахуд ‘или’, *јахуд. . ., јахуд* ‘или. . ., или’ (перс.): ст.-узб. *јахуд әрмәні јахуд араб* ‘или армянин, или араб’; азерб. *шүбһәсіз о Кәрімовдан машӥн јахуд ат істәjә біләрді* ‘несомненно, он мог бы попросить у Керимова машину или лошадь’.[43]

Һӓм ~ һам ~ һӓм ‘и’ (перс.): др.-тюрк. *көӈӱл бӓрді сӧз һӓм jӱрӱтті тіліг* ‘он дал мысль, слово и привел в движение язык’ (QBH 16_{19}); ст.-узб. *. . . һӓм курғанӥнӥ алӥндӥ һӓм ӷанӥмнӥ качурулді* ‘. . . и крепость его была взята, и враги были обращены в бегство’; азерб. *һам узун һам әнлі* ‘и длинный, и широкий’, *һам јаван һәм-дә ӷоја* ‘и молодой, и старый’; башк. *мін укӗjӗм һәм јазам* ‘я читаю и пишу’.

В современных тюркских языках *һӓм ~ һам ~ һӓм* в качестве собственно союза выступает редко. Преобладает выделительная функция, т. е. функция частицы, функция же средства синтаксической связи является второстепенной, не существенной: опущение *һӓм. . .* приводит к исчезновению акцентированности, но не нарушает цельности синтаксической единицы, ср.: узб. *јэмғір һам јэғді кэр һам јэғді* ‘и дождь шел, и снег’, *јэмғір јэғді кэр јэғді* ‘шел дождь, шел снег’.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

а) Собственно тюркские подчинительные союзы и подчинительные союзы неизвестного происхождения

Абаӈ ~ абам ‘если’: др.-тюрк. *бу тӓгмӓ кішігӓ кітаб бӓрмӓгӱ / абаӈ достуӈ ӧрсӓ ӓмін болмағу* ‘любому человеку нельзя давать книги, / если он даже твой друг, не будет надежным’ (QBH 5_{13}), *абам бір адакін сісар ічінтәкі татіғ төкүлгӱ-кӓ* ‘если обломят одну из ножек [котла], то находящееся в нем кушанье прольется’ (TT I_{198}).

---

[33] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 264.
[34] См.: Грамматика хакасского языка, с. 272.
[35] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 267.
[36] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941, с. 284—285.
[37] См.: Грамматика хакасского языка, с. 396.
[38] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 347.
[39] Там же, с. 350.
[40] См.: *Ertaylan I. H.* Türk edebiyatı örnekleri, I. Varaka ve Gülşah. İstanbul, 1945, s. 24.
[41] См.: *Сәйәрғәлиев Б. С.* Башкорт телендә ярҙамсы һүҙҙәр, б. 75.
[42] См.: *Асқарова М.* Боғловчи-юкламалар ҳақида. — ЎТА(М), 1962, № 5, б. 11—12.
[43] См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 315.

Калтї ‘если’, ‘когда’, ‘подобно тому как’: др.-тюрк. *калтї анта тәгдүктә інісі бірлә кавїштї* ‘когда [принц] прибыл туда, он встретился со своим младшим братом’ (KP 52_6), *калтї балїк сувїнтїн адїрїлїп ісіг кумта аӈїнамїш тәг јәртә аӈїнају їнча тәп јїӈладї* ‘[женщина] билась на земле, подобно тому как бьется на горячем песке рыба, вынутая из воды, и, так причитая, рыдала’ (Suv 626_{11}), *калтї јүрүӈ ташїӈ алсар кїзїлсїӈ суб өнсәр ол ташїӈ өзі үзә тутсар конка утӈај* ‘если возьмет светлый камень, если появится [на нем] красноватая жидкость и если тот камень подержит над собой, то всех победит’ (ThB_{14}).

Почти все перечисленные значения *калтї* в той или иной мере зависят от характера глагольных форм: условное значение передается при наличии формы условного наклонения, уподобительное — в сочетании с причастием и уподобительным послелогом (*аӈїнамїш тәг*), временно́е — когда *калтї* сочетается с причастием в форме местного падежа (*тәгдүктә*). Таким образом, присоединение одной синтаксической единицы к другой осуществляется фактически не при помощи союза, а посредством изменения формы глагола. Это обстоятельство затрудняет интерпретацию приведенных предложений как сложноподчиненных и вместе с тем является важным аргументом в пользу тезиса о необычности для тюркских языков союзной подчинительной связи. Примечательно, что так же обстоит дело с использованием многих своих и заимствованных подчинительных союзов в современных тюркских языках.[44] Например, союзы *агар* ~ *гар*, *башарті*, *гарчі*, *гарчанд*, *бәрді-ју*, *мабәдә* в узбекском языке устойчиво выступают с формами условного наклонения, ср.: *агар кәлса*, *башарті кәлса*, *бәрді-ју кәлса* ‘если придет’, *гарчі кәлса һам* ‘хотя и (~ даже если) придет’, *мабәдә мән кәлмасам...* ‘а если я не приду...’.

Лишь временно́е значение *калтї* существует как будто бы само по себе и прослеживается в сочетании с различными глагольными формами, ср.: др.-тюрк. *калтї талуј өгүзкә тәгіп јәті күн туруп кәмі јараттї* ‘когда он достиг моря, семь дней находился [там] и построил лодку’ (KP 31_3), *калтї тәгін уктї көӈлі јәрінті* ‘когда принц уразумел, он расстроился’ (KP 68_4).[45]

Калї ‘если’: др.-тюрк. *калї тәгді әрсә сәӈә күч басїнч / бару кәл мәӈә ај бу кадӈу сакїнч* ‘если на твою долю выпали притеснения, / приди ко мне и поведай об этих горестях’ (QBN 236_5).

Бірүк ‘если’: др.-тюрк. *бірүк ол кіші өгін көӈүлін їчӈїнсар...* ‘если тот человек лишится рассудка...’ (Man III 17_{10}), *бірүк бізні өлүрсәр сән јәмә нәӈ сәнің балїктакї іг тоӈа кәтгүсі јок* ‘если ты убьешь нас, все равно мор в твоем городе не прекратится’ (Uig I 44_2).

Качан ‘когда’: др.-тюрк. *булӈак үкүш болса качан білігің јітәр* ‘когда много смятения, твой разум исчезает’ (MK I 467), *качан бурхан кутї булса мән...* ‘когда достигну блаженства будды (т. е. истинного бытия)...’ (KP 76_4); ст.-кыпч. *качан фрішта ол сөзні ајтті анчак көрүнмәді* ‘когда ангел произнес эти слова, тогда он исчез’ (Cod. Cum. 62 v_{24}).

Кім ‘который’, ‘что’, ‘как’: др.-тюрк. *нә тәг кім тіләді-мә болді камуӈ* ‘все стало так, как он хотел’ (QBH 4_{17}), *нә кәргәк болті анча әмгәніп бу јәргә кәлтіңіз* ‘какая нужда была, что Ты, так мучаясь, пришел сюда’ (KP 47_3); ст.-узб. *кіші кім бір сәнің јүзүӈні көрді...* ‘человек, который раз увидел твое лицо...’.

В староузбекском языке союз *кім* часто вводит прямую речь: *ба'зі дәділәр кім јазӈа алӈајбіз* ‘некоторые сказали: «К лету возьмем»’, *дағї дәді кім бу сөзләрні унутуӈ* ‘он сказал также: «Забудьте эти слова»’, *мірза філһал ајтті кім кајсї сөзләрні* ‘мирза тотчас же сказал: «Какие слова?»’.

Происхождение древнейшего пласта незаимствованных подчинительных союзов может быть правильно объяснено лишь при условии учета всех обстоятельств их функционирования. Главнейшее из них, отмеченное еще К. Грёнбеком, то, что многие такие союзы выступают в определенной группе текстов, не встречаются ни в одном из современных тюркских языков и не соответствуют

[44] См.: *Асқарова М.* Боғловчи-юкламалар ҳақида, б. 5. См. также: *Мухторов Д.* Союзы в современном узбекском языке. АКД. Самарканд, 1953.

[45] См.: *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau, I, S. 53.

специфике тюркских языков,[46] о чем уже говорилось выше. Все это делает правдоподобным предположение о сознательном копировании буддийских и других текстов при переводе их на древнеуйгурский язык.

Подчинительные союзы тюркского происхождения, появившиеся в более поздний период, также несут на себе печать иноязычного влияния. Однако путь их образования не был столь искусственным, как у многих союзов, рассмотренных выше; они имели широкую сферу использования и в большинстве своем сохранились вплоть до настоящего времени. К ним относятся, в частности, ст.-узб. *анї(ӈ) үчүн кім*, *нә үчүн кім* ‘потому что’; азерб. *она көрә кі* ‘потому что’, *онун үчүн* ‘поэтому’, *онун үчүндүр кі* ‘вследствие того что’, *будур кі* ‘так как’; алт. *нәнің учун дәзә* ‘потому что’; башк. *шуға күрә*, *шунӈың өсөн* ‘поэтому’; карач.-балк. *нә үчүн дәсәӈ*, *нәк дәсәӈ* ‘потому что’; узб. *нәгакім*, *нәчункім* ‘так как’, ‘потому что’; чуваш. *пулзин-да*, *пулін-дә* ‘хотя и’, ‘если бы даже’.[47] Примеры: азерб. *баха білмірәм, она көрә кі бу гәрілік онлара да дәрд олур* ‘не могу смотреть, потому что это отставание причиняет им горе’;[48] узб. *у јаӈлішді, нәгакі унчалік таҗрібалі әмас* ‘он ошибся, так как не очень опытен’.

Особую группу составляют тюркские подчинительные союзы, представляющие собой обособившиеся деепричастные формы. Использование их как средств синтаксической связи явилось результатом поздних процессов, тенденция же к такому использованию возникла давно. Поэтому данную группу можно назвать самобытной: формирование ее происходило в рамках синтаксической структуры, типичной для тюркских языков, и имело результатом преобразование ее, выходящее за рамки стандартного типа. Сюда входят главным образом союзы, восходящие к формам «слитного», «соединительного» и «разделительного» деепричастий от глагола *тә-* ~ *дә-* ‘говорить’. Примеры: азерб. *о гәлмәсін дәјә, мән достларїма дәдім кі...* ‘чтобы он не пришел, я сказал моим друзьям, что...’; тув. *сіләрніӈ-білә сүмәләжір дәш кәлдім* ‘я пришел, чтобы посоветоваться с вами’;[49] тур. *аҗәлә әтмәјініз дијә тәләфон әттім* ‘я позвонил, чтобы вы не спешили’, *фїрінҗїдан әкмәк алсїн дијә кәндісіні гөндәрдім* ‘я послал его самого, чтобы он взял у булочника хлеба’; узб. *ічіга һәч кім кірмасін дәп әшікні кулфлап бәкітдім* ‘я закрыл дверь на замок, чтобы никто не вошел внутрь’.

В заключение должны быть упомянуты собственно тюркские подчинительные союзы, развившиеся из частиц, например, *му*:[50] тур. *токмак вурулду-му, ... әвіміз сарсілїр* ‘если ударили колотушкой, ... наш дом сотрясается’.

Б) Подчинительные союзы нетюркского и неизвестного происхождения

Әгәр ~ әгәр ~ гәр... ‘если’ (перс.): др.-тюрк. *әгәр му'мін әрсәӈ тәвазу' кілән* ‘если ты верующий, проявляя смирение’ (XX B_{280}); ст.-узб. *әгәр җан болмаса тәндін нә hасіл* ‘если не будет души, что за толк от плоти’, *гәр кілмаса вафа мәӈә ділбәр ‘аҗаб дәгүл* ‘если возлюбленная окажется неверной мне, не удивительно’; азерб. *әгәр ијазә вәрсә ҕатарїн ашханасіна гәдірсініз* ‘если он разрешит, пойдете в ресторан скорого поезда’; башк. *әгәр кајтһа бөгөн үк барїрмїн* ‘если он вернется, сегодня же пойду я’; кирг. *әгәрдә кәлбәсә нәтәт* ‘если не придет, что случится?’; туркм. *әгәр ол гәлдә мән һәм барїрїн* ‘если он придет, я тоже приду’.

Условный союз *әгәр ~ әгәр ~ гәр...* употребляется в сочетании с формой условного наклонения, являющейся основным выразителем условия. Тип условного предложения с глагольными формами изъявительного наклонения, в котором условие выражается лишь при помощи союза, не получил широкого распространения в тюркских языках, однако он вполне допустим, по крайней

[46] См.: Там же, S. 53—55.

[47] См.: *Павлов И. П.* Союзы *пулсан та, пулин те* в сложноподчиненных с придаточными уступительными в чувашском языке. — В кн.: Вопросы русской и чувашской филологии, I. Чебоксары, 1971, с. 230—238.

[48] См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 398.

[49] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 454.

[50] См. выше: с. 110.

мере, в азербайджанском языке, ср.: *ägär bizim istädijimizi värip, bašlajaγ išlämäjä, ägär värmir, onda göräk nä älajärik* ‘если он даст то, что мы хотим, начнем работать, если нет, посмотрим, что нам делать’.[51]

Агärчä ~гärчä ‘хотя’ (перс.): ст.-узб. *ägärчä kasaba ämäs jaxšiγina kasaba-чадур* ‘хотя [это] и не большой город, но хорошенький городок’.

Härчанд (кім) ‘хотя’, ‘сколько ни’ (перс.): ст.-узб. *härчанд кім варїсї hазїр jok ärdi ...* ‘хотя наследников при сем не было ...’; азерб. *härчänd aj ïšïγ jox idi, амма hава о γädär dä γaранлыγ dägildi* ‘хотя не было лунного света, не было, однако, слишком темно’;[52] узб. *Афанді ... harчанд урінса нам, салласіні сіллік кіліп ўрэлмаді* ‘Афанди ... сколько ни старался, не смог ровно намотать себе чалму’.

Härnägä ‘сколько ни’ (перс.-тюрк.): ст.-узб. *мän Газнїда härnägä taγassus kїldїm bu чäшмädін kїчкім нїшан бärмädi* ‘сколько я не допытывался в Газни, никто мне не указал этот источник’.

Союз *härnägä* — полукалька персидского союза *härчанд*.

Башарті ‘если’ (перс.): узб. *башарті у кэлса нам ...* ‘если он даже и придет ...’.

Бавуўуд кім ‘несмотря на то, что’, ‘хотя’ (перс.-тюрк.): ст.-узб. *бавуўуд кім атїмнї аjттїм нäм муддаттїн соңра танїдїлар* ‘несмотря на то, что я назвал свое имя, он узнал меня только спустя некоторое время’.

Чу ‘когда’, ‘как только’ (перс.): ст.-узб. *мän чу ölсäм xoh унутγїл анда xohi jad кїл* ‘когда я умру, хочешь — забудь меня, хочешь — вспоминай’, *кэтті хїрадїм башта чу ол кашїнї кördüm* ‘рассудок покинул голову, когда увидел те ее брови’.

Чун, чункі[53] *~ чўнкі ~ чўнкў* ‘так как’, ‘потому что’ (перс.): ст.-узб. *järгä кірсäм кашкі чун jэтмäс ол ajγa älік* ‘ах если бы войти мне в землю, так как не достает рука той луны’; узб. *мän кэламан, чункі бэшка ілэў jўк* ‘останусь, так как иного выхода нет’.

Та(кэ) ‘до тех пор пока’ (перс.): ст.-узб. *та анда jэткўнчä ...* ‘пока я добрался туда ...’; узб. *тэ hамма jиγілγунча мän шу jэрда бўламан* ‘пока все соберутся, я побуду здесь’.

Как в староузбекском, так и в современном узбекском языке связь синтаксических единиц в предложениях приведенного типа осуществляется главным образом при помощи формы на *-γунча*, так что использование союза является избыточным.

Та кі ‘чтобы’ (перс.-тюрк.): тур. *ачїк сöjлўjорум, та кі нэркэс анласїн* ‘я говорю ясно, чтобы каждый понял’.

Зіра ~ зэра, зэрэ(кі) ‘так как, потому что’ (перс.): гаг. *бітірмэдім школїі, зэрä лäзїмдї öдэмä пара* ‘я не окончил школу, так как надо было платить деньги’.[54]

Сэбэбі ‘так как, потому что’ (араб.): к.-калп. *Арзыгўл оннан дäслэп сэскэнің-кірэді, сэбэбі Гўлаjым алдына адам салмаγан тэрімшї* ‘Арзыгуль сначала боялась ее, так как Гюльайым — самая передовая сборщица’;[55] ног. *ол көңілсіз kajmtï, сэбэбі атшабыста атї бäрінің дэ ізінда калдї* ‘он вернулся невеселый, потому что на скачках его лошадь осталась позади всех’.[56]

Пукі ‘пока’, ‘до тех пор пока’ (польск.): кар. *олтурγузмахтан сон γар куру күндä кэрäк төкмä хїjарнї, пукі болγэj дöртўнчў jапрах* ‘после посадки в каждый засушливый день надо поливать огурцы, пока не вырастет четвертый листок’.[57]

[51] См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 400.

[52] Там же, с. 401.

[53] М. Рясянен возводит *чўнкі* (ст.-тур. *чўнкім*) к *ўчўн кі(м)*. См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 240. Кажется более предпочтительным видеть в *чўнкі* сочетание перс. *чун* и *кі*, так как соответствующий тюркский союз непременно включает в себя местоимение, ср.: *нэ ўчўн кі(м), анї(ң) ўчўн кі(м)*, стяженная же разновидность первого из них встречается в узбекском языке в виде *нэчункім*. Иными словами, послелог *ўчўн* вне сочетания с именем или глаголом не выступает.

[54] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 281.

[55] См.: *Авезов М.* Придаточное предложение времени и его структура в современном каракалпакском языке. АКД. Ташкент, 1973, с. 9.

[56] См.: Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология. Черкесск, 1973, с. 295.

[57] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 327.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

I

Изобразительные слова — разряд слов, не сопоставимых ни со знаменательными словами, ни со служебными. Их отличает от тех и других отсутствие четко воспринимаемых грамматических признаков, нахождение как бы за пределами языка. Примечательно, например, что многие языковеды не считают изобразительные слова вообще словами, так как не видят возможности выделить у них лексические значения. В самом деле, проблема лексических значений для любых изобразительных слов едва ли может иметь положительное решение. Скажем, какое лексическое значение передает киргизское изобразительное слово *тапїр-тапїр* или узбекское *биў-биў*? Первое из них — звукоподражание сильному топоту, второе — звукоподражание плачу ребенка. Однако отсутствие лексических значений не является достаточным аргументом в пользу тезиса, отрицающего принадлежность изобразительных слов к системе средств языкового общения,[1] т. е., иначе говоря, отрицающего принадлежность их к словам. Тип лексических значений не исчерпывает всего многообразия содержательной стороны языка. Помимо лексических, слова выражают грамматические значения, и все разряды служебных слов в той или иной мере лишены лексической семантики. У изобразительных слов — совершенно особый тип значения, подражательный, образный. Следовательно, и изобразительные слова наряду с самостоятельными и служебными входят в систему средств языкового общения.

Отличительными чертами изобразительных слов, помимо своеобразного, «не рассудочного» содержания, являются: необычная структура, характеризуемая распространенностью повтора и нетипичным для языка в целом распределением звуков, а также способность присоединять к себе специальные элементы и служебные слова, обеспечивающие функционирование изобразительных слов наравне с обычными лексическими единицами.[2]

Прежде чем перейти к общему обзору и классификации изобразительных слов и рассмотреть каждую из названных выше отличительных черт, мы считаем необходимым коснуться истории изучения изобразительных слов в тюркских языках и вопроса о месте, занимаемом ими в языке, вообще.

В тюркологии существует большое количество статей и монографий, посвященных изобразительным словам, в которых нашли отражение разные взгляды на их происхождение, на их роль в образовании обычной лексики, в которых также подробно изложены результаты анализа их фонетической структуры, содержательной стороны и описаны особенности синтаксического функционирования.

Основоположником изучения тюркской изобразительной лексики является Н. И. Ашмарин, затронувший в своей монографии и статьях широкий круг вопросов — от общелингвистической трактовки изобразительных слов до ана-

[1] См.: *Абакумов С. А.* Современный русский литературный язык. М., 1942, с. 115.

[2] Ср.: *Скаличка В.* Исследование венгерских звукоподражательных выражений. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 278 сл.

лиза подражательной семантики и звукового состава.[3] Важное место в специальной литературе по рассматриваемой теме занимают работы М. Битнера,[4] В. Банга,[5] Ж. Дени,[6] Н. К. Дмитриева,[7] Г. И. Рамстедта [8] и многих других тюркологов. Особенно велико число работ, появившихся в послевоенные годы. Преобладающее большинство их составляют монографии и статьи советских тюркологов,[9] содержащие любопытные факты, разносторонний анализ образности и внешнего облика изобразительных слов.[10]

Выдвинутая еще в прошлом столетии гипотеза о подражательной природе языка поставила изобразительные слова в особое положение, придала им значимость древнейших, первичных элементов и акцентировала внимание на поисках изобразительных истоков той части лексики, которая лишена подражательной образности. В настоящее время уже нет необходимости доказывать, что такие поиски бесперспективны, так как невозможно свести огромное многообразие лексического состава современных и древних языков к скудному и примитивному набору подражаний. Вместе с тем хорошо известно, что одни и те же предметы издают разные звуки, что в зависимости от разных обстоятельств меняются оттенки звучания. Существует, например, около двадцати звукоподражательных слов, передающих виды смеха. Только в башкирском языке З. К. Ишмухаметов выделяет десять подобных звукоподражаний: *бĕрх* — неожиданный сильный смех, *кэт-кэт* — хихиканье, *каһ-каһ* — громкий смех, хохот, *кĕһ-кĕһ* — сдавленный смех, *һа-һа* — хохот, *һэ-һэ* — самодовольный, злорадный смех, *һи-һи* — смех исподтишка, *һĕ-һĕ* — сдержанный смех, *шарк-шарк* — раскатистый смех, *шĕрк-шĕрк* — прерывистый тихий смех.[11] Ср.: узб. *хахэла-* 'хохотать', *хіхіла-*, *шĕрк-шĕрк* — прерывистый тихий смех.[11] Ср.: узб. *хахэла-* 'хохотать', *хіхіла-*, *һіріңла-* 'хихикать', *һэһэла-* 'негромко смеяться', *кікірла-* 'хихикать', *кahкahла-* 'хохотать', *пікірла-*, *пік эт-* 'хихикать';[12] Ср. также: казах. *карк-карк күл-*, *сĕлк-сĕлк күл-*, *сақ-сақ күл-*, *сĕк-сĕк күл-*, *сэрк-сэрк күл-* и т. д.[13] Не менее десяти звукоподражательных слов передают различные оттенки шума ветра, например: азерб. *вĭј* — приглушенный шум, завывание; башк. *гэв* — шум; узб. *віз-віз* — свист, *був-був*, *нув-нув* — сильный шум, гул. Ясно, что совместить предельную дифференцированность передачи оттенков естественного звучания изобразительными словами с обобщенным обозначением предметов и явлений окружающей действительности обычными лексическими единицами едва ли удастся.

Из сказанного не следует, что мы вообще исключаем возможность подражательного происхождения языка.[14] Наша основная цель — подчеркнуть необходимость четкого разграничения происхождения языка и его функционирования. Весьма вероятно, что первоначально словесный знак был непроизвольным, мотивированным. С течением времени естественная связь звука и значения все более затемнялась и в конечном итоге утратилась. Иначе говоря, «звук-выражение» превратился в «звук-сообщение».[15] Однако следы этой связи остаются, и не только в виде относительно небольшого количества специфических звуковых комплексов, но и в виде очевидных или скрытых особенностей. И поэтому было бы неправильно недооценивать роль и место, занимаемое изобразительными словами в современных языках.

Четкое, без предубеждений, представление о характере лексики и хорошая ориентированность в вопросах разграничения изобразительных и обычных слов позволяют точнее определить границы использования сравнительного метода и обоснованно оценить возможность сопоставления различных фактов в каждом конкретном случае. Сделаем пояснение. Дело в том, что изобразительные слова, даже если они утрачивают образность, экспрессивность и частично или полностью переходят в обычную лексику, иногда выпадают из числа слов, строго подчиняющихся закономерностям регулярных фонетических соответствий: «естественная нагрузка» звуков, лежащая в основе подражательной природы изобразительных слов, не является устойчивой и колеблется в зависимости от многих факторов, но так или иначе она дает знать о себе на протяжении значительного периода времени, и следы ее обнаруживаются, в частности, в непредсказуемых фонетических отклонениях как от правил соответствий, так и от закономерностей распределения звуков. «Весьма любопытен тот факт, — пишет по этому поводу Н. И. Ашмарин, — что, если не считать некоторых слов, заимствованных позднее от татар, то почти все чувашские слова, имевшие в начальном слоге гласный *а*, переменили его на *о*, или на *у*, или (в некоторых случаях) на *ы*, за исключением, однако, так называемых подражательных слов или слов с известным эмоциональным оттенком».[16] По мнению Н. И. Ашмарина, основным препятствием на пути фонетических изменений подобных слов является их аффективность, сохраняющая «яркость первоначального подражания» и замедляющая процесс их превращения в «простые символы». Изобразительные слова более консервативны и в значительно большей мере, чем «рассудочные слова», доносят до нашего времени архаические черты.

Каким бы ни был взгляд на роль изобразительных слов в формировании и развитии языка, на соотношение изобразительных слов с неизобразительной лексикой, невозможно отрицать их относительную древность и тем более общетюркское происхождение многих из них. Однотипность, параллелизм в структуре, особенности функционирования в языке и многочисленные случаи буквальных и приблизительных совпадений свидетельствуют о принадлежности изобразительных слов к тем пластам лексики, которые современные тюркские языки унаследовали от праязыкового состояния, ср.: тур. *шатырты* 'шорох', 'шуршание', туркм. *шаҙырды* 'шорох', 'шелест', 'шуршание', узб. *шатыр-шутур* — звукоподражание шороху, шелесту, треску; др.-тюрк. *карч-курч* — звукоподражание хрусту при еде (МК I 343), башк. *ҙурш-ҙурш* — звукоподражание хрусту при поедании животными сена, туркм. *ҙырт-ҙырт* — подражание звукам, возникающим при поедании животными травы, узб. *ҙырч-ҙырч* — звукоподражание скрипу, хрусту, скрежету; тур., туркм. *пат* — подражание звуку от удара о мягкие предметы («хлоп», «шлеп»), хак. *пат* — звукоподражание шуму от падения в лужу, в грязь («шлеп»).

II

И по внешнему облику, по структуре, и по степени образности, экспрессивной насыщенности изобразительные слова неоднородны.

Заметно выделяются звукоподражания, которые копируют естественные звуки и служат целям дифференциации не только звуков, издаваемых различ-

---

[3] См.: *Ашмарин Н. И.* 1) Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). Казань, 1918; 2) Подражание в языках Среднего Поволжья. — Изв. Азербайджанского гос. ун-та. Обществ. науки, 1925, 2—3, с. 143—157, 4—5, с. 75—99.

[4] См.: *Bittner M.* Die onomatopoetischen Verba des Türkischen. — WZKM, 1912, XXVI.

[5] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen: Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 2. Mitteilung: Über einige schallnachahmende Verba. Berlin, 1919.

[6] См.: *Deny J.* Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 119—122.

[7] См.: *Дмитриев Н. К.* 1) К изучению турецкой мимологии. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 59—84; 2) Очерк южнотюркской мимологии. — Там же, с. 85—108.

[8] См.: *Ramstedt G. J.* Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, 55, S. 106—112.

[9] См.: *Искаков А. И.* О подражательных словах в казахском языке. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.; Л., 1951, с. 103—111; *Кудайбергенов С.* Подражательные слова в киргизском языке. АКД. М., 1953; *Кунгуров Р.* Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. АКД. Ташкент, 1962; *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962; *Катембаева Б. Ш.* Подражательные слова в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965; *Ишмухаметов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка. АКД. Уфа, 1970; *Ембергенов У.* Подражательные слова в современном каракалпакском языке. АКД. Нукус, 1971; *Абдурасулев Я.* Структура подражательных слов в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1972; *Джафарова С. М.* Подражательные слова в современных тюркских языках. АКД. Баку, 1973; *Мухитдинова Х. С.* Глаголы звучания в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1979; *Арназаров С.* Глаголы речи в туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1982.

[10] Обзор литературы см. в кн.: *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982, с. 13—18.

[11] См.: *Ишмухаметов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка, с. 9.

[12] См.: *Мухитдинова Х. С.* Глаголы звучания в узбекском языке, с. 19.

[13] См.: *Сарыбаев Ш.* Подражательные слова и их отношение к междометиям. — Изв. АН Казахской ССР, № 135. Сер. филол. и искусств., 1954, № 1—2, с. 46.

[14] См.: *Шухардт Г.* Выражение отношения в языке. — В кн.: *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 246; *Воронин С. В.* Основы фоносемантики, с. 3.

[15] Там же, с. 246.

[16] См.: *Ашмарин Н. И.* Подражание в языках Среднего Поволжья, с. 144.

ными предметами, но и силы звучания одного и того же предмета. «Они заключают в себе, — как отмечал Ж. Дени, — градуированную игру вокализма: низкие гласные (*а*, *ă*), высокие (*ï*, *і*) и лабиализованные (*о*, *ӧ*, *у*, *ӱ*). Низкие гласные выражают звуки, считающиеся более сильными (*чарп-* ‘стучать сильно’), высокие гласные — звуки, рассматриваемые как более слабые (*чїрп-* ‘стучать слабо’)».[17] М. Фазылов, исследуя звукоподражания таджикского языка, подчеркивал передачу низкими гласными «высшей степени насыщенности явления».[18] А. И. Искаков делает аналогичное заключение, опираясь на материалы казахского языка. Так, *тарс-тарс* в казахском языке — звукоподражание равномерному сильному стуку в дверь, *тарс-тӱрс* — звукоподражание стуку в дверь, производимому неравномерно: то сильно, то слабо. Приблизительно такое же различие наблюдается при замене второго компонента в звукоподражании *сарт-сарт* разновидностью с лабиализованным гласным.[19] Ср. также: тур. *фашїр-фашїр*, *шарїл-шарїл* — звукоподражание шуму сильно льющейся воды, *фїшїр-фїшїр*, *шїрїл-шїрїл* — звукоподражание журчанию воды; [20] тув. *так*, *ток*, *төк* — сильный стук, *тїк*, *тік* — слабый стук; [21] узб. *чарс-чарс* — звукоподражание сильному треску, *чірс-чірс* — звукоподражание легкому, слабому треску.[22]

Путем варьирования отдельных звуков или же путем добавления звукоподражательные слова способны передавать также виды и оттенки звучания, обусловленные положением источника, характером звукового эффекта, его длительностью или кратковременностью. Примеры: др.-тюрк. *тїрт-тїрт* — звукоподражание треску разрываемой ткани (МК I 341), *карс-карс* — звукоподражание хлопанию, хлопку́ (МК I 348), *чїк* — звукоподражание писку (МК III 130), *чїң* — звукоподражание звону в ушах (МК III 357); башк. *шҙлтҙр-шҙлтҙр*, гаг. *шурул-шурул* — звукоподражание журчанию воды; башк. *сатҙр-сөтөр* — звукоподражание сильному треску, *сҙтҙр-сҙтҙр* — звукоподражание треску горящих сухих веток; гаг. *патїр-патїр* — звукоподражание стуку шагов, топоту, *патїр-күтүр* — звукоподражание треску, хрусту, *ҷіңїр-ҷіңїр* — звукоподражание звону, дребезжанию; [23] тат. *ҷілтїр-ҷілтїр* (*ҷҙлтҙр-ҷҙлтҙр*) — звукоподражание журчанию воды, звяканью, *дөң* — звукоподражание звону, *дөңк* — звукоподражание гулу, *ҷің-ҷің* — звукоподражание звону колокольчика; туркм. *һорк-һорк* — звукоподражание хрюканью свиньи; узб. *култ-култ* — звукоподражание глотанию жидкости, *шэвур-шувур* — звукоподражание равномерному шуму, *шэв-шув* — звукоподражание шуму, гвалту, *ғірің-пірің* — звукоподражание еле слышному бормотанию.

Звукоподражания представляют наиболее «подражательную» часть изобразительной лексики, они ближе, чем какие-либо другие единицы языка, к звукам природы, потому что возникли как следствие «стремления человека к созданию звуковых образов, отражающих собой явления, воспринимаемые его слухом», как выражение «склонности говорящего к подражанию звукам внешнего мира».[24] Иными словами, звукоподражания — эхо естественных звучаний, и именно этим обстоятельством обусловлено своеобразие их структуры: типичность повторов, отсутствие ограничений в распределении согласных, наличие необычных консонантных сочетаний, типа *дәңк*, *доңк*, *пӥңк*, *ғӥңк*, *кӥчк*, *пҙрх*, *пӱфк*, *пӥшк*, *бҙжк*, *кӥјк*, *һорк*, *кӱрк*, *ваңк* и т. д. Разумеется, среди звукоподражаний немало и односложных слов, и слов, не выделяющихся ни составом звуков, ни особенностями их сочетаемости, ср.: др.-тюрк. тур. *пат* — звукоподражание удару чего-л. плоского о мягкие предметы; узб. *ғірч* — звукоподражание скрипу, хрусту, скрежету.

К звукоподражаниям примыкают симпатические,[25] или символические, слова, которые возникли из сопроводительных движений органов речи и передают всевозможные зрительные проявления «молчащих» предметов (блеск, сияние, сверкание, мерцание, мигание), например: др.-тюрк. *мӥлт-мӥлт* — симпатическое подражание мерцанию, миганию; тат. *ҷҙлт-ҷҙлт* — симпатическое подражание морганию; туркм. *јӥлт-јӥлт*, узб. *јалт* — симпатическое подражание блеску, сверканию.

Симпатические подражания отличаются от звукоподражаний преимущественно средствами создания образности. Если образность последних обусловлена воспроизведением естественных звучаний, то для симпатических подражательных слов она всецело — продукт специфической организации выразительных средств, важным звеном которой является распределение согласных в начале и в конце слова. В начальной позиции преобладают сонанты, в конечной — сочетания сонантов *л* и *р* с глухими согласными.

Третья группа изобразительных слов — слова, образно передающие внутреннее состояние человека (оцепенение, трепетность, дрожь, восторг, удивление) — междометия. Хотя таких слов немало, систематизировать их трудно. Принципиальное отличие междометий от первых двух групп изобразительных слов в том, что они предназначены для выражения экспрессии и не используются в целях номинации: междометия не могут обозначать ни предметов, ни явлений. Примечательная черта междометий, отличающая их от других изобразительных слов в функциональном плане, отмечена Ш. Сарыбаевым — они сочетаются преимущественно с глаголом *дә-*.[26]

Слова, образованные от изобразительных слов при помощи различных морфологических элементов, менее аффективны. Они либо сохраняют большую близость к образной лексике, либо оказываются на грани перехода в слова с «рассудочным» содержанием. Иначе обстоит дело с аналитическими формами, состоящими из изобразительных слов и вспомогательных глаголов. В них изобразительные слова выступают в их первоначальной функции, нисколько не утрачивая черты присущей им образности, хотя эта образность приобретает специфическую окраску действия или состояния.

III

Понятие структуры изобразительных слов охватывает тип построения (однокомпонентное—многокомпонентное слово, полный—неполный повтор), состав звуков (гласные—согласные), распределение их и правила сочетаемости.

Изобразительные слова состоят в основном из одного или двух компонентов, например: башк. *бҙрх* — звукоподражание сильному смеху, *каптҙр-көптөр* — звукоподражание шуршанию; тат. *дөбҙр-шатҙр* — звукоподражание грохоту, *ҷап* — звукоподражание шлепку, *гөп* — звукоподражание глухому шуму, *вҙжж* — звукоподражание свисту ветра и свисту быстро проносящегося предмета: снаряда, самолета; тур. *һӱңүр* — звукоподражание плачу, рыданию, *күфүр*, *пӱфүр* — звукоподражание легкому дуновению ветра, *зїңк* — подражание звуку, производимому при внезапной остановке чего-л., *тїпїш-тїпїш* — звукоподражание легкому, почти бесшумному стуку шагов; узб. *ғірч* — звукоподражание хрусту, *ғің* — звукоподражание жужжанию мухи, *гіҷбаң* — звукоподражание барабанной дроби, *гіҷдаң* — звукоподражание ударам бубна,

[17] См.: *Deny J.* Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 18.

[18] См.: *Фазылов М. Ф.* Изобразительные слова в современном таджикском языке. АКД. Л., 1950, с. 13.

[19] См.: *Искаков А. И.* О подражательных словах в казахском языке, с. 105—106.

[20] См.: *Аганин Р. А.* О принципах подачи подражательных слов в турецких словарях. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 163.

[21] См.: *Доржу Ч. М.* О фонетических и структурных особенностях подражательных слов тувинского языка. — В кн.: Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл, 1980, с. 84—85.

[22] См.: *Кунгуров Р.* Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке, с. 7.

[23] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964, с. 293.

[24] См.: *Ашмарин Н. И.* Подражание в языках Среднего Поволжья, с. 146.

[25] Термин «симпатические подражательные слова» введен в научный обиход Н. И. Ашмариным, ссылающимся на высказывание Ч. Дарвина о движениях, которые производятся в силу «подражания или какого-то рода симпатии». См.: *Ашмарин Н. И.* Подражание. . ., с. 155. В несколько иной интерпретации данное явление — следствие ассоциации ощущений разных органов чувств. См.: *Воронин С. В.* Основы фоносемантики, с. 77 сл.

[26] См.: *Сарыбаев Ш.* Подражательные слова и их отношение к местоимениям, с. 54

гуппа — звукоподражание глухому удару, *бунбур-бунбур* — звукоподражание неясно слышимым голосам; чуваш. *хăрр* — звукоподражание храпу, *мăрд* — выражение неудовольствия, *пак-пак* — звукоподражание попыхиванию трубкой. Количество компонентов бывает и бóльшим, так как многие изобразительные слова подвержены распространению посредством повтора, служащему целям усиления экспрессии, ср.: чуваш. *пак-пак* и *пак-пак-пак*.

Состав звуков в изобразительных словах примечателен прежде всего с точки зрения использования согласных в анлауте. Как известно, в обычной лексике некоторые согласные недопустимы в анлауте собственно тюркских слов, или встречаются в порядке исключения, или же выступают в виде региональной особенности. В пределах изобразительной лексики подобные ограничения незначительны. Они сводятся главным образом к тому, что в анлауте оказываются почти полностью исключенными *р* и *ң*.

Изобразительные слова могут начинаться любым гласным и любым согласным, кроме *р* и *ң*, однако сразу же следует подчеркнуть, что число подобных слов с начальным гласным является незначительным. Из согласных особого внимания заслуживают те, которые в «рассудочных» словах тюркского происхождения не прослеживаются или же представляют большую редкость. Их невозможно дать общим списком, так как тюркские языки далеко не одинаковы в отношении состава согласных, допускаемых в анлауте. Приводимые ниже примеры охватывают разные случаи употребления начальных согласных, не являющихся для обычной лексики соответствующих тюркских языков типичными, ср.: азерб. *поғ-поғ* — звукоподражание шуму, производимому при кипении вязких жидкостей, *лок-лок* — подражание звукам, возникающим при прохождении водяной струи через узкое горло посуды; башк. *даң* — звукоподражание гулкому звону металлических предметов, *зĭj* — звукоподражание свисту быстро проносящегося камня, снаряда, самолета, *шĭғĭрт* — звукоподражание резко обрывающемуся шороху, *шатĭр* — звукоподражание грохоту, треску, *мĭрт* — звукоподражание хрусту сустава; тат. *зĭр-зĭр* — звукоподражание дребезжанию, жужжанию, *гӑр-гӑр* — звукоподражание воркованию, *гӑж* — звукоподражание гулу, шуму, *ғĭр-ғĭр* — звукоподражание хрипу, храпу; тур. *лап-лап* — звукоподражание чавканью, хлопанью, *лапа-лапа* — симпатическое подражание виду падающего снега, *мĭр-мĭр* — звукоподражание лепету, бормотанию, *зĭр* — звукоподражание непрерывному однообразному шуму, *зĭңĭр-зĭңĭр* — звукоподражание стуку, звону, дребезжанию, *ғĭĭĭр-ғĭĭĭр* — звукоподражание скрежету зубов; узб. *ваң* — звукоподражание визгу собаки, *ванғ* — звукоподражание гулу, *зĭрр-зĭрр* — выражение состояния трепета, дрожи, *ғулдур-ғулдур* — звукоподражание шепоту, *ғĭĭĭр-ғĭĭĭр* — звукоподражание скрипу, скрежету.

Среди гласных, выступающих в начале слова, преобладает *ĭ* (*i*): тур. *ĭk* — звукоподражание хрипу, *ĭшĭл-ĭшĭл* — симпатическое подражание сверканию, блеску; узб. **iң* — звукоподражание тихому стону (ср.: *iңра-* ‘тихо стонать’).

По составу гласных в односложных компонентах изобразительные слова подразделяются на четыре типа:

а (*ä*) — *а* (*ä*)

Др.-тюрк. *шап-шап* — подражание звукам удара по телу (МК III 145), *бак-бак* — звукоподражание воркованию голубя (Сл. Замахшари II 111); азерб. *варк-варк* — звукоподражание кваканию лягушки, *нав-нав* — звукоподражание лаю собаки, *лап-лап* — симпатическое подражание едва заметному движению ресниц; башк. *шарк-шарк* — звукоподражание раскатистому смеху; тур. *так-так* — звукоподражание стуку, удару, *шар-шар* — звукоподражание журчанию воды; узб. *шап-шап* — звукоподражание чмоканью, *шарр-шарр* — звукоподражание плеску воды, *чағ-чағ* — звукоподражание крику галки.

о (*ö*) — *о* (*ö*)

Азерб. *пок-пок* — подражание звукам при кипении вязких жидкостей; тур. *поф-поф* — звукоподражание мягкому удару при падении; хак. *хорт-хорт* — звукоподражание крику ястреба.

у (*ÿ*) — *у* (*ÿ*)

Др.-тюрк. *ĭўр-ĭўр* — подражание звукам льющегося молока при доении (МК I 323), *тус-тус* — звукоподражание хлопанью (МК I 329), *кӱрт-кӱрт* — звукоподражание хрусту (МК I 343); азерб. *бур-бур*, кирг. *чулп-чулп* — звукоподражание бульканью; тур. *кӱт-кӱт* — звукоподражание стуку о твердую поверхность, *гӱм-гӱм* — звукоподражание сильному шуму, грохоту; туркм. *булк-булк* — подражание звукам при глотании, *гӱв-гӱв* — звукоподражание грохоту; узб. *гурс-гурс* — звукоподражание сильному глухому удару, *дук-дук* — звукоподражание глухому стуку, *култ-култ* — звукоподражание глотанию жидкости, *ку-ку* — звукоподражание клохтанью курицы или воркованию горлинки; хак. *тӱр-тӱр* — звукоподражание крику куропатки.

ĭ (*i*) — *ĭ* (*i*)

Др.-тюрк. *тĭрт-тĭрт* — звукоподражание треску при разрыве ткани (МК I 341); азерб. *тĭн-тĭн* — звукоподражание сердцебиению, *ĭік-ĭік* — звукоподражание чириканию воробья; башк. *бĭжк-бĭжк* — звукоподражание крику утки; кирг. *чĭң-чĭң* — звукоподражание визгу, жужжанию, *чĭп-чĭп* — выражение состояния, когда пот выступает каплями; казах. *шĭjк-шĭjк* — звукоподражание скрипу ботинок, *сĭлк-сĭлк* — звукоподражание хихиканью; тат. *ғĭр-ғĭр* — звукоподражание хрипу, храпу; туркм. *ĭĭрк-ĭĭрк* — звукоподражание тиканью часов, *бĭрп-бĭрп* — звукоподражание шуму, возникающему при быстром движении; узб. *чij-чij* — звукоподражание писку цыплят, мышей, *чірт-чірт* — звукоподражание легкому треску, *чірк-чірк* — звукоподражание чириканью.

В пределах данного структурного типа часто выступают компоненты с различными гласными или согласными. Для вокализма характерно наличие в первом компоненте широкого гласного, во втором — узкого. Допускаются и другие случаи, однако значительно реже. Консонантизм примечателен ограниченностью круга варьирующих согласных. Преобладают соотношения типа *к* — *ч*, *ч* — *п*, *х* (*h*) — *м*. Примеры: др.-тюрк. *чалк-чулк* — звукоподражание шлепку (МК I 349); кирг. *кijч-кujч* — звукоподражание скрипу, *кĭjк-чĭjк* — звукоподражание писку; тат. *җарт-җӧрт* — звукоподражание треску; узб. *ғарч-ғурч* — звукоподражание скрипу, хрусту, *шов-шув* — звукоподражание легкому шуму, шелесту, *так-тук* — звукоподражание стуку.

Звукоподражательные слова, состоящие из двухсложных компонентов, обнаруживают те же черты, что и звукоподражания, рассмотренные выше, однако среди них, пожалуй, чаще можно встретить сочетания компонентов, не совпадающих по составу гласных или согласных, т. е. образующиеся по принципу «слов-эхо» или сложных слов, ср.: др.-тюрк. *чігір-чігір* — звукоподражание хрусту в зубах (МК I 363), *булдур-булдур* — подражание звукам падения предмета в воду (МК I 456), *чалдĭр-чалдĭр* — звукоподражание звону стрел в колчане (МК I 457), *такĭр-такĭр* — звукоподражание стуку копыт, подков (МК I 361), *бадар-бадар* — звукоподражание легкому шуму (МК I 360); башк. *дӛбӛр-шатĭр*, тат. *дӛбĭр-шатĭр* — звукоподражание грохоту; казах. *балпаң-балпаң* — симпатическое подражание грузной, неуклюжей походке, *шĭjлдĭр-шĭjлдĭр* — подражание лепету ребенка, невнятному разговору, *салдĭр-сӱлбĭр* — звукоподражание неравномерному звону предметов; [27] тат. *чаптĭр-чӧптĭр* — звукоподражание хлюпанью; тур. *хорул-хорул* — звукоподражание храпу, *фĭсĭр-фĭсĭр* — звукоподражание легкому треску, сопению, *гӱрӱл-гӱрӱл* — звукоподражание клокотанию, бурлению воды; туркм. *патĭр-патĭр* — звукоподражание дробному стуку, *луммур-луммур* — подражание звуку, издаваемому верблюдом в возбужденном состоянии, *шапĭр-шупур* — звукоподражание плеску рыб, *шаңңĭр-шуңңур* — подражание звукам металлических предметов: украшений, монет и т. д., *шокур-шокур* — звукоподражание шуршанию выделанной шкуры; узб. *лапаң-лапаң* — симпатическое подражание раскачиванию из стороны в сторону, хождению вразвалку, *дӯпір-дӯпір*, *дукур-дукур* — звукоподражание топоту, глухому прерывистому шуму, *чағĭр-чуғур*, *чуғур-чуғур* — звукоподражания щебетанию птиц, *чатĭр-чутур* — звукоподражание треску, хрусту.

[27] См.: Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 377—378.

Как показывают приведенные примеры, почти все двухсложные компоненты изобразительных слов отличаются от односложных наращением сочетаний гласных с сонантами *л*, *р*, ср.: тув. *коң* — звукоподражание краткому звону, *коңғур* — звукоподражание звону с шумом, *пәт* — звукоподражание непродолжительному шуму от падения, *пәдір* — звукоподражание продолжительному шуму от падения.[28] Реже в дополнительных группах выступает сонант *ң*. Еще более редким является усложнение сочетаний с сонантами путем присоединения к ним шумных согласных, ср.: туркм. *вїҗїрт-вїҗїрт* — подражание звуку, возникающему при раздавливании, например, мухи.

Природа наращений не ясна, роль их не вполне понятна: часто отсутствуют соответствующие односложные слова, с которыми можно было бы сопоставить двухсложные компоненты. При наличии же соответствующих односложных слов оказывается, что они или не имеют никаких точек соприкосновения с «семантикой» слов, осложненных наращениями, или полностью совпадают с последними.

Изобразительные слова с компонентами, оканчивающимися гласным, — чрезвычайно редкое явление, ср.: туркм. *вїшї* — звукоподражание шушуканью.[29]

В начале любого изобразительного слова допускается один согласный, в конце возможны сочетания двух согласных, из которых первый — сонант, а второй — шумный, глухой. Наиболее распространенные сочетания — *рк*, *лк*, *ңк*, *рт*, *лт*, *рс*; менее распространенными являются *рп*, *лп*, *мп*, *рш*, *рч*, *лч*, *нч*, *рх*, например: башк. *ғурш-ғурш*, *мйрт*, *бйрх*, *бүлк*, *бүлт*; казах. *корс-корс*, *карк-карк*, *бйлш-бйлш*, *ҙалт-ҙалт*, *сйлк-сйлк*, *шомп*, *каңк*; тат. *дңк*, *чарт-чүрт*; тур. *гүрп*, *шарк*, *шїрп*, *җїрт*; туркм. *ваңк-ваңк*, *варк-варк*, *тїлт*, *варә*, *вїрч-вїрч*, *ғорә-ғорә*, *гүмп*, *гүрп*, *дүңк-дүңк*, *пїлч*; узб. *чарс-чарс*, *җалт*, *ғарч-ғарч*, *мілт-мілт*, *пілч-пілч*, *пірк-пірк*. Сочетание двух шумных согласных, так же как и удвоение сонантов, в конечной позиции допускается в виде исключения, ср.: башк. *бйжк*; тур. *гүрр*; узб. *парр*. В интервокальном положении удвоение сонантов для многих тюркских языков типичное явление.

IV

Содержательной стороной изобразительных слов является образность, создаваемая воспроизведением естественных звуков или симпатическим подражанием.[30] Этим обусловлена их своего рода полисемия, функционирование одних и тех же слов как подражаний звукам, издаваемым разными животными и предметами. С другой стороны, следствием указанной обусловленности является наличие множества «синонимов», с небольшими различиями как в плане выражения, так и в плане содержания, ср.: тур. *шадїр-шадїр*, *шїрїл-шїрїл* — звукоподражания журчанию, *шїңїр-шїңїр*, *шїкїр-шїкїр* — звукоподражания звону, звяканию, *шатїр-шатїр* — звукоподражание шороху, *шїпїр-шїпїр* — подражание звукам падающих капель воды; узб. (диал.) *кij-кij* — звукоподражание крику зайца,[31] узб. **кijк* — звукоподражание крику человека (*кijкipik* 'крик', *кij-чув* 'шум, гвалт, крик').

Выше говорилось также о связи между качеством гласных (широкие, узкие) и степенью насыщенности звукового образа. К сказанному необходимо добавить, что и изменение гласных во втором компоненте несет семантическую нагрузку,[32] чаще всего заключающуюся в передаче неравномерности, неоднородности звучания, проявления светового или какого-либо другого эффекта.

[28] См.: *Доржу Ч. М.* О фонетических и структурных особенностях подражательных слов тувинского языка, с. 83.

[29] О структуре изобразительных слов см.: *Абдурасулев Я.* Структура подражательных слов в узбекском языке; *Джафарова С. М.* Подражательные слова в современных тюркских языках, с. 12—16; *Доржу Ч. М.* О фонетических и структурных особенностях подражательных слов тувинского языка, с. 80—91.

[30] См. выше: с. 126—127.

[31] См.: *Шарипов О.* Папский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 19.

[32] См.: *Фазылов М.* Изобразительные слова в современном таджикском языке. — Изв. АН Таджикской ССР. Обществ. науки, 1952, I, с. 13.

Обусловленность «семантики» изобразительных слов их подражательной природой позволяет, опираясь на учет выразительной стороны, разработать классификацию звуковых образов. Так, одну из «семантических» групп могут составить шепот, щебетание, шипение, шелест (комбинации согласных *п*, *ф*, *в* и *с*, *ш*, *ж*), ср.: тур. *фїсїл* — звукоподражание шепоту; туркм. *вїшї-вїшї* — звукоподражание шушуканью, *вїҗїр-вїҗїр* — звукоподражание шипению при брожении спиртных напитков, *вїҗ* — звукоподражание шипению жидкости, **пїш(їр)* — звукоподражание шепоту (*пїшїрдї* 'шепот', 'шушуканье'); узб. *шіп* — звукоподражание шелесту, шороху, легкому шуму шагов, *віш-віш* — звукоподражание шипению змеи, *віҗір-віҗір* — звукоподражание шипению при горении смолистых дров, при брожении, *шув* — звукоподражание легкому шуму, шелесту, *шівір-шівір* — звукоподражание шепоту, шушуканью. Другая «семантическая» группа — свист, жужжание (комбинации согласных *п*, *в* и *с*, *з*), ср.: башк. *бі δ* — звукоподражание жужжанию насекомых; туркм. *пїә* — подражание звуку, возникающему при прохождении ветра через щель, *вїδ* — звукоподражание жужжанию насекомых; узб. *віз-віз* — звукоподражание резкому свисту. Третья «семантическая» группа — гром, грохот, громыхание, звуки биения сердца (комбинации согласных *ғ*, *г* и *р*), ср.: тур. *гүрр* — звукоподражание грохоту, шуму; туркм. *гүр-гүр* — звукоподражание гудению, *гүрп* — подражание звуку, возникающему при падении предмета или при ударе; узб. *гурс* — звукоподражание сильному глухому удару, гулкому биению сердца. Четвертая группа — треск (комбинации согласных *ф*, *т* и *р*), ср.: тур. *фїсїр* — звукоподражание треску. Далее, можно назвать «семантическую» группу, охватывающую звуковые образы скрипа, скрежета, хруста (комбинации согласных *в*, *ғ* и *рч*), ср.: туркм. *вїрч-вїрч* — звукоподражание хрусту при разжевывании свежих фруктов, **ғїрч*, **гүрч* — звукоподражания хрусту (*ғїрчїлдї*, *гүрчүлді* 'хруст'); узб. *ғірч* — звукоподражание скрипу, хрусту, скрежету. Слова с согласными *н*, *ң*, *м* передают обычно подражание звону, бренчанию.

Разумеется, любая «семантическая» классификация изобразительных слов будет в большей или меньшей мере неполной и приблизительной, тем не менее полезность и необходимость ее при поисках подражательных истоков «рассудочной» лексики очевидна.

V

Под отсутствием у изобразительных слов грамматических признаков подразумевается ограниченность количества словообразовательных фɔрм и нетипичность употребления в составе свободных словосочетаний. Обычно изобразительные слова примыкают к глаголу и придают образность выражаемому им действию, реже — замещают глагол. Примеры: кирг. *aj балта башка шакашак*, *најза төшкө така-так* 'секиры по голове трах-трах, копья по груди стук-стук';[33] тур. *гүмбүр-гүмбүр іфлас әдәҗәкті* 'и с грохотом бы обанкротился', *аркадашїма прожәмі анлатїнҗа*, *бір kahkaha атті* 'когда я изложил моему другу свой проект, он рассмеялся', *чоҗук чїлдїр-чїлдїр бакїјор* 'ребенок смотрит сверкающими глазами'; туркм. *іт ваңк-ваңк әтді* 'собака взвизгнула'; узб. *бакір-букір кајнајді* 'кипит с клокотанием', 'бурлит', *јурагім дук-дук урајапті* 'сердце мое сильно бьется', *гір-гір ајланіп кәтді* 'он завертелся волчком', *кўңлім гум-гум кәтајапті* 'я чувствую себя плохо' (~'мое сердце сильно бьется'). Присоединение непосредственно к изобразительным словам словоизменительных аффиксов — редкое явление, ср.: тур. *сән өлмүјорсун чїлдїрїјорсун дәді* 'он сказал: «Ты не умираешь, ты сходишь с ума»'; узб. *һәзір куләғімга пашшанің ғиңі һам јәкмај турібді* 'сейчас меня раздражает даже жужжание мух'.

Ввод изобразительных слов в предложение на правах нормально функционирующих единиц осуществляется несколькими способами. Помимо только что упомянутых, широкое распространение получил способ включения их через

[33] См.: Киргизско-русский словарь / Сост. Юдахин К. К. М., 1965, с. 691.

посредство служебных слов. Кроме того, изобразительные слова вводятся в предложение в виде производных форм, имеющих четко выраженные признаки принадлежности к тому или иному грамматическому классу.

Ограниченное число изобразительных слов вошло в состав имени и глагола без посредства служебных слов и без присоединения морфологических элементов. Примеры: азерб. *марч* 'чмоканье', *hon-hon*, *hÿд-hÿд* 'удод', *ƣÿрп-* 'моргать глазами', *hÿр-* 'лаять', *чарп-* 'бить, ударять с силой'; башк. *һөдһөт* 'удод', *шав* 'шум', *шөңгөр* 'бубенец', *сĭтĭр* 'хворост', *шаң* 'эхо';[34] ног. *сĭлк-* 'трясти'; тат. *какkÿк* (*кäк-кÿк*) 'кукушка'; тат. (диал.) *чĭрт* 'зарубка';[35] тур. *зĭпзĭп* 'мячик, набитый опилками', *шĭп-шĭп* 'шлепанцы', *ǰĭв-ǰĭв* 'птенчик, цыпленок', *тактак* 'валек для белья', *шакшак* 'колотушка', 'трещотка', *чĭр-чĭр* 'родник, ключ', 'хлопкоочистительная машина', *ǰафǰаф* 'болтовня';[36] узб. *јум-*, ст.-узб. *ǰум-*, *ǰумур-* 'закрывать глаза'; узб. *кіј-чув* 'шум, гвалт', *кур* 'тетерев'.

Именные аффиксы, присоединяемые к изобразительным словам, не обнаруживают ничего особенного по сравнению с аффиксами словообразования у обычной лексики. Можно лишь отметить преимущественное использование отдельных аффиксов в пределах изобразительных слов, создающее видимость наличия присущих только им словообразовательных средств.

Самым распространенным и наиболее примечательным является аффикс *-ĭлдї* ~ *-улдї* ~ *-ĭлтї* ~ *-ултї*. Примеры: азерб. *ƣурулту* 'раскат, рокот, гром, шум, грохот', *лаƣƣĭлтї* 'каляканье, болтовня', *лĭƣƣĭлтї* 'бултыхание', *лоƣƣулту* 'клокотание', *марчĭлтї* 'чмоканье', *мäккілті* 'блеяние (козы)', *мірĭлтї* 'ворчание, брюзжание', *парĭлтї* 'блеск, сияние, сверкание, мерцание', *пірĭлтї* 'шум, вызванный порханием птиц', *пÿскÿртÿ* 'извержение, прыскание'; кар. *чĭтĭртї* 'поскрипывание'; тат. *гөрĭлтї* 'рокот'; тур. *гÿрÿлтÿ* 'шум, стук, грохот', *фĭсĭлтї* 'шепот, шушуканье', *фĭшĭлтї* 'шум', 'шелест', 'шорох', *кĭтĭртї* 'хруст', 'треск', *такĭрдї* ~ *такĭртї* 'шум', 'стук', 'грохот', *лакĭрдї* 'слово, речь',[37] *зĭңĭртї* 'стук', 'звон', 'дрожь', *ĭшĭлтї* 'сверкание, блеск, сияние, мерцание', *патĭртї* 'грохот, шум, крик', *мірĭлтї* 'бормотание, бурчание', *зірĭлтї* 'крик, шум', 'рев', 'ворчание'; туркм. *бÿкгÿлді* 'трепет, беспокойный стук (сердца)', *бĭƣĭрді* 'шум, клокот при кипении', *ваƣƣĭлді* 'шум, гам, гвалт', *ваңкĭлді* 'визг (собаки)', *вакƣĭлді* 'кудахтанье', *вакĭрді* 'хохот', *ваңңĭлді* 'гудение', *ваңңĭрді* 'звон', *варкĭлді* 'кваканье', 'воркованье', *варрĭлді* 'гудение', *вашĭрді* 'хруст', *вÿǰÿрді* 'щебетание (детей)', *вĭддĭлді* 'жужжание (насекомых)', *хаǰǰĭлді* 'шипение (змеи)', *ƣулкулді* 'глоток жидкости'.

Широко распространен также аффикс *-ак* ~ *-аƣ* ~ *-ук* ~ *-уƣ* ~ *-ĭк* ~ *-ĭƣ*, являющийся одним из самых продуктивных аффиксов именного словообразования, ср.: азерб. *hĭчƣĭрĭƣ* 'икание, икота', *фĭшƣĭрĭƣ* 'свист'; к.-калп. *пĭшĭк* 'кошка'; тур. *öксÿрÿк* 'кашель', *јĭлдĭрак* 'молния', 'название звезды', *јалдĭрак* 'блестящий'; узб. *карсак* 'аплодисменты', *қўнғірсқ*, *шінғірсқ* 'звонок, колокольчик', *јалтірсқ* 'блеск, глянец', *тітрсқ* 'трепет, дрожь', *мілтік* 'ружье, винтовка', *шалдірсқ* 'шуршащий, шелестящий', 'хрустящий', 'грохочущий, гремящий', *кијкірік* 'крик, вопль', 'шум, гвалт', *ƣірƣірак* 'волчок, юла'.

Другие именные аффиксы, присоединяемые к изобразительным словам, не в такой мере продуктивны, как предыдущие, и, за редкими исключениями, наблюдаются в значительно меньшем числе языков:

-а — азерб. *мĭƣмĭƣа* 'мошкара', 'москит'; башк. *бака* 'лягушка', *кÿркä* 'индюк'; узб. *kahkaha* 'громкий смех', *шаршара* 'водопад', *карƣа* 'ворона', *ƣарƣара* 'хрип'; уйг. *һаңга* 'самец осла';

-ам ~ *-ум* ~ *-їм* — тур. *јĭлдĭрĭм*, узб. *јілдірім* 'молния'; узб. *кулпум* 'глоток';

-ат — тур. *токат* 'пощечина', 'оплеуха';

-ач — тур. *токач* 'колотушка';

-ĭ — азерб. *лаƣлаƣĭ* 'балагур, пустомеля';

-дак ~ *-дэк* — узб. *курілдэк* 'лягушка', *шакілдэк* ~ *шікілдэк* 'погремушка', *hікілдэк* 'гортань', 'горло';

-дĭк ~ *-тĭк* — башк. *бĭтбĭлдĭк*, узб. (диал.) *бітбілдік* 'перепел';

-кĭн ~ *-кун* — узб. *шэвкін* 'шум, гвалт';

-лĭ ~ *-лу* — узб. *ƣарчлі* 'скрипучий';

-лĭк ~ *-лук* — др.-тюрк. *кэкälік* 'куропатка' (Rach I_{52});

-мак ~ *-бак* ~ *-пак* — алт. *токпок*, кирг. *токмок* 'дубинка, колотушка'.

Некоторые существительные и другие имена образованы от изобразительных слов через посредство глагольных основ, ср.: др.-тюрк. *чіңартƣу* (*чіңарт-ƣу*) 'колокольчик' (КР 79$_7$), *коңраƣу* (*коң-ра-ƣу*) 'колокольчик' (МК II 358); тур. *вијаклама* (*вијак-ла-ма*) 'крик новорожденного', *патлак* (*пат-ла-к*) 'взрыв', 'вспышка', *патлама* (*пат-ла-ма*) 'взрыв', *патлајыш* (*пат-ла-јыш*) 'взрыв', *мырнав* (*мыр-на-в*) 'мяуканье'; узб. *тітрама* (*тір-тір-а-ма*) 'дрожь'.

Введение изобразительных слов в класс глагола осуществляется в первую очередь при помощи служебных глаголов *кĭл-*, *эт-*, *ајла-* ~ *äјлä-*, *ƣĭн-*, *тэ-* ~ *дэ-*, *ур-* и некоторых других.

Первые четыре глагола, передающие обобщенное значение процесса-действия («делать», «творить», «созидать»), в сочетании с именами образуют составные глагольные основы:[38] ст.-тур. *ah кĭл-* ~ *ah эт-* ~ *ah әјлә-* 'застонать, заохать'; азерб. *ƣонаƣ әлә-* 'угощать', *сöһбät әлә-* 'беседовать', *тäƣлід эт-* 'подражать'; кар. *хајїф эт-* 'сожалеть'; ног. *хабар эт-* 'оповещать', *ант эт-* 'клясться', 'присягать'; тур. *заһн эт-* 'думать, полагать, считать', *азадэ кĭл-* 'освобождать, избавлять'; узб. *акс эт-* 'отражаться', *талаб эт-* ~ *талаб кіл-* ~ *талаб ајла-* 'требовать'. Они часто употребляются и с изобразительными словами и при этом иногда выступают как варианты других вспомогательных глаголов, например: алт. *култ эт-* ~ *кĭлт эт-* ~ *бурт эт-* ~ *булт эт-* 'моментально исчезнуть', *тарс эт-* 'сильно стукнуть'; тув. *шак кĭл-* 'громыхнуть'; туркм. *хорхор эт-*, *хор чэк-*, узб. *хур-хур кіл-* 'храпеть'; узб. *култ эт-*, азерб. *һорт вур-* 'глотать'; казах. *сэлк эт-*, кирг. *сэлт эт-* 'вздрогнуть', кирг. *сэлк эт-* 'встряхнуться'; казах. *жалт эт-*, узб. *јалт эт-* 'сверкнуть', узб. *јалт-јалт кіл-* 'поблескивать', 'мерцать'; казах., ног., узб. *тарс эт-* 'издавать треск', туркм. *тард-тард эт-*, *тард-тард ур-* 'стучать (о сердце)'; туркм. *kah-kah эт-*, *kah-kah ур-*, узб. *kah-kah ур-* 'громко смеяться, хохотать'; узб. *дўк кіл-*, *дўк ур-* 'угрожать', *эһ тэрт-* ~ *эһ чэк-* ~ *эһ ур-* 'охать, горевать'; кирг. *заңк эт-*, туркм., узб. *заң ур-* 'звонить'; кирг. *тарп эт-* 'плюхнуться, шлепнуться', туркм. *тарп ур-* 'топнуть', тур. *дарп эт-* 'бить', 'наносить удары', узб. *тап эт-* 'шлепнуться'; якут. *тірс ƣĭн-* 'производить легкий треск', *ах ƣĭн-* 'стонать, охать'.

Глагол *тэ-* ~ *дэ-* 'говорить', по-видимому, некогда относился к числу глаголов, сочетавшихся с определенной группой изобразительных слов, на что указывают различные факты: существование в турецком языке конструкций, в которые изобразительные слова вводятся при помощи деепричастной формы *дијэ*, возможность образования изобразительных глаголов типа азерб. *хырылда-* 'хрипеть', 'сипеть' из сочетаний изобразительных слов с глаголом *тэ-* ~ *дэ-* и другие. Примеры: азерб. *хырылда-*, кирг. *кырылда-*, *кыркыра-*, узб. *хірілла-* 'хрипеть', 'храпеть'; алт. *тарсылда-* 'трещать', карач.-балк. *зыңырда-* 'звенеть'; тур. *пат дијэ јэрэ дүштүм* 'я плюхнулся на землю', *пат дијэ вурду* 'он хлопнул', *гүм дијэ капї капандї* 'дверь с шумом захлопнулась', *гүрр дијэ* 'с шумом, с грохотом', *тырык дијэ* 'со скрипом'; узб. *надәб* 'то и дело, все время'; якут. *ар диә-* 'издавать «ар»'.[39]

Вспомогательный глагол с избирательной сферой служебного использования, охватывающей главным образом изобразительные слова, — *ур-*. Выше было отмечено, что он находится в отношении свободного варьирования с другими вспомогательными глаголами. В древних и современных тюркских языках глагол *ур-* в сочетании с изобразительными словами представлен широко,

---

[34] См.: *Ишмухаметов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка, с. 14.
[35] См.: Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, б. 486.
[36] См.: *Аганин Р. А.* О принципах подачи подражательных слов в турецких словарях, с. 167.
[37] См.: *Дмитриев Н. К.* Этимология слова لغردی — ДАН-В, 1926, сентябрь-октябрь, с. 117—120.
[38] См.: *Исенгалиева В. А.* Туркий тилларда «қилмоқ», «бўлмоқ» типидаги сўзлар иштирокида ясалган составли феъллар. — ЎТА, 1965, № 5.
[39] См.: *Харитонов Л. Н.* Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, с. 59.

причем в старописьменных текстах, насколько можно судить по доступным материалам, возможности замены его другими вспомогательными глаголами ограничены. Примеры: др.-тюрк. *ǰам-ǰам ур-* 'ударять с грохотом', *ǰарс-ǰарс ур-* 'ударять с треском'; ст.-узб. *ah ур-* 'стонать, охать';[40] туркм. *ɣарк ур-* 'сильно и продолжительно кашлять', *hïң ур-* 'рычать', 'ворчать'; узб. *барк ур-* 'сверкать', 'сиять', *акса ур-* 'чихать', *заң ур-* 'звонить'.

Активное участие глагола *ур-* в словообразовательных процессах явилось выражением тенденций, развивавшихся в тюркских языках с давних времен. Вместе с тем нельзя отрицать того очевидного факта, что в некоторых языках, главным образом среднеазиатского региона, возрастание его роли как компонента аналитических образований было обусловлено внешним влиянием. Персидский глагол *zadan* имеет то же значение и выполняет те же словообразовательные функции, что и глагол *ур-* в тюркских языках. Учитывая это обстоятельство, можно высказать предположение, что некоторые составные глаголы узбекского языка образовались в результате частичного калькирования персидских сочетаний.

Убедительным подтверждением наличия у *ур-* в прошлом таких же словообразовательных функций, как у глаголов *ӧт-* и *кӥл-*, является существование большой группы изобразительных глаголов на *-ïр ~ -ур*, которые, на наш взгляд, могут быть возведены к сочетаниям изобразительных слов с глаголом *ур-*.[41]

Аффиксы, образующие глагольные основы от изобразительных слов, как правило, типичны для глагольного словообразования. Особенности можно усмотреть главным образом в степени их продуктивности.

-А — казах. *жаркӥра-*, ног. *јаркӥра-* 'блестеть, сверкать', 'сиять'; кирг. *коркура-* 'храпеть', карач.-балк. *кӱкӱрӛ-* 'греметь (о громе)'; тув. *шӥңɣӥра-* 'звенеть'; узб. *гуркура-* 'благоухать'; якут. *маңӥрā-* 'мычать'.

Глаголы на *-а* с предшествующим элементом *-ïр ~ -ур* часто объединяют с образными глаголами на *-ïр ~ -ур*.[42] При этом вопрос о природе конечного *а* либо остается открытым, либо решается с учетом того грамматического содержания, которое имеют внешне совпадающие с ним аффиксы в обычных глагольных формах. Л. Н. Харитонов высказался в пользу квалификации *-ā ~ -ӯ* в якутском языке как аффикса, выражающего длительность, протяженность действия, что подтверждается использованием *-ā ~ -ӯ* в глагольных основах, образовавшихся из сочетаний изобразительных слов с глаголом *ɣӥн-* 'делать', ср.: *чӥңкӥнā-* (*чӥң-кӥн-ā-*) 'звенеть тонко, пронзительно'.[43] Для глаголов типа узб. *ɣулдіра-* 'бормотать себе под нос' возможно и другое решение: сопоставляя их с аналитическими формами типа *ɣулдір-ɣулдір кіл-* с тем же значением, нетрудно прийти к выводу, что мы имеем дело с аффиксом отыменного словообразования глаголов.

-Ӥ — др.-тюрк. *токӥ-* 'стучать', 'бить, ударять', 'ткать' (МК III 268); уйг. *наңрі-* 'кричать (об осле)'.

-Кӥ ~ -ɣӥ — узб. *бӥҳɣӥ-* 'бродить, киснуть', 'протухать'.

-Ла(т), *-(ӥл)ла ~ -(ул)ла*, *-(ӥр)ла ~ -(ур)ла* — башк. *гөрлә-* 'журчать (о роднике)'; тур. *ɣуркла-* 'клохтать (о наседке)', *шӥрла-* 'журчать'; узб. *тапілла-* 'топать', *вішілла-* 'шипеть', *гумбурла-* 'грохотать', *гупілла-* 'валиться хлопьями (о снеге)', *шітірла-* 'шелестеть', *курілла-* 'квакать', *ɣіртілла-* 'скрипеть'.

По мнению Х. С. Мухитдиновой, во многих случаях, но не всегда, первичны варианты с согласным *р*, который под влиянием последующего *л* переходит в *л*. К числу форм с изначальным *л* Х. С. Мухитдинова относит такие, как *чірсілла-*, *тарсілла-* 'трещать', *шарілла-* 'журчать', *візілла-* 'свистеть'.[44]

[40] См.: *Шчербак А. М.* Ўзбек тилида *ур-* феълининг сўз ясашдаги роли. — ЎТАМ 1961, № 2, б. 41—44.

[41] Подробное изложение точки зрения автора и других точек зрения см. в кн.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол), с. 144—148.

[42] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 2, S. 18—20; *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 263.

[43] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954, с. 188.

[44] См.: *Мухитдинова Х. С.* Глаголы звучания в узбекском языке, с. 8.

Существование наряду с аффиксальными аналитических форм, ср.: узб. *кулкулла-* и *кул-кул кіл-*, *јаркілла-* и *јарк ӧт-*, облегчает поиски решения проблемы их возникновения. Очевидно, в любом случае речь должна идти о развитии аффиксальных форм из аналитических. Употребление различных вспомогательных глаголов обусловливает многообразие аффиксов. И, конечно, при относительной функциональной тождественности вспомогательных глаголов естественно образование синонимичных глагольных основ, например: кирг. *шаркӥра-*, *шаркілда-*, узб. *шаркілла-* 'журчать', 'бурлить'.

-Ра — др.-тюрк. *маңра-* 'кричать, орать' (МК III 402).

-Да, *-(ӥл)да ~ -(ул)да*, *-(ӥр)да ~ -(ур)да* — азерб. *һафӥлда-* 'лаять, тявкать', *ɣуббулда-* 'куковать', *пӥчӥлдӥ-* 'шептать', *мӛзілда-* 'бормотать', *шӥрілда-* 'журчать'; башк. *бакӑлда-* 'квакать'; гаг. *мӥрілда-* 'бормотать', 'лепетать'; казах. *жаркӑлда-* 'блестеть, сверкать', *жӑлтӑлда-* 'мерцать'; кирг. *шоркулда-* 'бурчать, урчать (о животе)'; тур. *шапӥрда-* 'чмокать', *һорулда-* 'храпеть', *ӥшілда-* 'сверкать, блестеть', *фӥсілда-* 'шептать'; туркм. *пӥшӥрда-* 'шептать', *лакɣілда-* 'болтать, пустословить'.

И здесь встречаются случаи параллельного использования аффиксальных и аналитических форм, служащие точкой опоры для выяснения природы аффиксов.[45]

-На(?) — башк. *мӑшна-* 'пыхтеть, сопеть'; карач.-балк. *кішнӛ-*, узб. *кішна-* 'ржать'.

-Са(?) — карач.-балк. *тӛпсӛ-* 'танцевать'; узб. *дӛпса-* ~ *дӛпсі-* 'топать'.

-Аj ~ -ӥj ~ -уj — кирг. *аңрај- ~ аңӥрај-* 'разверзаться, зиять', *каңкај- ~ каңкӥј-* 'торчать', *туптуј-* 'вздуваться, опухать'; кирг. *ӥрӷај-*, ног. *ӥрӷај-*, узб. *ірӷај-*, хак. *ӥрсај-* 'скалиться', 'щериться'; тув. *ӥржај-* 'становиться твердым, жестким'.

Из аффиксов, образующих изобразительные глаголы в казахском языке, заслуживают особого внимания *-жі*, *-ші*, *-бі*, *-мі*, *-ні*, *-сі* и некоторые другие, например: *баɣжі-* 'уставиться', *акші-* 'выпучиваться (о глазах)', *ӱрпі-* 'торчать', *аксі-* 'скалиться', *сӑксі-* 'щуриться'.[46] Сравнительный анализ перечисленных аффиксов с привлечением материалов разных тюркских языков (ср.: кирг. *баɣӷӥј-*, *акшӥј-*, *ӱрпӧј-*) дает основание считать, что приведенные изобразительные глаголы образованы при помощи аффикса *-і* (< *-аj ~ -ӥj*) и что согласные *ж*, *ш*, *б*, *м*, *п*, *с* не входят в состав аффиксальной морфемы, а являются конечными звуками изобразительных слов. Отсюда следует вывод: использование в казахском языке специальных морфологических элементов для образования глаголов от изобразительных слов не подтверждается фактическими данными.

Морфологическое своеобразие изобразительных глаголов — вопрос, приобретающий важное значение в связи с существованием гипотезы о первичности в историческом плане одночленного предложения и глагольности. Выдвинувший эту гипотезу Г. Шухардт считал, что существование в современных языках одночленных предложений, которые не могут быть возведены к многочленным, — важный аргумент в пользу предположения об их изначальности и что изначальность одночленных предложений «решительно опровергает гипотезу о приоритете предметного понятия».[47] «Язык начался с обозначения процессов, происходивших с вещами, а не с вещей, бывших объектами этих процессов», — подчеркивает Г. Шухардт и принимает за первооснову слово-процесс.[48]

Независимо от гипотезы Г. Шухардта, но в русле примерно таких же идей, происходило формирование особого подхода к специфике изобразительных глаголов тюркских языков, заключавшегося в противопоставлении их обычным производным глаголам по составу словообразовательных аффиксов. На первый взгляд, особый подход с предельной четкостью и полнотой отразился в монографии Л. Н. Харитонова, которая содержит специальный раздел, посвященный

[45] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол), с. 143.

[46] См.: Современный казахский язык, с. 270—272.

[47] См.: *Шухардт Г.* Происхождение языка. — В кн.: *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, с. 87.

[48] Там же, с. 98.

звукоподражательным словам. Однако тщательный просмотр приведенных в соответствующем разделе монографии материалов и более глубокое ознакомление с результатами их исследования позволяет сделать вывод, что и Л. Н. Харитонов видел своеобразные черты изобразительных (у Л. Н. Харитонова — звукоподражательных) глаголов якутского языка прежде всего в природе корневых элементов. Многие такие глаголы, по его мнению, воспринимаются как непроизводные. Утратив отчасти подражательную образность, они сблизились семантически с обычными глаголами, с которыми их объединяют также одинаковые словообразовательные аффиксы: *-ӥj* ~ *-yj*, *-ӥлā* ~ *-улā*, *-сӥj* ~ *-суj*, *-ҕӥj* ~ *-ҕуj*, *-āр* ~ *-ōр*, *-кӥj*, *-тā*, *-ӥр* ~ *-ӯр*, *-бӥj*.[49] Говоря далее о специальных формах образования звукоподражательных глаголов, Л. Н. Харитонов подчеркивает трудность разграничения в них структурных элементов и в ряде случаев условность выделения глаголообразующих аффиксов.[50] По-видимому, это обстоятельство и создает почву для предположений о специфике: внешний облик морфологических показателей часто зависит от того, в каком виде выделена звукоподражательная основа. Чтобы убедиться в этом, достаточно подвергнуть анализу несколько примеров.

Л. Н. Харитонов приводит следующий перечень аффиксов, присущих только звукоподражательным глаголам: *-ҕӥнā* ~ *-кӥнā*, *-ӷӥҕӥнā* ~ *-чӥҕӥнā*, *-кӥрā* ~ *-курā*, *-ҕӥрā* ~ *-ӷӥрā* ~ *-ҕурā* ~ *-уҕурā*, *-ӷӥҕӥрā* ~ *-дӥҕӥрā* ~ *-лӥҕӥрā*, *-ҕā*, *-ӥрҕā* ~ *-урҕā*, *-дā*.[51]

Ниже предлагается такая трактовка собственно звукоподражательной части выделенных Л. Н. Харитоновым необычных глаголов, которая, будучи подкрепленной фактическими данными, сводит на нет их специфику и ставит эти глаголы в один ряд со всеми другими.

Последовательно рассмотрим каждый из перечисленных выше аффиксов.

-Ҕӥнā ~ *-кӥнā* — *сāҕӥнā-* ‘жужжать (о мухе)’, *хāҕӥнā-* ‘кричать’, ‘говорить хрипло’, *дāҕӥнā-* ‘протяжно каркать’, *куӈкунā-* ‘звенеть’, ‘гудеть’, *чӥӈкӥнā-* ‘звенеть резким металлическим звуком’.[52] Пожалуй, нет никаких оснований сомневаться в том, что приведенные глаголы образованы от односложных звукоподражательных слов *сā*, *хā*, *дā*, *куӈ*, *чӥӈ*. С одной стороны, их можно сопоставить с якутскими глаголами типа *чӥӈӥрā-*, ср.: узб. *чінҕірла-* ~ *шінҕірла-* ‘звенеть, звякать’, с другой, — с сочетаниями типа *дап ҕӥн-* ‘взмахивать рукой’, ‘хватать’, ‘бить наотмашь’, *чоп ҕӥн-* ‘попадать в точку’. Односложные звукоподражательные слова с конечным долгим гласным могут быть разновидностью иного структурно-фонетического типа. Сами по себе они не имеют широкого распространения и не принимают наращений в виде компонентов *ӥр* и *ӥл*. Односложные звукоподражательные слова с конечным согласным в отличие от них присоединяют компонент *ӥр* и становятся двухсложными, ср.: *чӥӈ* — *чӥӈӥр*, *кӱк* — *кӱкӱр*. Все звукоподражательные глаголы на *-ҕӥнā* ~ *-кӥнā* образованы от односложных основ, подобно тому как образуются сочетания с глаголом *ҕӥн-* ‘делать’. Внешняя близость тех и других и указанная структурная особенность свидетельствуют в пользу их сближения: компонент *-ҕӥнā* ~ *-кӥнā*, по всей видимости, включает в себя глагол *ҕӥн-*. Происхождение конечного гласного окончательно не установлено, тем не менее присутствие *а* (*ā*) в различных формах совершенно исключает возможность интерпретации его как морфологического элемента, присущего только звукоподражательным (изобразительным) глаголам.

-Ӷӥҕӥнā ~ *-чӥҕӥнā* — *тарӷӥҕӥнā-* ‘трещать’, ‘тарахтеть’, *барӷӥҕӥнā-* ‘громко кричать’, ‘реветь’, ‘клокотать’, *чарчӥҕӥнā-* ‘кричать (о дрозде)’, *харчӥҕӥнā-* ‘храпеть судорожно от удушья’, ‘биться’. Л. Н. Харитонов разлагает аффикс *-Ӷӥҕӥнā* ~ *-чӥҕӥнā* на *-Ӷӥ-ҕӥнā* ~ *-чӥ-ҕӥнā*, связывает первый элемент со структурой звукоподражательной основы и высказывает предположение, что функцией элемента *-Ӷӥ* ~ *-чӥ* является выражение «особой энергичности основного звучания (дребезжание, журчание, рокотание, урчание и т. д.)».[53] Не исключено, что и в этом случае приходится иметь дело с глаголами на *-ҕӥнā*. Существование особых звукоподражательных наращений, кроме *-ӥр* и *-ӥл*, пока не подтверждено убедительными примерами и согласиться с тем, что элемент *-Ӷӥ* ~ *-чӥ* сам по себе несет определенную смысловую или образную нагрузку, очень трудно. Больше оснований считать, что звукоподражательные слова, от которых образовались глаголы *тарӷӥҕӥнā-*, *чарчӥҕӥнā-* и другие, включали в себя согласные *ӷ*, *ч*, ср.: *тарӷ*, *барӷ*, *чарч*. Сочетания *рӷ*, *рч*, выступая в конце звукоподражательных слов, действительно играют определяющую роль в передаче звукового образа дребезжания, журчания, скрежета, скрипа, ср.: туркм. *вӥрч-вӥрч* — звукоподражание хрусту при разжевывании свежих овощей и фруктов; узб. *ҕірч* — звукоподражание скрипу, хрусту, скрежету.

-Кӥрā ~ *-курā* — *баккӥрā-* ‘громко плакать’, ‘реветь’, *саккӥрā-* ‘струиться’, *кӱккӥрā-* ‘протяжно и громко скрипеть’.[54] Параллельно приводимые сочетания *бар ҕӥн-*, *сір ҕӥн-*, *кӱр ҕӥн-* свидетельствуют о возможности наличия в составе изобразительных основ согласного *р*, который подвергся ассимилятивному воздействию последующего глухого согласного. Таким образом, удвоенный *к* мог появиться на месте сочетания *рк*. Учитывая это, мы вправе считать, что глаголы на *-кӥрā* ~ *-курā* первоначально выступали в виде *баркӥрā-*, *саркӥрā-*, *кӥркӥрā-*, ср.: кирг. *баркӥра-* ‘реветь, издавать рев’, *шаркӥра-* ‘бурлить’, *кӥркӥра-* ‘хрипеть, издавать хрип’, ‘сипеть’; узб. *кіркіра-* ‘хрюкать’. Окончательный вывод, опирающийся на сравнение материалов якутского и других тюркских языков, заключается в констатации того, что якутские глаголы типа *баккӥрā-* по своей структуре примыкают к используемым в других тюркских языках глаголам типа киргизского *баркӥра-*, ногайского *йӀлтӀра-* и т. д. Следовательно, рассматриваемые глаголы в порядке предположения могут быть отнесены к тому морфологическому типу, который мы возводим к сочетанию изобразительных слов с глаголом *ур-*.

-Ҕӥрā ~ *-ӥҕӥрā* ~ *-ҕурā* ~ *-уҕурā* — *батӥҕӥрā-* ‘производить дробный топот’, *ботуҕурā-* ‘бормотать’, ‘шептать’ *хаһӈӥрā-* ~ *хоһуӈурā-* ‘храпеть, всхрапывать (о лошади)’, *бачӥҕӥрā-* ‘трещать’, *кӥһӥҕӥрā-* ‘издавать свист’, *кӱһӱгӱрӭ-* ‘гоготать’.[55] Отмечая, что в якутском языке обнаруживается значительное количество подобных глаголов, Л. Н. Харитонов особо подчеркивает однотипность семантического содержания аффикса *-ӥҕӥрā*: повторность, многократность, равномерная учащенность звучания. При этом выразителем основного значения многократности, по его мнению, является элемент *-ҕӥр-* (*-кӥр-*), а «оттенок слитности и равномерности придается глагольным аффиксом *-ā*». Выражение многократности в изобразительной лексике обычно достигается повторением основ или их сочетанием. В связи с этим обращает на себя внимание присутствие в глаголах на *-ҕӥрā* ~ *-ӥҕӥрā*... совпадающих компонентов *ӈӥҕ* ~ *ӈуҕ*, *чӥҕ* ~ *чуҕ* и некоторых других, ср.: *бӥчӥҕӥрā-*, *чӥчӥҕӥрā-*, *чачӥҕӥрā-*, *лӥчӥҕӥрā-*, *хачӥҕӥрā-*. Хотя в данном случае трудно предложить какое-либо убедительное решение, хотелось бы все же считать весьма вероятной двукомпонентность изобразительных слов, лежащих в основе глаголов на *-ҕӥрā* ~ *-ӥҕӥрā*: *батӥҕ* (*ба-тӥк*), *бачӥҕ* (*ба-чӥк*), *чачӥҕ* (*ча-чӥк*), *лӥчӥҕ* (*лӥ-чӥк*), *хачӥҕ* (*ха-чӥк*), *кӱһӱг* (*кӱ-һӱк* или *кӱс-ӱк*).

-Ӷӥҕӥрā ~ *-дӥҕӥрā* ~ *-лӥҕӥрā* — *халлӥҕӥрā-* ‘бурлить, клокотать (о жидкости)’, *кӥллӥҕӥрā-* ‘булькать, хлюпать’, *кӥлӥҕӥрā-* ‘бренчать (о мелких металлических предметах)’, *сӥбдӥҕӥрā-* ‘быстро двигаться с легким шорохом’, *баллӥҕӥрā-* ‘болтать, тараторить’, *дібдігірӭ-* ‘топать ногами’.[56] Маловероятно, чтобы элементы *-дӥ* и *-лӥ* в приведенных глаголах выступали «в качестве приметы лексических различий». Здесь, как и в предыдущем случае, в изобразительных основах можно усмотреть сочетание двух компонентов, имеющих неодинаковую или сходную фонетическую структуру: *халлӥҕ* (*хал-лӥк*), *кӥллӥҕ* (*кӥл-лӥк*), *кӥлӥҕ* (*кӥ-лӥк*), *сӥбдӥҕ* (*сӥб-дӥк*), *дібдіг* (*діб-дік*).

---

[49] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 178 сл.
[50] Там же, с. 185.
[51] Там же, с. 185—198.
[52] Там же, с. 185—186.
[53] Там же, с. 187.
[54] Там же, с. 188.
[55] Там же, с. 189—190.
[56] Там же, с. 191—192.

-Їрҕā ~ -урҕā — дāҕїрҕā- ‘каркать’, *куһурҕā-* ‘свистеть’, *тіҥіргӭ-* ‘издавать звуки «*тіҥ-тіҥ*»’, *чамӣрҕā-* ‘чмокать’, *ардїрҕā-* ‘рычать’.[57] Морфологическая структура глаголов на *-їрҕā ~ -урҕā* в якутском языке характеризуется прозрачностью границ между изобразительной основой и аффиксальной морфемой и некоторой автономностью изобразительных основ: последние часто выступают как самостоятельные слова. Примечательно, что и сам Л. Н. Харитонов признает тождественность аффикса *-їрҕа ~ -урҕа*, обнаруживаемого в изобразительных глаголах, аналогичному аффиксу, встречающемуся у отыменных глаголов.[58] Этот аффикс архаичен, часто выделение его возможно лишь путем этимологического анализа неразложимых именных основ, образовавшихся от соответствующих глаголов. Вместе с тем в тюркских языках сохранились в небольшом количестве и глагольные основы на *-їрҕа ~ -урҕа ~ -їрқа ~ -урқа*.[59]

Специальному исследованию подверглись также изобразительные глаголы узбекского языка.[60] В числе аффиксов, образующих в узбекском языке глаголы от изобразительных слов, названы: *-ла*, *-ілла*, *-а*, *-кір*, *-да ~ -та*, *-і*, *-са ~ -сі*, *-ір ~ -ур ~ -ар* и ряд непродуктивных аффиксов, встречающихся в ограниченной группе глаголов.[61] Почти все эти аффиксы были рассмотрены нами выше, и почти все они свойственны глагольному словообразованию в целом. Глаголообразующие аффиксы, используемые только в пределах изобразительной лексики, в узбекском языке, как и в других тюркских языках, обнаружить не удается. Своеобразен аффикс *-ілла*, однако своеобразие его заключается в наличии компонента *-іл*, грамматическая природа которого не ясна. Что же касается второго компонента, то он представляет собой один из самых продуктивных глаголообразующих аффиксов. Принято говорить также о некотором своеобразии аффиксов *-кір* и *-ір ~ -ур ~ -ар*. Как неоднократно отмечалось, есть немало фактов, свидетельствующих о связи аффикса *-ір ~ -ур ~ -ар* с глаголом *ур-*, который вследствие специфичности выражаемого им лексического значения образует составные глаголы чаще с изобразительными, чем с обычными словами. Десемантизация глагола *ур-* и превращение его в морфологический элемент имели естественным следствием фонетические изменения, появление вариантов с различными гласными. Иначе обстоит дело с аффиксом *-кір*, который аффиксом может быть назван только условно. Первый согласный в нем является конечным звуком изобразительной основы, и если, вообще говоря, не исключена возможность выделения в ряде глаголов глаголообразующего аффикса в виде *-кір*, а не *-ір ~ -ур ~ -ар*, то необходимо всякий раз отдавать себе отчет в том, что данный аффикс появился в результате «ложной» этимологии или, иными словами, вследствие переразложения изобразительных глаголов на *-ір ~ -ур ~ -ар*.

Итак, материалы тюркских языков не дают примеров существования изобразительных глаголов с присущей только им морфологией. Все морфологические средства глагольного словообразования, выделяемые в пределах изобразительной лексики, имеют общеязыковое распространение и в своем развитии отражают процессы, характерные для языка в целом. То же самое следует сказать об аналитических формах, включающих в себя изобразительные слова. Разумеется, сказанное не означает отрицания некоторых частных особенностей образования глаголов от изобразительных слов.

Описание междометий не вносит ничего нового в сравнительное изучение языков, и мы можем ограничиться тем, что было сказано о тюркских междометиях в начале этого раздела.

К изобразительным словам следует отнести также призывные слова и слова-понукания. Разумеется, отнесение это в значительной мере условное, так как ни те, ни другие ничего не изображают. Примеры: др.-тюрк. *on-on* — понукание ишаку, когда он ложится (МК I 34), *һӭй-һӭй* — понукание лошади (МК II 282), *каһ-каһ* — слова для зова собаки (МК II 118); кирг. *чӱчӱ-чӱчӱ* — для зова коз; тув. *хӧг-хӧг* — для зова коровы, теленка, *сӧк-сӧк* — понукание верблюду для того, чтобы он лег; узб. (диал.) *бӛһ-бӛһ* — понукание лошади, *чурі-чурі* — слова для зова козы, *мӛһ-мӛһ* — слова для зова овцы, *бакуч-бакуч* — слова для зова собаки, *піш-піш* — слова для зова кошки. Разновидность понуканий — слова, произносимые для того, «чтобы прогнать животных»: узб. (диал.) *чуһ* — для лошади, *курӛј* — для овцы, *кішт* — для курицы, *пішт* — для кошки.[62]

Призывные слова и слова-понукания вводятся в предложение теми же средствами, что и междометия, ср.: кирг. *чӱдӧ-* ‘понукать лошадь’; узб. *һајда-* (*һајт дӛ-*) ‘гнать’.

---

[57] Там же, с. 194—197.
[58] Там же, с. 197.
[59] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол), с. 151—152.
[60] См.: *Мухитдинова Х. С.* Глаголы звучания в узбекском языке, с. 8—10.
[61] Там же, с. 10.
[62] См.: *Афзалов Ш.* Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 162.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов С. А. — 123
Абдуллаев А. З. (Абдуллаев Ә. З., Абдуллајев Ә. З.) — 96, 105, 114
Абдуллаев Ф. А. — 29
Абдурасулев Я. — 124, 130
Абсалямов З. З. — 10, 12, 15, 24, 28
Авезов М. — 122
Агазаде Н. Г. — 106
Аганин Р. А. — 126, 132
Александров Г. П. — 30, 53, 54
Алиев А. Ю. — 38, 70
Алиев У. Б. — 95
Амиралиев К. — 95, 99
Амиров Р. С. — 111
Аммосова Р. Т. — 95
Ангели Ф. А. — 96
Андреев Н. А. — 24
Аппаев А. М. — 90, 103
Арназаров С. — 124
Аскарова М. (Асқарова М.) — 119, 120
Асланов А. Э. (Асланов А. Ә.) — 46
Аталай Б. (Atalay B.) — 27
Афзалов Ш. — 139
Ахатов Г. Х. — 14, 18, 27, 28, 33, 74, 98, 99, 103
Ахмедов А. — 39, 41, 103, 104
Ахмедов Дж. С. — 48
Ахтамова Х. Т. — 51, 81
Ашмарин Н. И. — 123, 124, 125, 126, 127
Ашнин Ф. Д. — 103

Баева Н. Х. — 35
Базаров О. (Бозоров О.) — 94, 96, 99
Базарова Д. Х. — 56
Байрамдурдыев Б. — 24, 28, 36
Балакаев М. Б. — 52, 70
Банг В. (Bang W.) — 22, 63, 67, 124, 134
Баскаков Н. А. — 5, 37, 53, 69, 71, 72, 74, 79, 80, 84
Баязитова Ф. С. — 20
Беглярова С. А. — 12
Бётлингк О. (Böhtlingk O.) — 5, 28, 92
Бирюкович Р. М. — 5, 16, 17, 20, 38, 57, 65, 68, 70, 74, 84
Битнер М. (Bittner M.) — 124
Богородицкий В. А. — 21
Боргояков М. И. — 25, 57, 82
Боржаков А. (Боржаков А.) — 103
Боровков А. К. — 30, 59
Брокельман К. (Brockelmann C.) — 34, 67, 70, 73, 81, 84, 88, 90, 91, 92, 100
Бурганова Н. Б. — 68

Велиев А. Г. — 77, 106
Велиев К. Н. — 115
Виноградов В. В. — 43, 48
Воронин С. В. — 124, 127

Габен А. (Gabain A.) — 22, 40, 63, 91, 92, 101
Гаджиева Н. З. — 104, 114
Гафурова Н. С. — 30
Гордлевский В. А. — 53, 92, 114
Гочияева С. А. — 16, 23, 27, 29, 31
Грёнбек К. (Grönbech K., Grønbech K.) — 91, 92, 120
Грунин Т. И. — 115
Гулиев А. Г. — 11, 29
Гулямов А. Г. (Гуломов А. Ғ.) — 12, 30, 38, 49
Гусейнзаде М. Г. — 114

Давлетов С. А. — 10
Данияров Х. — 57, 86
Демирджан О. (Demircan Ö.) — 15
Дени Ж. (Deny J.) — 38, 88, 91, 114, 124, 126
Дёрфер Г. (Doerfer G.) — 29, 30, 67
Джалилов Ф. А. — 105
Джамалдинов О. (Ҷамалдинов О.) — 10, 15, 29, 32, 36, 38
Джангидзе В. Т. — 27
Джанмавов Ю. Д. — 35
Джафарзаде М. М. — 19, 58, 73
Джафаров С. Э. (Чәфәров С. Ә.) — 51, 54, 57
Джафарова С. М. — 124
Джуманазаров Ю. (Жуманазаров Ю.) — 103, 104
Джураев Б. — 35
Дилчин Д. (Dilçin D.) — 24, 50, 66
Дмитриев Н. К. — 5, 11, 12, 16, 20, 25, 30, 34, 43, 51, 53, 56, 75, 76, 88, 91, 100, 101, 107, 109, 113, 124, 132
Долинина Ю. П. — 51, 87, 117
Доможаков Н. Г. — 58
Донидзе Г. И. — 5, 51, 83, 88, 112
Доржу Ч. М. — 126, 130
Дыренкова Н. П. — 5, 12, 25, 49, 58, 71, 84, 89, 104, 107, 117, 118

Егоров В. Г. — 29, 34, 41, 68, 81, 86
Егоров С. П. — 97, 99, 106
Ембергенов У. — 124

Жанпеисов Е. Н. — 47, 99

Зайнуллин М. В. (Зәйнуллин М. В.) — 43
Зайончковский В. (Zajączkowski W.) — 112
Залеман К. (Salemann C.) — 92
Зарипов Р. Ф. — 13
Зейналов Ф. Р. (Зејналов Ф. Р.) — 43, 45, 50, 54, 55, 73, 88, 96
Зияева М. Т. — 14, 67

Ибрагимов Ю. М. — 78
Ибрагимова А. — 29, 41
Исенгалиева В. А. — 52, 53, 82, 83, 85, 90, 133
Искаков А. И. — 11, 30, 31, 41, 124, 126
Исламов М. — 40
Исхаков Ф. Г. — 5, 12, 29, 30, 34, 36, 40, 41, 51, 63, 67, 68, 113, 114, 117, 121
Ишбулатов Н. Х. — 18, 20, 22, 24, 25, 32, 34, 41, 53, 71, 77, 80, 84, 87
Ишмухаметов З. К. — 124, 132

Кайдаров А. Т. — 96, 100
Калмыкова С. А. — 87, 89, 103
Кастрен М. А. (Castrén M. A.) — 92
Катанов Н. Ф. — 5, 16, 46, 53, 56
Катембаева Б. Ш. — 124
Кекилова Дж. А. — 43
Кенжебаева Ф. — 54, 96
Керимов И. А. — 29, 101
Ковальский Т. (Kowalski T.) — 5, 16, 27, 50
Коклянова А. А. — 53, 56, 92
Кононов А. Н. — 3, 4, 41, 43, 44, 53, 78, 81, 87, 91, 92, 94, 108, 110, 114
Коркмаз З. (Korkmaz Z.) — 92, 101
Кудайбергенов С. — 103, 124
Кунгуров Р. — 124, 126
Куренов С. — 35, 84
Курилович Е. (Kuryłowicz J.) — 13
Кучигашева Н. А. — 17, 30, 39, 41

Левитская Л. С. — 97

Магеррамова Р. Дж. — 59
Магомедов А. Г. — 51, 54, 55, 65, 69, 81, 87, 90, 117
Максютова Н. Х. — 24, 32, 51, 52, 55, 56, 64, 77, 81, 86, 87, 88, 89, 103
Малов С. Е. — 103
Матгазиев А. (Матғозиев А.) — 113
Махмутова Л. Т. — 92, 99
Медетова Г. А. — 47
Межекова Н. Н. — 38, 41, 80, 90
Мелиоранский П. М. — 5, 24
Менгес К. Г. (Menges K. H.) — 85, 88, 89
Менглиева Г. — 104
Миржанова С. Ф. — 24
Мирзазаде Х. (Мирзәзадә Һ.) — 40, 58, 73, 78, 87, 88, 113, 115, 118
Мирзакаримова У. — 14, 34, 71
Монгуш Д. А. — 110
Мошков В. — 5, 16
Мураталиева Дж. — 53, 66, 79, 81, 85
Мусаев К. М. — 5, 16, 21, 31, 43, 50, 73, 82, 97, 104, 113, 122
Мусазаев И. — 45
Муталлибов С. — 100
Мухитдинова Х. С. — 124, 134, 138
Мухтаров Д. (Мухторов Д.) — 120

Насилов Д. М. — 93
Насыров Ш. — 30, 102
Нурмагамбетов А. — 80
Оразов М. — 54, 56

Павлов И. П. — 121
Пальмбах А. А. — 5, 12, 29, 30, 34, 36, 40, 41, 51, 67, 113, 114, 117, 121
Патачакова Д. Ф. — 41, 58, 79, 80, 92, 106
Петерс Л. (Peters L.) — 87
Петров Н. Е. — 45, 52, 56, 59, 67, 68, 93, 96, 98
Покровская Л. А. — 5, 11, 15, 16, 26, 45, 48, 56, 57, 83, 87, 101, 105, 106, 113, 122, 126

Радлов В. (Radloff W.) — 5, 16, 28, 74, 103
Рамазанов К. Т. — 36
Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) — 124
Рассадин В. И. — 5, 40, 108
Рахматуллин Г. Р. (Rachmatullin G. R.) — 35
Рзаева З. И. — 59
Рустамов Т. — 81
Рясянен М. (Räsänen M.) — 39, 40, 100, 101, 122

Садвакасов Г. — 14, 16, 26, 34, 84, 103
Саидов С. — 44, 45
Сайфуллаев А. Р. — 43
Сарманаева Д. М. — 76
Саруева М. Ф. — 10, 17, 19
Сарыбаев Ш. — 29, 124, 127
Сат Ш. Ч. — 83, 114
Саяргалиев Б. С. (Сәйәрғәлиев Б. С.) — 54, 113, 119
Севортян Э. В. — 74, 134
Сергеев Л. П. — 78
Скаличка В. — 123
Старостов Л. Н. — 108

Тезджан С. (Tezcan S.) — 30
Текин Т. (Tekin T.) — 105
Текин Ш. (Tekin Ş.) — 112, 113, 115, 116
Тенишев Э. Р. — 103
Тимурташ Ф. К. (Timurtaş F. K.) — 27
Тощакова Т. М. — 5, 37, 47, 51, 53, 71, 76, 80, 86, 117
Туляков С. — 30, 41
Тумашева Д. Г. — 28, 71, 104
Турдиева К. — 54, 82

Убаева Ф. С. — 81
Убрятова Е. И. — 28, 45, 67
Узаков Х. (Узоқов Ҳ.) — 103
Умаров З. А. — 80
Уринбаев Б. — 111

Фазылов М. Ф. — 126, 130
Фазылов Э. И. — 14, 67
Фарманов И. (Фармонов И.) — 30, 100
Федотов М. Р. — 28, 43, 44
Филоненко В. И. — 23
Фисакова Г. Г. — 12, 30, 70, 73, 80, 84, 85, 90, 99
Фузаилов С. Ф. — 10, 26

Хабичев М. А. — 10, 21, 22, 23
Хаджилаев Х.-М. И. — 54, 55, 64, 65, 71, 81, 87, 88, 89
Хамдамова И. (Ҳамдамова И.) — 102

Харитонов Л. Н. — 5, 10, 25, 28, 34, 49, 56, 67, 113, 133, 134, 136, 137, 138
Хартман М. — 88
Хертек Я. Ш. — 16
Худайкулиев М. — 124
Хуламханова В. Х. — 23
Хыдыров М. Н. — 54, 56, 65, 69, 89, 93, 102

Чагатай С. Ш. (Çagatay S. Ş.) — 29, 38, 39, 40, 99, 100, 114
Чадамба З. Б. — 16, 19, 22, 29, 34, 84, 106, 108
Черкасова Е. Т. — 52, 57, 93
Чоммадов О. — 58, 69
Чунжекова Е. Н. — 79

Шаабдурахманов Ш. — 35, 94, 98, 100
Шамурадов К. — 74
Шапшал Х. С. (Szapszał H. S.) — 66, 75, 77
Шарипов О. — 20, 130
Шарипов Х. — 99, 102, 103
Шаршеев Н. — 45
Шахбазова З. А. — 43, 46
Шахманова Р. Г. — 115
Шерер В. Э. — 56
Шерматов А. — 102
Ширалиев М. Ш. — 58
Шукуров А. Дж. (Шүкүров Ә. Ч., Шукуров Ә. Ч.) — 12, 15, 26, 33, 40, 41, 73, 87, 88, 92
Шухардт Г. — 124, 135

Щербак А. М. (Шчербак А. М.) — 3, 15, 16, 19, 22, 29, 40, 49, 68, 73, 74, 101, 107, 113, 115, 134, 135, 138

Экман Я. (Eckmann J.) — 30
Элёве А. У. (Elöve A. U.) — 105
Эргин М. (Ergin M.) — 16, 38, 102, 108
Эртайлан И. Х. (Ertaylan I. H.) — 24, 32, 119
Эфендиев Дж. (Әфәндијев Ч.) — 114

Юдахин К. К. — 131
Юлдашев А. А. — 35, 56
Юсупов Ф. Ю. — 20, 99
Юсупов Х. Г. — 64

Ястремский С. В. — 28

УКАЗАТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЙ И СЛОВАРЕЙ

Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971 . . . 34, 43, 62, 105, 119, 121, 122
Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, 1869 . . . 22, 109
Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976 . . . 101, 102, 103, 110
Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973 . . . 98, 122
Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970 . . . 43, 64, 73, 77, 78, 98, 100, 102, 107, 112
Грамматика хакасского языка. М., 1975 . . . 16, 71, 100, 113, 114, 117, 118
Древнетюркский словарь. Л., 1969 . . . 22
Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966 . . . 23
Ойротско-русский словарь. М., 1947 . . . 20
Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962 . . . 19, 22, 99, 129, 135
Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969 . . . 29, 73, 83, 132
Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975 . . . 10, 102
Ҳозирги қарақалпақ тили, I. Нөкис, 1974 . . . 57, 74
Ыазирқи заман уйғур тили, II. Алмута, 1966 . . . 43, 45, 51, 100, 103

УКАЗАТЕЛИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ [1]

1. Послелоги

а

ав(в)ал — 61
авзӣнда — 60, 62,
аӡзӣнда — 60, 62
аӡбӣна — 57
аӡбӣнда — 62
аӡбӣндан — 62
адаӡӣӡа — 60, 62
адāнда — 52
адāндан — 52, 62
адāнчӘ — 62
ажа — 82
ажӣлдӣр — 60, 82
ажӣр(а) — 57, 60, 82
азаӡӣнда — 62
азӣра — 55, 60, 82
аjаӡӣнда — 60, 62
аjĕнӈӘн — 62
аjланасӣнда — 82
аjландӣра — 82
аjнала — 82
аjналăсӣнда — 62
аjрӣ — 89
аjру — 89
акӣнда — 61
аксӣнда — 62
ала — 60, 89
алӘjнӣнӘ — 61
алӡа — 53, 63
алда — 63
алдӣда — 52, 63
алдӣн — 53, 55
алдӣна — 63
алдӣнда — 52, 63
алдӣра — 89
алдӣн(н)ан — 63
алӣнда — 63
алӣп — 60, 89
алjакда — 53
аллӣн — 63
аллӣна — 63
алнӣнда — 52, 53, 59, 63
алнӣнӈа — 63
алтӣн — 63
алтӣна — 63
алтӣнаӈ — 63
алтӣнда — 57, 63
андар — 78
аннӣӡар — 63
аӈӡӣ(да) — 78
аӈрӣ(дӣндан) — 55, 63, 64
аӈрӣк — 64, 79
ара — 64
аразӣба — 64
аразӣнаӈ — 64
аразӣнда — 59, 64
аразӣндан — 64
аралап — 82
араларӣда — 52
аралі — 55, 82
арасӣна — 64
арасӣнда — 52, 64
арасӣн(н)ан — 64
араһӣна — 64
арӡазӣнаӈ — 64
ардӣна — 65
ардӣнда — 65
ардӣндан — 65
ардӣнӈа — 65
арӣ — 57, 79
арjаӡӣнда — 53
арjакларӣнда — 53
аркала — 64
аркалі — 64
аркалӯ — 64
арканда — 64
аркандан — 64
аркасӣна — 64
аркасӣнда — 60, 64
аркасӣндан — 64
аркасӣн(н)ан — 64
аркаһӣнда — 64
аркӣлӣ — 64
аркӣрӣ — 55, 64
аркілік(ла) — 64
артӣӡ — 78
артӣк — 78
артӣн — 79
артӣна — 65
артӣнда — 52, 53, 54, 57, 60, 65
а'ртӣндан — 65
а'ртӣнчӘ — 65
артӣн(н)ан — 57, 65
артӣх — 78
артӣнаӈ — 78
артук — 78
архасӣнда — 64
архасӣндан — 64
асра — 65, 76, 91
астӣӡа — 52
астӣна — 65
астӣнда — 52, 57, 65
астӣп(н)ан — 65
атлам — 78
атрафӣда — 61
аттӣӡар — 63
аша — 60, 61, 82
ашаӡӣ — 65
ашāӡӣна — 65
ашāӡӣнда — 65
ашāӡӣндан — 65
ашӣра — 60, 82
ашӣрӣ — 82
ашыу — 89

ā

ājӣ — 81
ājӣнча — 62
ājӣттан — 81
āра — 79
āрадӣндан — 64
āһан — 82
āша — 82

ä

äвäзіндä — 61
äв(в)äл — 61
äлавä — 60, 61
äрзіндä — 61
äрі — 79
äтрафӣнда — 61

Ә

Әбірә — 61, 83
Әвазіга — 61
Әв(в)Әл — 61
Әгәлӡш — 89
ӘдӘгіндӘ — 65
Әліндән — 60
ӘтӘгіндӘ — 60, 65

б

бабӣ(н)да — 61
баӡӣп — 60, 84

[1] В целях экономии места указатели составлены в виде ключа. Именные послелоги даются в форме 3-го лица единственного числа. Такие фонетические разновидности служебных слов, как например *аркасӣнда* при наличии *аркасӣнда* или *адтӣна* при наличии *астӣна* и т. д., в большинстве случаев опущены.

бажїна — 65
бажїнда — 65, 66
бака — 56, 60, 84
бакā(н) — 84
ба(н) — 80
барäдä — 61
баслап — 90
башҙа — 60, 78
башда — 65
башїна — 60, 65, 66
башїнда — 60. 65, 66
башка — 78
башлап — 89, 90
баштап — 61, 89
башха — 78
бäбатда — 61
бäбатїнда — 61
бäрада — 52, 61
бäрадїнда — 61
бäрїнда — 65
бäрлӳ — 65, 78
бäрі — 55, 78, 79
бәҙлäк — 78
бәнән — 80
бәрбәтӗн — 79
бәрі — 55, 79
бәрічі(н) — 86
бәрлі — 78
бәрӳ — 59, 78
бәтіндә — 66
бәтіндән — 66
бәтӗнә — 66
бәтӗн(н)ән — 60, 66
бәткә — 60, 66
бәҙр — 78
бәҙрі — 78
бїстарїнан — 66
бїһїнан — 66
бӗнан — 80
білä(н) — 52, 56, 57, 69, 80, 81
бінаäн — 61
бірлä(н) — 57, 69, 80, 81
бірлӗ — 78
бойдон — 66
бойї(нда) — 59, 66
бойї(нча) — 66
бойлап — 55, 57, 83
бойу(нда) — 60, 66
бойу(нча) — 66
бола — 84
болҙаш — 84
болїп — 84
бэшіга — 65, 66
бэшіда — 65
бӧлäк — 79
буjан(а) — 53, 78, 79
буjӗ(на) — 66
буjлап — 57, 83
буjлата — 83
буjлатӗп — 83
була — 84
булан — 51, 80
бурна — 79
бурун — 52, 53, 56, 79
бӳзігä — 69
бӳзіdä — 69
бӳрӳdә — 66
бӳрӳзӳndә — 66
бӳтäн — 79

в

ҙабаҙ — 53, 55, 60, 61, 66
ҙабаҙїнда — 60, 66
ҙабаҙїндан — 66
ҙajрadїнда — 83
ҙajрї — 50, 60, 61
ҙapдалїнда — 66
ҙapдалїндан — 66
ҙарамаддан — 85
ҙаранда — 85
ҙаршї — 55
ҙаршїdїна — 55
ҙаршїdїнда — 55
ҙаршїdїндан — 55
ҙäшїна — 69
ҙädäр — 71
ҙолаj(їнда) — 66
ҙолундан — 60

г

гäрӳ — 66
гӗрідäн — 66
гібі — 70, 71
гірӗ — 86
гӧрä — 61, 86
гӧрӑ — 60, 86

д

дак — 57
далїнда — 66
далїндан — 66
далїсїнда — 66
даманасїда — 61
дан — 57, 58
дашїнда — 75
даһілімдӗ — 61
дäшҙїн — 75
дäк — 87, 88
дäкін — 58
дäклӳ — 88
дäн — 87
дäп — 83
дәг — 56, 88
дәгін — 58, 87, 88
дәгінч — 87
дәгрі — 87, 88
дәгрӳ — 87
дәгӳнчä — 87
дәjім — 87
дәjін — 87, 88
дәjні — 83
дәjрä — 87
дәк — 87, 88
дәһ — 88
дәнлі — 75, 88
дәцәч — 87
дәпәдїндә — 75
дәр — 88
дәрä — 87
дәрдіндән — 60
дәрі — 87, 88
дәрічі(н) — 86, 87, 88
дәһні — 83
дәҙр — 87
дәҙрі — 88
дәҙш — 55, 83
дїшарїсїнда — 75
дїшїнда — 75
діәрі — 87, 88
дijін — 83
дін — 87
доҕру(да) — 88
доҕрудїнда — 88
долajї — 61, 90
долajїнда — 66
долҙандїр — 83
дӧра — 88
дӧру — 88
дӧгәрәгӗндә — 75
дӧн — 88
дуҙajї(нда) — 66
дужунда — 75
дӳшуна — 75
дӳjбӳндә — 75

д'

д'анїнаң — 68, 79
д'анїнда — 79
д'āр — 85
д'ārї — 73
д'әтірә — 51, 58, 85
д'ӳk — 76

ж

жаҙалап — 57
жаҙӗнда — 68
жajӗнан — 69
жajӗнда — 69
жакӗн — 77
жанӗна — 68
жӧнӗнән — 69
жӧнӗндә — 69
жӳвӗk — 76
жӳзӗндә — 69

з

зaj — 57
заjа — 81
зā — 72
зәрән — 81
зїртїнда — 74

ӟ

ӟәрāрлї — 65

ї

їзїндан — 66
їдїнда — 66
їла — 60, 89
їндїмда — 67
їндїндан — 67
їндїнчә — 67
їшкаш — 72

і

ібӗрә — 55, 57, 61, 83
ілäjіндä — 67
ілä(н) — 57, 80, 81
ілгäрі — 53, 67
ілгірі — 53, 67
ілкіdін — 67
іndӗрә — 83
іннігәр — 67
ірäлі — 67
ісрä — 90
ісрäсіндä — 90
ітібарән — 61
іһігәр — 67
іһін — 92
іһінән — 60
іцін — 92
ічäрісіндä — 68
ічігä — 52, 67
ічіdä — 52, 56, 60, 67
ічін — 57, 91, 92
ічінä — 67
ічігнä — 52
ічіndä — 57, 59, 67
ічкарісі(н)да — 68
ічкарісі(н)дан — 68
ічрä — 76, 83
іштінә — 67
іштінәң — 67
і'штіndә — 67
і'штіndән — 67
і'штінчә — 67

ӆ

ӆалӗk — 67
ӆргändä — 67
ӆргäһӗнän — 67
ӆргәсіndә — 67
ӆстӗнәң — 67
ӆстӗndә — 52, 57, 67
ӆӱӗnä — 67
ӆӱіndä — 67

j

jавукча — 76
jаҙäн — 77
jаҙӗна — 51, 68
jаҙӗнан — 68
jаҙӗнда — 68
jаҙӗндан — 68
jаҙру — 85
jакаdїна — 68
jакаdїнда — 68
jакӗн — 77
jакӗн — 77
jанаша — 81
jанӗна — 68
jанӗнда — 56, 68, 79
jанӗндан — 68
jанӗп(н)ан — 68
jаңгіҙ — 68, 69
jараша — 85
jарї — 73
jару — 73
jāлак(і) — 69
jālї — 69
jānak — 69
jānї — 69
jәннә — 68
jәңdәdіndә — 60, 69
jәрінә — 69
jәрлі — 65, 69
jімік — 55, 56, 70, 71
jэніга — 68
jэніda — 52
jөзӗн(н)äн — 69
juвуҙуна — 76
juвук — 76
jузасідан — 69
jӳdәn — 69
jӳzіdä — 69
jӳzӳndә — 69
jӳzӳndәn — 69
jӳdләріndәn — 69

ӆ

ӆаҙӗнан — 68
ӆад — 58
ӆajӗndа — 69
ӆанӗndан — 68
ӆапӗлӗ — 65
ӆараша — 85
ӆäхтлі — 65
ӆәтә — 57, 85
ӆïһamïdïn — 61
ӆönӱndö — 69
ӆönӱnön — 69
ӆувук — 76

k

kадар — 55, 71
kадїnda — 69
kадїnза — 69
kajра — 83
kajрї — 60, 61
кала — 90
karaj — 60, 79, 85
karaҕан — 85
karaҕанда — 85
карамај — 85
карамајлі — 65, 85
карамастан — 85
карамлї — 65
карап — 51, 60, 85
карата — 79, 85
карсїсїн(н)ан — 86
каршї(н) — 86
каршїсїна — 86
каршїсїнда — 55, 86
каршісіда — 86
каршісіdан — 55, 86
каршу — 86
каршчї — 86
касїна — 69
касїнда — 60, 69
касїн(н)ан — 69
ката — 83
катїҙа — 69
катїdїn — 69
катїn — 69
катїna — 69
катїndа — 52, 69
катїп — 83
катїш — 69
кашїҙа — 52, 57, 69
кашїnda — 69
кәтіda — 69
кәшіdін — 70
кїdїнчә — 70
кїjїna — 70
кїjїnda — 70
кїлїklї — 65
кїрїjїna — 70
кїрїjїnda — 70
кїрїnda — 70
кїрїndan — 70
кїрїnчә — 70
кїтїтїҙар — 70
кїрїna — 70
kojїnїnda — 70
кэшіda — 69
kуdї — 80
куду — 80
курdӱ — 70
кӱрлї(м) — 70

к

кабі — 71
кäбі(н) — 71
кäстіndін — 70
кәбі(н) — 70, 71
кәгін — 70
кәdін — 70
кәжілdір — 83
кәжір(ә) — 83
кәjін — 52, 53, 55, 70
кәлә — 90
кәлін — 70
кәннітән — 70
кәнсісіndä — 50
кәптӱ — 70, 71
кәрәгіndә — 71
кәрәndә — 71
кәсә — 55, 83
кәсїn — 83
кәсрä — 70, 76, 91
кәстінәң — 70
кәстіndә — 70
кәстінча — 52
кәтіda — 70
кәтіdан — 70
кәтін — 70
кәчірә — 55, 57, 60, 61, 83
кібі(к) — 55, 70, 71
кізӗрә — 60, 61, 83
кijін — 70
кij(н)іndә — 52, 70
кijнінәң — 70
кіліш — 56
кімі — 52, 55, 70, 71
кімӗн — 71
кін — 70
кірә — 61, 86
кічӗрә — 83
кӗрә — 61
кӗвӗ(к) — 52, 70, 71
кӗjік — 71
көздөj — 60, 83
көздөn — 60, 83
көзӗнә — 71
көкрәгінә — 71
көрä — 60, 86
көрі — 86
көстөn — 83
кӱрä — 60
кӱра — 55, 86
кӱбік — 70
кӱбӱк — 70, 71
кӱк — 71

л

ла — 56, 57, 80
лä — 57

м

ман — 80
маталлї — 65
мәнән — 56, 80
мәңгәш — 71
мінан — 57, 80
мінаң — 57, 80
мінәдӗбәтмілә — 61
музапік — 61
мукабїласїда — 61
мукäddäм — 61
муланн — 80
мурда — 79
мурында — 53, 79
мурун — 79
мӱнасәбәтмілә — 61
мӱнасібätлä — 61

н

назаран — 61
нарї(ҕа) — 57, 79
нару — 79
нісбатан — 61

о

озал — 61
оҕруна — 72
оҕрунда — 71, 72

оҕрунта — 72
одожӧнаӈ — 72
одожӧнда — 72
оза — 90
озарінда — 53, 73
озарінӈа — 73
озо — 90
окшап — 86
оннубар — 52
оннуҕар — 52
ордӧна — 52, 72
ордӧнӈа — 72
орнӧҕа — 72
орнӧна — 72
орнуна — 72
орнунӈа — 72
ортазӧнда — 72
орталарӧнда — 72
ортасӧна — 72
ортасӧнда — 50, 72
ортозӧна — 51, 72
ортотунан — 72
ортузунда — 59, 72
осжас — 72
охшаш — 72
очаҕӧнда — 53
ош — 72
ошкаш — 72
ошкош — 72

ɔ

ɔлдіда — 63
ɔлдідан — 63
ɔлдін — 53, 63
ɔрасіда — 64
ɔркалі — 64
ɔркасіда — 60, 64
ɔркасідан — 64
ɔртіга — 65
ɔртідан — 65
ɔртік — 78
ɔстіга — 65
ɔстіда — 57, 65
ɔстідан — 65

ӧ

ӧзгä — 60, 79
ӧӈӗ — 53, 72
ӧнӱнä — 51, 72
ӧнӱндä — 72
ӧнӱндäн — 72
ӧӈ — 55, 72
ӧӈӟ — 80
ӧӈгӧ — 80
ӧӈӱнӟ — 72
ӧӈӱндä — 60, 72
ӧӈӱндӟн — 72
ӧскӟ — 79
ӧскӟр — 79
ӧтӟсіндӟ — 84
ӧтӧрӟ — 56, 60, 83
ӧткӱрӟ — 55, 60, 83
ӧтрі — 84
ӧтрӱ — 84
ӧттӱр — 56, 83
ӧтӱрӟ — 84
ӧтӱрӱ — 84

ŏ

ŏсŏн — 52, 55, 91
ŏстӧнä — 76
ŏстӧндä — 76
ŏстӧн(н)äн — 76
ŏўтŏндä — 57
ŏчӧн(гä) — 91, 92

n

пажӧнаӈ — 65
пажӧнӈа — 65
пажӧнда — 66
пазӧна — 65
пазӧнаӈ — 65
пазӧнда — 59, 65
пастӧра — 83
пашка — 78
пӑжэнда — 65
пӑртін — 78
пӑр — 78
пӑрӟ — 78
пӧнаӈ — 80
пӧнан — 80
пурнада — 79
пурун — 79
пус'нӟ — 78

p

раӈмӟн — 61
рӱбару(јӧӈа) — 61
рӱбару(јӧда) — 61
рӱпара — 61

c

сабаблі — 64
саj — 81
саја — 81
сајалї — 65, 81
сајї(н) — 73, 81
сају — 81
саклї(м) — 55, 64, 77
санап — 82
санї — 72
санїнда — 72
санїндан — 72
сарї — 55, 56, 72, 73
сарїӈа — 56, 72, 73
сарїдан — 73
сарїн — 72, 73
сартїн(ӈа) — 73
сартїн(дан) — 73
сару — 55, 73
сӑра — 73
сӑрї — 58, 73
сӑбӑблї — 64
сӑвӑплік — 64
сӑбӟптї — 64
сӑкїлдї — 64
сӑкїллї — 64
сӑкїнлї — 64
сїӈара — 61, 90
сїјаktӱ — 65, 73
сїлатӑнда — 74
сїмак — 74
сїндїӈ — 74
сїртїнда — 74
сїртїндан — 74
сїфатлї — 65
сїјаклї — 73
сїјаktї — 65, 73
сїкїлдї — 74
сїкїллї — 74
сїмак — 74
сїман — 74
сїртїна — 74
сїртїнан — 74
сїрт(їнда) — 74
сіклї(м) — 77
сіктї — 77
сіӈарі — 74
сіӈär — 84
сірі — 73
соӈӑар — 74
соӈра — 53, 90
сонча — 74
соӈ — 52, 55, 74
соӈда — 74
соӈїнда — 74
соӈ(їча) — 74
соӈунча — 74
соӈ(у)ра — 53, 73, 90
сора — 90
сортун — 73
сӧна — 74
сӧнаӈ — 74
сӧнда — 74
сӧндан — 74
сӧнӱа — 74

c'

с'умра — 68
с'умран — 68

ɵ

ɵājї(н) — 81
ɵārї — 73
ɵӟбäплі — 64
ɵӟӈ — 74
ɵїртїнда — 74
ɵїртїндан — 74
ɵоӈ — 74

m

таба(k) — 51, 60, 87
таба(н) — 60, 86, 87
табаӈан — 87
табадан — 87
табатӧн — 87
тагіга — 74
тагіdан — 74
тамаӈан — 87
таман — 61, 77
тапа — 87
тапару — 87
тапуӱӧда — 74
тарап(їндан) — 55, 61
тарафїндан — 61
тарафӧн(н)ан — 61
тарафіdан — 61
тарта — 87
тартїп — 61, 87
тартїм — 77
тастїнда — 75
тастїх — 75
ташкарї — 75
ташкірі — 75
таштїна — 75
таштїнаӈ — 75
тäк — 88
täкі — 88
täклӱ — 88
täрäп(кä) — 51, 61
täрäф(індäн) — 51, 61
täрї — 87
täрїзdї — 65
тӟбӟ — 88
тӟгі(н) — 87, 88
тӟгіdä — 74
тӟгінчä — 87, 88
тӟгрä(сі)dä — 82
тӟгрä(сіdін) — 52
тӟгрӟсінӟ — 82
тӟгрӟсіндӟ — 82
тӟгрі — 88
тӟгрӱ — 87
тӟгӱнчä — 88
тӟјін — 87
тӟк — 88
тӟклі — 88
тӟӈлі(г) — 65, 75
тӟпасіга — 75
тӟпасіdа — 75
тӟр — 88
тӟрі — 88
тӟӧн — 88
тӟрӟ — 87
тӟрі — 88
тїва — 87
тїшїна — 75
тїш(їnda) — 53, 54, 55
тїшкарї — 75
тїштїнаӈ — 75
тїскарї — 75
тїш — 75
тібінӟ — 75
тікліў(м) — 88
тобіра — 84
тоҕїр — 88
тоҕра — 88
тоҕрї(сіва) — 55
тоҕрїсіда — 55, 88
тоҕрїсіdін — 55, 88
тоҕрілік — 65
тоҕру — 55
тоҕрулук — 88
тӧзїна — 75
тэмэн(га) — 51
тэмэнідан — 61
тӧбӟсїнӟ — 75
тӧзӟрӟгіндӟ — 75
тӧгӟрӟгіндӟ — 75
тӧзіндӟ — 75
тӧзӱнӟӈ — 75
тӧзӱндӟ — 75
тӧӈїрӟгіндӟ — 75
тӧӧн — 88
тӧнчӟ — 88
тӧбїнä — 75
тӧслї — 75
тӧўлӧ — 65, 75
тужїнда — 75
тура — 55, 88
турала — 88
тураларїна — 88
туралї — 65, 88
турањїнда — 55
турїнда — 88
туркунїна — 75
тутуп — 90
туфајлі — 65
тўралў — 65, 88
тўралї — 65
тўсїнда — 75
тўсїн(н)ан — 75
тўҕрідa — 88
тўҕрісіда — 55, 88
тўбінӟӈ — 75
тўбіndä — 75
тўбіndін — 75
тўбінзӟр — 75
тўбўн — 75
тўбўнӟ — 75
тўбўнӟӈ — 75
тўбўндӟ — 51, 75
тўбўндӟн — 75
тўвідä — 75
тўжўрӟ — 90
тўјäй — 84
тўјїрӟ — 90
тўўлі — 75
тўпäјлі — 65
тўрсўлў — 65

m'

m'ārї — 73
m'ӟрінӟ — 69

y

уҕруна — 72
уҕрунда — 71, 72
удур(а) — 56, 58, 89
у'жун — 92
ужурунда — 75
ужурундан — 75
узаҕїнда — 75
улам — 80
ур(ї)нїна — 52, 72
уртасїнда — 72
уртасїннан — 72
уртанїна — 72
устіга — 76
устіда — 57, 76
устідан — 59, 76
утру — 89
ут(у)ну(сї)ҕа — 50, 52, 55, 56, 58, 89
ут(у)русуна — 89
учун — 57, 92
ушаш — 72

ў

ўшїн — 91, 92

ӱ

ӱзä — 90
ӱзälä — 91
ӱзärі — 76
ӱзärінä — 76, 91
ӱзärіndä — 76
ӱз(ӟ)рä — 76, 91
ӱз(ӟ)рӟ — 52, 91
ӱзӟрінӟ — 76, 91
ӱзӟріndӟ — 76, 91
ӱзӱнdäн — 69
ӱї̆ӱndäн — 92
ӱскінгä — 76
ӱскінтä — 76
ӱснӱ — 76
ӱсті(н)гä — 76
ӱсті(н)dä — 76
ӱстӱн — 76, 91
ӱстӱна — 76
ӱстӱнӟӈ — 76
ӱстӱndä — 76
ӱстӱndäн — 76
ӱстӱnї̆ӟ — 76
ӱсӱнӟ — 76
ӱсӱndӟ — 76
ӱсӱndӟн — 76
ӱtä — 60, 83
ӱчӱн — 52, 90, 91, 92
ӱчїн — 91

ӱ̆

ӱшї̆н — 57, 91, 92

x

хажї̆зїнда — 76
хажї̆зїнчӟ — 76
хазїнда — 70
хазїнзар — 70
хакда — 61
хакїнда — 61
халілі — 65
хӓтлї(м) — 55, 77
хїдматїҕа — 75
хїза — 89
хїзматїда — 61, 74, 75
хїјїстїра — 89
хїрінаӈ — 70
хїрінда — 70
хїрінзар — 70
хоза — 89
хӧстїра — 89
худа — 83
хусусіда — 61

h

haҕда — 61
haввїнда — 61
hajї̆н — 81
hakda — 61
hakіda — 61
hakkїнда — 61
häkkіdä — 61
häktmä — 61
hї̆мak — 74
hї̆нлї̆ — 74
hузуріга — 61
hузуріда — 61
hузурідан — 61
hуӈ — 56

ч

ча — 57, 77
чаҕ — 58, 77
чаҕїн — 77
чаҕїнда — 53
чаҕлї(ҕ) — 57, 77
чак — 77
чакї — 77
чаклї(ҕ) — 64, 77
чалап — 84
чамасі — 76
чанда — 68
чанїнда — 68
чанїндан — 60, 68
чанїнчӟ — 68
чӑлї — 77
чӟ — 77
чӟврэсіндӟ — 50, 82
чӟдір — 56, 58, 85
чӟјін — 89
чӟллі — 78
чӟмӟлӟрі — 76
чӟн — 77
чӟнлі — 58, 77, 88
чӟттірӟ — 85
чїҕара — 90
чїлајїн — 84
чїлап — 84
чїн — 57
чїтї̆рӟ — 58, 85
чї̆лі — 84
чоҕар — 69
чэвлі — 57, 77
чӧҕунда — 76
чӧҕундан — 76
чӧҕунчӟ — 76
чӧк — 76

ш

шајӯ — 77
шакті̆ — 64
шамалӯ — 76
шамасӯ — 76
шӑ — 77
шӑкті̆ — 77
шӑјї̆н — 89
шӑјлӑк — 78
шӑкӑллі — 64
шӑкілдӯ̄ — 64
шӑкіллі — 64
шӑллӯ — 78
шӑнӑп — 89
шӑні(нчӑ) — 78
шіҕара — 90
шілај — 84
шілтӑнда — 74
шілтӯнда — 74
шікӯллӯ — 64

2. Частицы

а

а₁ — 95, 105
а₂ — 98, 106
а₃ — 106
ав — 98, 99
аj — 106
аја — 107
ана — 102, 103
аңӯаҕ — 102
аңӯах — 102
ач — 105

ӑ

ӑн — 99

ӓ

ӓлӯ — 105
ӓнӓ — 103

ӗ

ӗвӓт — 100
ӗвӗс — 107
ӗлӗ — 99
ӗмӓт — 100
ӗрӗ — 93, 97, 98, 102
ӗргі — 108
ӗргін — 108
ӗрінч — 93, 94, 108
ӗ(р)кӓн — 93, 94, 96, 107
ӗркі — 108
ӗркін — 108
ӗ(р)мӓс — 107
ӗ(р)міш — 93, 94, 96, 107
ӗсӓ — 94
ӗх — 100

б

ба — 107
балі — 97
бӓлі — 97
бӓс — 107
бӗ₁ — 101
бӗ₂ — 107
бӗкӗн (бӗ-кӗн) — 107
бі — 107
білӗ — 101
бірӯӓ — 102, 106
бім — 97, 99, 100
бо — 110

в

вӓн — 97
вӓт — 97

ҕ

ҕа — 106
ҕана — 102
ҕӧна — 95, 98, 102
ҕо — 99
ҕоj — 97, 99, 106
ҕу — 99, 101

д

да — 94, 97, 104
дабаһа — 101
даҕӧ — 94, 104, 105
дака — 97
дакӧ — 97, 105
дан — 106
даһа — 104, 105, 106
дахӧ — 104, 105
дӑ₁ — 104, 106
дӑ₂ — 107
дӓ — 103, 104
дӓгӱл — 107
дӗ₁ — 103
дӗ₂ — 104, 105
дӗ₃ — 106
дӗјіл — 95, 107
дӧ — 108
дӧр — 94, 108, 109
ді₁ — 108
ді₂ — 106
діӧн — 93
діңӗ — 102
дӯ — 99
ду₁ — 103
ду₂ — 106
ду₃ — 107
ду₄ — 108
дуо — 98, 107
дур — 94, 108, 109, 110

ж

жӗ — 97

з

з — 97
зӓ — 101
зӗ — 97
зӯнӗ — 106

ӧ

ӧj — 106
ӧк — 108
ӧл — 110

і

ійік — 108
ійін — 108
ікӓн — 94, 96, 107
імій — 94, 96, 107
інӓ — 102, 103
іргі — 108
іргін — 108
ісӓ — 94, 101
іс′ — 99
іч — 99
іш — 103
іштӗ — 103

ӥ

ӥк — 108

ј

ја — 99
јав — 98, 99
јалнїз — 102
јалңӥ̄ӧ — 102
јаһу — 101
јӗмӓ (јӗ-мӓ?) — 101
јӗмӓт — 100
јӗмӱ (јӗ-мӱ) — 101
ју — 100

ӯ

ӯаланда — 102

k

ka — 106
kana — 102
kані — 95, 106
kї — 106
kїја — 102
kїна — 98, 102
kӯj — 99
ko — 106
koj — 97, 99, 106
ky — 99
kyj — 98, 99
kypy — 102

к

каш — 97
кӓ — 107
кӓнӗ — 106
кі — 105
кэшкі — 97
ку — 99, 100

л

л — 110
ла₁ — 94, 100, 104
ла₂ — 99, 100

м

м — 107
ма₁ — 101
ма₂ — 102, 106
ма₃ — 107
магар — 97
маjна — 102
мана — 102, 103
мар — 110
мат — 100
ма(һ) — 106
мӓгӑр — 97
мӗ — 107
мӓні (мӗ-ні) — 107
мї — 95, 107, 110
мїна — 102
мїш — 107
мікӓ (мі-кӓ) — 107
мікӓн (мі-кӓн) — 107
мікін (мі-кін) — 107
му — 107, 110
муш — 107

н

на — 99
нан — 106
нӗ — 107
ні — 107

о

ок — 95, 97, 98, 100, 101
окуна — 101
ол — 110
от — 97
ох — 98, 100
ош — 103

ӧ

ӧн — 99

п

па — 107

с

с — 103
сам — 106
сана — 106
сӓ — 101
сїна — 106
сїңар — 102
сӯ — 95, 106
сона — 103

т

та — 97
табаһа — 101
таҕӯ — 104, 106
така — 97, 105
такї — 97, 104, 105
там — 102
тан — 106
тап — 101
та — 104, 105
тӑ — 104
тӓгӱл — 107
тӓк — 102
тӓкӯӓ — 102
тӗ — 103
тӗзӗ — 93, 101
тӗк — 102
тїр — 94, 108, 109
ті — 103
тіӯзӗң — 93, 101
ту — 103
тур — 94, 108, 109
тӱзӯл — 107
тӱјӱл — 107
тӱл — 107
тӱгӯл — 107

у

ук — 98, 100
уш — 103

ф

факат — 102

х

ха — 106
хај — 106
халӗ — 105
хӗлӗ — 106
худӧді — 102

һ

һа — 106
һај — 106
һајӧді — 106
һам — 94, 105
һана — 106
һатта — 101
һӓм — 105
һо — 104
һу — 104

ч

ча — 107
чӯ — 95, 101, 106
чӱрт(да) — 102
чілӓ — 101
чу — 101, 106
чӱлӓ — 101
ччӗ — 106

ш

ш — 103
шӗ — 107
шїна — 103
шӯ — 95, 106

3. Союзы

а

абам — 112, 119
  абам бірӱк — 112
абаң — 115, 119
агар — 112, 120
азӯ — 117
азу — 117
  азу. . ., *азу* — 117
алӗ — 113
амма — 112, 118, 119
анӥң:
  анӥң ӱчӱн кі(м) — 113, 121
  анӥң ӱчӱн кӗ — 113
ані₁ — 112
ані₂ — 113
ап:
  ап. . ., *ап* — 118
  ап јӗма. . ., *ап ӥјӗма* — 118
ара:
  ара. . ., *ара* — 117
  ара. . ., *арала* — 117
ату — 113

ӓ

ӓ — 113
ӓгӑр — 112, 113, 121, 122
ӓгӑрчӓ — 113, 122
ӓгӑрчӓнд — 113

ӗ

ӗгӑр — 112, 121
ӗмӗзӗ — 118
ӗсӓ — 118
ӗ(р)сӗ — 118

б

бавуӯуд:
  бавуӯуд кім — 113
база — 114, 117
баса — 117
башарті — 113, 120
білӓ(н) — 117
білӗ(н) — 117
бір:
  бір. . ., *бір* — 117
бір-ӧк см. *бірӱк.*
бірӧӗ:
  бірӧӗ. . ., *бірӧӗ* — 117
бірӱк — 120
  бірӱк кају — 112
  бірӱк кім калтї — 112
болҕаш — 114, 117
болса — 118
бӑрӧі-јӯ — 120
будур:
  будур кі — 121
булан — 117

в

ва — 112, 118
  ва ја — 112
  ва ја кі — 112
  ва лӗкін — 112, 118, 119
  ва јахуд — 112
  ва һам — 112
валӗ — 112, 118
вӗлі(н) — 112
ву — 118

ҕ

ҕачан:
  ҕачан кі(м) — 113
ҕоj:
  ҕоj. . ., *ҕоj* — 117

г

гаһ:
  гаһ. . ., *гаһ(і)* — 112, 119
гар — 120
гарчанд — 120
гарчі — 120
гӓр — 113, 121
гӓрсӓ — 112
гӓрчӓ — 113, 122
гӓрчӓнд — 113
  гӓрчӓнд кім — 122

д

да — 113, 116
дакї — 116
дӗзӗ — 118
дӗјӓ — 121
дӗп — 121
дӗ̄рзі — 114
дӗ̄ш — 114, 121
дійӗ — 121

ə′

ə′ə — 118

з

зато — 113
зəра — 122
зəрə(кі) — 122

і

і — 113
ілä(н) — 117
істäр:
істäр. . ., істäр — 112

ј

ја — 112
ја. . ., ја — 119
ја(кі) — 112
јана — 116
јахуд — 112
јахуд. . ., јахуд — 119
јəмä — 117
јəмä. . ., јəмä — 117
ју — 118

ў

ўана — 116

k

калї — 115, 120
калтї — 112, 115, 120
калтї бірўк кім кају — 112
качан — 111, 112, 113, 120
качан бірўк — 112

к

кə — 114, 115
кі(м) — 112, 113, 114, 115, 120
кім кају — 112
кім бірўк — 112

л

ла — 117
лакін — 112
лəк — 112, 118
лəкін — 112, 118

м

ма — 118
мабəдə — 120
мадам:
мадам кі — 112
мəн — 117
мəнäн — 117
му — 121

н

на:
на. . ., на — 112
нä:
нä. . ., нä — 119
нäдäн:
нäдäн кім — 113
нə:
нə (ў)чўн кі(м) — 113
нə. . ., нə — 119
нə ўчўн дəсəң — 121
нəгакі(м) — 121
нəгä:
нəгä кə — 113
нəк:
нəк дəсəң — 121
нəнің:
нəнің учун дəзə — 121
нəчік:
нəчік кім — 113
нəчўнкі(м) — 113, 121
ні:
ні. . ., ні — 119
но — 113

о

ол:
ол замандан кім — 113
она:
она гörä кі — 121
онун:
онун ўчўн — 121
онун ўчўндўр кі — 121
паза — 117
пäкät — 112
пукі — 113
пулін-дə — 121

с

сəбəбї — 122

т

такї — 116
та(кə):
та кə — 113
та(кі):
та кі(м) — 113, 122
тəзə(ң) — 112, 118
тін — 114
тїзə(ң) — 112, 118
то — 113
тэ — 122

у

у — 112, 118

ф

факат — 112
фäғät — 112

х

хаўан — 112
хатаја — 113
хачан — 112
хот′ — 113
хотја — 113
хоһ: хоһ . . ., хоһ(і) — 112, 119

һ

һам — 112, 119
һäм — 112, 118, 119
һäргаһ — 112
һäр:
һäр ғачан кі — 113
һärнəчä — 113, 122
һärчанд — 112
һəм — 112, 119

ч

чə — 118
чу — 122
чун — 122
чункі — 112, 122
чўгə:
чўгə дəргə — 114
чўгə дізə — 114
чўнкə — 113
чўнкі — 112
чўнкў — 112, 122

ш

шак — 113
шол:
шол заманда кім — 113
шол сäбäбдän кім — 113
шуға:
шуға кўрä — 121
шунің:
шунің əсəн — 121

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Сокращения 6
Введение 8
Наречие 10
Именные наречия 13
Простые именные наречия 14
Сложные именные наречия 29
Глагольные наречия 33
Простые глагольные наречия 33
Сложные глагольные наречия 35
Сложные наречия, состоящие из простых наречий 36
Сложные наречия — сочетания имен с послелогами 37
Сложные наречия — устойчивые лексические сочетания 37
Наречия, грамматическая природа которых не ясна 38
Модальные слова 43
Простые модальные слова 46
Устойчивые модальные словосочетания 47
К вопросу о так называемых предикативах 47
Служебные части речи 50
Послелоги 51
Именные послелоги 62
Глагольные послелоги 80
Послелоги *ўзä, ўзрä, ўзälä* и *ўчўн* 90
Частицы 93
I. Экспрессивно-выделительные частицы 98
Собственно экспрессивно-выделительные частицы 98
Экспрессивно-выделительные частицы-союзы 104
II. Модальные частицы 105
Собственно модальные частицы 105
Модальные частицы-союзы 110
Союзы 111
Сочинительные союзы 116
Подчинительные союзы 119
Изобразительные слова 123
Именной указатель 140
Указатель коллективных монографий и словарей 142
Указатели служебных слов 143
I. Послелоги 143
II. Частицы 148
III. Союзы 149

Александр Михайлович Щ е р б а к

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(НАРЕЧИЕ, СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА)

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. П. Сытов*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректор *Н. И. Журавлева*

ИБ № 21493

Сдано в набор 28.10.87. Подписано к печати 9.11.87. М-33162. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13.30. Усл. кр.-от. 13.56. Уч.-изд. л. 16.2. Тираж 1650. Тип. зак. № 928. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Türkiye Diyanet Vakfı
İslâm Araştırmaları Merkezi